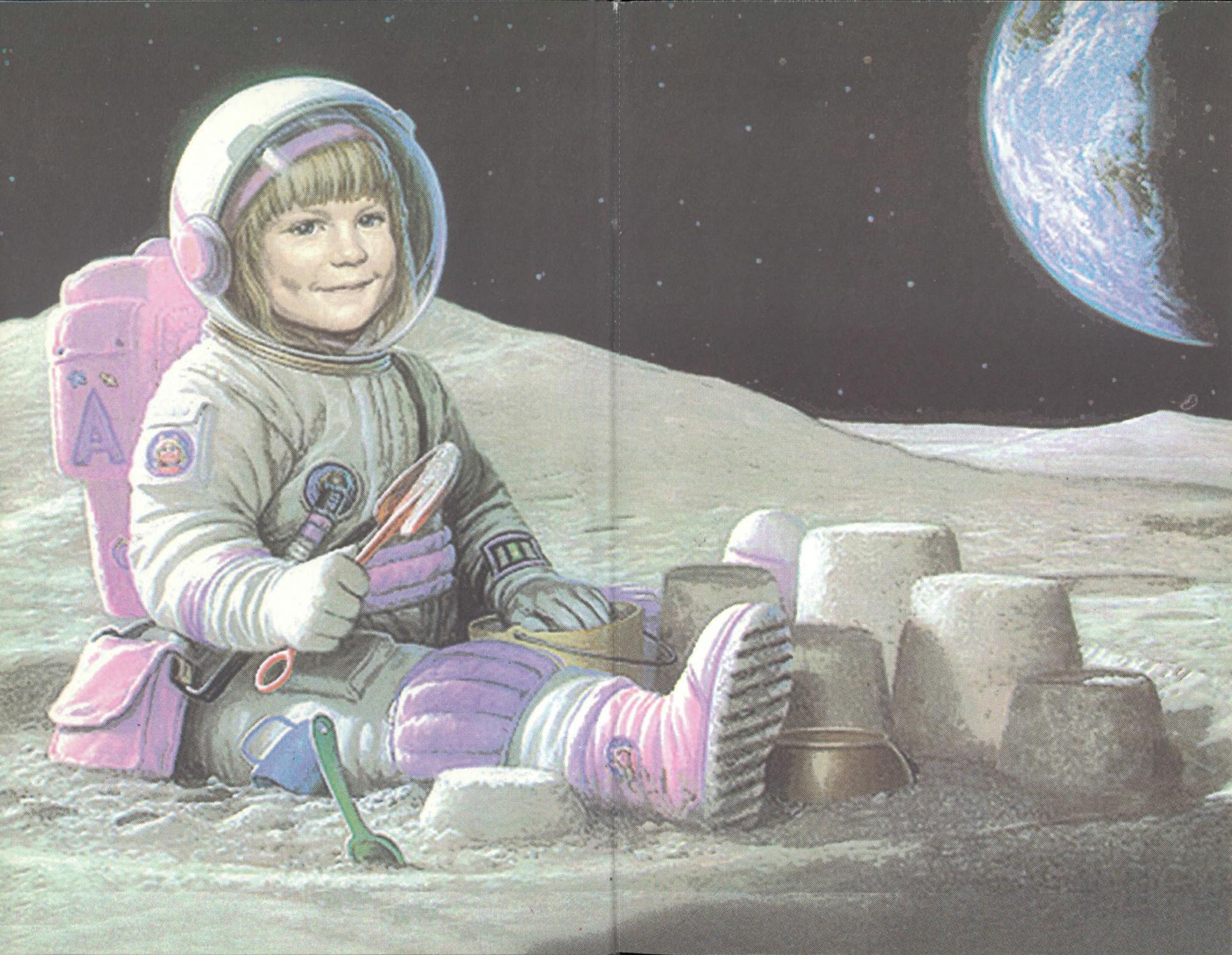

МИРЫ УИЛЬЯМА ТЕННА

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ
АСПЕКТ

МИРЫ УИЛЬЯМА ТЕННА

УИЛЬЯМ ТЕНН

WORLDS OF WILLIAM TENN

**OF ALL POSSIBLE
WORLDS**

**THE HUMAN
ANGLE**

**THE WOODEN
STAR**

«POLARIS» PUBLISHERS
1997

МИРЫ УИЛЬЯМА ТЕННА

**ИЗ ВСЕХ ВОЗМОЖНЫХ
МИРОВ...**

**ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ
АСПЕКТ**

**ДЕРЕВЯННАЯ
ЗВЕЗДА**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1997

*Издание подготовлено
при участии АО «Титул»*

**Мирры Уильяма Тенна: Том 1. / Пер. с англ. —
Полярис, 1997. — 383 с.**

В двухтомное собрание сочинений одного из самых известных фантастов-юмористов Америки, соперника Роберта Шекли, первооткрывателя таланта автора «Рэмбо» Уильяма Тенна вошли лучшие рассказы из его многочисленных авторских сборников, в том числе многие, никогда прежде не публиковавшиеся на русском языке.

Произведения, включенные в данное издание, охраняются законом об авторском праве. Перепечатка отдельных рассказов и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя и переводчика. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издателя.

Иллюстрация на обложку и форзац печатается с разрешения художника Michael Whelan и его агентов Glassonion Ltd. (США) и Александра Корженевского (Россия)

ISBN 5-88132-302-1

Cover Art
Copyright © 1997 by Michael Whelan
© Издательство «Полярис», оформление,
составление, название серии, 1997

УИЛЬЯМ ТЕНН – О СЕБЕ И ДРУГИХ

Тенн Уильям — псевдоним американского писателя и ученого Филипа Клааса (род. 8.11.1919). В научную фантастику вошел в 1946 году рассказом «Александр-наживка» и вскоре стал одним из немногих по-настоящему смешных юмористов в НФ, более серьезным, чем Фредерик Браун, и менее самовлюбленным, чем Роберт Шекли. С начала 50-х постоянно публиковался в журнале «Galaxy». Его рассказы составили шесть авторских сборников; кроме них он создал роман «О людях и чудовищах» и повесть «Лампа для Медузы». С 1968-го почти полностью отошел от литературы, посвятив себя преподавательской деятельности.

По материалам «Энциклопедии научной фантастики»
Дж.Клюта и П.Николса

Рассказывает Уильям Тенн:

Мой брат говорит обо мне: «У него нет ни степени доктора, ни степени магистра, ни степени бакалавра. Зато у него есть диплом об окончании средней школы и документ о безупречном прохождении военной службы». Он не прав. Я так и не кончил средней школы. Мне не дали диплома, потому что я прогуливал каждый урок физкультуры. Но в колледж меня все же приняли, и я целый год учился на инженера-химика, прежде чем понял, что это не для меня. Но мой отец хотел, чтобы я стал инженером, а я был послушным сыном. У нас в семье была традиция: сына учили на раввина, когда он хотел быть жестянщиком, и своему сыну он в отместку прочил карьеру инженера, когда тот хотел быть раввином. Так и шло: раввины-неудачники, жестянщики-неудачники, раввины-неудачники. К счастью, у меня сына нет!

В колледже я стал убежденным марксистом. Это тянулось до самого университета. Там я посещал самые разные курсы. Я потом много раз жалел, что не получил диплома хоть по какой-нибудь специальности, хотя вынесенная мной из института широкая эрудиция не раз меня выручала. Это идеальное образование для писателя, но для человека — сущий ад. Чтобы жить в обществе, надо в него вписываться, а всякий, кто утверждает иначе — просто садист. К тому времени я уже прочел уйму фантастических рассказов и начал писать свои. Один, помню, начинался так: «Пятнадцать минут назад я помер»...

...К тому времени когда я окончил службу в армии, во мне развилось глубокое презрение к коммерческой литературе. Фэрнсуорту Райту, редактору «Weird Tales», понравились некоторые из рассказов, которые я ему посыпал, и он попросил меня встретиться с ним.

Это был человек, почти разбитый параличом, он говорил со мной полдня, расспрашивал, кто я и откуда, но дал только один совет: «Я не могу сказать вам, как надо писать; продолжайте, и вас опубликуют». И все. И еще он сказал: «Никому не позволяйте остановить вас».

С августа 1945-го до того момента, когда я продал свой первый рассказ (а было это не то в ноябре, не то в декабре), я написал два десятка рассказов. Я прикинул, что если не стану тратить слишком много времени на еду и умывание, то успею высаться и у меня останется час на то, чтобы посидеть за машинкой. В те дни я писал больше, чем когда бы то ни было — любовные истории, детективы, вестерны, обзоры и фантастику. Я хотел продать хоть что-нибудь. Каждый рассказ я подписывал новым псевдонимом, и тот, который наконец принял, был подписан «Уильям Тенн»...

А в 1966-м мне предложили место преподавателя в Пенсильванском университете. Мне, честно говоря, больше всего хотелось уехать из Нью-Йорка и избавиться от ощущения, что я обязан писать. К моему изумлению, мне понравилось преподавать. А студентам понравился я. Так и получилось, что университет счел меня подарком судьбы — что меня просто потрясло — и предложил должность профессора...

Я никогда не хотел стать ученым — и всегда принимал за данность, что буду писателем. Разумеется, я буду заниматься чем-то еще, но как можно жить, если ты не можешь писать? В молодости я решил для себя, что, прежде чем умереть, напишу что-нибудь сравнимое по масштабу с «Волшебной горой» Томаса Манна. Ничего сравнимого я так и не написал, но в этой книге меня завораживало то же, что и в научной фантастике: попытка дать ответы на глобальные вопросы человеческих судеб.

Во всей научной фантастике есть только одна наука — история. Даже если мы пишем о физике, мы пишем или об истории физики, или о ее будущем, то есть экстраполяции истории. Невозможно стать фантастом, не изучив глубоко историю, потому что история — это наука о человечестве...

Я начал жизнь марксистом, а завершаю ее верующим...

Я постоянно сталкиваюсь с людьми, которым нравится мое творчество, и это радует меня: это те люди, для которых я пишу. Недавно на конвенции молодая женщина заметила, что ей нравятся мои книги и книги Олафа Стэплдона — в одной фразе. Я едва не расцеловал ее. Это большой комплимент, когда тебя любят почитатели Стэплдона... И если я писал для таких людей — черт, оно того стоило.

Через двадцать восемь лет Уильям Тенн вернулся в научную фантастику. В будущем году должны выйти в свет две его новые книги.

По материалам журнала «Локус»

**ИЗ ВСЕХ
ВОЗМОЖНЫХ
МИРОВ**

РАЗГНЕВАННЫЕ МЕРТВЕЦЫ

Я стоял перед воротами Свалки и ощущал, как мой желудок медленно сводят болезненные спазмы — такие же, как в тот день, когда на моих глазах всю эскадру землян — с экипажами почти в двадцать тысяч человек — разнесло на кусочки во время Второй битвы за Сатурн более одиннадцати лет назад. Но тогда я видел на экране обломки кораблей и мысленно слышал вопли погибающих; тогда вид похожих на коробки эотийских звездолетов, рыскающих среди дрейфующих в пустоте жутких ошметков, заставил меня покрыться ледяным потом, который обволок лицо и шею.

Сейчас же я видел лишь большое, ничем не примечательное здание, очень похожее на сотни других предприятий в промышленных пригородах Старого Чикаго, очередную фабрику, окруженную забором с запертymi воротами и обширными испытательными площадками — Свалку. И все же пот на коже был еще холоднее, а спазмы в желудке резче, чем во время любой из тех бесчисленных и жестоких битв, породивших это место.

А все это очень даже понятно, сказал я себе. То, что я испытываю, есть ведьма-прапрабабушка всех страхов, самое глубинное отрицание, на которое только способна моя плоть. Понятно-то оно понятно, да только от этого понимания не легче. Я никак не мог себя заставить подойти к охраннику у ворот.

Down Among the Dead Men
Copyright © 1954 by Philip Klaas
Разгневанные мертвцы
© Издательство «Полярис», перевод, 1997

Я уже почти взял себя в руки, но тут заметил возле ограды огромный квадратный и слегка пованивающий ящик с бросающейся в глаза разноцветной надписью на стенке:

МУСОР — ЭТО БОГАТСТВО
БРОСАЙТЕ ВЕСЬ МУСОР СЮДА
помните.
ВСЕ ИЗНОШЕННОЕ МОЖНО ВОССТАНОВИТЬ
ВСЕ ИСКАЛЕЧЕННОЕ МОЖНО УТИЛИЗИРОВАТЬ
ВСЕ ИСПОЛЬЗОВАННОЕ МОЖНО ИСПОЛЬЗОВАТЬ
СНОВА
БРОСАЙТЕ ВЕСЬ МУСОР СЮДА

Полиция утилизации

Я видел эти квадратные, разделенные на отсеки ящики с такими же надписями в каждой казарме, каждом госпитале и рекреационном центре от Земли до пояса астероидов. Но здесь, возле Свалки, он смотрелся совсем иначе, а надпись приобретала другой смысл. Интересно, висят ли у них внутри другие плакаты, покороче? Да вы сами их видели: «Нам нужны все наши ресурсы для победы» и «МУСОР — НАШ КРУПНЕЙШИЙ ПРИРОДНЫЙ РЕСУРС». Лишь простодушный болван украсил бы подобными плакатами стены именно этого здания.

Все искаленное можно утилизировать... Я напряг правую руку, обтянутую синей тканью комбинезона. Она казалась частью моего тела и всегда будет такой казаться. А через пару лет, если я проживу так долго, тонкий белый шрам, опоясывающий локтевой сустав, станет и вовсе незаметен. Конечно. Все искаленное можно утилизировать. Все, кроме одного. Самого главного.

И мне еще меньше захотелось входить.

Тут я и заметил того парня. С Аризонской базы.

Он стоял перед будкой охранника, оцепенев, как и я. На его форменной фуражке сияла золотом новенькая буква У с точкой в центре: эмблема командира «рогатки». Вчера на инструктаже этой фуражки у него не было, и это означало лишь одно: назначение произошло только сегодня. Выглядел он очень молодым и очень испуганным.

Я запомнил его еще на инструктаже. Когда нас попросили задавать вопросы, он робко поднял руку, а когда ему дали слово, пару раз облизнул губы и наконец выпалил:

— Извините, сэр, но они... они не очень скверно пахнут?

Грянул дружный хохот, тот визгливо-лающий хохот, который издают люди, весь день пребывавшие на грани истерики и чертовски обрадованные тем, что кто-то наконец выдал нечто такое, что можно назвать смешным.

Седой офицер, проводивший инструктаж и тоже едва не улыбнувшийся, подождал, пока истерический смех стихнет, и серьезно ответил:

— Нет, ничем скверным они не пахнут. Если, конечно, регулярно моются. Совсем как вы, господа.

Мы мгновенно стихли. Даже парнишка, усевшись с пунцовым от смущения лицом, стиснул после такого напоминания челюсти. И лишь двадцать минут спустя, когда инструктаж закончился, я ощутил, как болят все еще напряженные мускулы на лице.

Совсем как вы, господа...

Я тряхнул головой и подошел к парню.

— Привет, командир, — сказал я. — Давно здесь стоишь?

— Больше часа, командир, — ответил он, выдавив улыбку. — Поймал в восемь пятнадцать транспорт с Аризонской базы. Почти все остальные парни еще отсыпались после вчерашнего. А я лег спать пораньше: хотел дать себе как можно больше времени освоиться с мыслью о том, что мне здесь предстоит. Да только, кажется, ничего из этого не вышло.

— Знаю. Есть вещи, к которым привыкнуть нельзя. Такое, к чему *вообще* нельзя привыкнуть.

Он взглянул на мою грудь:

— Полагаю, вы не первый раз командуете «рогаткой»?

Первый? Скорее двадцать первый, сынок! Но тут я вспомнил, что все говорят мне, как молодо я выгляжу для своих медалей, да и парень, черт возьми, был такой бледный от волнения...

— Нет, не первый. Но до сих пор у меня не было экипажа из покойников, так что мне это столь же в новинку, как и тебе. Слушай, командир, у меня тоже коленки дрожат. Может, пройдем через ворота вместе? Тогда худшее останется позади.

Парень энергично кивнул. Мы взялись за руки, подошли к охраннику и показали ему предписания.

— Идите все время прямо, — посоветовал он, открывая ворота. — Садитесь на любой лифт слева и поднимайтесь на пятнадцатый этаж.

Все еще держась за руки, мы приблизились к главному входу в большое здание, поднялись по длинной лестнице и вошли в дверь, над которой висела красно-черная табличка:

ЦЕНТР УТИЛИЗАЦИИ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПРОТОПЛАЗМЫ
ОТДЕЛОЧНЫЙ ЗАВОД ТРЕТЬЕГО ОКРУГА

В главном вестибюле мы увидели несколько пожилых, но сохранивших осанку мужчин и множество симпатичных девушек в форме. Я с удовольствием отметил, что почти все они беременны. Первое приятное зрелище почти за неделю.

Мы свернули налево к лифтам.

— Пятнадцатый, — сказал я девушке-лифтерше. Она нажала кнопку и стала ждать, пока кабина лифта заполнится. Кажется, она не была беременна. Интересно, в чем у нее проблема?

Взглянув на погоны других пассажиров лифта, я без труда справился с разыгравшимся было воображением. Эти погоны меня едва не доконали — круглые и красные, с черными буквами «ВСЗ» поверх белых букв «Г-4». «ВСЗ», разумеется, означало «Вооруженные Силы Земли»: эти буквы являлись общим обозначением всех тыловых частей и учреждений. Но почему не «Г-1», то есть «личный состав»? «Г-4» соответствовало Отделу Снабжения. *Снабжения!*

Вы всегда можете положиться на ВСЗ. Тысячи специалистов всевозможных званий и должностей неустанно напрягают свои образованные головы, поддерживая высокий боевой дух тех, кто находится на боевом периметре... но всякий раз, когда дело касается мелочей, старые и надежные ВСЗ обязательно выберут самое уродливое название или термин, худшее из возможных.

О, конечно, сказал я себе, нельзя двадцать пять лет вести сокрушительную и бескомпромиссную межзвездную войну и при этом сохранить каждую красивую мысль новенькой и целехонькой. Но только не «Снабжение», господа. Только не здесь — не на Свалке. Давайте попробуем сохранить хотя бы видимость приличия.

Тут кабина поехала вверх, девушка-лифтерша начала объявлять этажи, и у меня появилось множество новых тем для размышления.

— Третий этаж — прием и классификация трупов, — пропела лифтерша.

- Пятый этаж — первичная обработка органов.
- Седьмой этаж — восстановление мозга и регулировка нервной системы.
- Девятый этаж — косметика, элементарные рефлексы и управление мускулатурой.

Начиная с этого этажа я заставил себя не слушать, как это делаешь, например, находясь на борту тяжелого крейсера в тот момент, когда задний двигательный отсек разносит залп эотийского линкора. Побывав в такой ситуации несколько раз, обучаешься как бы запечатывать себе уши и мысленно убеждать себя: «Я никого не знаю в этом проклятом двигательном отсеке, совсем никого, и через пару минут все снова будет хорошо и спокойно». Так оно через пару минут и получается. Единственная проблема возникает, лишь если тебя, хочешь ты этого или нет, назначают в аварийную команду, которой приказывают проникнуть в это наполненное дымом и паром помещение, соскрести со стен кровавые ощметки и привести двигатели в порядок.

Так же и теперь. Едва я приказал себе не слышать голос лифтерши, как лифт добрался до пятнадцатого этажа («Собеседование и отправка»), и мы с парнем вышли.

Теперь он был по-настоящему зеленый. Колени заметно подгибались, а плечи поникли и подались вперед, словно у него были кривые ключицы. И я вновь испытал к нему благодарность — ничто так не поднимает дух, как необходимость о ком-то позаботиться.

— Пошли, командир, — прошептал я. — Вперед, в атаку. Взгляни на все иначе: для таких, как мы с тобой, это практически воссоединение с семьей.

Я тут же понял, что ляпнул не то — парень взглянул на меня так, словно я врезал ему по лицу.

— Не стану благодарить вас за напоминание, мистер, — сказал он. — Даже если мы в одной лодке.

И он зашагал на негнувшихся ногах в приемную.

Я был готов откусить себе язык и торопливо догнал его.

— Извини, парень, — искренне произнес я. — Брякнул, не подумав. И постараися не злиться на меня: ведь мне, черт возьми, тоже пришлось услышать собственные слова.

Он остановился, подумал немного и кивнул. Потом улыбнулся:

— Ладно. Я не злюсь. Эта война — грубая штука, верно?

— Грубая? — Я улыбнулся в ответ. — Знаешь, мне говорили, что если не станешь вести себя осторожно, то тебя даже могут убить.

В приемной сидела пухлая блондиночка с двумя обручальными кольцами на одной руке и с третьим на другой. Если я правильно помнил нынешние обычаи, это означало, что она дважды вдова и снова замужем.

Блондинка взяла наши приказы, прочла их и затараторила в микрофон:

— Внимание, отдел окончательной подготовки. Внимание, отдел окончательной подготовки. Вызываются к немедленной отправке следующие серийные номера: 70623152, 70623109, 70623166 и 70623123. А также номера 70538966, 70538923, 70538980 и 70538937. Просьба проверить соответствие серийных номеров заказанным, а также все данные выходных форм ВСЗ номер 362 на соответствие Инструкции ВСЗ номер 7896 от 15 июня 2145 года. Сообщить о готовности к собеседованию.

Да, она произвела на меня впечатление. Почти такую же процедуру можно наблюдать в отделе снабжения, если зайти туда за комплектом выхлопных дюз.

Девушка посмотрела на нас и одарила приветливой улыбкой:

— Ваши экипажи через минуту будут готовы. Не желаете ли присесть, господа?

Господа присели.

Через некоторое время она встала, чтобы достать что-то из шкафчика на стене. Когда она возвращалась к столу, я заметил, что она беременна — на третьем или четвертом месяце, — и я, естественно, удовлетворенно кивнул. Краем глаза я заметил, что парень тоже лёгонько кивнул. Мы переглянулись и усмехнулись.

— Это такая жестокая война, — сказал он.

— Откуда ты? — спросил я. — Судя по акценту, не из Третьего округа.

— Верно. Я родился в Скандинавии, в Одиннадцатом военном округе. Мой родной город Гетеборг в Швеции. Но когда я получил... назначение, то, естественно, решил больше не встречаться с родными и попросил перевести меня в Третий округ. Так что я теперь буду здесь проводить отпуска и попадать в госпитали после ранений.

Я слышал, что подобное желание возникает у многих молодых «рогаточников». Сам-то я никогда не получу возможность проверить, какими окажутся мои эмоции при встрече с родителями. Отец погиб во время самоубийственной для нас попытки отбить у врага Нептун, когда я еще учился в старших классах азам боевой подготовки, а мать была секретарем в штабе адмирала Рагуцци, когда два года спустя флагманский корабль «Фермопилы» получил прямое попадание при знаменитой обороне Ганимеда. Это было, разумеется, до принятия «Кодекса о деторождении», и женщины еще служили на административных должностях по всему боевому периметру.

С другой стороны, по меньшей мере два моих брата еще могли оказаться живы. Но я не пытался разыскать их, став командиром «рогатки», и потому решил, что мы с парнем испытываем одинаковые чувства — а чему тут удивляться?

— Вы из Швеции? — спросила блондинка. — Мой второй муж тоже был родом из Швеции. Может, вы его знали... Свен Носсен. У него было много родственников в Осло.

Парень закатил глаза, словно и в самом деле напряженно вспоминал. Якобы перебирал имена всех шведов, живших в Осло. Через некоторое время он покачал головой:

— Нет, не помню такого. Но я редко выезжал из Гетеборга до призыва.

Она сочувственно вздохнула, жалея провинциального парня. Типичная блондинка с кукольным лицом из классического анекдота. Дура дурой. И все же... сколько сейчас на внутренних планетах системы очень умных и женски озабоченных красоток, которым приходится чуть ли не сражаться между собой, деля на пятерых какого-нибудь безнадежного идиота, обладающего хотя бы минимальными мужскими способностями. Или за сертификат из местного банка спермы. А у этой блондиночки уже третий полноценный муж.

Быть может, подумал я, если бы стал искать себе жену, то выбрал бы именно такую девушку, чтобы позабыть вонь скрэмблерных лучей и басовитый грохот «ирвинглов», выплевывающих заряд за зарядом. Быть может, я захочу увидеть как раз нечто такое симпатичное и простое, возвращаясь домой после хитроумных схваток с эзотицами, когда в голове бьется лишь одна мысль — какой боевой ритм эти вонючие насекомые применили на этот раз? Быть может, если я когда-нибудь женюсь, такая прелестная пустышка

окажется для меня более желанной, чем... довольно. Может быть. Будем считать это интересной психологической проблемой.

Тут я заметил, что она обращается ко мне:

— У вас никогда не было прежде экипажа такого типа, командир?

— Вы имеете в виду зомби? Счастлив сказать, что пока нет.

Блондинка неодобрительно надула губки. Должен признать, смотрелось это не хуже, чем если бы она выразила одобрение.

— Нам не нравится это слово.

— Ну хорошо, тогда нули.

— Нам не нравится и... это слово. Ведь вы говорите о людях — таких же, как и вы, командир. Ну почти таких же.

Я ощутил, как во мне закипает злость, совсем как тогда у парня в приемной, но потом понял, что она ничего дурного в виду не имела. Она попросту ничего не знает — ведь это, черт подери, не указано в наших предписаниях. Я расслабился.

— Тогда скажите, как вы их здесь называете?

Блондинка выпрямилась:

— Мы называем их заменителями солдат. Эпитет «зомби» применялся по отношению к устаревшей двадцать первой модели, снятой с производства более пяти лет назад. Вы же получите индивидуумов на основе моделей семьсот пять и семьсот шесть, которые практически безупречны. Более того, в некоторых отношениях они...

— И кожа у них не синеватая? И ходят они не как лунатики?

Она энергично затрясла головой, и глаза у нее вспыхнули. Девочка явно проштудировала документацию. Выходит, не такая уж она и пустышка; не гений, но мужьям было о чем с ней поговорить между двумя заходами.

— Цианоз был результатом плохого насыщения крови кислородом, — с энтузиазмом затрещала она. — Кровь представляла для нас вторую最难的 problemу при реконструкции тканей, но труднее всего пришлось при работе с нервной системой. К тому времени когда тела поступали к нам, клетки крови обычно находились в наихудшем состоянии, но мы научились очень качественно восстанавливать сердца. Зато если в бою происходит даже малейшее повреж-

дение мозга или позвоночника, приходится начинать с нуля. Моя кузина Лорна работает в отделе настройки нервной системы, так она мне рассказывала, что достаточно всего раз неправильно соединить нервы — а вы сами знаете, командир, как работаетя в конце дня, когда глаза устают и начинаешь поглядывать на часы, — так вот, всего одно неправильное соединение, и рефлексы у законченного индивидуума оказываются настолько скверными, что его приходится возвращать на третий этаж и начинать все сначала. Но вам на этот счет тревожиться не придется. Начиная с модели 663, мы ввели систему двойной параллельной инспекции. А модели семисотой серии... о, они получились просто замечательными!

— Неужели настолько хорошими, что превзошли старомодную модель мамочкиного сынка?

— Ну... — задумчиво протянула она. — Вы просто изумились, командир, взглянув на диаграммы их эксплуатационных качеств. Разумеется, остается крупный недостаток, единственный вид деятельности, который мы не смогли...

— Но вот чего я не могу понять, — вмешался парень, — так это почему вам приходится использовать трупы?! Тело прожило свое, война для него закончилась, так почему бы не оставить его в покое? Я знаю, что эотийцы могут превзойти нас в численности, просто увеличив число маток на своих флагманских кораблях; знаю и то, что людские ресурсы — крупнейшая проблема ВСЗ... но ведь мы давным-давно научились делать синтетическую протоплазму. Так почему нельзя синтезировать все тело, от кончиков ногтей на ногах до коры головного мозга, и поставить на конвейер производство настоящих андроидов, от которых при встрече не разит мертвечиной?

— Наша продукция *не воняет!* — возмутилась блондинка. — Отдел косметики теперь гарантирует, что у новых моделей тело пахнет даже меньше, чем у вас, молодой человек! И должна вам заявить, что мы отнюдь не занимаемся оживлением трупов; мы *утилизируем* человеческую протоплазму, заново используем изношенный и поврежденный человеческий клеточный материал в области, где испытывается самая острая нехватка, то есть в живой силе. Могу заверить, у вас язык не повернулся бы назвать трупами то, что иногда к нам поступает. Иногда в целой партии — а партия состоит из двадцати погибших — не удается набрать материал для изготовления одной-единственной работающей почки. Тогда нам

приходится брать в одном месте немного соединительной ткани, в другом кусочек селезенки, модифицировать, осторожно смешивать, активи...

— Как раз об этом я и спрашивал. Зачем столько хлопот, разве нельзя начать с настоящего исходного сырья?

— Какого, например? — спросила она.

Парень махнул рукой в черной перчатке:

— С исходных элементов — углерода, водорода, кислорода и так далее. Весь процесс стал бы намного чище.

— Исходные элементы должны откуда-то поступать, — мягко заметил я. — Кислород и водород можно добывать из воздуха и воды. А углерод?

— Там же, где его добывают для производства прочих синтетических материалов — из угля, нефти, целлюлозы.

Блондинка усилась и расслабилась.

— Все это органические вещества, — напомнила она. — Но если вы собираетесь использовать сырье, которое уже однажды было живым, то почему бы не использовать то, что максимально приближено к конечному продукту? А лучшим и дешевейшим сырьем для производства заменителей солдат являются солдатские тела.

— Конечно, — отозвался парень. — Весьма логично. Куда еще девать мертвые и искалеченные солдатские тела? Не закапывать же их в землю, где они станут просто отходами.

Очаровательная блондинка начала было согласно улыбаться, но взгляделась в лицо парня и передумала. Ее уверенность куда-то испарилась, и, когда коммуникатор на ее столе зажужжал, она проворно наклонилась к микрофону.

Я смотрел на нее с одобрением. Определенно не пустышка. Просто женственная. Я вздохнул. Понимаете, я многое на гражданке воспринимаю неправильно, но лишь с женщинами моя неправильность становится постоянной проблемой. И это вновь доказывает, что чертовски много всяких странных событий, как выясняется, оборачивается к лучшему.

— Командир, — обратилась она к парню, — пройдите, пожалуйста, в комнату 1591. Ваш экипаж вскоре будет там. А вы, командир, — повернулась она ко мне, — будьте любезны пройти в комнату 1524.

Парень кивнул и зашагал прочь, очень прямой и напряженный. Подождав, пока за ним закроется дверь, я наклонился к блондинке.

— Мне хочется, чтобы «Кодекс о деторождении» вновь изменили, — сказал я ей. — Из вас получился бы отличный тыловой офицер по ориентации. Поговорив с вами, я понял суть Свалки гораздо лучше, чем после десяти инструктажей.

Она с тревогой всмотрелась в мое лицо:

— Надеюсь, вы сказали это искренне, командир. Видите ли, мы все очень преданы этому проекту. Мы чрезвычайно гордимся достижениями нашего предприятия и постоянно обсуждаем их... повсюду, даже в кафетерии. И мне слишком поздно пришло в голову, что вы можете... — она покраснела, и ее лицо стало пунцовым — так краснеют только блондинки, — можете принять мои слова на свой счет. Мне очень жаль, если...

— Вам не за что извиняться, — заверил я. — Все, что вы говорили, называется профессиональной увлеченностью. Я в прошлом месяце был в госпитале и слышал, как два хирурга обсуждали, как починить человеку руку и сделать ее здоровой, и говорили они так, словно собирались приколотить новую ручку к дорогому креслу. Я их с интересом послушал и многое узнал.

Уходя, я увидел в ее глазах благодарность — а от женщин можно уходить только так — и направился в комнату 1524.

Очевидно, когда на фабрику не приезжали за утилизированными человеческими отходами, это помещение использовалось как класс. Несколько стульев, длинная доска, пара схем на стене. На одной из схем была приведена информация об эзотериках — та небогатая и сконцентрированная информация, которую нам удалось собрать об этих гадах за кровавые четверть века, прошедшие с тех пор, когда они рванулись мимо Плутона на захват нашей Солнечной системы. Схема мало изменилась по сравнению с той, которую я учил еще в школе, немного удлинился лишь перечень сведений о степени интеллекта и мотивациях. Все это, разумеется, лишь теория, но гораздо более тщательно обдуманная по сравнению с материалом, который я зубрил. Ныне специалисты пришли к заключению, что причина, из-за которой все попытки установить с ними связь закончились провалом, заключается не в том, что это существа, одержимые завоевательской манией, а в том, что они страдают такой же доведенной до предела ксенофобией, как и их менее разумные двоюродные родственники на Земле — общественные насекомые. Стоит, к примеру, муравью забрести в чужой

муравейник — чик! Никаких дискуссий, его приканчивают прямо у входа, а если насекомое-нарушитель принадлежит к другому виду, то муравьи-охранники реагируют еще быстрее. Поэтому, несмотря на эзтийскую науку, которая в слишком многих отношениях превосходит нашу, они чисто психологически не способны на ментальную проекцию или эмпатию, без которых невозможно понять, что чужое на вид существо обладает разумом, чувствами — и правами! — практически такими же, как и ты сам.

Что ж, может, оно и так. А пока мы завязли в убийственной патовой ситуации по всему периметру непрерывного сражения, который иногда растягивается до Сатурна, а иногда сжимается до орбиты Юпитера. Если отбросить вероятность изобретения оружия такой сокрушительной мощи, что мы сумеем уничтожить их флот быстрее, чем они ухитрятся обзавестись новым, что им до сих пор удавалось, наша единственная надежда на победу заключается в том, чтобы как-то отыскать звездную систему, откуда они заявились, как-то построить не один звездолет, а целый флот и как-то раздобыть их родную планету или навести там такого шороха, чтобы они испугались и отвели свой флот для ее обороны. Многовато получается этих «как-то».

Но если мы желаем продержаться до момента, когда эти «как-то» начнут осуществляться, то список новорожденных у нас должен стать длиннее списка боевых потерь. В последнее десятилетие этого не происходило, несмотря на все более и более жесткий «Кодекс о деторождении», постепенно обращавший в прах все наши моральные принципы и общественные достижения. Потом настал день, когда кто-то из Полиции утилизации обратил внимание на то, что почти половина наших кораблей изготавливается из металломата, собранного после сражений. И он задумался: а куда подевались бывшие экипажи этих обломков?..

И тогда блондинка и ее коллеги впервые произнесли термин «заменители солдат».

Я был компьютерщиком второго класса на старом «Чингисхане», когда первая их партия прибыла на борт в качестве пополнения. И скажу вам, друзья, у нас имелись веские основания называть их «зомби»! Почти все они были синие, как ткань их униформы, дышали столь шумно, словно были астматиками со встроенным в легкие мегафоном, глаза сияли разумностью медузы... *а как они ходили!*

Мой друг Джонни Краро, которому довелось стать первым погибшим во время Великого Прорыва 2143 года, обычно говорил, что они словно пытаются спуститься по склону крутого холма, у подножия которого вырыта большая и уютная могила семейного размера. Тело прямое и напряженное. Руки и ноги двигаются медленно-медленно, а потом резко — дерг! Жутко, как в аду.

Они годились только для самой тупой физической работы. Но даже в этом случае... если прикажешь зомби вытереть лафет орудия, то надо не забыть через час вернуться и «выключить» его, а то он протрет и лафет, и обшивку насеквоздь. Конечно, не все они были настолько тупыми. Джонни Краро говорил мне, что ему даже попалось несколько таких, что достигали умственного уровня имбецилов — когда были в нормальном состоянии.

С точки зрения ВСЗ, их погубили битвы. Но нельзя сказать, что они во время сражения трусили — как раз наоборот. Старый корабль дергается и скрежещет, каждые несколько секунд меняя курс; каждый «ирвингл», скрэмблер и нуклеонная гаубица на огневой палубе раскаляются чуть ли не добела от выделяемого тепла; громкоговорители в переборках хрюплю выстреливают команды, которые человеческие мускулы не успевают выполнять; техники из аварийной команды с искаженными от напряжения лицами носятся от одного повреждения к другому; все вокруг работают на пределе возможного, матерясь и гадая вслух, почему эзотийцы так долго не могут расколошматить столь крупную и медленную мишень, как «Чингисхан»... и вдруг натыкаешься взглядом на зомби: резиновые руки стискивают метлу, челюсть отвисла, а он с жуткой добросовестностью идиота подметает палубу...

Я помню, как целые орудийные расчеты впадали в ярость и набрасывались на зомби, орудя ломами и кулаками в металлических перчатках. Однажды даже офицер, бегущий в рубку управления, остановился, выхватил пистолет и принялся всаживать пулю за пулей в синекожего зомби, мирно протирающего иллюминатор, в то время как на корме бушевал пожар, а когда зомби непонимающе и покорно рухнул на пол, молодой офицер стоял над ним и нараспив произносил, словно успокаивал собаку: «Лежать, парень, лежать, лежать, черт бы тебя побрал, лежать!»

Именно эта причина, а вовсе не их низкая эффективность в конце концов вытеснила зомби из экипажей: в бою у

находящихся рядом с ними попросту не выдерживала психика. Быть может, если бы не это, мы со временем привыкли бы к ним — с чем только человек не свыкается в бою. Но зомби уже перешагнули ту грань, за которой кончается просто война.

Их не волновала, совершенно не волновала перспектива умереть вновь!

Что ж, все говорят, что зомби новых моделей намного совершениее прежних. И не дай Бог, если это окажется не так. Лишь тонкая грань отделяет «рогатку» от патруля самоубийц, и для выполнения ее безумной миссии, не говоря уже о возвращении, от каждого члена экипажа требуется безупречное выполнение своих обязанностей, да еще на пределе возможного. К тому же кораблик очень мал, и людям нужно ладить между собой в такой тесноте...

Я услышал в коридоре топот нескольких пар ног. Шаги стихли у двери.

Они ждали. Я ждал. Моя кожа начала покрываться мурашками. И тут я услышал неуверенное шарканье подошв. Они нервничали перед встречей со мной!

Я подошел к окну и посмотрел вниз на плац, где старые ветераны, чьи тела и умы были слишком изношены и уже не подлежали восстановлению, обучали облаченных в форму зомби во время строевой подготовки пользоваться свежеобретенными рефлексами. Это зрелище напомнило мне школьный стадион, где много лет назад хриплый старикивский голос выкрикивал мне и одноклассникам такие же лающие команды: «Раз, два, три, четыре. Раз, два, три, четыре». Только местные ветераны выкрикивали не «раз!», а какое-то другое слово, которое я не сумел разобрать.

И тут, когда стиснутые за спиной ладони едва не выдавили кровь обратно в запястья, я услышал, как открылась дверь и четыре пары ног протопали по полу класса. Дверь закрылась, щелкнули четыре пары каблуков. Мой экипаж встал по стойке «смирно».

Я обернулся.

Они отдавали мне честь. Да, черт возьми, им же полагается отдавать мне честь, ведь я их командир. Я тоже отдал им честь, и четыре руки четко опустились.

— Вольно, — сказал я. Они резко расставили ноги и завели руки за спину. Я подумал. — Отдыхать. — Их тела слегка

расслабились. Я снова подумал и сказал: — Ладно, парни, садитесь, будем знакомиться.

Они небрежно развалились на стульях, а я уселся на крышку инструкторского стола. Мы разглядывали друг друга. По их напряженным и настороженным лицам ничего нельзя было прочесть.

Я стал гадать, какое у меня сейчас выражение лица. Должен признаться, что первое впечатление от них меня поразило, несмотря на всю подготовку и вводные лекции. Все они выглядели здоровыми, нормальными и целеустремленными. Но это было не все.

Далеко не все.

Было и нечто такое, что порождало во мне желание выбегать за дверь и вообще из этого здания, чего я себя уговаривал не делать после последнего инструктажа на базе в Аризоне. На меня смотрели четыре мертвеца. Четыре очень знаменитых мертвеца.

Крупный мужчина, которому был маловат стул, оказался Роджером Греем. Он погиб более года назад, протаранив своим крошечным разведывательным корабликом передние дюзы эотийского флагмана, который после этого аккуратно развалился пополам. Он был награжден всеми мыслимыми медалями и орденом «Солнечная Корона». Грей будет моим вторым пилотом.

Худого настороженного человека с ежиком черных волос звали Ванг Хси. Он погиб, прикрывая отход наших кораблей к поясу астероидов после Великого Прорыва 2143 года. Очевидцы рассказывали фантастическую историю о том, что его корабль продолжал стрелять даже после того, как лучи вражеских скрэмблеров обработали его трижды. Тоже все мыслимые медали и «Солнечная Корона». Ванг будет моим инженером.

Смугловатого коротышку звали Юсуф Ламед. Он погиб во время мелкой стычки в окрестностях Титана, но после смерти стал самым награжденным человеком во всех ВСЗ. Дважды «Солнечная Корона». Юсуф будет моим стрелком.

Последний из четверки, массивный мужчина по имени Стенли Вейнстайн, был единственным из военнопленных, которому удалось сбежать от эотийцев. От него мало что осталось, когда он добрался до Марса, но эотийский корабль, на котором он прилетел, оказался первым вражеским кораблем, попавшим в руки людей неповрежденным. В те

дни ордена «Солнечной Короны» еще не существовало, и его не могли наградить им даже посмертно, но в честь этого человека до сих пор называют военные академии. Вейнстайн будет моим астрогатором.

Тут я тряхнул головой и вернулся к реальности. Передо мной сидели не сами герои. В их телах, вероятно, не было даже капли крови Роджера Грея или частички плоти Ванга Хси на восстановленных костях. То были лишь превосходные и очень точные копии, до мельчайших подробностей воспроизводящие их физические характеристики, хранившиеся в медицинских архивах ВСЗ еще с тех времен, когда Ванг был кадетом, а Грей и вовсе новобранцем.

Я напомнил себе, что существует от ста до тысячи Юсупов Ламедов и Стенли Вейнстайнов — и все они сошли со сборочной линии несколькими этажами ниже. «Лишь храбрые заслуживают будущего» — таков был девиз Свалки, и это будущее они сейчас обеспечивали, изготавливая дубликаты всех воинов ВСЗ, проявивших особый геройзм. Насколько мне было известно, существовали еще две другие категории, которые могли рассчитывать на подобную честь, но главная причина появления героев-моделей почти не имела отношения к моральному духу солдат.

Во-первых, нельзя забывать о промышленной эффективности. Если используются методы массового производства — а на Свалке использовались именно они, — то простой здравый смысл подталкивает к выпуску нескольких стандартизованных моделей, а не продукции, каждый представитель которой отличается от другого — такие выходят из рук ремесленника-индивидуала. А раз уж выбор сделан в пользу стандартных моделей, то почему бы не взять в качестве образца тех, чья внешность вызывает относительно приятные ассоциации, а не модель с чертежной доски инженера?

Вторая причина одновременно и более важная, и труднее объясняемая. Как нам сказал вчера офицер на инструктаже, имелось довольно странное представление — почти предрасудок, — суть которого сводилась к тому, что если достаточно тщательно скопировать лицо героя, его тело, метаболизм и даже извилины коры головного мозга, то в результате тоже получится герой. Разумеется, исходная личность никогда не восстановится — ведь она образуется за долгие годы специфического окружения и на нее влияют десятки других, едва уловимых факторов, — но биотехники не исключали путь

слабой, но все же вероятности того, что частичка храбрости заключена в самой структуре тела...

Что ж, по крайней мере, эти зомби не *выглядят* как зомби.

Поддавшись внезапному порыву, я вытащил из кармана несколько свернутых в трубочку листков с нашими командривочными предписаниями, сделал вид, будто читаю один из них, и неожиданно выпустил листок из пальцев. Тот по спирали полетел на пол, но Роджер Грей мгновенно его поймал и протянул мне с той же небрежной и энергичной грациозностью. Я взял листок, и на душе у меня потеплело. Мне понравилось, как он двигается — так и должен двигаться второй пилот.

— Спасибо, — сказал я.

Он лишь кивнул.

Потом я присмотрелся к Юсуфу Ламеду. Да, в нем тоже было *это*. Не знаю, как это назвать, но в нем таилось нечто, чем обладают все первоклассные стрелки. Это почти невозможно описать, но когда входишь в бар в какой-нибудь зоне отдыха, скажем, на Эросе, то среди пяти сидящих за стойкой «рогатчиков» безошибочно определяешь стрелка. Это что-то вроде тщательно загнанной внутрь нервозности или висящего на волоске абсолютного спокойствия. Чем бы это ни было, это именно то, что требуется, когда сидишь, держа палец на пусковой кнопке, а корабль только что завершил серию нырков, уверток и разворотов, подошел к противнику чуть ближе предельной дальности выстрела и уже начинает новую серию нырков, уверток и разворотов, но уже в обратном направлении. В Ламеде это ощущалось настолько сильно, что я уже сейчас готов был поставить на него в состязании с любым другим стрелком ВСЗ, которого видел в работе.

С астрогаторами и инженерами иначе. Чтобы их оценить, нужно взглянуть, как они ведут себя в напряженной ситуации. Но даже сейчас мне понравились спокойствие и уверенность, которыми Ванг Хси и Вейнстайн ответили на мой испытующий взгляд. И сами они тоже.

С моих плеч словно свалилась сотня фунтов груза. Впервые за несколько дней я расслабился. Мне действительно понравился экипаж, и неважно, зомби они или нет. У нас все получится.

Я решил сказать им об этом.

— Парни, — начал я, — думаю, мы по-настоящему сработаемся. Кажется, у нас есть все, чтобы составить безупречный экипаж. И вы увидите, что я...

И тут я запнулся. Холодное, слегка насмешливое выражение их глаз. То, как они переглянулись, когда я сказал, что мы сработаемся... переглянулись и едва заметно фыркнули. Я осознал, что никто из них, войдя в комнату, не произнес и слова: они лишь наблюдали за мной, и теплоты в их взглядах я не заметил.

Я смолк и медленно набрал полную грудь воздуха. До меня впервые дошло, что до сих пор меня тревожила лишь одна сторона проблемы, возможно даже, наименее важная. Меня волновало, как я на них отреагирую и насколько смогу воспринять их в качестве членов экипажа. Они же зомби, в конце концов. И мне даже в голову не приходило задуматься о том, что они испытывают по отношению ко мне.

А в их отношении ко мне явно ощущалось нечто очень неправильное.

— В чем дело, парни? — спросил я. Все они взглянули на меня испытующе. — Что у вас на уме?

Они все смотрели на меня и молчали. Вейнстайн сжал губы, откинулся на стуле и стал покачиваться на задних ножках. Стул заскрипел. Никто из них ничего не ответил.

Я слез со стола и стал расхаживать по классу. Они следили за мной взглядами.

— Грэй, — сказал я наконец. — У тебя такой вид, словно тебя гложет большая проблема. Не хочешь поделиться со мной?

— Нет, командир, — обдуманно ответил он. — Я не хочу вам о ней рассказывать.

Я скривился:

— Если кто-нибудь захочет что-то сказать — что угодно, — то это останется между нами. Сейчас мы также забудем о таких вещах, как должности и уставы ВСЗ. — Я подождал. — Ванг? Ламед? Быть может, ты, Вейнстайн?

Они молча смотрели на меня. Вейнстайн покачивался на скрипящем стуле.

Их молчание сбило меня с толку. Ну какую обиду они могли затаить на меня? Мы же никогда прежде не виделись. Но одно я знал совершенно точно: я не пущу на борт «рогатки» экипаж, молчаливо и столь единодушно затаивший в себе недовольство. Я не собираюсь пахать пространство,

когда в спину мне смотрят такими глазами. Гораздо эффективнее будет подставить голову под линзу «ирвингла» и нажать кнопку.

— Слушайте, — сказал я. — Я совершенно серьезно предлагаю на время позабыть о званиях и уставах. Я хочу командовать кораблем, на борту которого все хорошо, и я должен знать, в чем дело. Мы будем жить, все пятеро, в условиях такой тесноты, которую мне даже вспоминать не хочется; мы будем управлять крошечным кораблем, чья единственная задача заключается в том, чтобы пробиться на огромной скорости сквозь огневой заслон и защитные устройства большого вражеского корабля и сделать по нему единственный сокрушительный выстрел из единственного большого «ирвингла». Нам придется ладить между собой, хотим мы этого или нет. Если же у нас этого не получится, если между нами встанет невысказанная враждебность, то корабль не сможет действовать с максимальной эффективностью. В таком случае мы будем обречены на гибель еще не...

— Командир, — внезапно произнес Вейнстайн, с громким стуком опустив на пол передние ножки стула, — мне хочется задать вам один вопрос.

— Конечно, — отозвался я, облегченно выдохнув. — Спрашивай о чем угодно.

— Командир, когда вы думаете о нас или упоминаете нас в разговоре, то какое слово используете?

Я взглянул на него и тряхнул головой:

— Что?

— Когда вы говорите или думаете о нас, командир, вы называете нас «зомби»? Или «нулями»? Вот что я хочу знать, командир.

Он произнес это столь вежливо и ровно, что до меня далеко не сразу дошла полная значимость его вопроса.

— Лично я считаю, — заметил Роджер Грей чуть менее вежливо и ровно, — что наш командир из тех, кто называет нас «тушенкой». Верно, командир?

Юсуф Ламед скрестил на груди руки и словно задумался над этой проблемой.

— Думаю, ты прав, Родж, — произнес он наконец. — Он как раз из таких типов. Определенно из таких.

— Нет, — возразил Ванг Хси. — Такими словами он не пользуется. «Зомби» — да, «тушенка» — нет. По тому, как он разговаривает, мне ясно, что он не сможет разгневаться

настолько, чтобы приказать нам убираться обратно в банку. И вряд ли он очень часто называет нас «нулями». Он из тех парней, которые, теребя за пуговицу командира другой «ротатки», говорят: «Слушай, какой потрясающий экипаж зомби мне достался!» Я его таким вижу. Зомби.

И они вновь смолкли, глядя на меня. Только теперь в их глазах не было насмешки. Я прочел в них ненависть.

Я вернулся к столу и вновь уселся. В комнате было очень тихо. С плаца пятнадцатью этажами ниже доносились команды. Где они ухитрились набраться этой ерунды о зомби, нулях и тушенке? Никому из них не исполнилось и шести месяцев, никто ни разу не покидал территории Свалки. Их психологическая подготовка, пусть даже механическая и интенсивная, считалась абсолютно надежной и производила в результате гибкий, устойчивый и чисто человеческий разум со вложенными знаниями на уровне квалифицированного профессионала, а последние достижения психиатрии практически гарантировали отсутствие каких-либо отклонений. Во время обучения набраться такого они совершенно точно не могли. Тогда где же?..

И тут я четко его расслышал. Слово. То слово, которое произносили на плацу вместо слова «раз». То странное новое слово, которое я не сумел разобрать прежде. Тот, кто отдавал на плацу команды, говорил не: «Раз, два, три, четыре».

Он говорил: «Ноль, два, три, четыре. Ноль, два, три, четыре».

Разве это не совсем как в ВСЗ? И не только в них, а в любой армии где и когда угодно? Лучшие умы и огромные деньги вкладываются в создание чрезвычайно необходимого продукта, точно соответствующего заданию, а затем, уже на низшем уровне армейского использования, с этим продуктом делается нечто такое, что может полностью его обесценить. Я был уверен, что чиновники, которых так заботило отношение блондинки в приемной к ее служебным обязанностям, не имели никакого отношения к ветеранам ВСЗ, гоняющим взводы заменителей солдат по плацу. Я представил себе эти узкие и злобные умы, ревностно гордящиеся своими предрассудками и своими ограниченными и мучительно приобретенными военными знаниями, и то, как они преподносят таким же новичкам, что и сидящие передо мной четверо, первое представление о казарменной жизни, первый взгляд на то, что их ждет «снаружи». Какой идиотизм!

Но так ли это? Можно взглянуть на это иначе, даже не принимая во внимание тот факт, что для такой работы армия могла выделить лишь слишком старых физически и слишком закостеневших умственно солдат, непригодных для любых других обязанностей. Дело заключалось в чистом прагматизме армейского мышления. Боевые периметры — места ужасов и мук, а передовые зоны, где действуют «рогатки», еще хуже. Если люди или материалы там не выдержат, это может обойтись очень дорого. Так пусть эти срывы произойдут как можно ближе к тылу.

Быть может, в этом есть смысл. Быть может, есть логика в том, чтобы изготавливать живых людей из плоти мертвецов (а человечество уже достигло черты, за которой ему нужно получать подкрепление хоть *откуда-нибудь!*) с огромными затратами и при помощи технологии, обычно ассоциирующейся с ватой и самыми тонкими инструментами часовщиков, а затем делать резкий разворот и швырять их в самое грубое и уродливое из возможных окружений, которое обращает их тщательно привитую лояльность в ненависть, а тонко сбалансированную психологическую настройку в невротическую чувствительность.

Не знаю, умно это по своей сути или тупо, и даже рассматривалась ли проблема как таковая армейским начальством из числа тех, кто принимает решения. Я видел лишь собственную проблему, и мне она казалась огромной. Я вспомнил, как совсем недавно относился к этим людям, и мне стало до тошноты стыдно. Но воспоминание подсказало мне идею.

— Скажите-ка мне вот что, — предложил я. — Как вы назвали бы меня?

Они удивились.

— Вы хотите знать, как я называю вас, — пояснил я. — Но скажите сперва, как вы называете таких людей, как я, тех, кто был... рожден. У вас наверняка есть собственные эпитеты.

Ламед ухмыльнулся так, что его зубы блеснули полумесяцем на фоне смуглой кожи.

— «Реалы», — ответил он. — Иногда мы называем людей «реалами».

Потом заговорили остальные. Нашлись и другие клички, много других кличек. И они захотели, чтобы я услышал их все. Они перебивали друг друга; они выплевывали слова так,

словно каждое было ракетой или снарядом, и они выстреливали их в меня, с ненавистью глядя мне в лицо и оценивая удачность попаданий. Некоторые из прозвищ оказались забавными, некоторые весьма злобными. Мне особенно понравились «живородки» и «утробники».

— Ладно, — сказал я через некоторое время. — Полегчало?

Они все еще тяжело дышали, но им стало легче. Я это видел, а они это понимали. Атмосфера в классе слегка разрядилась.

— Во-первых, — сказал я, — я хочу напомнить, что вы все взрослые парни и все такое прочее, и можете сами о себе позаботиться. Отныне и навсегда, если мы вместе зайдем в бар или лагерь отдыха и кто-то примерно вашего ранга произнесет слово, которое вам послышится как «зомби», вы имеете полное право подойти к нему и начать разбирать на части — если сможете. Если же этот некто, что вероятнее всего, окажется примерно моего ранга, то разбирать его на части стану я, потому что я весьма чувствительный командир и не люблю, когда моих людей оскорбляют. И всякий раз когда вы решите, что я обращаюсь с вами не как со стопроцентными людьми, полноценными гражданами нашей Солнечной системы, и так далее, я разрешаю подойти ко мне и сказать: «Послушай, ты, грязный утробник, сэр...»

Все четверо улыбнулись. Улыбки были теплыми, но они медленно, очень медленно угасли, а глаза их снова стали холодными. Они смотрели на человека, который, в конце концов, отличался от них. Я выругался.

— Все не так просто, командир, — заметил Ванг Хси. — К сожалению. Вы можете называть нас стопроцентными людьми, но это не так. И любой, кто назовет нас нулями или тушеною, имеет на это определенное право. Потому что мы не столь хороши, как... как маменькины сыночки, и мы об этом знаем. И мы никогда не станем настолько хороши. Никогда.

— Про это мне ничего не известно, — ощетинился я. — Да вы знаете, что некоторые ваши технические данные...

— Технические данные, командир, — мягко возразил Ванг Хси, — не делают из нас людей.

Сидящий справа от него Вейнстайн кивнул, немного подумал и добавил:

— А группы людей не составляют расы.

Теперь я понял, куда движется разговор. И мне захотелось вырваться из этой комнаты, прыгнуть в лифт и выбежать из здания, пока кто-нибудь не произнес еще одно слово. «Приехали, — подумал я. — Все, парень, деваться некуда». Я поймал себя на том, что сижу, раскачиваясь из стороны в сторону. Тогда я слез со стола и вновь начал расхаживать.

Ванг Хси не успокоился. Мне следовало догадаться, что он не успокоится.

— Заменители солдат, — сказал он, поморщившись, словно эти слова прозвучали впервые. — Заменители солдат, но не солдаты. Мы не солдаты, потому что солдаты — мужчины. А мы, командир, не мужчины.

На мгновение наступила тишина, потом меня прорвало, и я рявкнул, надрывая легкие:

— Да почему вы решили, что вы *не* мужчины?

Ванг Хси посмотрел на меня удивленно, но ответил опять негромко и спокойно:

— Вы знаете почему. Вы ведь видели наши спецификации, командир. Мы не мужчины, не настоящие мужчины, потому что не можем воспроизводить себе подобных.

Я заставил себя сесть и осторожно опустил трясущиеся ладони на колени.

— Мы стерильны, как кипяток, — услышал я голос Юсуфа Ламеда.

— Во все времена множество мужчин, — начал я, — не могли...

— Дело не во множестве мужчин, — прервал меня Вейнстайн. — Эта проблема касается нас *всех*.

— Нулем ты был и в нуль обратишься, — пробормотал Ванг Хси. — Могли хотя бы некоторым из нас дать шанс. У нас могли получиться не такие уж и плохие дети.

Роджер Грей шарахнулся по стулу огромным кулаком.

— В том-то и дело, Ванг! — яростно воскликнул он. — Дети могут оказаться слишком хороши. Наши дети могут получиться лучше — и что тогда станет делать эта гордая и заносчивая раса реалов, которая так любит наделять низшие существа кличками?

Я сидел, снова глядя на них, но теперь видел совсем другую картину. Я видел не медленно ползущую ленту конвейера с человеческими органами и тканями, над которыми корпят усердные биотехники. Я видел не помещения, где десятки взрослых мужских тел плавают в питательном

растворе, подключенные к обучающей машине, которая круглые сутки вдабливает в них тот минимум необходимой информации, без которой это тело не сможет заменить человека на самом кровавом участке боевого периметра.

На этот раз я увидел казармы, полные героев, причем многие из них в двух или трех экземплярах. И сидят они, кляня судьбу, как клянут ее в казармах на любой планете, будь ты на вид герой или нет. Но их проклятия вызваны унижениями, которые прежде солдатам и не снились — унижениями, затрагивающими саму суть человеческой личности.

— Значит, вы полагаете, — проговорил я негромко, несмотря на заливающий лицо пот, — что вас сознательно лишили способности воспроизводить себе подобных?

Вейнстайн скривился:

— Пожалуйста, командир. Только не надо сказок.

— Вам никогда не приходило в голову, что сейчас главной проблемой нашего вида стало размножение? Поверьте, парни, что сейчас только об этом и говорят. Школьные дискуссионные команды на окружных соревнованиях обсуждают эту тему от корки до корки; каждый месяц даже археологи и ботаники, изучающие грибы, выпускают книги, где пишут об этом со своей точки зрения. Каждый знает, что если мы не справимся с проблемой воспроизводства, то этийцы нас уничтожат. Неужели вы всерьез думаете, что при подобных обстоятельствах хоть *кому-то* будет сознательно отказано в возможности иметь потомство?

— Да что могут на общем фоне значить несколько мужчин-нублей? — взъярился Грей. — В новостях говорили, что за последние пять лет банки спермы никогда не были настолько полны. Мы им не нужны.

— Командир, — обратился ко мне Ванг Хси, выставив треугольный подбородок. — Позвольте и мне задать вам вопрос. Неужели вы искренне полагаете, будто мы поверим, что наука, способная воссоздать живое, высокоэффективное человеческое тело со сложной пищеварительной и сложнейшей нервной системой — и все это из кусочков мертвой и разлагающейся протоплазмы — не в силах хотя бы одинединственный раз воспроизвести и половые клетки?

— Вам придется мне поверить. Потому что это именно так.

Ванг сел, остальные тоже. На меня они больше не смотрели.

— Неужели вы никогда не слышали о том, — взмолился я, — что суть индивидуума заключена в его половых клетках в гораздо большей степени, чем в любых других частях его организма? Что некоторые биологи-чудаки даже считают, будто наши тела, и тела всех других существ, есть лишь переносчики, временные прибежища, с помощью которых половые клетки воспроизводят сами себя? И вообще это сложнейшая из всех биотехнических загадок! Поверьте мне, парни, — страстно добавил я, — что, когда я говорю, что биология еще не решила проблему половых клеток, я говорю правду. Я точно это знаю.

Это их добило окончательно.

— Слушайте, — продолжил я. — У нас есть одна общая черта с этийцами. Насекомые и теплокровные животные бесконечно далеки друг от друга. Но только у общественных насекомых и общественных животных вроде человека можно обнаружить индивидуумов, которые хотя и не участвуют лично в цепочке воспроизведения, тем не менее жизненно важны для своего вида. Например, воспитательница детского сада — бесплодная, но несомненно незаменимая для формирования личностей и даже психики детей, о которых она заботится.

— «Лекция по ориентации для заменителей солдат номер четыре», — сухо произнес Вейнстайн. — Он вычитал все это в книжке.

— Я был ранен, — заявил я. — Я был серьезно ранен пятнадцать раз. — Я встал и принялся закатывать рукав. Он оказался мокрым от пота.

— Мы и так видим, что вы были ранены, командир, — неуверенно проговорил Ламед. — Это ясно по вашим медалям. И вам незачем...

— И после каждого ранения меня латали, и я становился как новенький. Даже лучше. Взгляните на эту руку. — Я согнул ее, демонстрируя. — До того как старая рука сгорела в небольшой стычке шесть лет назад, я не мог нарастить на ней такие мускулы. Культе мне приделали руку лучше прежней, а рефлексы у меня, уж поверьте на слово, никогда не были столь хороши, как сейчас.

— Но что вы имели в виду, — начал Ванг Хси, — когда говорили, что...

— Пятнадцать раз я был ранен, — перебил я его, возвывшись голосом, — и четырнадцать раз меня восстанавливали. Но

в пятнадцатый раз... Что ж, в пятнадцатый раз я получил рану, перед которой медики оказались бессильны. И они ничем не смогли мне помочь.

Роджер Грей открыл рот.

— К счастью, — прошептал я, — эта рана оказалась не на заметном месте.

Вейнстайн захотел меня о чем-то спросить, но передумал и сел. Но я сказал то, что он хотел узнать.

— Нуклеонная гаубица. Потом выяснили, что у нее был дефектный снаряд. Он убил половину команды на нашем крейсере второго класса. Я не погиб, но оказался на пути нейтронного пучка, вылетевшего назад.

— И этот пучок... — Ламед что-то быстро подсчитал в уме. — Этот пучок стерилизовал бы любого на расстоянии менее двухсот футов. Если только на вас не был надет...

— Не был. — Я перестал потеть. Все кончилось. Я раскрыл свой драгоценный секрет и теперь смог глубоко вдохнуть. — Так что как видите... во всяком случае, я знаю, что эту проблему еще не решили.

Роджер Грей встал.

— Эй, — сказал он и протянул руку. Я пожал ее. Нормальная рука, разве что чуточку сильнее обычной.

— Экипажи «рогаток», — добавил я, — набираются из добровольцев. Кроме двух категорий: командиров и заменителей солдат.

— Наверное, по той причине, что человечеству легче всего ими пожертвовать? — спросил Вейнстайн.

— Правильно, — согласился я. — Потому что человечеству легче всего ими пожертвовать.

Он кивнул.

— Ну черт бы меня побрал, — рассмеялся Ламед, тоже поднимаясь и протягивая мне руку. — Добро пожаловать в наш город.

— Спасибо, — отозвался я. — Сынок.

Он изумился, услышав последнее слово.

— Осталось рассказать совсем немного, — объяснил я. — Никогда не был женат, а в увольнениях был слишком занят в барах и всячески развлекался, чтобы заглянуть в банк спермы.

— Ого, — произнес Вейнстайн и указал на стену толстым пальцем. — Значит, вот оно как?

— Вот именно. Это и есть моя Семья. Единственная, которая у меня когда-либо будет. А этих штучек, — я постучал по своим медалям, — я набрал почти достаточно, чтобы заработать право на замену. Как командир «рогатки» я в этом уверен.

— Единственное, что вы пока не знаете, — уточнил Ламед, — так это насколько большой процент тех, кто придет вам на замену, будет посвящен вашей памяти. А процент этот зависит от того, сколько еще медалей появится у вас на груди до того, как вы станете... э-э... можно ли мне сказать *сырем*?

— Да, — ответил я, испытывая безумную легкость, ясность и расслабленность. Я все им сказал и больше не ощущал на плечах тяжесть миллиарда лет эволюции и воспроизведения. — Да, Ламед, можешь так и сказать.

— Знаете, парни, — продолжил Ламед, — по-моему, нам всем хочется, чтобы командир набрал побольше «фруктового салата». Он отличный парень, и таких, как он, в нашем клубе должно быть побольше.

Теперь они стояли вокруг меня — Вейнстайн, Ламед, Грей, Ванг Хси. Приветливые и надежные. А у меня все крепло ощущение, что мы станем одним из лучших экипажей «рогаток»... Да что значит *одним из лучших?* *Лучшим, мистер, лучшим!*

— Ладно, — подытожил Грей. — Веди нас куда и когда захочешь... *Папуля*.

ТРИЖДЫ «Я»

— А вам не кажется, что вы могли бы все же оторваться от этого комикса и хоть немного послушать, что вам скажут перед величайшим приключением в истории человечества? В конце концов, рисковать-то вы будете своей макаронной шеей. — Раздражение прямо-таки переполняло профессора Радла до самых жидких седых волос.

Маккарти покатал во рту комок жевательного табака и сжал губы, потом задумчиво уставился на эмалированную раковину в пятнадцати футах от огромного прозрачного ящика, обмотанного проводами, над которым трудился профессор. Неожиданно из его рта вырвалась длинная коричневая струя и звонко ударилась о бронзовый кран над раковиной.

Профессор подскочил. Маккарти улыбнулся.

— Меня кличут не Макаронная Шея, — заметил он, протяжно выговаривая слова. — Моя кликуха — Гусиная Шея. И выше меня знают и уважают в каждой американской тюрьге, даже здесь, в Северной Каролине. «Маккарти Гусиная Шея, десять дней за бродяжничество» — это будет правильно. Или еще: «Маккарти Гусиная Шея, двадцать дней за пьянство и хулиганство» — это тоже правильно. Но Макаронной Шеей меня не обзывают *никогда*. — Он помолчал, вздохнул, и кран над раковиной снова звякнул. — Слухай, папаша, я ж тебя чего просил? Чашку кофе да пожевать,

Me, Myself and I

Copyright © 1947 by Philip Klaas

Трижды «я»

© Издательство «Полярис», перевод, 1997

может, чего. А с ентоj машиной времени ты сам ко мне прицепился.

— Неужели для вас ничего не значит, что скоро вы окажетесь на сто десять миллионов лет в прошлом — в те времена, когда не существовало даже предков человека?

— Не-а. Мне пофигу.

Бывший глава физического факультета Бриндлхэмского бизнес-колледжа с отвращением скривился и уставил сквозь толстые линзы очков на жилистого бродягу с обветренной физиономией, которому он оказался вынужден доверить труд всей своей жизни. Его голова, словно высеченная из гранита, сидела на поразительно длинной и тощей шее; из худого тела торчали длиннющие руки и ноги, а одежда ограничивалась выцветшим свитером цвета хаки с облегающим воротником, заплатанными коричневыми вельветовыми штанами и потрепанными, некогда крепкими башмаками. Профессор вздохнул:

— От вас зависит судьба человеческих знаний и прогресса! Когда вы два дня назад поднялись на гору к моей хижине, вы были усталым и голодным. У вас не было даже медяка в кармане...

— Медяк был. Да токо в кармане оказалась дырка. Так что он где-то здесь в комнате и валяется, медяк-то.

— Ну ладно, ладно. Медяк у вас был. Я вас впустил, накормил сытным горячим завтраком и предложил заплатить сто долларов за то, чтобы вы отправились на моей машине времени в ее первое путешествие. Неужели вам не кажется...

Дзинь! На сей раз это оказался кран для горячей воды.

— ...что взамен, — голос коротышки-физика поднялся почти до истерической визгливости, — что взамен вы могли бы обратить хотя бы минимум внимания на факты, которые я пытаюсь в вас вдолбить, чтобы эксперимент завершился успешно? Вы вообще представляете, какие фантастические искажения потока времени может вызвать даже один ваш небрежный поступок?

Маккарти неожиданно поднялся, и журнал комиксов с яркими цветными картинками шлепнулся на пол в мешанину катушек с проводами, измерительных приборов и исписанных формулами бумажек. Он шагнул к профессору, над которым возвышался как минимум на целый фут, и его нанимателъ нервно стиснул гаечный ключ.

— Послухай, мистер профессор Раддл, — поинтересовался он с мягкой настойчивостью, — ежели ты думаешь, будто я мало знаю, так что тогда не едешь сам, а?

Коротышка умиротворяюще улыбнулся:

— Ладно, ладно, не надо снова упрямиться, Макаронная Шея...

— Гусиная Шея. Маккарти Гусиная Шея.

— Никогда в жизни не встречал таких раздражительных личностей. Вы еще упрямее профессора Дарвина Уиллингтона Уокера, главы математического факультета Бриндлхэмского бизнес-колледжа. Он утверждал, несмотря на неоспоримые доказательства, которые я ему представил, что машина времени не будет работать. «Великие изобретения, — упрямо талдычил он, — не произрастают из мелких парадоксов. А путешествия во времени так навсегда и останутся набором мелких и чрезвычайно запутанных парадоксов». В результате колледж отказался выделить средства на практическое подтверждение моих исследований, и мне пришлось перебраться сюда, в Северную Каролину. И продолжать работу на собственные средства. — Профессор сердито нахмурился, вспомнив лишенных воображения математиков и скупердяев.

— Но это не ответ.

Раддл задрал голову. Его лысина, слегка прикрытая редкими пучками растрепанных волос, еле заметно покраснела.

— Ну, дело в том, — пояснил он, — что я представляю большую ценность для общества, поскольку моя статья об интраобратимых позициях еще не завершена. И хотя все указывает на то, что моя машина станет гигантским успехом науки, не исключено, что Уокер прав в отношении некоторых моментов, которые я... э-э... проглядел.

— Выходит, я могу и не вернуться?

— Гм... что-то вроде этого. Но понимаете, никакой опасности нет. Я несколько раз проверял формулы и не обнаружил ни единой ошибки. Существует лишь ничтожная вероятность того, что какая-нибудь мелкая ошибочка вроде кубического корня, вычисленного до недостаточного количества знаков после запятой...

Маккарти кивнул, и в его кивке, подразумевающем: «Именно это я и подозревал», профессор уловил окончательность.

— Коли и раз это так, — заявил он, — то я хочу получить денежки до отправления. Не хочу, понимаешь, рисковать — а вдруг что пойдет не так и ты мне не заплатишь?

Профессор Раддл осторожно взглянул на его лицо и облизнул губы.

— Разумеется, Макаронная Шея, — сказал он. — Само собой!

— Гусиная Шея. Скоко раз тебе надо повторять, что меня зовут Маккарти Гусиная Шея? Да, только чек выпиши на мое настоящее имя.

— И какое оно?

— Что? Ну да, пожалуй, придется сказать. Токо смотри, не проболтайся. Меня зовут... — голос бродяги упал до шепота, — ...Галахэд.

Физик нацарапал последнюю закорючку на листке зелено-ной бумаги, вырвал его из чековой книжки и протянул Маккарти. Выплатить предъявителю сего Галахэду Маккарти сто долларов ноль-ноль центов. Выписано на «Свекольно-табачный обменный банк» Северной Каролины.

Когда чек перекочевал в нагрудный карман потертого свитера, Раддл взял дорогой малоформатный фотоаппарат и повесил его на шею Маккарти.

— Он заряжен новой пленкой. Вы уверены, что сможете справиться с затвором? Надо лишь...

— Да знаю я все, знаю. Умею я эти пимпочки нажимать. А с твоей хреновиной аж два дня возился. Значит, так: мне надобно выйти из машины, пару раз щелкнуть пимпочкой и передвинуть камень.

— И ничего больше! Помните, вы попадете на сто десять миллионов лет в прошлое, и любое ваше действие может оказать непредсказуемое воздействие на настоящее. Вы можете уничтожить все человечество, нечаянно наступив на маленькое мохнатое животное, которое стало его предком. На мой взгляд, небольшое перемещение камня с места на место станет неплохим первым и безопасным экспериментом, но будьте осторожны!

Они подошли к большому прозрачному сооружению, установленному возле одной из стен лаборатории. Сквозь его стены толщиной в фут в одном из углов расплывчато виднелось красное, черное и серебристое оборудование. Из мешанины проводов металлическим пальцем торчал огромный рычаг.

— Вы должны появиться в меловом периоде, в середине эпохи рептилий. Большая часть Северной Америки была в то время затоплена водой, но геологические исследования показывают, что на этом месте был остров.

— Ты уже шестнадцать раз это повторял. Давай показывай, какую хреновину нужно дернуть, и я поеду.

— Хреновину! — взвизгнул возмущенный Раддл, возбужденно приплясывая. — Не смейте дергать никакие хреновины! Вам надо плавно нажать — плавно, вы поняли? — на хронопередачу, этот большой черный рычаг. При этом квартиновая дверь закроется, а машина начнет работать. Прибыв на место, вы поднимете рычаг — опять-таки плавно — и дверь откроется. Машина настроена так, что автоматически вернется на нужное число лет, так что думать вам, к счастью, не придется.

— Для такого коротышки ты слишком много шумишь, — заметил Маккарти, взглянув на профессора сверху вниз. — Держу пари, ты до смерти боишься свою жену.

— Я не женат, — отрезал Раддл. — Я не верю в институт брака. И вообще, нашли когда про это вспоминать... Как только подумаю, что столь упрямому и тупому типу попадет в руки устройство, обладающее безграничными возможностями машины времени... Но я, конечно, слишком ценная личность, чтобы рисковать при испытании первой и еще несовершенной модели.

— Угу, — кивнул Маккарти. — Сущая правда. — Он похлопал по торчащему из кармана кончику чека и забрался в машину. — А я нет.

И он плавно нажал на рычаг хронопередачи.

Дверь закрылась, отрезав последние отчаянные слова профессора Раддла:

— До встречи, Макаронная Шея, и умоляю — будьте осторожны!

— Гусиная Шея, — машинально поправил Маккарти. Машина дернулась, и он успел заметить, как за толстыми квартиновыми стенами мелькнули всклокоченные седые волосы Раддла. Ему показалось, что профессор, на лице которого смешались тревога и сомнение, молится.

Сквозь толстые голубоватые облака пробивался поразительно яркий солнечный свет. Машина времени опустилась возле самой воды на пляже, к которому подступали пышные джунгли, и резко замерла. Сквозь полупрозрачные стены

Маккарти разглядел огромную зеленую массу хвощей и выюшегося плюща, гигантские папоротники и роскошные пальмы. Джунгли слегка курились испарениями и кишили всевозможной живностью.

— Поднять хреновину *плавно*, — пробормотал Маккарти.

Он вышел через открывшуюся дверь и очутился по щиколотку в воде. Прилив, очевидно, начался, и усеянная солнечными веснушками вода журчала вокруг квадратного основания устройства, доставившего его сюда. Верно, Раддл говорил, что он окажется на острове.

— Кажись, мне повезло, что он не построил свою хибару футов на пятьдесят ниже по склону!

Он побрел к берегу, огибая небольшую колонию серовато-коричневых губок, и решил, что профессору может пригодиться их фотография. Маккарти установил скорость затвора и направил объектив на губки. Потом сфотографировал море и джунгли.

Где-то милях в двух от кромки пышной растительности замелькали огромные кожистые крылья. Маккарти вспомнил картинки, которые ему показывал профессор, и узнал это жуткое существо, похожее на летучую мышь. Птеродактиль, летающая рептилия.

Маккарти несколько раз торопливо щелкнул затвором и нервно попятился к машине времени. Ему не понравился длинный острый клюв, вооруженный зубами не хуже пилы. В джунглях копошилась какая-то зверюга. Летающая рептилия спикировала вниз, словно падший ангел. Из ее разинутой пасти капала слюна.

Убедившись, что гадине сейчас не до него, Маккарти быстро зашагал по пляжу. Неподалеку от кромки джунглей он приметил круглый красноватый камень. Подойдет.

Камень оказался тяжелее, чем он думал. Маккарти навалился на него, кряхтя, ругаясь и обливаясь потом под жарким солнцем. Ноги глубоко увязли в липком суглинке.

Внезапно камень, чавкнув, высвободился из суглинка и перекатился на другой бок, оставив в почве круглую яму. Из нее выскочила многоножка длиной с руку Маккарти и проворно юркнула в подлесок. Из ямы, где сидела многоножка, шибанула тошнотворная вонь. Маккарти решил, что ему здесь не нравится.

Можно и возвращаться.

— Что значит «какая»? Сейчас я женат, моя работа прервана, а вы тут болтаете о... Ну ладно. Вот деньги. — Профессор выхватил из кармана чековую книжку и торопливо заполнил листок. — Держите. Теперь довольны?

Маккарти уставился на чек:

— А он не такой, как первый. И банк другой — какой-то «Биржи хлопкоробов».

— Это несущественные мелочи, — торопливо пробормотал профессор, заталкивая его в машину времени. — Это же чек, верно? И он столь же хорош, поверьте мне, столь же хорош.

Щелкая переключателями и покручивая колесики настройки, профессор бросил через плечо:

— Запомните, камень надо положить точно на прежнее место. И больше ничего не трогайте и ничего не делайте.

— Знаю, знаю. Эй, проф, а как это вышло, что я помню обо всех изменениях, а ты нет, хоть ты ишибко ученый?

— Это очень просто, — отозвался профессор, проворно отходя подальше от машины. — Когда происходили изменения, вызванные вашими действиями, вы находились в прошлом и внутри машины времени и тем самым оказались как бы изолированными от них, подобно пилоту, которому не причиняет непосредственного вреда бомба, сброшенная им на город. Итак, я настроил машину на возвращение примерно в тот же момент, что и прежде. К сожалению, я пока не могу произвести калибровку хронопередачи с достаточной точностью... А вы помните, как управлять машиной? Если нет, то...

Маккарти вздохнул и нажал на рычаг. Дверь закрылась, оставив по ту сторону кабины объяснения профессора и его потную лысину.

О корпус машины вновь разбивались волны прилива, накатывающего на маленький остров. Маккарти немного помедлил, прежде чем открыть дверь, потому что разглядел неподалеку странный прозрачный объект. Еще одна машина времени — и точно такая, как у него!

— Ну и хрен с ней. Профессор потом все объяснит.

Выходя, он направился по пляжу в сторону камня. И тут он снова замер — как громом пораженный.

Камень лежал на том самом месте, откуда он его в прошлый раз передвинул. Но его пытался перевернуть высокий худой человек в свитере с высоким воротником и коричневых вельветовых штанах.

Маккарти вернул на место отвисшую челюсть.

— Эй! Эй ты, у камня! Не трогай его. Камень нельзя передвигать!

Незнакомец обернулся навстречу подбегающему Маккарти. Такой уродливой рожи Маккарти за всю жизнь не встречал, а шея у этого типа оказалась поразительно длинная и тощая. Тип медленно осмотрел Маккарти с головы до ног, потом сунул руку в карман, вытащил из него замызганный пакетик и откусил немного жевательного табака.

Маккарти тоже сунул руку в карман, извлек точно такой же замызганный пакетик с табаком и тоже откусил кусочек. Оба уставились друг на друга, медленно работая челюстями, затем одновременно сплюнули.

— Что это за чушь ты несешь, будто камень нельзя передвигать? Профессор Раддл велел мне его передвинуть.

— А мне профессор Раддл приказал его не трогать. И профессор Гаггл тоже, — торжествующе добавил Маккарти.

Второй на секунду задумался, работая нижней челюстью, словно кулачковой дробилкой, и еще раз прошелся взглядом по тощей фигуре Маккарти. Потом презрительно сплюнул, вернулся к камню и закряхтел, пытаясь его перевернуть.

Маккарти вздохнул, опустил руку на плечо второго и заставил его обернуться.

— И чего ради ты так упрямишься, приятель? — спросил Маккарти. — Теперь мне придется задать тебе взбучку.

Даже не сменив свой отсутствующий взгляд на выражение хотя бы малейшей враждебности, незнакомец попытался лягнуть его в пах. Маккарти легко увернулся. Старый и дешевый трюк! Он сам десятки раз к нему прибегал. Маккарти попробовал ударить противника в лицо, тот нырнул под кулак, отскочил, но тут же развернулся и полез в драку.

Момент оказался самым подходящим для знаменитой «комбинации Маккарти». Он сделал обманное движение левой рукой, якобы собираясь изо всех сил ударить в живот, и заметил, что противник тоже неуклюже щевелит левой. Маккарти не стал медлить и внезапно провел мощнейший апперкот правой.

БАМ-М-М!

Точно в...

…в яблочко. Маккарти сел и потряс головой, избавляясь от мерцающих огоньков перед глазами и веселого звона в ушах. Да, крепко ему досталось, но...

Но и другому парню тоже!

Он сидел в паре шагов от Маккарти, ошеломленный и печальный.

— Такой упрямой скотины я в жисть не встречал! Ты где выучился моему удару?

— *Твоему* удару?! — Противники вскочили, испепеляя друг друга взглядами. — Слухай, приятель, это *мой* коронный воскресный удар, запатентованный и защищенный авторским правом! Но ежели мы снова станем драться, то ни к чему не приедем.

— Верно, не приедем. Так что станем делать-то? Мне на тебя начхать, и я готов драться с тобой хоть миллион лет, но мне заплатили, чтобы я передвинул камень, и я его передвину.

— А теперь послушай сюда, — предложил Маккарти, покатав во рту табачную жвачку. — За то, чтобы ты передвинул камень, тебе заплатил профессор Раддл, или Гагглс, или как там его нынче зовут. Ежели я вернусь и получу от него писульку, где будет сказано, что камень двигать не надо, но деньги ты можешь оставить себе, ты обещаешь посидеть спокойно, покуда я не вернусь?

Незнакомец жевал и сплевывал, жевал и сплевывал. Маккарти, который занимался тем же, восхитился безупречной синхронностью их движений. Кстати, и сплевывали они на одинаковое расстояние. Не такой уж он и скверный парень, жаль только, что очень уж упрям! Странно — на шее у него висит точно такой фотоаппарат, какой забрал у него Раддл.

— Ладно. Возвращайся и привези мне евойную писульку. Я подожду здесь.

Незнакомец растянулся на песке. Маккарти развернулся и торопливо направился к машине времени, пока тот не передумал.

Вновь шагнув из машины в лабораторию, он с удовольствием увидел на голове профессора полоску седых волос.

— А ни фига себе, как все запуталось! Ты как от жены-то избавился?

— Жены? Какой еще жены?

— От своей. Сам знаешь — боевой топор, кандалы и ядро, черт в юбке, — пояснил Маккарти.

— Я не женат. Я ведь вам уже говорил, что считаю брак варварским обычаем, совершенно недостойным истинно цивилизованного человека. А теперь хватит болтать и давайте сюда камеру.

— Но разве ты не помнишь, — осторожно прощупал почву Маккарти, — как сам забирал у меня камеру, профессор Раддл?

— Не Раддл, а Рудлс. «У» как в «Гусиной Морде». И как я мог забрать у вас камеру, если вы только что вернулись? Вы жульничаете, Маккарни, а жуликов я не люблю. Прекратите!

Маккарти покачал головой, но не стал поправлять профессора, неправильно произнесшего его имя. Его понемногу начало гладить смутное, но настойчивое сожаление о том, что он забрался на эту карусель.

— Вот что, проф, присядь. — Он упер ладонь в грудь коротышки-профессора и заставил его сесть в кресло. — Нам надо еще разок потолковать. Сдается мне, до тебя еще не дошло.

Через пятнадцать минут он подвел итог:

— Так что тот тип сказал, что подождет, покуда я вернусь с запиской. Короче, ежели тебе нужна жена, можешь записку не писать, и он камень передвинет. Мне-то в любом случае на это начхать. Я хочу только одного — смотреться отсюда!

Профессор Раддл (Гаглс? Рудлс?) закрыл глаза.

— Боже мой! — выдохнул он. — Женат. На этом... боевом топоре! На этом... черте в юбке! Нет! Маккарти — или Маккарни — слушайте меня! Вы должны вернуться. Я дам вам записку... и еще один чек... Сейчас! — Он выдral страничку из записной книжки и быстро заполнил ее отчаянными словами. Потом выписал чек.

Маккарти взглянул на него.

— Опять другой банк, — удивленно заметил он. — На сей раз банк трастовой компании «Южный арахис». Надеюсь, все энти разные чеки будут хороши.

— Разумеется, — громко заверил профессор. — Они все будут хороши. Вы отправляйтесь разбираться с этим делом, а когда вернетесь, я все уложу. Передайте тому другому Маккарни, что...

— Маккарти. Эй! Что значит «тому другому Маккарни»? Есть только один Маккарти — во всяком случае один Маккарти Гусиная Шея. Ежели вы послали дюжину других парней сделать ту же работу...

— Я никого не посыпал, кроме вас. Неужели вы не поняли, что произошло? Вы отправились в прошлое передвинуть камень. Потом вернулись и, по вашим же словам, обнаружили меня в несколько неприятных обстоятельствах. Вы вернулись в прошлое, чтобы исправить ситуацию, но *примерно* в ту же точку пространства и времени — потому что из-за множества пока неизвестных факторов и неизбежных ошибок первой машины времени это не могла оказаться в точности та точка. Очень хорошо. Вы — назовем вас Вы-1 — встретили Вы-2 в тот момент, когда он собирался передвинуть камень. Вы его остановили. Если бы вы этого не сделали, если бы его не прервали и он передвинул камень, то он стал бы Вы-1. Но поскольку он — вернее вы — этого не сделал, то стал слегка отличаться от вас, превратившись в Вы, который лишь совершил путешествие в прошлое и даже не успел передвинуть камень. В то же время вы, то есть Вы-1, уже совершили два путешествия и при этом успели как передвинуть камень, так и помешать самому себе его передвигать. Это действительно очень просто, разве не так?

Маккарти поскреб подбородок и глубоко вдохнул.

— Да, — ошарашенно протянул он. — Куда как просто! Проще не придумаешь.

Професор вприпрыжку подбежал к машине и начал готовить ее к очередному путешествию.

— Теперь о том, что произошло со мной. Как только вы — вновь Вы-1 — помешали Вы-2 передвинуть тот камень, вы немедленно повлияли — уже тем, что помешали изменению произойти — на мою личную ситуацию. Камень не был передвинут, следовательно, я не был женат, не женат сейчас и, будем надеяться, никогда не буду женат. Заодно я перестал быть лысым. Но уже сам факт того, что два ваших «я» побывали в прошлом — предположим, вы там убили своим дыханием каких-то микробов или переворошили ногами песок, — оказался достаточен, чтобы в настоящем произошли изменения, и мое имя теперь (*и* всегда было!) Рудлс, а ваше...

— Теперь, наверное, Мак-Тэвиш! — гаркнул Маккарти. — Короче, проф, ты кончил возиться со своей машиной?

— Да, все готово. — Профессор задумчиво наморщил лоб. — Единственное, чего я не могу понять, так это куда подевалась камера, которую, как вы сказали, я у вас взял. Ведь если Вы-1 в персонификации Вы-2...

Маккарти от души припечатал профессора ногой в зад и взвыл:

— Я сейчас покончу с этой бредятиной, вернусь, и никогда, никогда, никогда даже близко не подойду к твоей проклятой хреновине!

Он надавил на рычаг хронопередачи и успел заметить профессора, сидящего среди битого стекла и разбросанных приборов. Пучки его седых волос негодующе стояли дыбом.

На сей раз он материализовался у самой кромки пляжа.

— Каждый раз все ближе и ближе, — пробормотал он, вылезая из машины. — Сейчас отдам ему писульку, а потом...

Потом...

— Сто пинков в зад и фингал под глазом!

Возле красного камня дрались двое. С одинаковыми лицами, одинаково одетые и одинаково сложенные, включая длинные конечности и тощие вытянутые шеи. Каждый словно дрался со своим отражением в зеркале, одинаковые удары наносились одновременно, правая рука парировала удар правой, а левая — левой. На шее у того, что стоял спиной к камню, болтался дорогой малоформатный фотоаппарат; у второго его не было.

Внезапно оба сделали финт левой рукой, безупречно подготавливая то, что сотни судебских чиновников в маленьких городках с проклятиями вспоминали как «комбинацию Маккарти Гусиная Шея». Оба противника не поддались на уловку, две правые руки одновременно выстрелили вверх и...

Вырубили друг друга.

Они тяжело шлепнулись на задницы в ярде друг от друга и затрясли головами.

— Такой упрямой скотины я в жисть не встречал, — начал один из них. — Ты где...

— ...выучился моему удару? — договорил за него Маккарти, делая шаг вперед. Оба тут же вскочили и уставились на него.

— Эй, — произнес тип с фотоаппаратом, — а ведь вы, парни, близнецы!

— Погодите. — Маккарти шагнул между ними, пока гневные взгляды противников не обернулись новой дракой. — Мы все близнецы. То бишь тройняшки. То бишь... Сядьте. Мне вам надо кое-что сказать.

Все уселись на корточки, с подозрением поглядывая друг на друга.

Четыре порции табака спустя они оказались внутри кольца из темной никотиновой жвачки. Все трое Маккарти тяжело дышали.

— Получается, что я Маккарти-1, потому как я видел все до того места, когда не дал Маккарти-2 вернуться за писулькой, которую Маккарти-3 хотел получить от Раддла.

Маккарти с фотоаппаратом встал, остальные тоже.

— Одного только в толк не возьму, — заявил он. — Почему я Маккарти-3? Сдается мне, что я Маккарти-1, он Маккарти-2 — тут все правильно, — а *ты* Маккарти-3.

— Фиг вам, — возразил Маккарти-2. — Все не так. Я на это так смотрю — и докажите, что я не прав — что Маккарти-1, то бишь ты...

— Заткнитесь! — Оба драчуна повернулись к Маккарти-1. — Я знаю, что я Маккарти-1.

— С какой стати?

— Потому что так мне растолковал профессор Раддл. Вам-то он этого не говорил, верно? Я Маккарти-1, тут и думать нечего. А вы — два самых упрямых хулигана, которых я в жисть видел, а я повидал их всех. А теперь надо возвращаться.

— Нет, погоди. Откудова мне знать, что мне не надо передвигать камень? Потому что ты так сказал?

— Потому что я так сказал, и потому что так написал профессор Раддл в писульке. Я ж тебе ее показывал, так? И еще потому, что нас двое — тех, кто не хочет его передвигать, и мы из тебя дурь вышибем, ежели попробуешь.

Когда Маккарти-2 одобрительно кивнул, Маккарти-3 огляделся в поисках оружия. Ничего не обнаружив, он помчался к машинам времени. Оба других Маккарти заторопились следом.

— Поехали в моей. Она ближе всех.

Троица развернулась и забралась в машину Маккарти-1.

— А как насчет чеков? Почему это у тебя должно быть три чека, у Маккарти-2 два, а у меня только один? Я получу свою долю?

— Да погоди ты. Вернемся к профу, он все устроит. Ты что, кроме денег ни о чем думать не могешь? — устало спросил Маккарти-1.

— Нет, не могу, — ответил Маккарти-2. — Хочу получить свою долю от *третьего* чека. У меня есть на нее право. И побольше, чем у этого психа, усек?

— Ладно, ладно. Погоди, пока вернемся в лабораторию.

Маккарти-1 нажал на рычаг хронопередачи. Остров и солнечный свет исчезли. Они принялись ждать.

Их окружала темнота.

— Эй! — завопил Маккарти-2. — А где лаборатория? Где профессор Раддл?

Маккарти-1 потянул рычаг хронопередачи. Тот не шелохнулся. Оба других Маккарти пришли на помощь первому и тоже стали тянуть.

Рычаг остался на месте.

— Ты, наверное, нажал на него слишком сильно! — зардал Маккарти-3. — Ты его сломал!

— Точно, — поддакнул Маккарти-2. — С чего ты вбил себе в башку, будто умеешь управлять машиной времени? Ты ее сломал, и теперь мы застряли!

— Минутку. Минутку. — Маккарти-1 отпихнул своих двойников. — Я все понял. Знаете, что случилось-то? Мы все трое пытаемся вернуться... в настоящее, как говорил проф. Но из нас троих только один принадлежит этому настоящему, усекли? Так что пока мы все внутри, машина никуда не поедет.

— Тогда все просто, — начал Маккарти-3. — Я единственный настоящий...

— Ты псих. Я знаю, что я настоящий Маккарти; я это *чувствую*...

— Погодите, — остановил их Маккарти-1. — Так мы никаку не приедем. И ваще, душновато тут становится. Короче, поехали назад и разберемся, что к чему.

И он снова нажал на рычаг.

И они вернулись на сто десять миллионов лет, чтобы спокойно обсудить проблему. И как по-вашему, что они обнаружили, вернувшись? Да, точно. Именно это они и обнаружили.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ЗЕМЛИ

Итак, внемлите повести о нашем освобождении.
Дышите глубже, да покрепче держитесь за стебли... О-хо-хо!
Вот она, эта история...

В августе случилось это, точнее, в августовский вторник. Теперь-то слова эти потеряли былой смысл, но множество понятий, известных всем и горячо принимавшихся к сердцу нашими примитивными, еще не освобожденными и недоразвитыми праотцами, кажутся бессмысленными нашим свободным умам. И тем не менее эту историю следует рассказывать с упоминанием всех, даже самых непонятных названий стран, городов и других, теперь забытых предметов.

Почему ее вообще надо рассказывать? А что, разве у вас есть какие-нибудь другие, более важные дела? Оглянитесь вокруг — у нас есть вода, у нас полно съедобных водорослей, так что при желании легко вообразить себя в Долине Блаженства. Так расслабьтесь же... Радуйтесь покою и внемлите. А главное — поглубже вдыхайте воздух, доверху заполняйте им легкие...

Итак, в августовский вторник в небе над Францией, в той части света, которая тогда называлась Европой, показался космический корабль. Был он пять миль в длину, и дошли до нас слова, что походил он на огромную серебристую сигару.

В нашей истории повествуется о том, какая невероятная паника и какой шум поднялись среди наших праотцев, когда космический корабль материализовался в голубом летнем небе. Как они метались, как кричали, как тыкали пальцами

в небосвод! С каким волнением спешили оповестить Объединенные Нации — а это было одно из самых важных тогда учреждений, — что странный металлический корабль невероятной величины появился над их страной. Как рассылали они сюда приказы окружить его боевыми летательными машинами с заряженными пушками, а туда — инструкции немедленно скомплектовать группу ученых с сигнальной аппаратурой, которые должны подойти к звездолету с жестами, выражавшими миролюбие! Как суетились они под гигантским кораблем с фотоаппаратами, снимая его на пленку, как отстукивали на пишущих машинках его описания, как навязывали публике его уменьшенные копии!

Да, именно все это и проделывали наши порабощенные, но еще не ведавшие об этом предки.

А затем колossalный кусок обшивки в средней части корабля откинулся и первый инопланетянин вышел наружу той необычной трехногой поступью, которую всему человечеству предстояло в скором времени запомнить и полюбить. На нем была металлическая одежда, защищающая от атмосферных влияний, чуть просвечивающая и ниспадающая свободными складками, та самая одежда, которую эти первые из наших освободителей носили в течение всего своего пребывания на Земле.

Говоря на языке, которого никто не понимал, голосом, оглушительно бухающим из громаднейшего рта, расположенного примерно на середине высоты его двадцатипятифутового тела, инопланетянин произнес ровно часовую речь, а когда кончил, вежливо подождал ответа и, не получив его, удалился обратно в недра корабля.

О, эта ночь! Первая ночь нашего освобождения! Или лучше сказать, о, эта первая ночь нашего первого освобождения? Короче — о, эта ночь! Вообразите себе наших предков, которые спешат по своим дурацким делишкам, торопятся к игре в хоккей, к телевизорам, к расщеплению атомов, к травле «красных радикалов», к постановке низкопробных пьес, к подписыванию документов, иначе говоря, кишащих в гуще ничтожных мелочей, превращавших те далекие времена в пугающее сплетение замысловатых деталей, которое называлось у них жизнью... И сравните это с величественной и захватывающей дух простотой наших дней.

Главным вопросом, конечно, было: что сказал пришелец? Призвал ли он человечество к безоговорочной капитуляции?

Объявил ли, что прибыл по мирным торговым делам, и, предложив, по его мнению, выгодную сделку, касающуюся, скажем, северной ледяной полярной шапки, деликатно удалился, чтобы мы обсудили его условия между собой в относительном уединении? А возможно, он просто объявил, что является только что назначенным на Землю послом от дружественной и разумной расы, и не будем ли мы столь добры проводить его к соответствующим властям на предмет вручения его верительных грамот.

Неизвестность сводила с ума.

Поскольку решать вопрос приходилось дипломатам, то к середине ночи наибольшую поддержку получило последнее предположение, а посему ранним утром следующего дня делегация Объединенных Наций уже стояла под брюхом неподвижного звездолета. Она получила наказ приветствовать пришельцев, предельно используя для этого лингвистические возможности своего разноязычного коллектива. Как дополнительное свидетельство серьезности дружественных намерений человечества всем военным самолетам, патрулировавшим воздушное пространство над космическим гостем, было приказано нести в своих бомболяках не больше одной атомной бомбы и летать с маленьким белым флагом, вывшенным рядом со знаменем ООН и флагом собственной страны. Вот как встретили наши предки этот ультимативный вызов Истории.

После того как пришелец несколько часов спустя вновь вышел из корабля, делегация подступила к нему, поклонилась и на трех официальных языках ООН — английском, французском и русском — попросила чувствовать себя на этой планете как дома.

Пришелец выслушал делегацию с подобающей серьезностью, а затем повторил без изменений вчерашнюю речь, которая для него была, видимо, столь же высокоэмоциональна и содержательна, сколь непонятна была она представителям мирового правительства. По счастью, один образованный молодой индиец — член Секретариата — заметил удивительное сходство между языком чужестранца и почти забытым диалектом бенгали, над аномалиями которого он когда-то ломал голову. Причина этого сходства, как мы теперь знаем, заключалась в том, что когда эта раса инопланетян в последний раз посетила Землю, то наиболее развитая человеческая цивилизация находилась в одной из влажных

долин современного Бенгала. Были составлены обширные словари языка этой цивилизации, с тем чтобы никакие языковые трудности не помешали последующим исследовательским отрядам общаться с народами Земли.

Я, однако, забежал в своем рассказе далеко вперед, подобно тому как поступают те, кто жует сочные корни до того как съедены сухие стебли. О-хо-хо! И как же колоссальны были последствия всего этого для нашего Человечества!

— Нет, сэр! Извольте сидеть тихо и слушать! Ты еще не достиг возраста, когда получают право рассказывать эту историю! Я помню и даже очень хорошо помню, как повествовали ее мой отец и отец моего отца. И ты будешь ждать своей очереди, подобно тому как я ждал своей. Ты будешь ждать до тех пор, пока промежутки между болотистыми западинками не превратятся в непреодолимое препятствие для моего существования. Тогда ты займешь мое место на полоске самой сочной растительности, и грациозно раскинувшись на отдых между двумя перебежками, ты станешь скандировать Великую Сагу нашего освобождения в поучение будущей беспечной молодежи.

В соответствии с мнением молодого индийца, единственный в мире профессор сравнительной лингвистики, способный понимать этот диалект давно уже мертвого языка и даже разговаривать на нем, был вызван с научной конференции в Нью-Йорке, где он читал доклад, над коим трудился все последние восемнадцать лет: «Изучение очевидных взаимосвязей между некоторыми причастиями прошедшего времени в древнем санскрите и равным числом существительных в современном сычуаньском диалекте».

Да, истинно свидетельствую: все это и многое, многое другое творили наши предки, опьяненные собственным невежеством. И разве не счастливей их мы — мы, освобожденные от подобных забот?

Разгневанный ученый без своих, как он горько плакался, словарных материалов был доставлен на самом скоростном турбореактивном самолете в район к югу от Нанси, который в те давно, давно прошедшие времена лежал в гигантской черной тени, отбрасываемой инопланетным звездолетом.

Здесь ученый был ознакомлен со своей задачей делегацией ООН, чья нервозность ничуть не уменьшилась из-за новых и тревожных событий. Из недр звездолета вышло еще

несколько инопланетян, тащивших множество огромных, сверкающих металлом деталей, из которых они стали собирать нечто, явно бывшее машиной, хотя в высоту оно превосходило любой небоскреб, когда-либо построенный людьми, а кроме того, издавало звуки, как если бы одушевленное и болтливое существо разговаривало само с собой. Первый из инопланетян, по-прежнему безукоризненно вежливый, стоял в окружении обильно потеющих дипломатов и то и дело повторял свою загадочную речь на языке, который был забыт еще тогда, когда закладывались первые камни фундамента Александрийской библиотеки. Делегаты ООН отвечали ему, причем каждый в отчаянии надеялся восполнить факт непонимания пришельцем его родного языка такими средствами, как жесты и мимика. Много позже комиссия из психологов и антропологов блестяще доказала тщетность таких физиономических жестикуляционных средств общения с народом, обладающим, подобно этим существам, пятью придатками, исполняющими функции рук, и единственным немигающим фасеточным глазом того типа, которым имеют счастье пользоваться наши насекомые.

Проблемы, вставшие перед профессором, и его отчаяние, когда он гонял по всему земному шару в кильватере у пришельцев, пытаясь собрать необходимый запас слов языка, особенности которого приходилось экстраполировать из отдельных клочков речи инопланетянина, наверняка произносившего слова с самым невероятным акцентом, и вообще все мучения профессора были, однако, ничтожны в сравнении с тревогами, выпавшими на долю представителей мирового правительства. Им пришлось созерцать, как звездные пришельцы ежедневно переходят на все новые участки поверхности нашей планеты и там собирают свои титанические сооружения из болтливого металла, который тоскливо бормочет что-то про себя, как будто хочет поделиться памятью о тех бесконечно далеких фабриках, где он родился на свет.

Правда, под руками всегда был тот самый первый пришелец, готовый в любую минуту приостановить свою, по всей видимости, руководящую деятельность, для того, чтобы вновь и вновь произносить заученную маленькую речь. Но даже его великолепные манеры, которые он демонстрировал, внимательно выслушивая пятьдесят шесть ответов на стольких же языках, не могли рассеять панического страха, вызванного тем, что один из земных ученых, рассматривая болтающие

машины, дотронулся до торчавшего рычага и тут же прекратил свое существование. События такого рода хоть и не часто, но все же случались, что не могло не способствовать возникновению бессонницы и несварения желудка у наших администраторов.

Наконец, ценой невероятного перерасхода нервной энергии, профессор овладел достаточным запасом слов, что сделало переговоры возможными. Ему, а через него и всему миру, было поведано следующее:

Пришельцы — представители необычайно высоко развитой цивилизации, которая распространила свое культурное влияние на всю Галактику. Будучи осведомлены об ограниченности тех пока еще недоразвитых существ, которые в дальнейшем стали доминирующим видом на Земле, они подвергли землян чему-то похожему на благожелательный остроклизм. До тех пор пока мы сами или наши общественные институты не разовьются до уровня, позволяющего стать, скажем, членом Галактической Федерации с ограниченными правами (под поручительством и опекой в течение нескольких тысячелетий одной из наиболее древних, наиболее широко распространенных и наиболее уважаемых рас этой Федерации), до тех пор какие-либо нарушения нашего спокойствия и нашего невежества, за исключением отдельных научных экспедиций, проводимых в условиях строжайшей секретности, были категорически запрещены общегалактическим соглашением.

Несколько лиц, преступивших этот запрет и принесших серьезный ущерб психическому здоровью человечества, а его главенствующим религиям — огромные выгоды, были так быстро и сурово наказаны, что других известных нарушений не последовало. Кривая нашего развития в последнее время пошла круто вверх и пробудила надежды, что через какие-нибудь тридцать—сорок столетий возникнет возможность рассматривать нас как перспективных претендентов на вступление в Федерацию.

К сожалению, народы этого межзвездного сообщества весьма многочисленны и столь же различны по взглядам на этические проблемы, как и по биологическим особенностям. Многие из них в социальном отношении сильно отстают от денди, как называли себя наши гости. Одна из таких рас — раса жутких червеобразных организмов, известных под именем троххтов, — столь же развитая в технологическом

отношении, сколь отсталая в моральном, — внезапно выступила с претензиями на роль единственного и абсолютного правителя Галактики. Они захватили контроль над несколькими солнцами ключевого значения с относящимися к ним планетными системами и, после безжалостного истребления каждого десятого из захваченных ими народов, объявили о своем намерении беспощадно уничтожать все виды, которые не оценят этих предметных уроков и не капитулируют безоговорочно.

В отчаянии Галактическая Федерация обратилась к денди — одному из старейших, самоотверженнейших и самых могучих народов, — и облекла их полномочиями преследовать в качестве боевой силы Федерации троххтов, изгоняя их отовсюду, где те установили незаконный суверенитет, чтобы ликвидировать навсегда основу их военного могущества.

Эти меры были приняты с большим опозданием. Троххты, благодаря фактору неожиданности, повсюду добились больших успехов, так что денди удалось сдержать их, лишь понеся огромные потери. Уже несколько столетий этот конфликт разливается по бескрайним просторам нашей гигантской островной Вселенной. В ходе военных действий многие густозаселенные планеты превратились в ничто, многочисленные солнца взорваны и стали новыми, а целые созвездия размолоты в крутящуюся водоворотом космическую пыль. Некоторое время назад ситуация стала тупиковой, и обе стороны, истощенные и измотанные, использовали передышку для укрепления слабых позиций в периферийных зонах сфер своего влияния.

В результате этих действий троххты проникли в мирный до того сектор космоса, включающий среди многих других и нашу Солнечную систему. Наша планета с ее скучными ресурсами их совершенно не интересовала, так же как и ее ближайшие соседи вроде Марса или Венеры. Свою штаб-квартиру они основали на одной из планет Проксимы Центавра — звезде, наиболее близкой к нашему Солнцу, — и начали укреплять оборонительные и наступательные позиции между Ригелем и Альдебараном. На этой стадии своих объяснений денди заявили, что дальнейшее изложение межзвездной стратегии слишком сложно и требует как минимум трехмерных карт, и потому предложили принять в качестве постулата аксиому, что для них стало жизненно необходимым нанести упреждающий удар, который лишит троххтов воз-

можности удерживать позиции на Проксиме Центавра. Иными словами, денди потребовалось создать свою базу на коммуникациях троххтов. Самым подходящим местом для такой базы оказалась Земля.

Денди глубоко извинялись за вмешательство в наш исторический процесс, вмешательство, которое может обойтись нам очень дорого, особенно учитывая деликатный характер переживаемой нами стадии развития. Но, как указали они на своем безукоризненном прабенгали, мы еще до их прибытия фактически превратились, сами того не зная, в сатрапию отвратительных троххтов. Поэтому отныне нам следует считать себя освобожденными.

Мы, разумеется, горячо поблагодарили их за это.

Кроме того, с гордостью указал их предводитель, денди ведут войну во имя всей цивилизации, ведут против врага столь ужасного, столь омерзительного по своей природе и столь гнусного по своим действиям, что он не достоин даже называться разумным. Они, денди, сражаются не за себя, а за каждого лояльного члена Галактической Федерации, за каждый биологический вид, как бы мал и беззащитен он ни был, за каждый самый скромный народ, слишком слабый, чтобы защитить себя от хищного врага. Неужели же человечество останется в стороне от этой борьбы?

Проглотив эту информацию, человечество колебалось недолго. Раздалось громовое «НЕТ!», разнесенное всеми средствами массовой культуры — телевидением, газетами, гулкими ударами барабанов в джунглях, верховыми вестниками на мулах в лесах и горах. *«Мы не останемся в стороне. Мы поможем вам ликвидировать эту угрозу основам цивилизации! Укажите нам, что надо делать!»*

— Ну... ничего особенного, — ответили пришельцы в некотором замешательстве. — Возможно, чуть погодя что-то и начнется, какие-нибудь мелочи, которые окажутся полезными... — Но сейчас, если мы сконцентрируемся на том, чтобы не вертеться у них под ногами, пока они оборудуют свои орудийные установки, они будут нам очень, очень признательны.

Этот ответ вызвал немалое смятение среди миллиардов жителей Земли. Несколько дней наблюдалось следующее глобальное явление: как гласит легенда, люди избегали смотреть в глаза друг другу.

Но потом Человек все же оправился от сильного, нанесенного его гордости удара. Он найдет средство стать

полезным при всей своей незначительности, он найдет чем быть полезным той расе, которая освободила его от потенциального порабощения невыразимо отвратительными трохтами. И вот за это мы должны навсегда сохранить в своих сердцах память о наших предках. Воспомем же их искреннее старание, победившее их столь же беспредельное невежество!

Все армейские силы, все морские и воздушные флоты были реорганизованы для несения патрульной службы вблизи батарей денди: ни одному человеку не разрешалось приближаться к болтливым машинам ближе двух миль без пропуска, заверенного денди. Поскольку свидетельства, что денди подписали хотя бы один такой пропуск за все время их пребывания на нашей планете, нет, то надо думать, что этой уловкой никто не воспользовался, и территория в непосредственной близости от инопланетных батарей стала (и с тех пор оставалась) полностью свободной от двуногих.

Координация действий с нашими освободителями заняла приоритетное место во всех видах человеческой деятельности. Все было подчинено лозунгу, впервые сформулированному неким гарвардским профессором на первом и чреватом спорами заседании Круглого Стола по теме «Место человека в несколько чересчур развитой Вселенной».

«Забудем свои индивидуальные это и коллективные предрассудки, — вскричал в своем выступлении профессор, — и подчиним все единой цели: сохранить в настоящем и обеспечить в будущем свободу Солнечной системе в целом и Земле в частности».

Хотя этот лозунг и трудно было выговорить натощак, он однако зазвучал повсюду. Временами, впрочем, было нелегко понять, чего именно желают денди, во-первых, из-за нехватки переводчиков для глав наших многочисленных государств, а во-вторых, из-за привычки предводителя инопланетян скрываться в своем звездолете сразу же после не вполне ясных заявлений, допускающих различные толкования, подобных его краткому требованию эвакуировать Вашингтон.

В этом случае Государственный секретарь и президент США пропотели пять часов жаркого июньского дня в своих дипломатических одеяниях — высоких шелковых шляпах, жестких воротничках и черных костюмах, которые в те варварские времена были обязательны для политических лидеров, намеревающихся вступить в переговоры с представителями других народов. Они ждали, погибая от жары, под брюхом

гигантского звездолета, внутрь которого ни один человек так и не был допущен, невзирая на вполне очевидные намеки университетских ученых и авиастроителей, ждали покорно, обливаясь потом, когда же наконец выйдет предводитель денди и разъяснит им, имел ли он в виду штат Вашингтон или же город Вашингтон в Федеральном округе Колумбия.

Дошедший до нас рассказ об этом событии — поистине история доблести и славы. Здание Капитолия было разобрано в несколько дней и почти без потерь восстановлено у подножия Скалистых гор; пропавший архив Конгресса был позднее обнаружен в детском зале публичной библиотеки в Дулуте, штат Айова; бутылки с водой из Потомака были с бесконечными предосторожностями отвезены на Запад и с церемониями вылиты в зацементированную канаву, сооруженную вокруг президентского дворца (к сожалению, вода эта через неделю испарилась из-за низкой влажности воздуха в этих местах). Да, это были поистине звездные часы галактической истории человечества, и даже такая, ставшая позднее известной, деталь, как то, что денди решили на месте столицы устроить не орудийную батарею и даже не склад боеприпасов, а всего лишь зал для развлечений своих солдат, не может ни на йоту умалить величие нашего безоглядного сотрудничества и добровольного самопожертвования.

Нельзя, однако, отрицать, что гордость человечества сильно пострадала от открытия, сделанного в ходе обычного журналистского интервью, из коего выяснилось, что пришельцы в военном отношении составляют всего лишь отделение, а их руководитель — вовсе не великий ученый или крупный стратег, на посылку которых Галактической Федерации для защиты Земли мы имели право надеяться, а всего лишь старший сержант в переводе с галактической табели о рангах на нашу. Что президент Соединенных Штатов — главнокомандующий армией и флотом — ожидал столь почтительно распоряжений от существа, не имеющего даже офицерского звания, нам было очень трудно проглотить, а то, что близящаяся Битва за Землю по историческому значению будет всего лишь стычкой патрулей, казалось нам невыносимым унижением.

Ну и потом эти дела с ленди...

Пришельцы, создавая и обслуживая свою глобальную оборонительную систему, время от времени выбрасывали ненужные им куски говорящего металла. Отторгнутый от

машины, частью которой он был раньше, этот металл терял те качества, которые были смертельно опасны для людей, и сохранял те, которые имели для них ценность. Например, если кусок этого странного металла приходил в соприкосновение с любым земным металлом, то при условии полной изоляции от окружающей среды он через несколько часов приобретал все свойства металла, с которым был соединен, будь то цинк, золото или чистый уран.

На это вещество — ленди, как по слухам называли его инопланетяне, — вскоре возник колоссальный спрос со стороны экономики, терзаемой постоянным и временами обостряющимся сырьевым голодом во всех крупнейших промышленных центрах.

Куда бы ни направлялись пришельцы, то есть к своим батареям или со своих батарей, орды неистовствующих людей встречали их за пределами двухмилльного замкнутого круга хоровыми выкриками: «Эй, денди, давай ленди!» Все попытки правоохранительных органов планеты положить конец этому бесстыдному всеобщему попрошайничеству были безуспешны, особенно после того как денди сами стали получать какое-то извращенное удовольствие, бросая мелкие кусочки ленди в дерущиеся толпы. Когда же и полицейские и солдаты начали присоединяться к смертельным броскам топущей все и вся толпы и рваться в тот угол поля, куда падал кусок болтающегося как сорока металла, правительства отступились.

И человечество возжалдало скорейшего начала военных действий, что, по его мнению, должно было избавить его от мучительного ощущения своей очевидной неполнценности. Некоторые из самых фанатичных консерваторов среди наших предков, возможно, уже принялись оплакивать свершившееся освобождение.

Да, они оплакивали Освобождение, дети, они оплакивали! Будем надеяться, что эти потенциальные троуголовые оказались среди тех, кто самыми первыми были расплавлены и сожжены облаками алого пламени! Нельзя же в самом деле безнаказанно поворачиваться спиной к прогрессу!

За два дня до того, как месяц сентябрь окончился, пришельцы оповестили, что ими отмечена активность на одной из лун Сатурна. Очевидно, троххты уже прокладывают свой предательский путь в пределы Солнечной системы. Учитывая их жестокость и коварство, предупреждали денди, напа-

дения этих червеобразных страшилиц можно ожидать в любую минуту.

Очень немногие люди спали в то время, когда ночь накатывала на тот меридиан, где они обитали, а затем уходила с него. Все глаза были устремлены в небо, тщательно очищенное от облаков бдительными денди. В некоторых районах планеты шла оживленная торговля дешевыми подзорными трубами и кусочками закопченного стекла, в других же местах возник внезапный спрос на заговоры и амулеты, предохраняющие от многих, если не от всех бед.

Троххты атаковали тремя цилиндрическими черными звездолетами одновременно: одним — Южное полушарие и двумя — Северное. Мощные струи зеленого пламени с ревом вырывались из их сравнительно небольших кораблей, и все, чего касались эти струи, тут же взрывалось, превращаясь в прозрачный, похожий на стекло, оплавленный песок. Ни один денди, однако, не стал жертвой зеленых струй, и из своих, как бы корчащихся в муках орудий они выпускали серии алых облаков, которые жадно преследовали троххтов, пока замедление скорости не заставляло их падать на Землю. Здесь облака производили один прискорбный побочный эффект. Любой населенный пункт, куда случайно опускалось такое, теперь уже бледно-розовое облако, немедленно превращался в кладбище, которое, если верить тому, что дошло до нас, пахло больше кухней, чем могилой. Обитатели этих несчастных городов подвергались внезапному подъему температуры. Их кожа сначала краснела, а потом обугливалась, волосы и ногти скручивались, а сама плоть превращалась в жидкость и стекала с костей.

Отвратительный вид смерти для одной десятой человечества!

Единственным утешением был захват одним из алых облаков черного цилиндра троххтов. Когда охваченный облаком цилиндр раскалился добела и вещества, из которого он состоял, ливнем жидкого металла пролилось на землю, остальные два звездолета, атаковавшие Северное полушарие, тут же отступили на астероиды, куда денди из-за своей немногочисленности решительно отказались их преследовать.

В течение последовавших двадцати четырех часов пришельцы (назовем их *наши* пришельцы) совещались, ремонтировали свои орудия и выражали нам соболезнования.

Человечество хоронило своих мертвцевов. Таков был обычай наших предков, который стоит того, чтобы о нем упомянуть, так как он, разумеется, не дожил до нынешних дней.

К тому времени когда троххты вернулись, человечество было подготовлено к этой встрече. Оно, к сожалению, не могло встретить их с истребительным оружием в руках, хотя искренне желало этого, но зато оно вооружилось оптическими инструментами и волшебными амулетами.

Снова маленькие алые облачка резво поднимались в верхние слои стратосферы, снова зеленое пламя с воем рвало на части бормочущие шпили из ленди, снова люди умирали тысячами в кипящем вихре битвы. Но на этот раз были и некоторые небольшие отличия: зеленое пламя троххтов после трехчасового сражения внезапно изменило цвет, потемнело и стало почти фиолетовым. И когда это произошло, денди один за другим стали падать у своих батарей и умирать в судорогах.

Видимо, последовал сигнал к отступлению. Оставшиеся в живых денди пробились к своему колossalному звездолету. Громовой выхлоп из кормовых дюз, прорыв раскаленную докрасна траншею через всю Францию, сбросил Марсель в Средиземное море, и звездолет взвился в космос и позорно бежал в его глубины.

Человечество крепило дух, готовясь к неизбежным ужасам господства троххтов.

Они действительно были червеобразны. Как только два черных, как ночь, цилиндрических звездолета приземлились, троххты выползли наружу. Их небольшие членистые тела поддерживались над поверхностью земли при помощи сложной сбруи, укрепленной на высоких и тонких костылях. Троххты воздвигли куполообразные форты вокруг каждого корабля — один в Австралии, другой на Украине — и изловили нескольких смельчаков, оказавшихся поблизости от места посадки. А затем скрылись в непроглядной тьме своих кораблей вместе с сопротивляющимися пленниками.

В то время как кое-кто из людей начал лихорадочно готовиться к уже давно забытому искусству отпора врагу, другие дрожа засели за ученые книги и отчеты, относящиеся ко времени прилета денди, в отчаянной надежде отстоять независимость Земли против коварного завоевателя испещренной звездами Галактики.

А все это время люди-пленники, уведенные в искусственный мрак звездолетов (троххты не имели глаз, и свет был им не только бесполезен, но, как то обнаружили наиболее активные и подвижные из них, он вредно действовал на их чувствительные, лишенные пигмента тела), отнюдь не подвергались пыткам для изъятия из них нужной информации, а тем более не становились жертвами вивисекции, пред назначенной для получения знаний на несколько более высоком уровне, но совсем наоборот — обучались сами. Обучались, как выяснилось, языку троххтов.

Правда, большая часть захваченных пленников оказалась непригодной для поставленной перед ними троххтами задачи и со временем превратилась в прислугу более способных учеников. А у другой — численно значительно меньшей группы — возникли все признаки нервного срыва (варьировавшегося от слабой депрессии до настоящего ступора) из-за трудностей языка, в котором все глаголы были неправильными, а множество предлогов зависели от комбинаций существительных и прилагательных, определяемых смыслом предыдущего предложения. Тем не менее одиннадцать человек были выпущены в качестве дипломированных переводчиков с троххтского, и теперь они шурились безумными глазами от яркого солнечного света. Видимо, эти наши освободители никогда не посещали Бенгал в дни расцвета его исчезнувшей тысячелетия назад цивилизации.

Да, эти *освободители!* Потому что троххты приземлились в шестой день древнего, почти мифического месяца октября. И 6 октября, разумеется, есть Священный День Второго Освобождения. Помните же о нем и почитайте же его (хорошо бы, конечно, знать, на какой день нашего календаря он приходится).

История, поведанная переводчиками, заставила человечество понурить голову от стыда и заскрипеть зубами при воспоминании о том обмане, в который его ввергли денди.

Действительно, денди были уполномочены Галактической Федерацией преследовать троххтов и уничтожать их. Но это потому, что денди и были этой самой Федерацией. Находясь среди первых разумных рас, появившихся на межзвездной арене, эти гигантские существа организовали крупные полицейские силы, чтобы защитить себя и свою власть от любой попытки возмущения, которая могла возникнуть в будущем. Эти полицейские силы были названы Конгрессом Всех

Мыслящих Рас, населяющих Галактику, фактически же они были мощным средством удержания этих рас под жестким контролем.

Большинство известных тогда народов, однако, были миролюбивы и послушны: «Денди правят нами с незапамятных времен, — говорили они, — пусть и продолжают править. Пусть все идет заведенным порядком». Однако постепенно оппозиция денди стала расти, и ядром ее были существа, биологической основой которых служила протоплазма. В конце концов их организация стала известна как Протоплазменная Лига.

Хотя их было и немного, но существа, чей жизненный цикл определялся химическими и физическими свойствами протоплазмы, сильно различались по размерам, формам и специализации. Если бы Галактическое Сообщество черпало силу в них, оно из статической фазы развития вошло бы в динамическую, где межгалактические перелеты поощрялись бы, а не запрещались, как это было теперь, так как денди боялись встречи с цивилизацией более высокого уровня, чем они сами. Это была бы подлинная демократия всех видов — истинная биологическая республика, где все существа адекватной разумности и развития наслаждались бы свободой выбора пути, что в настоящее время было узурпировано одними денди — представителями силиконовой жизни.

В конце концов к троххтам — единственному многочисленному народу, решительно отказавшемуся полностью разоружиться, как то требовалось от всех членов Федерации, — обратился со слезной просьбой один из незначительных членов Протоплазменной Лиги, умоляя избавить его от полного уничтожения, которым ему угрожали денди в качестве наказания за «незаконный» исследовательский полет за пределы Галактики.

Столкнувшись с решимостью троххтов защитить своих сородичей по органической жизни, а также став перед лицом неожиданно пробудившейся враждебности двух третей народов Галактики, денди собрали Галактический Совет, хотя на нем и не было кворума, объявили Галактику в состоянии мятежа и начали укреплять свою власть в распадающейся империи с помощью ударных сил сотен миров. Троххты, по численности вооруженных сил и боевой технике безнадежно уступавшие противнику, могли продолжать борьбу только благодаря самоотверженности и изобретательности остал-

ных народов Протоплазменной Лиги, которые с риском для собственного существования снабжали троххтов своими новоизобретенными секретными боевыми средствами.

Как же мы, люди, не догадались об истинной сущности этих чудовищных денди хотя бы по тем предосторожностям, которые они применяли для того, чтобы ни одна часть их тела не вошла в соприкосновение со смертельно ядовитой для них атмосферой Земли? Ведь бесшовные, почти непрозрачные одежды, которые носили эти пришельцы с самой первой минуты их пребывания на Земле, безусловно должны были пробудить в нас подозрения, что их тела состоят из сложных кремниевых соединений, а не из соединений углерода!

Человечество опустило свою коллективную голову и признало, что подобные подозрения у него отсутствовали начисто.

— Что ж, — великодушно согласились троххты, — вы были неопытны и, возможно, излишне доверчивы. Спишем все на это обстоятельство. Эта наивность, хоть она и дорого обошлась вашим освободителям, не помешает даже приему человечества в гражданство Федерации, каковое гражданство троххты почитают естественнейшим и важнейшим правом каждого народа. Но что касается ваших руководителей... ваших, надо полагать, полностью разложившихся и уж на верняка безответственных руководителей...

Первая экзекуция официальных лиц из ООН, глав государств и переводчиков с прабенгальского, как «предателей протоплазмы», явившаяся завершением нескольких самых долгих и самых безукоризненно справедливых в истории Земли судебных процессов, состоялась неделю спустя после волнующего события, когда на пышных торжествах Человечество было приглашено сначала вступить в Протоплазменную Лигу, а затем и в Новую Демократическую Галактическую Федерацию Всех Видов и Всех Рас Вселенной.

И это было еще не все! В то время как денди презрительно отпихнули нас в сторонку, пока они занимались своими делами, превращая нашу планету в базу тирании и возводя свои механизмы, одно прикосновение к которым было для нас смертельным, троххты с тем искренним дружелюбием, которое сделало их имя символом демократии и порядочности для всех разумных существ звездного мира, троххты — эти наши

Вторые Освободители, как мы их с любовью назвали, — фактически сами предложили нам помочь им в интенсивных и все шире разворачивающихся работах по обороне планеты.

И вот человеческие внутренности стали расползаться под невидимым излучением силовых полей, применяемых при сборке новейших, невероятно сложных видов оружия; люди начали болеть и умирать от ползания на четвереньках в шахтах, которые троххты закладывали гораздо глубже, чем то делали люди; тела людей лопались и даже взрывались на глубоководных разработках нефти, кои троххтам представлялись жизненно необходимыми.

Часы занятий в школах использовались для таких компаний, как «Сбор платинового лома для Проциона» или «Радиоактивные отходы — Денебу». Домохозяйкам была предписана строжайшая экономия соли — это вещество применялось троххтами буквально в десятках совершенно непонятных для нас операций, и многокрасочные плакаты напоминали: «НЕ соли — лучше сахари!»

А над всем этим, деликатно опекая нас, совсем как заботливые умные родители, высились наши менторы, совершающие дозорные обходы на своих металлических подпорках, с каждой пары которых свисали гамаки, покоившие в себе бледные тела троххтов.

И все же, даже в разгар всеобъемлющего экономического паралича, вызванного переключением всех производственных мощностей на изготовление инопланетного оружия, даже несмотря на рвущие сердце вопли пострадавших от рожденных спецификой производства травм, которые наши врачи совершенно не умели лечить, даже среди всего этого, не поддающегося пониманию развала мы с радостью осознавали, что заняли свое законное место в будущем правительстве Галактики и уже сейчас помогаем созидать Вселенную Нерушимую Демократию.

Но денди вернулись, чтобы разрушить эту идиллию. Они явились в своих колоссальных серебристых звездолетах, и троххты, для которых это было полной неожиданностью, еле успели вывести свои силы из-под удара и даже нанести ответный. Все же звездолет троххтов, находившийся на Украине, был принужден ретироваться на свою базу в глубинах космоса. Спустя три дня единственными троххтами, оставшимися на Земле, были отчаянные бойцы из небольшого

подразделения, охранявшего их космический корабль в Австралии. В течение трех или четырех месяцев они доказывали, что их так же трудно стереть с лица Земли, как и уничтожить сам континент, и, поскольку военные действия перешли в стадию жестокой позиционной войны, где трохты занимали одно полушарие, а денди — другое, бои приняли чудовищные масштабы. Кипели моря, выгорали степи, климатические зоны сдвигались и изменялись под влиянием катаклизмов. К тому времени когда денди удалось решить поставленную задачу, была взорвана и исчезла с небосклона планета Венера. В ходе этого сложнейшего стратегического маневра Земля сошла со своей орбиты.

Решение было простым: поскольку трохты прочно обосновались на небольшом Австралийском континенте и выбить их оттуда было нельзя, то численно превосходившие их денди собрали столько боевой техники, что им удалось уничтожить всю Австралию и превратить ее в пепел, надолго замутивший воды Тихого океана. Это случилось 24 июня, в Священный день Первого Повторного Освобождения. День, памятный для всего человечества, оставшегося в живых.

— Неужели вы такие глупцы, — с интересом осведомлялись денди, — что вас могла увлечь эта дешевая шовинистическая пропаганда? Ведь если физические характеристики являются критерием наших расовых симпатий и антипатий, вы не должны были ограничиваться таким узким признаком, как биохимия. То, что жизненная плазма денди основана на кремнии, а не на углероде, — верно, но разве позвоночные, да еще позвоночные, владеющие придатками, подобно людям и денди, не имеют бесспорно больше общего между собой при ничтожном биохимическом различии, чем позвоночные и те безногие, безрукие, ползающие слизистые существа, которые по какой-то случайности обладают идентичной с людьми органической субстанцией?

Что же касается нарисованной трохтами фантастической картины жизни Галактики, то это просто бред. — Тут денди пожали многочисленными плечами, одновременно продолжая сложнейший монтаж своих болтливых боевых машин по всей покрытой обломками поверхности планеты.

— А вы когда-нибудь видели кого-либо из представителей этих пресловутых протоплазменных народов, которых трохты якобы защищали? Разумеется, нет, да и не увидите! Потому что, как только какая-нибудь раса — животная, растительная

или минеральная — развивалась настолько, что становилась потенциальной угрозой для червеобразных агрессоров, ее цивилизация просто демонтировалась бдительными трохтами. Поскольку вы находитесь на такой примитивной стадии развития, что не представляете для них опасности, они в шутку дали вам иллюзию полного равенства. А разве вы получили хоть какую-нибудь информацию о технологии трохтов? Несмотря на все труды по изготовлению их машин и бесчисленные жизни, потерянные при этом? Нет, разумеется, нет! Вы лишь вложили свою долю в дело порабощения далеких-далеких народов, которые вам лично не сделали ничего дурного.

Вам есть из-за чего чувствовать себя виноватыми, — говорили внушительно денди, когда несколько уцелевших переводчиков с прабенгали выбрались из своих убежищ. — Но ваша коллективная вина — ничто по сравнению с той, которую несут на себе червивые коллаборационисты, то есть те предатели, что заняли место ваших мучеников — прежних лидеров. Да еще эти непотребные переводчики, проложившие тропу через языковой барьер к существам, нарушившим мир в Галактике, продолжавшийся два миллиона лет... Убить их мало, — сказали денди.

И убили.

Когда трохты вернулись снова и захватили власть над Землей примерно восемнадцать месяцев спустя, принеся сладкие плоды Второго Повторного Освобождения, а также полное и необычайно убедительное опровержение доводов денди, то нашлось очень немного людей, которые захотели принять на себя обязанности, связанные с освободившимися прекрасно оплачиваемыми постами в области языкоznания, науки и управления. Разумеется, поскольку трохты, повторно освобождая Землю, сочли необходимым удалить взрывом огромный кусок Северного полушария, то на Земле население сильно поубавилось, но даже оставшиеся предпочли скорее прибегнуть к самоубийству, нежели принять титул Генерального Секретаря ООН, когда денди вернулись обратно для Славного Третьего Повторного Освобождения. Между прочим, это было то самое Освобождение, которое содрало с нашей планеты глубокий слой рыхлых пород и придало ей форму, названную нашими праотцами грушевидной.

Возможно, что именно в это время, а может быть, Освобождением или двумя позднее, троихты и денди обнаружили, что орбита Земли стала столь эксцентричной, что уже не удовлетворяет условиям безопасности, предъявляемым к театрам военных действий. И вот сверкающим зигзагом смертельная битва удалилась в направлении Альдебарана.

Все это произошло девять поколений назад. Но тот рассказ о событиях, что передавался от отца к сыну, а от сына к внуку и правнучке, почти ничего не потерял при передаче. Вы услышали его сейчас от меня почти в том же виде, в котором я впервые услышал его сам. Слыхал я его от своего отца, когда мчался плечом к плечу с ним от одного болотца к другому, через бесплодные пространства пылающего жаром желтого песка. Слыхал я его и от матери, когда мы жадно втягивали легкими воздух, неистово цепляясь за пучки жестких зеленых стеблей, в то время как планета под ногами содрогалась в предчувствии геологического спазма, который мог ввергнуть нас в ее раскаленные недра или внезапным изменением скорости вращения выбросить в космическое пространство.

Да, теперь, как и тогда, рассказываем мы все ту же историю, пробегаем все с той же безумной скоростью мили не-переносимого жара ради еды и влаги, ведем все те же, не знающие пощады битвы с гигантскими кроликами из-за жесткого и почти непригодного в пищу мяса друг друга, и всегда жадно ловим легкими драгоценный воздух, который уходит из нашего мира во все больших количествах при каждом новом безумном рывке.

Нагими, голодными и жаждущими пришли мы в этот мир, нагими, голодными и жаждущими влечим мы наши жизни под чудовищным, никогда не заходящим солнцем.

Никогда не меняется этот рассказ, никогда не меняется и его традиционная концовка, которую я слышал от своего отца, а он — от своего. Так наберите побольше воздуха в легкие, покрепче уцепитесь за пучки водорослей и выслушайте важнейший и священнейший вывод из нашей истории: «Оглядываясь назад, мы с законной гордостью можем сказать, что вряд ли какой-нибудь другой народ или другая планета были освобождены столь окончательно и бесповоротно, как Земля и земляне».

ИРВИНГА БОММЕРА ЛЮБЯТ ВСЕ

Ирвинг Боммер задумчиво-печально шел за девушкой в зеленом платье и услышал нечто совершенно фантастическое.

Комplимент.

Толстая цыганка, растекшаяся всем телом по каменной ступеньке перед входом в свою замызгованную лавочку, подалась вперед и крикнула: «Эй, мистар!» Затем, когда Ирвинг замедлил шаги и взглянул на нее и на витрину, забитую сонниками и книгами по нумерологии, цыганка прочистила горло, издав звук, который можно услышать, перемешивая комковатую овсянку.

— Эй, мистар! Да, ты, красавчик!

Ирвинг чуть не споткнулся, резко остановился и посмотрел вслед девушки, исчезающей вместе с зеленым платьем за углом и из его жизни.

На мгновение его словно парализовало. Он не смог бы покинуть место, где услышал столь восхитительный комплимент, даже... даже если бы сам Хамфрис, заведующий отделом хозтоваров в «Универмаге Грэгворт», сейчас материализовался перед ним за невидимым прилавком и повелительно щелкнул пальцами.

Ну конечно же. Некоторые находят такие шутки забавными. Некоторые, особенно женщины... Бледные щеки Ирвинга стала медленно заливать краска, и он, обычно медленно

Everybody Loves Irving Bommmer
Copyright © 1951 by Philip Klaas
Ирвинга Боммера любят все
© Издательство «Полярис», перевод, 1997

соображающий, стал напряженно подыскивать ответ — умный и сокрушительный одновременно.

— А-а-ах! — начал он, понадеявшись на импровизацию.

— Поди сюда, красивый мистар, — велела цыганка без тени иронии. — Заходи, и получишь то, чего так сильно хочешь. У меня это есть.

А чего он хочет сильнее всего? Откуда она может знать? Даже он, Ирвинг Боммер, представлял себе это весьма смутно. Но все же он двинулся следом за толстой, покачивающейся при ходьбе цыганкой и вошел в лавку, скромно обставленную тремя складными стульями и столиком для бриджа, на котором расположился покрытый мелкими трещинками хрустальный шар. Перед драной простыней, завешивающей вход в заднюю комнату, играли пятеро детей на удивление близкого возраста. Когда цыганка повелительно цыкнула, они проворно выссыпали на улицу.

Усевшись на складной стул, который немедленно накренился под углом сорок пять градусов, Ирвинг задумался над тем, что он здесь делает. Ему вспомнилось, что сказала миссис Нэгенбек, когда он снял у нее комнату: «Опоздавшим жильцам — никаких ужинов. *Никогда*», а поскольку сегодня в отделе хозтоваров проводилась ежемесячная инвентаризация, он уже был и опоздавшим, и голодным. И все же...

Никогда нельзя знать заранее, чем может обернуться общение с цыганами. В проницательности им не откажешь. Их стандарты красоты отлиты не по голливудским формам; они потомки расы, бывшей космополитами еще во времена Пилата; они могут распознать такие вещи, как благородство души и... возможно, даже привлекательность — житейскую, зреющую привлекательность, если ее так можно назвать.

— Итак, э-э... — он еле заметно усмехнулся, — что же у вас есть такого, чего я... чего я... э-э... столь отчаянно желаю? Сонник, чтобы выигрывать на бегах? Я не играю на бегах. И судьбу мне тоже никогда не предсказывали.

Цыганка стояла перед ним многоскладчатой горой плоти, облаченной в столь же многоскладчатые разноцветные платья, и хмуро разглядывала его крошечными и усталыми черными глазками.

— Нет, — сказала она наконец. — Тебе я не буду предсказывать судьбу. Я дам это.

В ее протянутой руке он увидел бутылочку из-под лекарства, наполненную пурпурной жидкостью, которая в

тусклом сумеречном свете, пробивающемся сквозь окно лавки, постоянно меняла цвет с густо-красного на темно-синий.

— Что... что это? — спросил он, хотя внезапно понял, что есть только одна вещь, которую ему могут предложить.

— Она принадлежала моему мужу. Он работал над этим много лет. А когда сделал, умер. Но ты... другой. У тебя есть на это право. А это даст тебе женщину.

Ирвинг вздрогнул, услышав оскорбление. Он попытался рассмеяться, но вместо этого глубоким вздохом выдал свою надежду, свое желание. Женщина!

— Так это настойка... приворотное зелье? — Его голос дрогнул, пытаясь выразить одновременно насмешку и согласие.

— Зелье. Когда я тебя увидела, то поняла, что тебе нужно. В тебе много несчастья. Очень мало счастья. Но помни, надо возвращать то, что взято. Если берешь каплю зелья, смешай ее с каплей своей крови — тогда она станет твоей. И бери каждый раз только по капле. Десять долларов, пожалуйста.

Это его доконало. Десять долларов! За флакон подкрашенной водички, которую она намешала в задней комнате. И лишь потому, что он из-за своей доверчивости вошел в лавку. Ну нет! Только не Ирвинг Боммер. Он не дурак.

— Я не дурак, — сообщил он цыганке, затем встал и расправил плечи.

— Слушай! — хрюпlo и повелительно произнесла цыганка. — Ты можешь стать дураком сейчас. Тебе это средство нужно. Я могла попросить пятьдесят, могла попросить тысячу. Я попросила десять, потому что это правильная цена, потому что у тебя есть эти десять и потому что тебе нужно это. А мне... мне уже не нужно. Не будь дураком. Возьми. Ты станешь... по-настоящему привлекательным.

Ирвинг обнаружил, что усмешек он больше не выдержит и что дверь слишком далеко. Он очень медленно отсчитал десять долларов, и до дня зарплаты у него осталось всего два. Его не остановило даже воспоминание о флаконе фантастически дорогого лосьона после бритья, который его уговорили купить на прошлой неделе. Он просто обязан... попробовать.

— Капля крови и капля зелья! — крикнула вслед цыганка, когда он торопливо зашагал к двери. — Удачи тебе, мистар.

К тому времени когда он, прошагав два длинных квартала, подошел к своему пансиону, его полная надежд возбуж-

денность сменилась привычным состоянием покорной унженности.

— Какой лопух, какой лопух! — шипел он себе под нос, проскальзывая через черный ход в пансион миссис Нэгенбек и поднимаясь по лестнице. Ирвинг Боммер, чемпион лопухов всех времен и народов! Покажи ему хоть что-нибудь, и он это купит. Приворотное зелье!

Но когда Ирвинг захлопнул за собой дверь узкой комнатушки и швырнулся на постель, он прикусил губу, а из его близоруких глаз выкатились две огромные слезы.

— Ах, если бы только у меня было лицо, а не рожа из комикса, — всхлипнул он. — Если бы... черт побери!

А затем его сознание, будучи относительно здравым, отказалось работать дальше на таких условиях. «Давай помечтаем, — предложило сознание подсознанию. — Давай помечтаем и представим, каким приятным мог бы оказаться мир».

Он сидел на кровати, блаженно уткнувшись подбородком в поднятое колено, и мечтал о правильно сотворенном мире, где женщины интриговали ради его внимания и дрались за него; где они, не в состоянии завоевать его целиком только для себя, волей-неволей делили его со столь же целеустремленными сестрами. И он привычно бродил по этому блестательному миру, как всегда довольный тем, что правила здесь постоянно менялись в его пользу.

Иногда он становился единственным мужчиной, уцелевшим после атомной катастрофы; иногда откидывался на пурпурные подушки и попыхивал кальяном, окруженный гаремом преисполненных обожания гурий, от красоты которых захватывало дух; а иногда десятки мужчин — все они чем-то напоминали Хамфриса — с отчаянием наблюдали за тем, как Боммер богатый, Боммер преуспевающий, Боммер невероятно красивый провожает их жен, любовниц и особых подружек из просторных лимузинов в свои холостяцкие апартаменты, занимающие целый особняк на Парк-авеню.

Время от времени в его мечтах появлялся пластический хирург — разумеется, работающий абсолютно без боли! — талантливый джентльмен, который, завершив шедевр, умирал от удовлетворения, не успев осквернить свою лучшую работу созданием дубликата. Нередко Ирвинг Боммер откладывал на время трудный выбор между сияющей блондинкой с фигурой классической статуи и пикантной рыжеволосой

красавицей и представлял, как его рост увеличивается до шести футов и двух дюймов, плечи расширяются, плоскостопие исчезает, а нос уменьшается и выпрямляется. И даже мысленно наслаждаясь новой звучностью своего голоса и неотразимой сердечностью своего смеха, гордясь своим безупречным и всегда отточенным остроумием и всесторонним образованием, он чаще всего возвращался в мечтах к своей блестательной внешности. О, эта шапка волос, небрежно скрывающая нынешнюю проплешину, третий урожай зубов, чудом вытесняющий из десен обломки пожелтевшей эмали и дешевые мостики, и желудок, более не привлекающий внимание имитацией проглощенного арбуза, а с достоинством скрытый за стеной мышц! Ах, желудок! В нем теперь найдут приют лишь изысканнейшие вина, лишь вкуснейшие блюда, приготовленные опытнейшими поварами, лишь тончайшие деликатесы...

Резко слглотнув накопившуюся во рту слону, Ирвинг Боммер понял, что жутко голоден.

Судя по часам, кухне сейчас полагается быть темной и пустой: в нее можно было пробраться по проходящей рядом с его комнатой скрипучей лестнице, ведущей к задней двери.

Однако миссис Нэгенбек, обнаружив в кладовой посторонних лиц, имела склонность объединять наиболее значительные черты каждой из Трех Фурий в одно гармоничное целое. Ирвинг Боммер даже содрогнулся, представив, что его ждет, если она его застукает...

Что ж, приятель, это риск, на который тебе придется пойти, резко вмешался желудок.

Тревожно вздыхая, он спустился на цыпочках по гнусно скрипящей лестнице.

Пошарив в темной кухне, он коснулся ручки холодильника. Ирвинг голодно нахмурился. Осторожные поиски и ободранная голень вознаградили его едва начатой палкой салями, полбуханкой ржаного хлеба и тяжелым ножом с клиновидным лезвием, незаменимым, когда берешь на абордаж испанский галеон.

Отлично, пробурчал желудок, вылизывая двенадцатиперстную кишку. Пора начинать!

В комнате за кухней щелкнул выключатель. Ирвинг замер, не успев отрезать ломоть от краюхи. Тело его было

абсолютно неподвижным, но сердце и все еще болтливый желудок принялись стукаться друг о друга, словно пара акробатов в финале дурацкого водевиля. Пугаясь, Ирвинг начал обильно потеть, и теперь его пятки заскользили по кожаным стелькам, хотя туфли были ему тесноваты.

— Кто там? — послышался голос миссис Нэгенбек. — Есть кто-нибудь в кухне?

Передумав отвечать ей даже отрицательно, Ирвинг Боммер, крадучись, поднялся по лестнице — с едой, ножом и теперь уже полностью сконфуженной внутренней анатомией.

Оказавшись в своей комнате и положив палец на выключатель, он выдохнул, прислушался и улыбнулся. Следов он не оставил.

Он неторопливо подошел к кровати, с поразительной для него храбростью отправив в рот прямо с ножа ломтик салами. Бутылочка лежала на прежнем месте. Жидкость в ней по-прежнему казалась то красной, то синеватой.

Усевшись, он принялся отвинчивать двумя пальцами колпачок, но, столкнувшись с неожиданным затруднением, медленно приподнял брови. *Так, подумал он, сейчас мы переместим нож в правую руку, допустим, сунем лезвие под мышку, хорошенько ухватимся за бутылочку левой рукой, а правой энергично повернем колпачок. А сами тем временем будем жевать.*

Колпачок заело намертво. Может, его вообще не полагается отвинчивать. Быть может, бутылочку следует разбить и использовать содержимое сразу. Но об этом можно побеспокоиться и позже. А сейчас у него есть салами и хлеб. И два доллара вместо двенадцати.

Он начал опускать бутылочку, продолжая раздраженно покручивать колпачок туда-сюда и показывая тем самым, что еще не отступил окончательно. Внезапно колпачок провернулся. Боммер отвинтил его до конца, более чем слегка изумленный. Он и не знал, что бутылочки для лекарств стали выпускать с левой резьбой.

Странный запах. Напоминает запах только что отмытого и завернутого в свежую пеленку младенца, который внезапно решил, что полный мочевой пузырь доставляет гораздо меньше удовольствия, чем пустой; и жидкость в бутылочке была синей. Он понюхал снова. Нет, больше похоже на запах очень волосатого человека, хорошенъко потрудившегося весь

день кайлом и лопатой, а потом решившего, что сегодня нет смысла принимать душ, и тем самым нарушившего собственную наиболее уважаемую традицию. И все же когда Боммер задумчиво разглядывал бутылочку, жидкость в ней блеснула яркой краснотой. Поднеся флакончик к носу, чтобы нюхнуть в последний раз, он поразился тому, насколько ошибался, распознавая запах: неприятный, и весьма, но легко узнаваемый. Это... застоявшийся табачный дым, но не совсем... недавно унавоженное поле — почти, но....

Он плеснул чуть-чуть на левую ладонь. Пурпурная.

В дверь замолотили кулаком.

— Эй, там! — взревела миссис Нэгенбек. — Вы, мистер Боммер! Откройте дверь! Я знаю, что у вас там. У вас там мои продукты. Откройте дверь!

Когда Ирвинг вздрогнул, зажатый под мышкой нож совершил отчаянный прыжок к свободе и славе. Он целился на запястье, ведь так, если повезет, можно отсечь всю кисть (а это достижение обязательно поставит на должное место некий весьма заносчивый мясницкий нож!). К несчастью, рука инстинктивно дернулась, засовывая хлеб и салами под подушку, и нож звякнул о пол, удовлетворившись — но не чувствуя себя счастливым — порезанным кончиком пальца.

— Если вы не откроете эту дверь сейчас, немедленно, сию секунду, — объявила миссис Нэгенбек через замочную скважину, призванную на службу в качестве мегафона, — то я ее вышибу, я ее выломаю. Я ее вышибу и выставлю вам счет за новую дверь, две новые петли и поврежденные косяки. Не говоря уже о продуктах, которые вы принесли к себе и сделали негигиеничными, хватая их грязными руками. Откройте дверь, мистер Боммер!

Ирвинг сунул нож под подушку и накрыл ее одеялом. Затем, завинтив колпачок на бутылочке, направился к двери, посасывая порезанный палец и обливаясь потом.

— Секундочку, — взмолился он заплетающимся от страха языком.

— И еще замок, — принялась размышлять вслух миссис Нэгенбек. — Хороший замок нынче стоит четыре, пять, а то и шесть долларов. А сколько возьмет плотник за его установку? Если мне придется сломать дверь, если придется испортить собственную...

Ее голос стал тише, превратившись в странное бормотание. Отпирая замок, Ирвинг дважды услышал звук, напоминающий шипение выпускающего пар локомотива.

За распахнутой дверью он увидел домохозяйку в лавандовом халате. Ее брови были сведены, а тонкие ноздри подрагивали.

Салами! С ее опытом она, вполне вероятно, сумеет по одному запаху отыскать под подушкой украденную колбасу.

— Какой странный... — неуверенно начала миссис Нэгенбек, с явным сожалением изгоняя враждебность с лица. — Какой странный запах! Такой необычный... такой удивительный, такой... О, мистер Боммер, бедный мальчик, вы ранены?

Он покачал головой, изумленный совершенно несвойственным ей выражением лица — не гнев, но нечто определенно опасное. Ирвинг отступил в комнату. Домохозяйка последовала за ним, ее голос экспериментировал со звуками и остановился на варианте, весьма смахивающем на воркование.

— Дайте-ка мне взглянуть на эти пальчики, на царапину, на порез, на эту рану, — робко попросила она, вытирая левую руку Боммера изо рта с такой силой, что у бедняги зашатались пять зубов. — О-о-о-о, болит? У вас есть антисептик — йод, перекись или меркурохром? А ляписный карандаш? А марлевые бинты?

Ощемленный поразительной сменой ее настроения, Ирвинг указал носом на аптечку.

Забинтовывая рану, она продолжала издавать странные и тревожные звуки, напоминающие мурлыканье саблезубого тигра. Время от времени, когда ее глаза встречались с глазами Боммера, она улыбалась и быстро вздыхала. Но когда, подняв его руку для завершающего осмотра, хозяйка, страшно застонав, поцеловала его ладонь, Боммер по-настоящему испугался.

Он побрел к двери, ведя за собой миссис Нэгенбек, которая так и не выпустила его драгоценную руку.

— Огромное спасибо, — пробормотал он. — Но уже поздно. Мне пора ложиться.

Миссис Нэгенбек выпустила его руку.

— Вы хотите, чтобы я ушла, — с упреком произнесла она.

Увидев его кивок, она слегкнула, храбро улыбнулась и бочком протиснулась в дверь, едва не оторвав ему пуговицы на пиджаке.

— Не работайте слишком много, — с грустью попросила она, когда Боммер закрывал дверь. — Таким, как вы, нельзя изматывать себя до смерти на работе. Спокойной ночи, мистер Боммер.

Яркий пурпур бутылочки подмигнул ему с кровати. Приворотное зелье! Ведь он выпил каплю на ладонь, а порезавшись, невольно сжал пальцы в кулак. Цыганка говорила, что капля крови, смешанная с каплей зелья, делает эту каплю его собственной, личной. Очевидно, так и произошло: миссис Нэгенбек воспламенилась. Он содрогнулся. Миссис Нэгенбек. Ничего себе любовное зелье...

Но то, что действовало на домохозяйку, несомненно, действует и на других, более молодых и привлекательных женщин. Например, на девушку с томными глазами в отделе столовых приборов или на дерзкую кокетку в отделе салатниц и кастрюль.

Стук в дверь:

— Это всего лишь я, Хильда Нэгенбек. Послушайте, мистер Боммер, я тут подумала — солями и хлеб трудно есть всухомятку. К тому же от них вам наверняка пить захочется. Вот я и принесла вам две банки пива.

Открыв дверь и взяв пиво, Боммер улыбнулся. Время уже поработало над миссис Нэгенбек. То, что еще несколько минут назад было в ее глазах лишь бутонами, теперь пышно расцвело. Ее душа попрала сковывающие узы и помахивала ему рукой.

— Спасибо, миссис Нэгенбек. А теперь идите спать. Идите, идите.

Она быстро и покорно кивнула и побрела прочь, через каждый шаг томно поглядывая на него.

Гордо расправив плечи, Ирвинг Боммер вскрыл банку пива. Конечно, миссис Нэгенбек не Бог весть что, но она подсказала ему дорогу к более интересному будущему.

Теперь он стал привлекательным — для любой женщины с чувствительным носом.

Жаль только, что зелья так немного, уж больно мала бутылочка. Кто знает, долго ли продлится эффект? А ему еще столь многое предстоит проверить и испытать!

Приканчивая вторую банку пива и намного более довольный собой, он внезапно натолкнулся на решение. Превосходное! И такое простое.

Первым делом Ирвинг вылил содержимое бутылочки в пустую пивную банку. Затем, сорвав бинт, сунул раненый палец в треугольное отверстие и соскреб подсохшую на ране корочку о голый металл. Через несколько секунд в банку потекла кровь. Когда струйка начинала иссякать, он вновь теребил ранку.

Решив, что смеси набралось достаточно, он потряс банку, забинтовал онемевший палец и вылил смесь в большой флакон с лосьоном после бритья, купленный неделю назад. Флакон был снабжен распылителем.

— А теперь, — заявил он, швырнув хлеб и нож на бюро, выключив свет, забравшись в постель и откусив кусок салами, — теперь остерегайтесь Ирвинга Боммера!

Он забыл завести будильник и проснулся лишь от шума, который издавал за стеной умывающийся сосед.

— Двадцать минут, чтобы одеться и добраться до работы, — пробормотал он, отбрасывая одеяло и бросаясь к раковине. — И никакого завтрака!

Но внизу миссис Нэгенбек встретила его широкой улыбкой и полным подносом и настояла, несмотря на его протесты, чтобы он «съел хоть кусочек».

Отчаянно забрасывая вилкой яичницу из суповой тарелки в рот, он столь же отчаянно дергал головой, избегая губ миссис Нэгенбек, украдкой пытавшейся его поцеловать, напоминая при этом человека-мишень, увертывающегося от бейсбольного мяча, а сам гадал, что же произошло с его властной хозяйкой со временем их последней встречи.

Со временем их последней встречи...

Воспользовавшись передышкой, когда миссис Нэгенбек вышла за баночкой икры («чтобы вы намазали ее на хлеб, когда будете пить кофе»), он опрометью помчался в свою комнату.

Ирвинг сорвал с себя галстук и рубашку, а затем, немного подумав, и майку. Потом направил на себя форсунку распылителя, сдавил резиновую грушу и опрыскал лицо, волосы, уши, шею, спину, руки и живот. Он даже сунул головку распылителя за пояс брюк и сделал полный круг по талии. Когда мускулы рук стало сводить от непривычного напряжения, он наконец успокоился и начал одеваться. От запаха его едва не стошило, и все же он ощущал поразительную беззаботность.

Прежде чем выйти из комнаты, он встряхнул флакон. Полон почти на девять десятых. Что ж, пока флакон не опустеет, Боммер со многими и за многое рассчитается!

Когда он проходил мимо, цыганка стояла перед своей лавочкой. Завидев его, она начала было улыбаться, но резко стерла с лица улыбку и цыкнула на детей. Те юркнули в лавку. Попятившись к дверям, цыганка зажала нос и прогундосила:

— Ты взял слишком много! Нельзя все сразу!

Не останавливаясь, Ирвинг помахал ей:

— Я не все потратил. Там еще много осталось!

Его поезд был переполнен, но, еще стоя на платформе подземки, он заметил в вагоне незанятое место. Врезавшись в кучку людей перед входом, он буквально растолкал их, дерзким рывком ворвался в вагон, едва не напавая от самоуверенности и счастья, протиснулся между двумя женщинами, с ловкостью эксперта ткнул в голень какого-то старика-на и уже опускался на сиденье, но тут поезд тронулся. Толчок лишил его равновесия и позволил юной леди с фарфоровым лицом лет двадцати или двадцати пяти проскользнуть за его спиной и усесться. Когда он выпрямился и обернулся, она уже хитро улыбалась ему маленьким, но поразительно красивым ротиком.

Те, кто часто ездят подземкой, обязательно со временем узнают, что повороты судьбы здесь загадочны и непостижимы и разделяют пассажиров на сидящих и стоящих. Ирвинг ухватился за ручку над головой, приспособливаясь к суровому вагонному закону спроса и предложения.

Лицо девушки скривилось, словно она собралась заплакать. Она затряслась головой, подняла на него глаза и прикусила губу. Дышала она очень громко.

Внезапно она встала и вежливо указала на сиденье.

— Не хотите ли присесть? — спросила она голосом, полным молока и меда. — У вас усталый вид.

Ирвинг Боммер сел, остро сознавая, что все головы поворачиваются в их сторону. Его соседка, пухленькая девушка лет девятнадцати, тоже принюхалась и медленно, словно удивляясь самой себе, перевела сияющие глаза с исторического романа на лицо Ирвинга.

Девушка, уступившая ему место, придвигнулась вплотную, хотя все стоящие пассажиры качнулись в этот момент в другую сторону.

— Я совершенно уверена, что где-то встречала вас прежде, — начала она с некоторой неуверенностью, а затем все быстрее, словно вспоминая слова: — Меня зовут Ифигения Смит, и если вы скажете мне ваше имя, я обязательно вспомню, где нас познакомили.

Ирвинг Боммер мысленно глубоко вздохнул и откинулся на спинку. Наконец-то биология пришла к нему на свидание.

К служебному входу в «Универмаг Грегворт» он подошел уже в сопровождении стайки женщин. Когда лифттер отказался впустить их в лифт, предназначенный только для персонала, они окружили шахту лифта и смотрели на его вознесение так, словно он был Адонисом, а зимнее равноденствие уже приближалось.

Хамфрис застукал его в тот момент, когда он расписывался в журнале.

— Опоздали на семь минут. Скверно, Боммер, скверно. Мы ведь постараемся вставать вовремя, не так ли? Очень постараемся.

— Забыл завести будильник, — промямлил Боммер.

— Мы ведь больше не станем этим оправдываться, правда? Будем взрослыми, работая в «Грегворте»; признаем свои ошибки и попробуем исправиться. — Заведующий чуть-чуть затянул узел безупречно повязанного галстука и нахмурился. — Что за странный запах? Вы что, Боммер, не мылись?

— Женщина пролила на меня что-то в метро. Это выветрится.

Легко на сей раз отделавшись от заведующего, он прошел мимо кастрюль, сковородок и сковородок к прилавку с терками и машинками для чистки и резки овощей, где находилось его рабочее место. Он только-только начал выкладывать товары на прилавок перед началом работы, как сигнал гонга объявил внешнему миру, что теперь он (мир) может войти и гарантированно купить с повышенной скидкой Грегвортса.

Его отвлекла чья-то рука, робко скользнувшая по лацкану пиджака. Дорис, прекрасная блондинка из отдела салатниц и форм для выпечки, нежно ласкала его, перегнувшись через прилавок. Дорис! Та самая, что обычно громко и неприятно фыркала, заметив его восторженный взгляд!

Ирвинг взял ее пальцами за подбородок.

— Дорис, — решительно произнес он, — ты меня любишь?

— Да, — выдохнула она. — Да, дорогой, да. Сильнее всех на свете...

Он поцеловал ее дважды, сперва быстро, а затем более страстно, когда заметил, что она не отпрянула, а вместо этого мечтательно застонала и едва не смахнула с прилавка никелированные терки.

Громкое пощелкивание пальцев заставило его отпрянуть и оттолкнуть Дорис.

— Так-так, так-так, — произнес Хамфрис, бросая на Боммера свирепый взгляд, приправленный легкой неуверенностью. — Мы находим время и место для всего, не так ли? Давайте-ка настроимся по-деловому; нас ждут покупатели. А личными делами займемся после работы.

Девушка метнула в заведующего взгляд, полный откровенной ненависти, но, когда Ирвинг махнул ей рукой, а Хамфрис пощелкал пальцами, медленно пошла на свое место, негромко и настойчиво бормоча:

— Ирвинг, милый, я буду ждать тебя после работы. Я пойду к тебе домой. Куда угодно, навсегда...

— Не понимаю, что с ней случилось, — удивился Хамфрис. — Всегда была лучшей продавщицей салатниц и форм для выпечки. — Он повернулся к Боммеру и после недолгой внутренней борьбы мягко произнес: — В любом случае, Боммер, не будем отвлекаться, так что давайте раскладывать терки и доставать резаки. — Заведующий взял за костяную ручку резака с длинным изогнутым лезвием и продемонстрировал его стайке ранних покупательниц, собравшихся возле прилавка Боммера. — Новейший способ нарезать грейпфруты, апельсины и дыни, дамы. Единственный способ. Вам еще не надоели прямые и грубые ломтики на блюдах? — Его презрительный тон незаметно сменился задумчивым и околовзывающим: — Новым резаком «Голливудская мечта» вы сможете резать грейпфруты, апельсины и дыни легко и эффективно. Вы больше не будете терять драгоценный сок, полный витаминов; позабудете о пятнах от дынь на кружевных скатертях. А кроме того, у всех ломтиков будут привлекательные фигурные края. Детям очень нравится есть интересно разрезанные грейпфруты, апельсины...

— Он именно это продает? — спросила необъятных размеров дама с решительной челюстью. Хамфрис кивнул.

— Тогда я куплю резак. Если он сам мне даст.

— А я куплю два. Он даст мне два?

— Пять! Я хочу пять. Я первая спросила, только вы не слышали.

— Дамы, успокойтесь, — просиял Хамфрис. — Не будем толкаться, не будем ссориться. Резаков «Голливудская мечта» у нас сколько угодно. Видишь, Боммер, — прошипел он. — какую пользу могут принести несколько слов продавца? Смотри не упусти их; энергичнее надо быть, энергичнее.

И он счастливо зашагал прочь, пощелкивая пальцами возле остальных прилавков, чьи стражи женского пола тревожно топтались на месте, подаввшись всем телом вперед в порыве боммеротропизма.

— Выпрямитесь, девочки; смотрите бодрее навстречу Дню Бизнеса. А сегодня, — негромко пробормотал он, подходя к своему офису, чтобы оскорбить первую с утра группу торговых агентов, — сегодня, кажется, великий день для отдела терок и овощечисток.

Он даже не подозревал, насколько оказался прав, пока незадолго до обеденного перерыва к нему не ворвался начальник склада с воплем:

— Нам нужны еще люди, Хамфрис. Складской отдел не справляется с нагрузкой!

— Нагрузкой? Какой еще нагрузкой?

— Мы не успеваем подносить товар к прилавку Боммера, вот с какой нагрузкой! — Начальник склада вырвал клок волос и продолжил, нервно приплясывая возле стола Хамфриса: — Я бросил на это всех своих людей, у меня никого не осталось ни на инвентаризации, ни на приемке, а он продает быстрее, чем мы успеваем подносить. Почему вы меня не предупредили, что сегодня начнется распродажа терок, резаков и овощечисток по сниженным ценам? Я бы тогда заказал больше товара с главного склада и не гонял бы туда людей каждые полчаса. Я смог бы тогда попросить Когена из отдела современной мебели или Блейка из детской спортивной одежды одолжить мне пару человек!

Хамфрис покачал головой:

— Сегодня нет никакой распродажи терок, резаков и овощечисток. Ни по сниженной цене, ни по цене сезонных распродаж, ни даже по оптовой. Возьмите себя в руки; не надо сдаваться перед неожиданными трудностями. Давайте-ка сходим и выясним, что там происходит.

Он открыл дверь кабинета и немедленно продемонстрировал позу человека, охваченного изумлением. Отдел хозтоваров был буквально забит колышущейся толпой задыхающихся женщин, рвущихся к прилавку с терками, резаками и овощечистками. Ирвинга Боммера полностью затопила волна кудряшек и перекосившихся шляпок, но время от времени из того места, где он примерно должен находиться, выплывал пустой картонный ящик и слышался писклявый надтреснутый голос:

— Принесите мне еще резаков! Эй, на складе, принесите еще! У меня кончается товар. Они начинают нервничать!

Все остальные прилавки на этаже оказались заброшенными — и продавцами, и покупателями.

Взревев: «Держись, Боммер, держись, мальчик!», заведующий взметнул в воздух манжеты и бросился в толпу. Проталкиваясь мимо женщин, прижимающих к взволнованно вздывающимся грудям целые упаковки картофелечисток, он заметил, что исходящий от Боммера странный запах теперь ощущается даже на расстоянии. И стал более сильным и насыщенным...

Ирвинг Боммер походил на человека, который спустился в Долину Теней и увидел там столько ужасов, что теперь его не напугать таким пустяком, как просто зло. Воротник у него был расстегнут, галстук лежал на плече, очки свисали с уха, безумные глаза налились краснотой, а пот заливал его столь обильно, что вся его одежда казалась недавно извлеченной из охваченной энтузиазмом стиральной машины.

Он был до смерти напуган. Пока у него был товар, чтобы отвлекать женщин, их обожание оставалось относительно пассивным. Но как только запасы начинали подходить к концу, женщины снова сосредотачивались на его персоне. Среди них не замечалось откровенного соперничества; они лишь расталкивали друг друга, чтобы лучше его видеть. Вначале он попросил нескольких уйти домой, и они подчинились, но теперь, соглашаясь выполнять все, о чем он их просил, они тем не менее категорически отказывались отойти. Проявляемая ими страсть становилась все более навязчивой и решительной — и более согласованной. Ирвинг с трудом понял, что виной тому обильный пот — тот смешивался

с приворотным зельем и разбавлял его, вынуждая запах распространяться все шире.

А их ласки! Прежде он даже представить не мог, каким болезненным может оказаться прикосновение женщины. Всякий раз, когда он склонялся к прилавку, выписывая чек, к нему протягивались десятки рук, поглаживая его руки, грудь и любую доступную часть тела. За три часа этого безумия нежные прикосновения начали ощущаться как тычки во время драки в забегаловке.

Когда Хамфрис встал рядом с ним за прилавком, Ирвинг едва не зарыдал.

— Пусть мне принесут побольше товара, мистер Хамфрис, — всхлипнул он. — У меня осталось только несколько терок для круглых овощей и пара резаков для капусты. Когда они кончатся, мне придет конец.

— Спокойно, мальчик, спокойно, — подбодрил его заведующий. — Это проверка наших способностей; с ней надо справиться, как подобает мужчине. Кем мы себя проявим — надежным и эффективным продавцом или сопляком, на которого нельзя положиться в солидном магазине? А где продавщицы из соседних отделов? Им следовало бы встать за прилавок и помогать тебе. Ладно, придется немного подождать, пока подвезут товар. Сделаем перерыв и попробуем заинтересовать дам вешалками для полотенец и товарами для туалета.

— Эй. — Затянутая в шерстяной рукав рука протянулась через прилавок и похлопала Хамфриса по плечу. — Отойди, а то я его не вижу.

— Секундочку, мадам, не будем столь нетерпеливы, — радостно начал Хамфрис и тут же смолк, наткнувшись на убийственный взгляд женских глаз. Она — да и другие, как он заметил, — смотрела на него так, словно была готова недрогнувшей рукой вонзить ему в сердце «Голливудскую мечту». Хамфрис сглотнул и дрожащей рукой поправил манжету.

— Послушайте, мистер Хамфрис, можно мне пойти домой? — взмолился Ирвинг со слезами на глазах. — Я себя плохо чувствую. А теперь и товар кончился, так что мне нет смысла бездельничать за прилавком.

— Гм-м, — задумчиво проговорил заведующий, — пожалуй, у нас сегодня был трудный день, верно? А раз мы себя

плохо чувствуем, значит, мы себя плохо чувствуем. Конечно, мы не можем ожидать, что нам заплатят за вторую половину рабочего дня, но мы можем пойти домой.

— Господи, спасибо, — выдохнул Боммер и направился было к выходу из-за прилавка, но Хамфрис перехватил его за локоть и кашлянул.

— Хочу тебе сказать, Боммер, что тот запах не такой уж и неприятный. Даже весьма приятный. Надеюсь, я тебя не обидел своим необдуманным замечанием насчет мытья?

— Нет, ничего. Я не обиделся.

— Рад это слышать. Мне не хотелось тебя обижать. Я хочу понравиться тебе, Боммер, хочу, чтобы ты считал меня своим другом. Честное слово, я...

Ирвинг Боммер сбежал. Он бросился в толпу женщин, и повсюду они расступались перед ним, но все равно протягивали руки и касались — лишь касались! — какой-нибудь части его пропитанного болью тела.

Вырвавшись, он успел прыгнуть в служебный лифт и содрогнулся, услышав голодный и отчаянный стон, раздавшийся в тот момент, когда дверцы лифта захлопнулись перед озабоченными лицами дам из авангарда. Спускаясь, он услышал высокий девичий голос:

— Слышите, я знаю, где он живет! Я отведу всех к его дому!

Боммер застонал. Так они еще и чертовски согласованно действуют! Он всегда мечтал стать мужчиной-богом, но ему никогда не приходило в голову, что богов бескорыстно обожают.

Выскочив из лифта на первом этаже, он поймал такси, заметив краем глаза, что лифтерша выбежала следом и поступила так же. Торопливо называя таксисту адрес, он увидел, что женщины по всей улице рассаживаются по такси и втискиваются в автобусы.

— Скорее, скорее, — молил он таксиста.

— Еду так быстро, как могу, — бросил тот через плечо. — Я-то соблюдаю правила, чего не скажешь об идиотках, которые едут за нами.

Бросив отчаянный взгляд назад, Ирвинг убедился, что несущиеся следом машины совершенно игнорируют светофоры, отчаянно размахивающих жезлами полицейских и

транспорт на перекрестках. После каждой остановки такси к ним пристраивались все новые и новые женщины за рулем.

Ирвингу становилось все страшнее и страшнее, и от этого пот заливал его еще обильнее, а запах все больше распространялся по улицам.

Вернувшись домой, он первым делом встанет под душ и как следует, мылом и мочалкой, смоет с тела проклятую гадость. Но сделать это надо быстро.

Такси резко остановилось, взвизгнув тормозами.

— Приехали, мистер. Дальше проехать не могу. Там то ли бунт, то ли еще что-то.

Рассчитавшись с таксистом, Боммер посмотрел вперед и едва не зажмурился. Улица была черна от женщин.

Флакон с лосьоном после бритья! На распылителе осталось немного содержимого, и испарения просочились на улицу. Флакон был почти полон, так что притяжение запаха оказалось весьма сильным. Но если всего лишь легкая утечка способна натворить такое...

Женщины стояли на улице, во дворе и в переулке, обратив лица на окно его комнаты, словно собаки, делающие стойку на опоссума. Они были очень терпеливы и очень спокойны, но время от времени кто-то вздохнул, а остальные подхватывали вздох, и тогда он звучал не слабее разрыва снаряда.

— Знаете что, — обратился он к таксисту. — Подождите меня. Возможно, я вернусь.

— Этого я обещать не могу. Не нравится мне эта толпа.

Ирвинг Боммер натянул на голову пиджак и побежал ко входу. Женские лица — удивленные и счастливые — начали поворачиваться к нему.

— Это он! — услышал он хрипловатый голос миссис Нэгенбек. — Это наш чудесный Ирвинг Боммер!

— Он! Он! — подхватила цыганка. — Наш красавчик!

— Дайте пройти! — взревел Ирвинг. — Прочь с дороги!

Женщины неохотно расступились, освобождая для него проход. Он распахнул входную дверь как раз в тот момент, когда преследовавшие его машины с ревом выскочили из-за угла.

Женщины толпились в вестибюле, гостиной и столовой, женщины стояли на лестнице, ведущей к его комнате. Он

протолкался мимо них, мимо их обожающих глаз и мучительных поглаживаний, сунул ключ в замок, открыл дверь и заперся изнутри.

— Думай, думай. — Он похлопал себя по голове покрасневшей рукой. Просто мытья окажется недостаточно, потому что флакон с лосьоном после бритья будет и дальше распространять свое жуткое содержимое. Вылить его в раковину? Тогда оно смешается с водой и разбавится еще больше. А вдруг на него начнут бросаться самки обитающих в канализации крыс? Нет, зелье надо уничтожить. Но как? Как?

В подвале есть печь. Лосьон сделан на спирту, а спирт горит. Сжечь зелье, а затем быстро вымыться, и не каким-то жалким мылом, а чем-нибудь по-настоящему эффективным — щелоком, а то и серной кислотой. Печь в подвале!

Ирвинг сунул флакон под мышку, как футбольный мяч. На улице ревели сотни автомобильных клаксонов, а тысячи женских голосов бормотали и распевали о своей любви к нему. Где-то далеко и очень слабо слышались сирены полицейских и их изумленные голоса — они пытались сдвинуть с места нечто, твердо решившее не отступать ни на шаг.

Едва открыв дверь, он осознал, что совершил ошибку. Женщины хлынули в комнату — противостоять комбинации из запаха смешавшегося с потом зелья и эманаций из флакона оказалась абсолютно невозможно.

— Назад! — гаркнул он. — Все назад! Я иду вниз!

Женщины расступились, но медленнее и неохотнее, чем прежде. Ирвинг стал проталкиваться к лестнице, дергаясь и извиваясь всякий раз, когда к нему протягивалась нежная рука.

— Освободите лестницу, черт бы вас побрал, освободите лестницу!

Кто-то уступал ему дорогу, кто-то нет, но все же теперь он мог пройти вниз. Крепко сжимая флакон, Ирвинг ступил на лестницу. Совсем юная девушка, почти девочка, с любовью протянула к нему руки. Боммер дернулся в сторону, и его правая нога, к несчастью, соскользнула со ступеньки. Ирвинг пошатнулся, его тело качнулось вперед, с трудом удерживая равновесие. Седая матrona принялась поглаживать его спину, и он выгнул спину дугой.

Слишком далеко. Он упал, а флакон выскользнул из его вспотевших ладоней.

Прокатившись по ступенькам, он больно порезался о разбитый флакон и сразу ощутил, как намокла его грудь.

Ирвинг поднял голову и успел издать лишь один-единственный вопль. Его затопила волна страстных, обожающих и полных экстаза женщин.

Вот почему вместо него на кладбище «Белая ива» похоронили рулон заляпанного кровью линолеума. А возвышающийся над его могилой огромный памятник возведен на деньги, с энтузиазмом собранные по подписке всего за час.

ФЛИРГЛЕФЛИП

Да, да, я все знаю. Очень маловероятно, что это послание дойдет до тебя за те годы, что ты еще проживешь, преисполненный самодовольства, но если все же что-нибудь, какое-нибудь событие — скажем, неожиданная аномалия атмосферного давления — вынесет эти листки на поверхность, то я хочу, чтобы Томас Альва Бандерлинг знал: я считаю его самым надутым, гипертрофированным, уникальным болваном в истории человечества.

Разумеется, за исключением себя.

Когда я вспоминаю, как был счастлив, перебирая свою коллекцию доликов и спиндфаров, как замечательно продвигалось написание моей статьи «Глианское происхождение флирг-структур позднего пегиса»... когда я вспоминаю это блаженство, но сразу же припоминаю и о грязной, отвратительной нищете моей нынешней профессии, то мое мнение о Бандерлинге становится несколько неакадемическим. И есть ли у меня теперь хоть какая-то надежда вернуться в кремовые башни Института, возвышающиеся в своей пластиковой красоте над загаженной почвой Манхэттена?

Мне нравится вспоминать то радостное возбуждение учёного, которое я испытал в тот день, когда мы, члены Девятнадцатой полевой экспедиции, вернулись с Марса, привезя с раскопок Глиана полный корабль панфоргов. Мне нравится вспоминать о том, как я с восхищением заново обду-

мывал проблемы, так и оставшиеся нерешенными, когда мне предложили участие в экспедиции. А Бандерлинг и его гадкий подавитель излучения? Да я в ту ночь вообще впервые по-настоящему заметил его существование!

— Тертон, — внезапно спросил он, когда его озабоченное лицо появилось на экране моего беноскопа. — Тертон, вы можете зайти на минутку в мою лабораторию? Мне нужна еще пара рук.

Я был поражен. Если не считать случайных встреч на институтских ассамблеях, мы с Бандерлингом практически не общались. А еще поразительнее оказалось то обстоятельство, что Младший Исследователь позвал для чисто механической и неквалифицированной помощи Полного Исследователя, работающего в совершенно другой области.

— Разве вы не можете вызвать лабтех или робота? — спросил я.

— Все лабтехи уже ушли. Мы сейчас в Институте совсем одни. День рождения Ганди, сами понимаете. А свою работу я велел упаковать еще два часа назад, когда решил, что скоро уйду.

— Ладно, — вздохнул я, вешая на шею и флирглефлин, и долик, который я с его помощью исследовал. Войдя в беноскоп и подергав ожерелье в нужном месте, чтобы настроить его на перемещение в противоположное крыло Института, я уже почти перестал удивляться странности просьбы Бандерлинга.

Видите ли, долик, над которым я работал, представлял собой так называемую Дилемму Тамце — совершенно восхитительную загадку. Большинство моих коллег были склонны согласиться с мнением Гурхейзера, высказанным более пятидесяти лет назад, когда он нашел этот долик в Тамце. Гурхейзер заявил, что этот предмет не может быть доликом, потому что в нем отсутствует флирг-структура, но также не может быть и спиндаром из-за присутствия в нем следовых количеств флирга. Следовательно, это сознательно созданный парадокс, и поэтому он должен классифицироваться как панфорг. Но, опять-таки, панфорг по определению не может существовать в Тамце...

Я задумался и вновь позабыл о реакции слушателей на эту проблему. Ах, если бы она оказалась иной, хотя бы по этому единственному вопросу... Как бы то ни было, выйдя из

беноскопа в лаборатории Бандерлинга, я все еще размышлял о Дileмме Тамце. Психологически я был совершенно не подготовлен сделать из его нервозности очевидные заключения. Но даже если бы я их и сделал, то кто мог ожидать столь безумного поведения от Младшего Исследователя?

— Спасибо, Тертон, — кивнул он, и на его ожерелье звякнули побрякушки, которые физики считают необходимым носить постоянно. — Возьмите, пожалуйста, этот длинный стержень с поворотного столика и прижмитесь спиной к решетке. Вот так, правильно.

Нервно покусывая костяшки пальцев правой руки, он левой рукой щелкнул переключателем и замкнул реле. Затем повернул какое-то колесико на несколько делений, сомнением нахмурился и вернул колесико в прежнее положение.

Находящийся передо мной поворотный столик — похожая на колесо конструкция, у которой вместо спиц были катушки резисторов, насаженная вместо оси на огромную мезотронную трубку — слегка засветился и стал медленно вращаться. Прижатая к моим лопаткам решетка слегка за-вибрировала.

— А в том, что я делаю, нет ничего... опасного? — спросил я, облизнув губы и обведя взглядом лабораторию, забитую работающим оборудованием.

— Да что здесь может быть опасным? — небрежно бросил Бандерлинг, задрав короткую черную бородку.

Поскольку я этого не знал, то решил считать себя успокоенным, надеясь в этом процессе на помощь Бандерлинга, но он уже быстро перемещался по лаборатории, нетерпеливо поглядывая на шкалы приборов и щелкая переключателями.

Я почти позабыл и о неудобной позе, и о стержне, который продолжал держать, и погрузился в обдумывание средней части своей будущей статьи — той, где я намеревался доказать, что влияние Гли на поздний пегис было ничуть не меньшим, чем влияние Ткес, — но тут бухающий голос Бандерлинга нарушил мои мысли:

— Тертон, вы часто сожалеете о том, что живете в промежуточной цивилизации?

— Что вы имеете в виду — Темпоральное Посольство? — уточнил я. О взглядах Бандерлинга я был наслышан.

— Совершенно верно. Темпоральное Посольство. Как может наука жить и дышать под таким гнетом? Это же в тысячу раз хуже всех древних репрессий вроде инквизиции, засилья

милитаризма или грантов на университетскую науку. То-то делать нельзя, потому что для этого придет время столетие спустя; то-то тоже делать нельзя, потому что социальный импульс от такого изобретения окажется слишком сильным для вашей эпохи; а вот то-то делать можно — сейчас у вас ничего не выйдет, но кто-то в будущем сумеет объединить ваши ошибки и создаст на их основе работающую теорию. Но к чему приведут все эти запреты и ограничения? На чью мельницу они льют воду?

— Ради максимального блага подавляющего большинства людей, максимально растянутого во времени, — четко процитировал я проспект Института. — Ради того, чтобы человечество могло непрерывно улучшать себя, переделывая прошлое на основе собственных исторических выводов и советов из будущего.

Он кивнул и презрительно фыркнул:

— А откуда нам это известно? Каков генеральный план тех якобы окончательных людей из якобы окончательного будущего, в котором уже нет темпорального посольства из еще более отдаленного периода? Одобрили бы мы этот план, или же...

— Но, Бандерлинг, мы бы его даже не поняли! Наш разум по сравнению с разумом тех людей покажется бесконечно примитивным — разве сумеем мы понять и оценить смысл их проектов? Кстати, никакого окончательного будущего, на мой взгляд, не существует, а цепочка темпоральных посольств выдает в прошлое цепочку последовательных советов, и советы каждого из них основываются на самом квалифицированном для данной эпохи анализе прошлого. Эта цепочка тянется в прошлое из постоянно улучшающегося будущего, и ей нет конца.

Я смолк, переводя дыхание.

— Но только не здесь. Только не в такой промежуточной цивилизации, как наша. В будущее эта цепочка может тянуться бесконечно, Тертон, но начинается она здесь. Мы никого не посылаем в прошлое; мы получаем приказы, но сами никому их не отдаем.

Я с любопытством наблюдал за тем, как Бандерлинг разглядывает мезотронную трубку, внутри которой мелькали зеленые искры. Затем он покрутил какие-то ручки настройки, и искры стали ярче и гуще. В Институте его всегда

считали немного бунтарем — правда, ни в коем случае не настолько запущенным, чтобы отправить на Перенастройку, — но ведь знал же он, несомненно, что Темпоральное Посольство, взяв нашу эпоху под контроль, первым делом посоветовало организовать наш Институт? Поэтому я решил, что на его логические способности повлияли сегодняшние трудности с оборудованием. Мои мысли потихоньку вернулись к более важным темам вроде проблем спиндфара, и мне все больше и больше хотелось, чтобы Бандерлинг забрал у меня свой дурацкий стержень и я смог снять с ожерелья свой флирглефлип.

Мне не очень-то верилось, что Дилемма Тамце может оказаться спиндфаром. Но я внезапно понял, что такое возможно, потому что флирг...

— Мне велели прекратить работу над подавителем излучения, — прервал мои мысли угрюмый голос физика.

— Вы имеете в виду, над этой машиной? — довольно вежливо уточнил я, скрывая раздражение, вызванное как его вмешательством, так и тем, что в помещении внезапно стало весьма жарко.

— Гм-м. Да, над этой машиной. — Он на секунду отвернулся, взял модифицированный беноскоп и поставил его передо мной. — Разумеется, Темпоральное Посольство лишь посоветовало мне остановить работу. Совет был направлен администрации Института, а она облекла его в форму приказа. Не приводится никаких причин, вообще ничего.

Я сочувственно хмыкнул и переместил вдоль стержня вспотевшие ладони. Вибрации решетки уже натерли мне на спине мозоли в клеточку, а мысли о том, что меня вовлекли в эксперименты на запрещенном оборудовании, особенно в то время, когда я мог бы плодотворно исследовать долик, спиндфар и даже панфорг, сделали меня почти патологически необщительным от нетерпения.

— Почему? — драматически воскликнул Бандерлинг, воздевая ладони. — Что в моем устройстве такого, из-за чего мне ультимативно приказали прекратить над ним работу? Верно, я смог бы снизить скорость света наполовину, а внутри этой трубки и еще больше, возможно даже, до нуля. Неужели подобный прирост человеческих знаний кажется вам опасным, Тертон?

Я обдумал его вопрос и был рад совершенно искренне ответить, что не кажется.

— Однако, — напомнил я ему, — существуют и другие примеры вмешательства в научные проекты. Вот вам один из них. Имеется долик, совершенно странным образом флирганический, но явно продукт культуры Среднего Рла в эпоху своего расцвета. Однако не успел я обстоятельно подтвердить его рланское происхождение, как меня вызвали...

— Да какое отношение ваши идиотские хреновины имеют к скорости света? — взорвался Бандерлинг. — Но я скажу вам, Тертон, почему мне приказали прекратить работу над подавителем излучения после одиннадцати лет напряженнейших исследований. Эта машина — ключ к путешествиям во времени.

Я мгновенно позабыл о нанесенном мне оскорблении и уставился на Бандерлинга:

— Путешествиям во времени? Значит, вы их открыли? И мы теперь сможем отправить в прошлое свое Темпоральное Посольство?

— Нет. Мы подошли к черте, за которой стали возможны путешествия во времени, и теперь мы могли бы отправить посольство в прошлое. Но нам это не позволят сделать! Вместо этого мне приказали забросить работу над подавителем излучения, чтобы лет, скажем, через сто, когда Посольство это одобрит, какой-нибудь другой физик построил машину, пользуясь моими записями и результатами — и попал в историю как изобретатель путешествий во времени.

— Но вы уверены, что это именно путешествия во времени? А вдруг это всего лишь...

— Разумеется, уверен. Разве не измерял я интервалы задержки после появления первых признаков электромагнитного демпфирования? Разве не потерял две мезотронные трубки, пока не настроил реверсное поле на оптимум? И разве не повторил то, что произошло с трубками, на пятнадцати кроликах, ни один из которых не вернулся? Нет, Тертон, это самое настоящее перемещение во времени, и мне приказано прекратить работу. Официально.

Его тон меня смущил.

— Что значит «официально»?

Бандерлинг поднес универсальное ожерелье к экрану бено-скопа и подержал, пока экран не запульсировал.

— Официально — значит... Тертон, вы не могли бы приподнять стержень к груди? Чуть выше. Прекрасно. Еще немного, и все будет настроено. Предположим, кто-то из

настоящего времени будет послан в прошлое — чисто случайно. Тогда путешествие во времени станет свершившимся фактом, верно? А человек, построивший машину, станет ее признанным изобретателем, несмотря на все козни Темпорального Посольства. И это вызовет цепную реакцию во всей структуре времени, до мельчайшей его завитушки.

Несмотря на жару в лаборатории, я вздрогнул.

— Вызовет, — согласился я. — Если отыщется идиот, который на такое решится. Однако неужели вы всерьез полагаете, что ваш подавитель излучения способен отправить человека в прошлое и вернуть его обратно?

Когда беноскоп запульсировал с оптимальной частотой, физик отложил ожерелье.

— Мое оборудование не сможет обеспечить возврат. Но об этом позаботится Темпоральное Посольство. Ведь даже у них в цивилизации, предшествующей нашей, действуют только эмиссары — опытные оперативники, действующие тайно и с большим трудом производящие необходимые изменения в культурной эволюции, но так, чтобы не обрушить на примитивов Темпоральный Апокалипсис. Любой человека из нашего времени, случайно попавшего в предшествующий период, немедленно вернут обратно. А поскольку в промежуточных цивилизациях вроде нашей Темпоральное Посольство позволяет себе только функции советников, такого невольного путешественника вернут живым и намекнут Администрации, что ему следует каким-то образом заткнуть рот. Но независимо от того, что случится потом, секрет уже выйдет наружу, а моя миссия будет завершена. Администрация скорее всего пожмет своими бюрократическими плечами и решит признать существование путешествий во времени и связанный с ними статус Развитой Цивилизации. Когда дело будет сделано, Администрация возражать уже не станет. По темпоральным посольствам на пару миллионов лет вперед рикошетом прокатится раздражение, но им придется пересмотреть свои планы. И хватка, какой они держат историю, ослабеет.

Я представил эту картину. Восхитительно! Представил, как можно одним махом решить Дileмму Тамце, увидев собственными глазами ее появление на свет! А какие фантастические новые знания мы обретем о самих флирглерах! Мы ведь так мало о них знаем. Меня особенно заинтересовало бы родство панфорга с...

К несчастью, мечты так и останутся мечтами. Подавитель излучения Бандерлинга будет запрещен. Завтра он уже не будет над ним работать. Путешествия во времени откроют в другом столетии. Я уныло прижался спиной к решетке.

— Готово, Тертон! — радостно завопил физик. — Система проходит через оптимум! — Он подхватил универсальное ожерелье и поднес его к экрану беноскопа.

— Я рад, что она снова заработала, — отозвался я. — От этой решетки у меня вся спина болит. Бандерлинг, мне надо продолжить собственные исследования.

— Не забывайте, чему вас учили, — предупредил он. — Держите глаза открытыми и тщательно запоминайте все, что увидите, пока вас не подберут. Подумайте, сколько ученых из вашего крыла Института отдали бы все, лишь бы оказаться на вашем месте, Тертон!

— На моем месте? Помогая вам? Ну, не знаю...

И тут с поворотного столика на меня обрушился яркий зеленый свет; стержень словно вплывился мне в грудь, а решетка растворилась в напрягшейся спине. Завеса раскаленного воздуха до неузнаваемости исказила черты лица Бандерлинга. На голову мне вылилось ведро пронзительных звуков, от которых лопались барабанные перепонки. Мысли в голове ошеломленно застыли. Нечто огромное и непреодолимое мощно обрушилось на меня и проткнуло оболочку сознания. Не осталось ничего, кроме воспоминания об ухмылке Бандерлинга.

И мне стало холодно. Очень холодно.

Я стоял в каком-то нелепом каменном проходе-переулке, изумленно разглядывая сцену из Марка Твена, Вашингтона Ирвинга или Эрнеста Хэмингуэя — во всяком случае одного из авторов *того* периода. Каменные здания были небрежно расставлены повсюду, словно только что обнаруженная за лежь спиндфара, мимо меня во всех направлениях ползли шумные металлические экипажи, люди шагали по приподнятым каменным дорожкам вдоль уродливых невысоких зданий. К ногам у них были плотно пришнурованы куски кожи, а тела обмотаны повязками из самых разнообразных тканей.

Но первое, что я заметил, был холод. Подумать только, в городе не было даже кондиционированного воздуха! Вскоре я неудержимо трясясь от холода и вспоминал когда-то увиденный рисунок: уличный бродяга, замерзающий на такой

же улице. Средневековый Нью-Йорк. Кажется, период с 1650 по 1980 годы.

Мне внезапно вспомнились последние мгновения, проведенные в лаборатории. Я все понял и поднес к лицу кулаки.

— Бандерлинг! — заорал я на них. — Бандерлинг, ты болван!

В тот раз, насколько мне помнится, я впервые употребил эпитет, ставший для меня привычным. Позвольте мне его все же повторить, потому что он рвался из сердца и моего скованного холодом тела — болван! Болван!

Где-то завизжала женщина. Я обернулся и увидел, что она смотрит на меня. Другие люди, смеясь, показывали на меня пальцами. Я нетерпеливо отмахнулся от них, уныло опустил голову и попробовал вновь задуматься над затруднительным положением, в котором оказался.

И тут я вспомнил.

Я не знал точно, в каком году оказался, но у всех этих древних цивилизаций была одна общая особенность: фетиш одежды и суровое наказание для тех, кто им пренебрегал.

Естественно, для этого имелись причины. Я не был уверен, какая из них наиболее важна именно здесь. Например, в этом районе явно не было терmostатического контроля атмосферы, а из четырех древних времен года здесь сейчас было третье, холодное.

На приподнятой цементной полоске собралась жестикулирующая группа разглядывающих меня туземцев. Массивный тип в синем одеянии с болтающимся на боку примитивным оружием протолкался сквозь толпу и решительно направился ко мне.

— Эй, придурок, — произнес он (приблизительно). — Ты чего это тут устроил, а? Бесплатное представление? А ну, поди сюда!

Я уже упомянул, что передаю его слова приблизительно. Уж очень я испугался этого дикаря.

Я попятился, развернулся и побежал. Тип помчался за мной следом. Я рванул быстрее, он тоже.

— Поди сюда! — ревел голос за спиной. — Я сказал, поди сюда!

Угодил ли я в ту эру, когда тех, кто нарушал дебильные общественные эдикты, сжигали на костре? Я этого вспомнить не мог, но пришел к выводу, что мне позарез требуется

укрытие, где я смог бы обдумать свои последующие действия.

Я обнаружил такое укрытие в темном углу переулка, когда мчался галопом мимо очередного здания. Большой металлический контейнер с крышкой.

В тот момент никого рядом со мной не оказалось. Я нырнул в переулок, снял крышку, прыгнул в контейнер и успел накрыться как раз в тот момент, когда в переулок с пыхтением вбежал мой преследователь.

Какой невероятно варварский период! Этот контейнер... Ужас, просто ужас...

Я услышал, как пара ног протопала по переулку, затем вернулась. Через некоторое время в переулок вошли еще несколько туземцев.

— Ну, так куда он делся?

— Сержант, кажется, он сбег через энту девятивуговую ограду в том конце. Ей-ей, клянусь, он свернулся сюда, клянусь!

— Значит, старикан сиганул через решетку, Гаррисон?

— Уж больно он прыткий для стариака, даже ежели он и дегенерат. Заставил меня побегать.

— Он тебя надул, Гаррисон. Этот тип, наверное, сбежал из лечебницы или еще откуда. Так что лучше тебе его отыскать, пока он не затерроризировал всю округу.

Шаги удалились и стихли.

Я пришел к выводу, что мое временное спасение теперь уравновесилось вниманием, которое я привлек к своей персоне со стороны верхнего эшелона городскихластей. Я отчаянно, но безнадежно пытался вспомнить все, что знал о земной истории. Каковы были функции сержанта? Увы... В конце концов, я изучал это шестьдесят лет назад...

Несмотря на существенный обонятельный дискомфорт, контейнер я покинуть не мог. Необходимо выждать, пока преследователи прекратят погоню, а тем временем нужно составить план.

В общем, я знал, как мне следует поступить. Мне необходимо каким-то образом отыскать эмиссара Темпорального Посольства и потребовать возвращения в свое время. Но прежде чем отправиться на его поиски, мне нужно раздобыть столь стандартную вещь, как одежда.

А как люди в том периоде получали одежду? Через натуральный обмен? Грабеж? Правительственные купоны за работу? Ткали материю дома? А все Бандерлинг со своей идиотской идеей о том, что моя специальность окажется полезной в таком мире! Каков болван!

Неожиданно крышка контейнера поднялась. На меня уставился высокий юноша с тонкими и приятными чертами лица.

— Можно войти? — вежливо спросил он, постучав по крышке.

Я гневно взглянул на него снизу вверх, но промолчал.

— Копы ушли, папаша, — продолжил он. — Но я бы на своем месте пока не вылезал — в такой-то одежке. Если ты мне все о себе расскажешь, я в долгую не останусь.

— Кт-то т-ты такой? И чего ты хочешь?

— Джозеф Бернс, бедный, но честный журналист. — Он на мгновение задумался. — Ну уж бедный точно. Я готов выслушать все, что ты мне скажешь. Когда за тобой погнался коп, я был в толпе на тротуаре и побежал следом. Ты не похож на тех психов, что разгуливают по улицам, выставляя напоказ свою блестящую наготу. Когда я добежал до переулка, то уже слишком устал, чтобы и дальше следовать за представителями закона и порядка. Поэтому я прислонился к стеночке отдохнуть и заметил мусорник. И догадался, что ты там.

Я топтался на мягкой вонючей массе и ждал продолжения.

— Многие, — заговорил он вновь, рассеянно теребя губу и поглядывая в сторону улицы, — многие спросили бы меня: «Джо Бернс, а что, если он не псих? А вдруг он просто проигрался в пух и прах, играя в покер на раздевание?» Что ж, иногда эти многие оказываются правы. Но есть тут одна мелочь — я вроде бы своими глазами видел, как ты возник ниоткуда посреди улицы. Вот что меня волнует, папаша. Так было это или нет?

— И что ты сделаешь с информацией?

— Смотря какой она окажется, папаша, смотря какой. Если в ней будет изюминка, если...

— Например, если я скажу, что прибыл из будущего?

— И сможешь это доказать? В таком случае твои имя и фото появятся на первой полосе самой низкой, грязной и брехливой газетенки во всей этой стране. Я имею в виду то

блестательное издание, на которое работаю. Скажи честно, папаша, ты действительно прибыл из будущего?

Я быстро кивнул и задумался. Можно ли отыскать лучший способ привлечь внимание темпорального эмиссара, чем дать ему понять через посредничество важного публичного источника информации, что я могу выдать его присутствие в этой эпохе? Что я могу уничтожить секретность Темпорального Посольства в допромежуточной цивилизации? Меня сразу же начнут отчаянно искать и вернут в родное время.

Вернут к научным исследованиям, к долику и спиндфару, к панфоргу и Дилемме Тамце, в мою тихую лабораторию к восхитительной статье о глиянском происхождении флирт-структуре позднего пегиса...

— Я могу это доказать, — быстро произнес я. — Но я не вижу в подобной ситуации выгоды для тебя. Поместить мое имя и фото, как ты предложил...

— Не напрягай по этому поводу свою прелестную седую тыкву. Если Джозефу Бернсу подвернется парень из будущего, он сумеет сплясать с ним газетное танго как полагается. Но сперва тебе надо выбраться из этой жестянки. А чтобы выбраться, тебе нужна...

— Одежда. Откуда вы берете одежду в этой эпохе?

Он почесал нижнюю губу:

— Говорят, в этом могут помочь деньги. Как ты понимаешь, это не самый главный, но один из важных факторов в этом процессе. У тебя нет при себе парочки странных банкнот? Гм, разумеется нет, если ты только не сумчатый, как кенгуру. Я мог бы одолжить тебе деньги.

— Вот и прекрасно...

— Да только одна загвоздка — много ли купишь при нынешней инфляции на доллар двадцать три? Давай признаем откровенно, папаша: немного. А заплатят мне в редакции лишь послезавтра. Кстати, если Фергюсон не увидит ценности в моем материале, то мне не удастся даже впихнуть твой рассказ на страницы этого брехливого листка. А за одним из моих костюмов идти тоже смысла нет.

— Почему? — Словесный поток сверху и мусор внизу весьма угнетающие подействовали на мои мыслительные способности.

— Во-первых, потому что до моего возвращения тебя могут уволочь в психушку и посадить на витаминчики для

придурков. Во-вторых, ты пошире меня в плечах и намного ниже. Ты ведь не захочешь привлечь к себе внимание, выйдя на улицу, где кишат копы, а в моем костюмчике ты его точно привлечешь. Добавь ко всему тот факт, что храбрые ребята в синем могут в любой момент вернуться и вновь обыскать переулок... Трудная ситуация, папаша, очень трудная. Можно сказать, безвыходная.

— Ничего не понимаю, — нетерпеливо начал я. — Если бы в моем времени появился путешественник из будущего, я без всяких усилий сумел бы помочь ему приспособиться к социальным требованиям. Такая мелочь, как одежда...

— Не мелочь, вовсе не мелочь. Сам же видел, как всполошились силы закона и порядка. А ну-ка! Эта штучка в форме молотка у тебя на ожерелье, она, часом, не серебряная?

С трудом согнув окоченевшую шею, я взглянул вниз. Парень показывал на мой флир gleфлип. Я снял его и протянул парню:

— Он вполне мог быть серебряным до того, как его атомную структуру изменили для флирлования. А что, серебро имеет какую-то особую ценность?

— Такая куча серебра? Еще как имеет, клянусь надеждой получить Пулитцеровскую премию! Ты можешь с ним расстаться? За него можно получить подержанный костюм, да еще на половинку пальто хватит.

— Что ж, я смогу в любой момент потребовать новый флирgleфлип. А для самых важных флирлований я в любом случае пользуюсь большим институтским. Конечно, бери его.

Он кивнул и накрыл мусорник крышкой. Я услышал, как его шаги удаляются. После долгого ожидания, во время которого я сочинил несколько на удивление цветастых фраз в адрес Бандерлинга, крышка вновь поднялась, и мне на голову свалилось несколько предметов одежды из грубой синей ткани.

— Пират в лавочке подержанных вещей дал мне всего пару долларов за твою штучку, — сообщил Бернс, пока я одевался. — Пришлось обойтись рабочей одеждой. Эй, застегни эти пуговицы, пока не вылез. Нет, эти. Застегни их. Эх, дай я сам...

Облачившись должным образом в одежду, я вылез из мусорника, натянул на окоченевшие ноги ботинки и дал репортеру завязать шнурки. Ботинки — это те самые кожа-

ные обмотки, что я заметил у других. Для завершения столь поразительно анахроничного облика в руку так и просился грубый кремневый топор.

Ну, может, и не кремневый топор. Но примитивное оружие вроде ружья или арбалета вполне подошло бы. Облачиться с ног до головы в растительные волокна и шкуры животных! Тыфу!

Бросая по сторонам нервные взгляды, Бернс взял меня за руку и отвел в скверно вентилируемое подземное помещение, а там затолкал в чрезвычайно длинное и уродливо разделенное на секции средство передвижения — подземный поезд.

— Я вижу, что здесь, как и повсюду в вашем обществе, выживают лишь наиболее приспособленные.

Бернс покрепче ухватился за чье-то плечо и поудобнее расположил подошвы на пальцах ног другого туземца.

— Почему?

— Те, у кого не хватает сил прятиснуться в вагон, вынуждены оставаться на прежнем месте или полагаться на еще более примитивные средства передвижения.

— Ну, папаша, — восхищенно отозвался он, — ты просто клад. Когда станешь разговаривать с Фергюсоном, чеши языкком именно в таком духе.

После довольно долгого периода мучений и неудобств мы выбрались из поезда — похожие на две выжатые кисти винограда — и ногтями и локтями пробились на улицу.

Я вошел вслед за репортером в разукрашенное здание и вскоре встал рядом с ним возле почтенного пожилого господина, который сидел в маленькой комнатке, погруженный в задумчивое молчание.

— Как поживаете, мистер Фергюсон? — немедленно начал я, потому что оказался приятно удивлен. — Я чрезвычайно рад обнаружить в начальнике мистера Бернса то интеллектуальное родство, о котором я почти...

— Заткнись! — яростно прошептал мне в ухо Бернс, когда пожилой господин испуганно прижался к стенке. — Ты его насмерть перепугаешь. Четвертый этаж, Карло.

— Слушаюсь, мистер Бернс, — пробормотал Карло и дернул черную ручку. Комнатка вместе с нами поползла вверх. — Ну и странных же типов вы с собой приводите. Самых что ни на есть *типов*.

Редакция газеты оказалась невозможным столпотворением людей, носившихся во всех направлениях в различных стадиях первного возбуждения среди множества бумаг, столов и примитивных пишущих машинок. Джозеф Бернс усадил меня на деревянную скамью и скрылся за дверью застекленного офиса, совершая на пути к нему ритуальные помахивания рукой и выкрикивая фразы вроде: «Привет тим, здорово джо, как поживаешь эйб».

После продолжительного ожидания, во время которого мне едва не стало дурно в атмосфере пота и безумной суматохи, он вышел вместе с коротышкой в рубашке с короткими рукавами. Левый глаз у коротышки подергивался.

— Это он? — спросил коротышка. — Угу. Что ж, звучит неплохо, не скажу, что это звучит плохо. Угу. Он знает, что должен придерживаться своей брехни о будущем, как бы его ни старались раскусить, а если даже его и раскусят, то никто не узнает, что мы в этом замешаны? Ему это известно, верно? И вид у него что надо — уже не молод и вполне смахивает на чокнутого профа. Смотрится неплохо во всех отношениях, Бернс. Угу. Угу, угу.

— Погодите, пока не услышите его рассказ, — вмешался репортер. — Это такая песня, Фергюсон!

— Я не уверен в своих вокальных способностях, — холодно сообщил я. — Не могу скрыть разочарования, потому что первые же значимые личности этой допромежуточной цивилизации, которым предстоит услышать последовательный рассказ о моем происхождении, упорно несут всякую идиотскую чушь...

Левое веко коротышки нетерпеливо дернулось:

— Засунь в жестянку этот бесплатный треп. Или прибереги его для Бернса: он его слопает. Слушай, малыш Джои, нам подвернулась конфетка. Угу. Два дня до начала Всемирной серии, а во всем городе даже не пахнет жареными новостями. Можно пустить его на первую полосу, и даже не один раз, если начнется громкий шухер. О дойке я позабочусь сам — обложим твою байку обычным трепом парней из университетов и научных обществ. А ты пока хватай своего как-там-его...

— Тертон, — отчаянно произнес я. — Мое имя, естественно...

— Тертон. Угу. Отволоки своего Тертона в хороший отель. упакуй в достойный прикид и начинай раскручивать его на

байку. Никуда его не выпускай до утра, пока по городу не разойдется чудесный запашок сенсации. До утра, понял? Привози его утром, и у меня уже будет наготове куча придурков, готовых поклясться, что он псих, и еще куча тех, кто со слезами на глазах будет вопить, что он нормальный, а каждое его слово есть правда. Но перед уходом щелкни его пару раз.

— Конечно, Фергюсон. Только одна загвоздочка: копы смогут опознать в нем парня, что бегал нагишом по улицам. Он клянется, что в его времена никто не носит одежду. Но мы и глазом моргнуть не успеем, как департамент полиции упрятает его в психушку.

— Дай-ка мне пораскинуть мозгами. — Фергюсон принялся ходить вокруг нас кругами, почесывая нос и подергивая веком. — Тогда мы разыграем убойный вариант. Наповал. Угу, наповал. Выясни, кем он работает — то бишь работал... то бишь будет работать... угу... а я отыщу парочку спецов из той же области, и они подтвердят, что он в точно-сти такой же спец, как и они, только тыщу лет спустя.

— Секундочку, — изумился я. — Тысяча лет — фантас... Веко Фергюсона дернулось.

— Тащи его отсюда, малыш Джои, — буркнул он. — Это твоя работа. А у меня своей по горло.

Лишь в номере отеля мне удалось выразить репортеру свое крайнее отвращение непрошибаемым идиотизмом его культуры. А также его поведением перед Фергюсоном. Ведь он вел себя так, словно разделял его мнение!

— Не бери в душу, папаша, — ответил юноша, небрежно вытягивая ноги над боковиной дивана с яркой обивкой. — Давай избегать горечи и упреков. Давай проживем хоть два дня в роскоши и гармонии. Конечно, я тебе верю. Но необходимо соблюсти кое-какие правила. Если Фергюсон заподозрит, что я хоть кому-нибудь и когда-нибудь поверил, особенно типу, который бродил голышом по Мэдисон-авеню в час пик, то мне придется искать работу не просто в другой газете, а вообще сменить профессию. Кстати, ведь тебя заботит только одно — привлечь внимание кого-нибудь из темпоральных эмиссаров. А для этого, как ты считаешь, необходимо пригрозить им разоблачением, поднять скандал. Поверь мне, папаша, в наше время можно поднять такой скандал, что про тебя узнают даже эскимосы, мирно ловящие рыбку возле Гренландии. А австралийские бушмены

отложат бумеранги и начнут друг друга спрашивать: «Ну что там новенького про Тертона?»

Поразмыслив, я с ним согласился. Болван Бандерлинг вышвырнул меня, словно старую перчатку, и теперь мне надо приспосабливаться к обычаям этой дурацкой эпохи.

Когда Бернс кончил меня расспрашивать, я устал и проголодался. Он заказал обед в номер, и я, несмотря на отвращение к скверно приготовленной еде в негигиеничной посуде, набросился на нее, едва передо мной поставили тарелки. К моему удивлению, вкусовые ощущения оказались довольно приятными.

— Когда кончишь набивать брюхо калориями, тебе лучше сразу отправиться на боковую, — посоветовал Бернс, что-то печатая на машинке. — Ты сейчас похож на бегуна на стометровку, пытающегося обойти всех на марафонской дистанции. Совсем тебя загоняли, папаша. Когда я кончу статью, отнесу ее в контору. Ты мне сегодня больше не нужен.

— Факты достаточны и удовлетворительны? — зевнул я.

— Не вполне достаточны, но весьма удовлетворительны. И достаточно хороши, чтобы подарить Фергюсону пару счастливых отрыжек. Жаль только... Вот, например, что делать с датой? Это здорово нам помогло бы.

— Ну, — сонно пробормотал я, — мне больше по душе 1993.

— Нет. Мы это уже обсуждали со всех сторон. Ладно, там видно будет. Давай спи, папаша.

Когда мы с Бернсом вошли в редакцию, состав ее обитателей существенно изменился. Целая секция огромного помещения была отгорожена канатами, а вдоль них через равные интервалы были расставлены плакатики «ТОЛЬКО ДЛЯ УЧЕНЫХ». Между ними виднелись другие с приветствиями «гостю из 2949 года», объявляющие, что «“Нью-Йоркские фанфары” салютуют далекому будущему», и совсем маленькие плакатики на тему «Рукопожатия через поток времени» и «Прошлое, настоящее и будущее едины и неотделимы от свободы и справедливости для всех!».

В отгороженном канатами загончике толпились пожилые господа. Именно к ним меня то ли подвели, то ли подтолкнули. Ослепительно засверкали вспышки целой бригады фотографов, одни из которых лежали на полу, другие сутулились

на стульях, а третья и вовсе свисали с каких-то напоминающих трапеции конструкций, подвешенных к потолку.

— Все уже кипит и бурлит, малыш Джои, — заявил Фергюсон, проталкиваясь к нам и вручая репортеру несколько газетных страниц с еще свежей краской. — Одни говорят, будто он псих, другие — что он оживший пророк Нехемия, но все в городе раскупают газету. До Всемирной серии еще полных два дня, а у нас уже есть полновесная байка. Другие газетенки бегают вокруг, высунувши языки, и желают примазаться — так пусть поцелуют мою мусорную корзину. Пряятная байка, угу, и подача классная. Мне пришлось попыхтеть, пока я нашел парочку археологов, готовых поклясться, что Тертон из их гильдии, но Фергюсон никогда не подкашает — и я их нашел. — Левое веко Фергюсона на мгновение перестало дергаться, и он прищурился. — Но помни, — хрюпело пробурчал он, усаживая меня на стул, — сейчас никаких закидонов и фокусов. И никакого вранья, понял! Угу. Правильно. Главное, держись за свою байку сегодня и завтра, и мы тебе нашинаем охапку издательской капусты. Если у тебя хорошо получится, может, протянешь еще первые две-три игры Всемирной серии. Так что держись за свою байку — ты прибыл из будущего, и больше ничего не знаешь. Угу, и держись подальше от фактов!

Когда он хлопнул в ладоши, призывая к вниманию собравшихся ученых, Джозеф Бернс уселся рядом со мной.

— Извини за осложнения с археологами, папаша. Но не забудь, что моя статья была сильно отредактирована. То, что ты мне рассказал, попросту не очень хорошо смотрится на бумаге. «Марсианский археолог» звучит куда понятнее для читателей. И на твоем месте я бы воздержался от подробных описаний своей профессии. Только новые вопросы появятся.

— Но «марсианский археолог» — это совершенно неверно!

— Да брось, папаша. Неужели ты забыл, что твоя главная цель — привлечь внимание, причем достаточно серьезное, чтобы тебя сочли опасным болтуном и вернули в свое время? А теперь посмотри-ка незаметно по сторонам. Много внимания, верно? Вот так его и надо привлекать: огромными заголовками и сенсационными статьями.

Я еще обдумывал ответ, когда заметил, что Фергюсон закончил представлять меня ученым — почти все они слегка улыбались.

— Угу, и вот он перед вами! Тертон, человек из невероятно далекого будущего. Он сам поговорит с вами, ответит на все ваши вопросы. Однако «Нью-Йоркские фанфары» просят, чтобы вопросы были краткими и немногочисленными; но это лишь первый день, господа. В конце концов, наш гость устал после своего долгого и опасного путешествия сквозь время!

Едва я встал, на меня посыпалась вежливые вопросы:

— Из какого года вы, по вашему утверждению, прибыли, господин Тертон? Или же 2949 год — правильная дата?

— Совершенно неправильная, — заверил я. — Настоящая дата, если ее перевести с Октетного календаря, которым мы пользуемся... Черт, по *какой же* формуле переводятся даты из Октетного?..

— Можете ли вы объяснить конструкцию ракетного двигателя своей эпохи? — спросил кто-то, когда я глубоко и безнадежно увяз в незнакомой методологии календарной математики. — Вы упоминали межпланетные полеты.

— И еще межзвездные, — добавил я. — И *межзвездные*. Только мы не пользуемся ракетами. Мы применяем сложный метод реактивного движения под названием «распределение космического давления».

— И в чем его суть?

Я раздраженно кашлянул:

— Это нечто такое, к чему я, боюсь, не проявлял ни малейшего интереса. Насколько мне помнится, он основан на «теории недостающего вектора» Кучгольца.

— А что такое...

— «Теория недостающего вектора» Кучгольца, — твердо заявил я, — это единственное, что привлекало мой интерес еще меньше, чем принципы распределения космического давления.

Так оно и продолжалось, от тривиальности к тривиальности. Эти примитивные, хотя и доброжелательные дикари, живущие в самом начале эпохи специализации, не могли даже представить, насколько поверхностным было мое образование за пределами избранной специальности. Уже в их времена микроскопических знаний иrudиментарных операционных устройств человеку было трудно усвоить хотя бы общие понятия всей совокупности знаний. Насколько же труднее сделать это в мою эпоху, пытался я им втолковать,

когда на каждой из обитаемых планет имеется, например, своя биология и социология. К тому же прошло так много лет с тех пор, как я изучал элементарные науки. Я так много позабыл!

Про наше правительство (как они это назвали) вообще оказалось почти невозможно объяснить. Ну как можно продемонстрировать дикарям из двадцатого столетия девять уровней социальной ответственности, с которыми экспериментирует каждый ребенок еще до достижения совершеннолетия? Как можно пояснить «легальный» статус столь фундаментального прибора, как законотолкователь? Возможно, какой-нибудь мой современник, хорошо знакомый с племенной спесью и предрассудками этого периода, и смог бы, пользуясь грубыми параллелями, объяснить им основы таких понятий, как общественный индивидуализм или брачные союзы на основе нейронной структуры — но только не я. Я? Насмешки звучали все громче, и у меня появлялось все больше поводов проклинать Бандерлинга.

— Я специалист! — крикнул я ученым. — Чтобы меня понять, нужен другой специалист из той же области.

— Да, вам нужен специалист, — подтвердил, поднявшись из заднего ряда, человек средних лет в коричневой одежде. — Но только не из вашей области, а из моей. Психиатр.

Прогремел согласный смех. Фергюсон нервно поднялся, а Джозеф Бернс быстро подошел ко мне.

— Это тот самый? — спросил психиатр у человека в синем, только что вошедшего в редакцию. Я узнал своего вчерашнего преследователя. Тот кивнул:

— Он самый. Бегал по улицам голышом. Его нужно устыдить. Или посадить. А что выбрать — ей-ей, не знаю, честно.

— Минуточку! — выкрикнул кто-то из ученых, когда Фергюсон откашлялся, собираясь ответить. — Мы уже и так потратили много времени, так давайте хотя бы проверим то, что он заявляет о своей специальности. Какая-то археология — марсианская археология, не меньше.

Наконец-то. Я набрал в грудь воздуха.

— Не марсианская археология, — начал я. — И вообще не археология. — Это придурок Бандерлинг счел меня археологом! Бернс за моей спиной простонал и обессиленно плюхнулся на стул. — Я флирглефлип. Флирглефлип — это тот, кто флиргает флипы при помощи флирглефлипа.

Все присутствующие громко ахнули.

Я долго рассказывал о своей профессии. Как поначалу долики и спиндфары, обнаруженные в песках Марса, считались не более чем геологическими анахронизмами, как первый панфорг использовался в качестве пресс-папье. Рассказал о Кордесе и том историческом, почти божественном произшествии, которое позволило ему наткнуться на принцип флирглефлипа; как Гурхейзер довел его до совершенства и может по праву считаться отцом-основателем профессии. О том, как перспективы, открывшиеся в облике флирг-структур, были идентифицированы и систематизированы. О не передаваемой красоте, созданной расой настолько древней, что даже живущие ныне марсиане ничего о ней не знают, и ставшей частью культурного наследия человечества.

Я рассказал об общепринятой теории, касающейся природы флиргеров: они были формой энергии, некогда присущей разумным существам красной планеты, и сохранились ныне лишь в качестве флирг-структур, примерно соответствующих нашей музыке или необъективистскому искусству; будучи формами энергии, они оставили постоянные энергетические следы во всех видах связанных с ними материальных артефактов — доликах, спиндфарах и панфоргах. Я с гордостью поведал, как еще в раннем возрасте решил посвятить себя исследованию флирг-структур, как создал систему, использующую современные марсианские географические названия, для обозначения мест, где находили артефакты, рассеянные по всей поверхности планеты. Затем скромно упомянул о своем открытии истинно контрапунктальной флирг-структуры в некоторых доликах — что принесло мне должность Полного Исследователя в Институте. Сообщил и о будущей статье «Глианское происхождение флирг-структуры позднего пегиса» и столь увлекся описанием всех нюансов Дilemмы Тамце, что мне даже показалось, будто я выступаю с лекцией в Институте, а не сражаюсь за установление собственной личности.

— Знаете, — услышал я чей-то голос неподалеку, — все это звучит почти логично. Так, будто все это существует на самом деле.

— Подождите! — встрепенулся я. — Ощущение флирг-структуры невозможно описать словами. Вы должны сами его прочувствовать. — Я распахнул грубую ткань верхнего предмета своей одежды и извлек ожерелье. — Вот, можете сами

исследовать так называемый долик Дилеммы Тамце при помощи моего флирглефлипа. Ощутить...

И я запнулся. Я совсем позабыл, что в ожерелье больше не было флирглефлипа!

Тут же вскочил Джозеф Бернс:

— Флирглефлип господина Тертона был обменен на одежду, которая сейчас на нем. Я сейчас схожу и выкуплю его.

Я с благодарностью проследил за ним взглядом, когда он проталкивался сквозь толпу изумленных ученых.

— Слушай, парень, — прошипел Фергюсон, — тебе надо что-то сделать, и побыстрее. Этот Бернс далеко не гений: он вполне может и не выкрутиться из этой ситуации. Тут есть спец по пришельцам — угу, вот именно, по пришельцам, — так он тебя быстренько поселит в комнате с мягкими стенами, если ты не придумаешь что-нибудь новенькое. Впечатление ты произвел хреновое, и все наши люди прикусили языки. Побаиваются за свою репутацию.

Один из ученых помоложе попросил ожерелье для осмотра. Я протянул его, не снимая долика. Ученый осмотрел и ожерелье, и долик, поскреб ногтем и вернул их мне.

— Это ожерелье... э-э... оно то самое, при помощи которого вы, по вашему утверждению, способны телепортироваться в любое место на Земле?

— Через беноскоп, — уточнил я. — Нужны еще беноскоп-передатчик и беноскоп-приемник.

— Понятно. А насчет этого маленького предмета, который вы назвали... гм-м... доликом. Дилеммой Мацы или что-то в этом роде. Господа, как вам известно, я химик. Я убежден, что это ожерелье — и химический анализ лишь подтвердит мой вывод — есть не что иное, как кусочки очень гладко отшлифованного стекла.

— Его атомная структура изменена для взаимодействия с беноскопом, болван вы этакий! Если атомная структура материала изменена, то сам материал не имеет значения.

— Зато долик, — продолжил химик, — марсианский долик и в самом деле сокровище. Нечто уникальное. О да! Потерянный кусочек красного песчаника, который средней руки геолог за пятнадцать минут отыщет вам почти в любом месте на Земле. Кусочек песчаника, господа!

Поднялся такой шум, что я долго не мог продолжать. К сожалению, я вышел из себя. Сама мысль о том, что

кто-то называет Дилемму Тамце кусочком старого песчаника, едва не свела меня с ума. Я стал громко обвинять присутствующих в невежестве, ограниченности и недостатке знаний, но меня остановил Фергюсон.

— Лучше тебе отсюда смотаться, — прошептал он. — У тебя сейчас пена изо рта пойдет. Угу, и вспомни, что никому не станет лучше, если тебя увезут отсюда в смирительной рубашке.

Я сделал глубокий вдох.

— Господа, — рассудительно произнес я, — если бы кто-нибудь из вас случайно оказался в прошлом столетии, вам тоже было бы трудно применить свои современные знания, имея под руками лишь примитивные инструменты, которые будут вам доступны. Ну сколько еще я должен...

— Тут вы правы, — отозвался некто пухлолицый. — Но есть одно средство подтвердить правоту своих утверждений, всегда доступное путешественнику из будущего.

— Какое же? — Головы нескольких ученых повернулись к говорящему.

— Даты. Исторические события. То, что произошло в таком-то месяце такого-то года. Вы заявили, что наше время для вас в прошлом. Так опишите его. Что произойдет?

— К сожалению... — я уныло махнул рукой, и смех раскаптился вновь, — мои знания истории Земли весьма фрагментарны. Так, краткий курс в детстве. Я вырос на Марсе, но даже марсианскую историю знаю очень смутно. Исторические даты никогда не задерживались у меня в голове. Я уже сказал вчера Джозефу Бернсу, что помню только три даты примерно из вашего периода.

— Да? — Интерес ко мне заметно возрос.

— Первая, 1993 год.

— И что случится в 1993 году?

— Увы, не знаю. Кажется, какое-то важное событие. То ли эпидемия, то ли изобретение, то ли это дата создания какого-то шедевра. Или же мне эту дату кто-то упомянул, и она мне запомнилась. Во всяком случае, ничего полезного вы из моих слов не узнаете. Далее, август 1945 года. Атомная бомба. Господин Бернс говорил, что пользы от этой даты тоже мало, потому что этому событию уже семь лет. Однако прошу не забывать, что у меня большие трудности с вашим календарем.

— А третья дата?

— 1588 год, — уныло пробормотал я. — Испанская армада.

Заскрипели стулья — ученые вставали, собираясь уходить.

— Задержи их, — зашипел мне в ухо Фергюсон. — Скажи хоть что-нибудь или сделай.

Я вздрогнул.

— Минуточку, — услышал я голос молодого химика. — Думаю, у нас есть способ разоблачить это жульничество раз и навсегда. Насколько мне помнится, в статейке господина Бернса упоминалось, будто вы еще ребенком играли в песочек на Марсе. А что на вас было надето?

— Ничего особенного, — удивленно ответил я. — Какая-то теплая одежда, и все.

— И никакого шлема?

— Нет.

— Значит, только теплая одежда, — ухмыльнулся химик. — Но всем известно, что даже на экваторе Марса температура редко поднимается выше точки замерзания. Нам также известно, что в его атмосфере практически нет кислорода, и это неоднократно подтверждал спектроскоп. Так говорите, только теплая одежда и без кислородного шлема? Ха!

Я озадаченно уставился в удаляющиеся спины ученых. Этого я и сам не мог понять. Ну и что с того, что их приборы показывают лишь следы кислорода в атмосфере Марса и низкие температуры? Я-то игрался в марсианской пустыне еще ребенком! Я ведь там вырос и все прекрасно помню. *Не было* у меня никакого шлема, да и теплой одежды тоже было не очень-то много. Чертовы дикари со своими дурацкими инструментами!

— А теперь тебе лучше побыстрее смыться, — сообщил Фергюсон. Левое веко у него дергалось чаще прежнего. — Коп и спец по пришельцам еще торчат в коридоре. И тебе, и газете не пойдет на пользу, ежели они тебя сцарапают. Иди-ка ты к служебному лифту. Угу, к служебному лифту.

Я вышел на улицу, размышляя о том, как же теперь меня отыщут темпоральные эмиссары. Очевидно, говоря языком Джозефа Бернса, я устроил недостаточно громкую «сенсацию». Или достаточно громкую? Кто-то из ученых, наверное, и был темпоральным эмиссаром, он меня видел и теперь готовится отослать обратно в мое время, пока я не натворил здесь разных изменений.

— Привет, папаша. Я звонил в контору. Да, не повезло тебе.

— Бернс! — Я с облегчением бросился к молодому человеку, прислонившемуся к стене. Мой единственный друг в этой безумной варварской эре. — Ты не достал флирглефлип. Его или обменяли, или продали, или потеряли.

— Нет, папаша, я не достал флирглефлип. — Он мягко взял меня за руку. — Пошли.

— Куда?

— Искать работу, на которой ты сможешь проявить свои футуристические таланты.

— И что это за работа?

— В том-то и проблема, паршивая и трудная проблема. Сам понимаешь, в наше время флиргли не флипают. А это все, что ты умеешь делать хорошо, и возраст у тебя уже не тот, чтобы учиться новой профессии. Но человеку нужно что-то есть. Если он этого делать не будет, у него появится странное ощущение в желудке, сопровождаемое скорбным бурчанием.

— Наверное, ты был не прав насчет темпоральных эмиссаров.

— Нет, я оказался прав. Ты привлек их внимание. С тобой вышли на контакт.

— Кто вышел?

— Я.

Я едва не застыл от удивления прямо на пути какого-то рычащего экипажа, но Бернс потянул меня за руку.

— Так ты и есть темпоральный эмиссар? Ты вернешь меня обратно?

— Да, я темпоральный эмиссар. Но обратно я тебя не верну.

Совершенно сбитый с толку, я покачал головой:

— Ничего не...

— Ты не вернешься обратно, папаша. Во-первых, в этом случае Бандерлингу предъявят обвинение в нарушении прав общественного индивидуума — то есть тебя. В этом случае институтское начальство решит, что потребуется еще несколько лет исследований и усовершенствований, прежде чем к подавителю излучения позволят даже приблизиться абсолютно уравновешенным индивидуумам. Путешествия во времени будут открыты — в соответствующий период — в результате перекрестных ссылок на подавитель излучения Бан-

дерлинга. Во-вторых, ты не вернешься потому, что, если начнешь сейчас болтать на каждом углу о темпоральных эмиссарах, тебя быстренько отвезут в одно окруженнное стеной заведение, где гостей сразу заворачивают в мокрые простыни.

— Выходит, все было подстроено специально? Ты со мной встретился, выманил флирглефлип, убедил, что мне надо устроить сенсацию, и таким путем подвел к ситуации, когда никто в этом обществе мне больше не поверит...

Мы свернули на узкую улицу, где было много маленьких кафе.

— Не просто специально. Было необходимо, чтобы Бандерлинг оказался именно таким, каков он есть...

— Болваном? — с горечью предположил я.

— ...чтобы подавитель излучения после «Трагедии Тертона» положили на полку на достаточно долгий срок. Было необходимо, чтобы ты обладал именно такой профессией и образованием, оказался совершенно неприспособлен для этого периода и не смог произвести здесь заметные изменения. И еще было необходимо...

— А я думал, что ты мой друг. Я тебе верил.

— И еще было необходимо, чтобы я тоже был именно таким, каков я есть, и ты поверил бы мне сразу, как только... э-э... прибыл, и проект заработал по плану. К тому же, поскольку я таков, каков есть, мне очень неприятно, что я так с тобой поступил, но даже мои чувства, наверное, тоже необходимы для планов Темпорального Посольства. Все сходится, Тертон — вплоть до существования темпорального посольства в отдаленном будущем, как я подозреваю. А пока что мне надо завершить работу.

— Но Бандерлинг? Что с ним стало, когда я не вернулся?

— Его, разумеется, отстранили от физических исследований. Поскольку же он был еще молод, то сумел приобрести новую профессию. И в соответствии с обычаями вашей эры он займет твоё место и станет флирглефлипом — но сперва, однако, пройдет Перенастройку. Кстати... я так увлекся поисками работы для тебя, что позабыл об одной важной детали.

Подумать только — бунт Бандерлинга оказался частью плана Темпорального Посольства! И все же какой ужас: мне придется провести остаток своих дней в этой безумной эпохе. Неожиданно я заметил, что Бернс отделяет долик от моего ожерелья.

— Мелкий просчет, — пояснил он, пряча долик в карман. — В соответствии с нашим исходным планом ты не должен был брать его с собой. Как только найду тебе работу, то позабочусь о его возвращении в ваше время. Сам понимаешь, ведь этот долик и есть знаменитая Дилемма Тамце. По графику его загадка должна быть разгадана одним из твоих институтских коллег.

— И кто же ее разгадает? — с нетерпением спросил я. — Мастерсон, Фуле или Гринблат?

— Ни тот, ни другой и ни третий, — улыбнулся Бернс. — Как значится в нашем графике, загадку Дилеммы Тамце окончательно решит Томас Альва Бандерлинг.

— Бандерлинг! — завопил я, когда мы остановились перед замызганым ресторанчиком, в витрине которого висело объявление «Требуется посудомойка». — Бандерлинг? Этот болван??!

ОБИТАТЕЛИ

Когда мисс Керстенберг, секретарша, сообщила Сиднею Блейку по интеркому, что только что явились два джентльмена и выразили желание снять офис, ответное «Так проведите их ко мне, Эстер, проведите немедля» было достаточно елейным, чтобы позеленела от зависти и банка с елем. Прошло ровно два дня с того момента, когда фирма по торговле недвижимостью «Веллингтон Джимм и сыновья, Инкорпорейтед» назначила его постоянным управляющим в здание Мак-Гоуэна, и перспектива так быстро сплавить пару кабинетов в Старом Гробу весьма поднимала настроение.

Однако когда Блейк глянул на предполагаемых нанимателей, он уже не был так уверен. Ни в чем.

Оба клиента походили друг на друга как близнецы, кроме одного — габаритов. Первый был высок, очень, очень высок — добрых семь футов, прикинул Блейк, вставая. Тело его перегибалось в двух местах — вперед в бедрах и назад в плечах — словно костяк его крепился на петлях, а не на суставах. За ним катился человек-пуговка, карлик из карликов, но помимо этого — двойник высокого. Оба носили накрахмаленные белые рубашки, черные шляпы, черные плащи, черные костюмы, черные носки и ботинки такой невыразимой черноты, что световые волны, наткнувшись на них, казалось, просто тонули.

Они сели и улыбнулись Блейку — одновременно.

— Э-э, мисс Керстенберг, — промямлил Блейк, обращаясь к секретарше, все еще стоящей на пороге.

The Tenants

Copyright © 1954 by Philip Klaas

Обитатели

© Издательство «Полярис», перевод, 1997

— Да, мистер Блейк? — деловито ответила она.

— Э-э, ничего, мисс Керстенберг. Ничего.

Блейк с сожалением проследил, как захлопывается за ней дверь, и услыхал, как скрипнуло под ней кресло в приемной. Очень жаль, что, не умея читать мысли, она не сумела уловить и его отчаянную просьбу остановиться и поддержать шефа морально.

Что ж, нельзя ожидать, что в небоскребе Мак-Гоуэна будут снимать конторы сливки Уолл-стрит. Блейк сел и предложил клиентам сигареты из новехонького увлажнителя. Клиенты отказались.

— Мы хотели бы, — заявил высокий голосом, звучавшим, как один тяжелый выдох, — снять этаж в вашем небоскребе.

— Тринадцатый этаж, — добавил маленький тем же голосом.

Сидней Блейк закурил сигарету и осторожно затянулся. Целый этаж! Вот и суди после этого о людях по внешности...

— Извините, но мы не можем предоставить вам тринадцатый этаж, — сказал он. — Но...

— Почему нет? — со злостью выдохнул высокий.

— В основном потому, что у нас нет тринадцатого этажа. Как и в большинстве небоскребов. Наниматели считают этот этаж несчастливым, поэтому за двенадцатым у нас сразу идет четырнадцатый. Если вы заглянете в каталог наших съемщиков, то увидите, что с тринадцати не начинается ни один номер. Но если вас интересует такое пространство, мы могли бы устроить вас на шестом...

— Мне кажется, — скорбно промолвил высокий, — что если некто изъявляет желание снять *определенный* этаж, то самое меньшее, что может сделать управляющий, — это предоставить требуемое.

— Самое меньшее, — согласился маленький. — Особенно если учесть, что с точки зрения математики вопрос не слишком сложен.

Блейк с трудом подавил раздражение и дружески хохотнул:

— Я был бы весьма рад сдать вам тринадцатый этаж — если бы он у нас был. Но не могу же я сдать в аренду то, чего на свете нет, верно? — Он развел руками и выдал еще один смешок «мы-трое-интеллигентных-людей-всегда-друг-друга-поймем». — На двенадцатом и четырнадцатом этажах, к моей радости, почти все офисы заняты. Но мы, без сомнения,

могли бы предоставить вам какую-то другую часть небоскре-ба Мак-Гоуэна. — Внезапно ему вспомнились правила хоро-шего тона, одно из которых он едва не нарушил. — *Меня*, — заметил он, постукивая ухоженным ногтем по лакированной табличке, — зовут Сидней Блейк. А с кем я имею честь...

— Тоху и Боху, — ответил высокий.

— Простите?

— Тоху, я сказал, и Боху. Я Тоху, а он, — высокий указал на своего крохотного близнеца, — Боху. Или, как случается фактически иногда, наоборот.

Сидней Блейк размышлял над этими словами, пока стол-бик пепла не оторвался от сигареты под своей тяжестью и не расплескался по его брюкам. Иностранцы. Следовало сразу догадаться по смуглой коже и легкому, странному акценту. Не то чтобы это имело особое значение в небоскребе Мак-Гоуэна. Или в любом другом здании, управляемом «Веллингтон Джимм и сыновья, Инкорпорейтед». Но Блейку было любопытно, в какой стране у людей такие имена и такая разница в росте.

— Очень хорошо, мистер Тоху. И... э-э... мистер Боху. Так вот, как я понимаю проблему...

— Никакой проблемы на самом деле нет, — произнес высокий медленно, внятно и вдумчиво, — если бы вы, моло-дой человек, ее не создавали. У вас есть здание с этажами с первого по двадцать четвертый. Мы хотели бы занять три-надцатый, который, по всей видимости, пустует. И если бы вы перешли к делу, как положено вам по должности, и сдали бы нам указанный этаж без проволочек...

— Или нелепой софистики, — вставил маленький.

— ...тогда мы были бы счастливы, ваши наниматели были бы счастливы, и вы *тоже* были бы счастливы. Это весьма простая сделка, и человек на вашем посту с легкостью мог бы ее заключить.

— Да как, во имя всего... — взвыл было Блейк, но тут вспомнил профессора Скоггинса со второго семинара по повышению квалификации управляющих («Помните, гос-пода, потерянное самообладание — это потерянный клиент. Если покупатель всегда прав, то наш клиент никогда не ошибается. Вы должны любым способом решить мелкие про-блемы и трудности вашего клиента, какими бы нелепыми они ни казались. Агент по недвижимости должен встать рядом с врачом, дантистом и фармацевтом, и девизом его

должно стать: «Труд во имя других, всегда доступный и надежный»). Блейк склонил голову и покрепче вцепился в свою профессиональную ответственность.

— Послушайте, — выдавил он наконец вместе с судорожно дружелюбной улыбкой, — я сейчас объясню все в ваших же терминах. Вы, по причинам, которые знаете лучше меня, хотите снять тринадцатый этаж. В этом здании по какой-то причине, которую лучше нас с вами знает его архитектор — без сомнения, эксцентричный глупец, к которому мы *не можем испытывать уважения*, — в этом здании тринадцатый этаж отсутствует. Поэтому я не могу его вам сдать. На первый взгляд мы имеем некоторые трудности, признаюсь, и вам может показаться, что вы не можете получить желаемого в небоскребе Мак-Гоэна. Но если мы внимательно рассмотрим сложившуюся ситуацию, то выясним, что есть в наличии несколько *превосходных* этажей...

Он прервался, сообразив, что остался один. Его посетители встали тем же немыслимо быстрым движением и вышли.

— Очень жаль, — проговорил высокий, выходя из приемной. — Превосходное было бы место. Вдалеке от центра всего.

— Не говоря уже о фасаде, — добавил маленький. — Уж так непрезентабельно. Весьма жаль.

Блейк ринулся за ними, но в коридоре остановился. Причины тому было две. Во-первых, Блейк был совершенно уверен, что силой затаскивать клиентов в кабинет, откуда они вышли с такой поспешностью, ниже достоинства свеженазначенного управляющего. В конце концов, это не лавочка дешевого тряпья, а небоскреб Мак-Гоэна.

А во-вторых, Блейк внезапно заметил, что высокий остался один. Маленького и след простыл. Кроме — возможно — вздувшегося внезапно правого кармана плаща высокого...

«Пара психов, — сказал себе Блейк, разворачиваясь и бредя в кабинет. — Совершенно неподходящие клиенты».

Он заставил мисс Керстенберг выслушать всю историю, невзирая на суровые предупреждения профессора Скоггинса относительно излишнего панибратства с младшим персонажем. Та сочувственно щокала языком и смотрела на шефа честными глазами из-за толстых стекол очков.

— Не правда ли, мисс Керстенберг, настоящие психи? — заметил он, закончив свой рассказ. — Совершенно неподходящие клиенты, а?

— Не мне решать, мистер Блейк, — ответила она с неумолимой скромностью и засунула в пишущую машинку фирменный бланк. — Почту Хопкинсону отправить сегодня после обеда?

— Что? А, наверное. То есть конечно. Само собой, после обеда, мисс Керстенберг. И прежде чем отправить, дайте мне, я просмотрю письмо еще раз.

Он вернулся в кабинет и забился между столом и стулом. Вся эта история его очень расстроила. Такая возможность в первые же дни... Но этот человечек — как его, Боху? — и набитый карман...

Сосредоточиться на работе Блейк смог только после обеда. Тут-то и раздался звонок.

— Блейк? — прохрипела трубка. — Это Гладстон Джимм.

— Да, мистер Джимм? — Блейк сел по стойке «смирно». Гладстон был старшим из сыновей Джиммов.

— Блейк, какого дьявола вы отказываете в аренде?

— Я — что? Простите, мистер Джимм, но...

— Блейк, ко мне в контору только что вошли двое джентльменов по имени Тули и Були и сообщили, что не смогли арендовать у вас тринадцатый этаж небоскреба Мак-Гоэна. Они говорят, что эта площадь свободна, но вы упорно отказывались заключить договор. В чем дело, Блейк? Вы что, думаете — фирма вас наняла, чтобы отпугивать выгодных клиентов? К вашему сведению, Блейк, отсюда, из центрального офиса, это вовсе не кажется смешным.

— Я был бы очень рад сдать в аренду тринадцатый этаж, — взвыл Блейк. — Одна только проблема...

— О каких проблемах вы толкуете, Блейк? Ну, говорите же, черт!

— У нас *нет* тринадцатого этажа, мистер Джимм.

— Что?

— В небоскребе Мак-Гоэна тринадцатого этажа нет.

Блейк с мучительной скрупулезностью описал расположение этажей еще раз. К концу рассказа он поймал себя на том, что рисует план здания в блокноте.

— Хм, — буркнул Гладстон Джимм, когда Блейк замолк. — Ну, знаете что, это объяснение определенно в вашу пользу.

Он повесил трубку. Блейк понял, что его трясет.

— Психи, — прошептал он со злобой. — Настоящие психи. Совершенно неподходящие клиенты.

Но когда следующим утром он явился на работу, мистер Тоху и мистер Боху уже ждали его у дверей кабинета. Высокий держал ключ.

— По условиям аренды, мистер Блейк, ключ от нашего главного офиса должен находиться у управляющего. Слесарь только что сделал для нас копию, и мы его возвращаем. Вы довольны?

Сидней Блейк прислонился к стене, ожидая, пока кости вернут себе твердость.

— Аренды? — прошептал он. — Центральная контора подписала с вами договор об аренде?

— Именно, — ответил высокий. — Без каких-либо сложностей мы смогли добиться результата.

— Единение душ, — добавил маленький из-под коленной чашечки своего товарища. — Пиршество разума. Природное средство. В вашем главном офисе не так цепляются за математические тонкости, молодой человек.

— Могу я глянуть на договор? — выдавил Блейк.

Высокий молча вытащил из правого кармана плаща сложенную вчетверо бумагу очень знакомого Блейку вида.

Это был договор об аренде тринадцатого этажа небоскреба Мак-Гоэна. Стандартный. С одним небольшим дополнением, которое Гладстон Джимм внес от руки: «...наниматель арендует этаж, который обе стороны признают несуществующим, но порядковый номер которого представляет собой ценность для нанимателя, каковая ценность приравнивается к стоимости аренды...»

Блейк облегченно вздохнул:

— Это другое дело. Почему же вы сразу мне не сказали, что вам нужно только название? Мне показалось, что вы намерены занять арендованную площадь.

— Мы действительно намерены занять арендованную площадь. — Высокий сунул договор в карман. — Мы внесли авансом месячную плату.

— И, — добавил маленький, — месячную страховку.

— И, — закончил высокий, — комиссионные агенту в размере месячной платы. Так что мы определенно намерены занять арендованную площадь.

— Но как, — Блейк истерически хихикнул, — вы намерены занять площадь, которой...

— До свидания, молодой человек, — перебили наниматели хором и двинулись к лифту.

И вошли.

— Тринадцатый, пожалуйста, — услышал Блейк. Двери закрылись.

Мимо прошла мисс Керстенберг, вежливо чирикнув: «Доброе утро!» Блейк едва кивнул. Он пялился на двери лифта. Вскоре они открылись, и толстый лифтер, прислонившись к косяку, заговорил со швейцаром.

Блейк не смог сдержаться. Он подскочил к лифту и заглянул внутрь. Никого.

— Слушайте, — выговорил он, хватая толстого лифтера за рукав засаленной униформы. — Эти двое, которые сейчас поднимались, — они где вышли?

— Где и хотели. На тринадцатом. А что?

— У нас нет тринадцатого этажа. Вообще нет!

Лифтер пожал плечами:

— Послушайте, мистер Блейк, я делаю свое дело. Попросят меня на тринадцатый — везу на тринадцатый. Попросят на двадцать первый — везу на...

Блейк шагнул в лифт.

— Везите туда, — потребовал он.

— На двадцать первый? Секунду.

— Да нет, вы... вы... — Блейк заметил, что лифтер и швейцар сочувственно переглядываются, и заставил себя успокоиться. — Не на двадцать первый, а на тринадцатый. Отвезите меня на тринадцатый этаж.

Лифтер повернул рычаг, и двери со стоном затворились. Лифт, как и все лифты в небоскребе Мак-Гоуэна, двигался очень медленно, и Блейк без труда мог следить, как сменяются номера в окошечке над входом.

...десять... одиннадцать... двенадцать... четырнадцать... пятнадцать... шестнадцать...

Кабина остановилась. Лифтер почесал затылок козырьком фуражки. Блейк торжествующе воззрился на него. Они поехали вниз.

...пятнадцать... четырнадцать... двенадцать... одиннадцать... десять... девять...

— Ну? — осведомился Блейк.

— Кажется, теперь его нет, — равнодушно ответил лифтер.

— Теперь? *Теперь?* Да его никогда не было! Так куда вы их отвезли?

— А, этих. На тринадцатый этаж, куда еще.

— Но мы же только что убедились, что тринадцатого этажа нет!

— Ну и что? Это вы в колледжах учились, мистер Блейк, не я. Я делаю свое дело. Зайдут в лифт, попросят меня на тринадцатый — везу на...

— Знаю! Везете на тринадцатый этаж. Но у нас нет тринадцатого этажа, идиот! Я вам могу планы показать, чертежи показать, и попробуйте только найдите мне на них тринадцатый этаж! Если вы мне найдете тринадцатый этаж...

Блейк сообразил, что они уже спустились в вестибюль и на его крики уже собирается толпа. Он смолк.

— Слушайте, мистер Блейк, — предложил лифтер, — если вам что-то не по душе, может, я вызову парня из профсоюза, и вы с ним этот вопрос провентилируете? Договорились?

Блейк беспомощно всплеснул руками и поплелся в свой кабинет. Он еще успел услыхать, как за его спиной швейцар осведомился у лифтера:

— Что он на тебя так орал-то, Барни?

— А ну его, — ответил лифтер. — Что-то ему планы не понравились, вот он на меня и взъелся. От большого образования, наверное. Ну каким боком ко мне эти чертежи относятся?

— Черт его знает, — вздохнул швейцар. — Может, и никаким.

— Я тебе еще вот что скажу, — продолжал лифтер, ободренный успехом своих упражнений в риторике. — Каким боком я отношусь к чертежам?

Блейк захлопнул дверь, прислонился к ней изнутри и обеими руками взъерошил редеющие волосы.

— Мисс Керстенберг, — процедил он наконец, — как вам это нравится? Эти психи, которые вчера приходили, — эти двое сумасшедших пней... центральная контора сдала им тринадцатый этаж!

Мисс Керстенберг подняла взгляд от пишущей машинки:

— Правда?

— И, хотите — верьте, хотите — нет, они сейчас поднялись наверх и въехали в свои офисы.

Мисс Керстенберг улыбнулась ему милой женской улыбкой.

— Как интересно, — сказала она.

И продолжила печатать.

То, что Блейк увидал в вестибюле следующим утром, заставило его рвануться к телефону и набрать номер центральной конторы.

— Мистера Гладстона Джимма, — потребовал он, задыхаясь.

— Мистер Джимм? Это уже серьезно! Они ввозят мебель! Конторскую мебель. И электрики поднялись наверх, чтобы установить телефоны. Мистер Джимм, они нас заполонили!

— Кто заполонил? — немедленно взвился Гладстон Джимм. — «Недвижимость Танзена»? Или опять братья Блэр? Я говорил, я на прошлой неделе говорил, что такое спокойствие не к добру. Я печенкой чуял, что этот прошлогодний договор о разделении сфер влияния долго не продержится. На нашу собственность зарятся?! — Он возмущенно фыркнул. — Ничего, у нас, старииков, еще остались тузы в рукавах. Прежде всего, бумаги — списки нанимателей, чеки, и ничего не забудьте — уберите в сейф. Через полчаса у вас будут трое адвокатов с судебным ордером. А пока сохраняйте...

— Вы не поняли, сэр. Это новые обитатели. Те, что сняли тринадцатый этаж.

Гладстон Джимм затормозил на полном ходу, обдумал сказанное, понял и принял перековывать мечи на орала.

— То есть эти... как бишь их... Тумбс и Буль?

— Эти самые, сэр. Наверх несут столы, шкафы, полки. Шныряют электрики и люди из телефонной компании. И все едут на тринадцатый этаж. Только, мистер Джимм, нету у нас тринадцатого этажа!

Пауза.

— Другие наниматели вам жаловались, мистер Блейк?

— Нет, мистер Джимм, но...

— Эти Тут и Буб кому-то мешают?

— Нет вроде. Только я...

— Только вы занимаетесь не своим делом, Блейк! Мальчик мой, вы мне нравитесь, но я вас предупреждаю — вы не тем занялись. Вы уже неделю служите управляющим небоскреба Мак-Гоэна, и единственную серьезную сделку за это

время пришлось заключать через центральную контору. Блейк, в вашей характеристике это будет выглядеть очень жалостно и не слишком красиво. Дыры на третьем, шестнадцатом и девятнадцатом этажах еще не заполнены?

— Нет, мистер Джимм. Я планировал...

— Планировать мало, Блейк. Планирование — это первый шаг. За ним должны следовать действия. *Действия, Блейк, ДЕЙСТВИЯ!* Попробуйте-ка вот что: возьмите табличку, большими красными буквами напишите на ней «действуй!», а на обороте перечислите все незанятые помещения в небоскребе. И повесьте перед своим столом. И каждый раз, когда взглянете на нее, вспоминайте, сколько еще у вас пустых мест. Работать надо, Блейк!

— Да, сэр, — пролепетал Блейк.

— И не звоните мне больше по поводу арендаторов, которые платят вовремя и не нарушают закон. Они вас не трогают, и вы их не трогайте. Это приказ, Блейк.

— Понятно, мистер Джимм.

Блейк долго сидел и смотрел на замолкшую трубку, потом поднялся, вышел в вестибюль и шагнул в лифт. В походке его чудилась некая необычная расхлябанность и даже определенное безрассудство — безрассудство человека, намеренно не подчинившегося приказу верховного главы фирмы по торговле недвижимостью «Веллингтон Джимм и сыновья, Инкорпорейтед».

Два часа спустя он, ссутулившись, выполз из лифта. Рот его тоскили скрипился. Поражение было полным.

Всякий раз, когда Блейк втискивался в лифт, полный электриков, телефонистов и грузчиков, едущих на тринадцатый этаж, тринадцатого этажа не оказывалось на месте. Но стоило им раздраженно пересесть в другой лифт, оставив Блейка позади, как они попадали, судя по всему, именно туда, куда намеревались. Было очевидно, что для Сиднея Блейка тринадцатого этажа нет. И, вероятно, не будет.

Он все еще размышлял над этой вопиющей несправедливостью, когда в пять часов к нему в приемную зашли, поскрипывая суставами, уборщицы, чтобы отметиться на часах.

— Кто из вас, — спросил он, осененный вдохновением, — кто из вас убирает на тринадцатом этаже?

— Я, — ответила старушка в ярко-зеленом платке.

Блейк силой затащил ее в свой кабинет.

— Когда вы начали убирать на тринадцатом этаже, миссис Риттер?

— Ну, когда новые наниматели въехали.

— А до того... — Блейк сделал паузу, внимательно глядя на уборщицу.

Та улыбнулась; несколько морщин изменили свои руслы.

— Господи вас благослови, да прежде там нанимателей-то не было. На тринадцатом-то.

— И... — подбодрил ее Блейк.

— И убирать нечего было.

Блейк пожал плечами и сдался. Уборщица хотела уйти, но он задержал ее.

— А на что, — спросил он, глядя на уборщицу с нескрываемой завистью, — похож тринадцатый этаж?

— На двенадцатый. Или десятый. Этаж как этаж.

— И все туда могут попасть, — пробормотал Блейк себе под нос. — Кроме меня.

Он с раздражением осознал, что произнес эти слова слишком громко. Старушка сочувственно глянула на него.

— Может, это потому, — предположила она шепотом, — что вам *незачем* туда ехать?

Блейк все еще стоял столбом, осмысливая эту идею, пока уборщицы разбрдались по зданию, гремя ведрами и метлами, когда за его спиной послышались кашель и тень кашля. Блейк обернулся. Мистер Тоху и мистер Боху поклонились — вернее, сложились и развернулись.

— Для таблички в вестибюле, — сообщил высокий, подавая Блейку визитку. — Так нас следует указать.

«Г.ТОХУ & К.БОХУ.

Специалисты по нерастяжимостям.

Работаем по найму».

Блейк облизнул губы, ввязался в битву с собственным любопытством и проиграл.

— А по каким нерастяжимостям?

Высокий глянул на низенького. Тот пожал плечами.

— По мягким, — ответил он.

И оба вышли.

Блейк был совершенно уверен, что, выходя на улицу, высокий поднял маленького на руки. Но что именно произошло потом, он не разобрал. Только по улице высокий шел уже один.

С того самого дня у Сиднея Блейка появилось хобби. Он пытался найти хороший повод посетить тринадцатый этаж. К сожалению, хорошего повода найти никак не удавалось, пока наниматели платили ренту в срок и никому не мешали.

Месяц за месяцем странные наниматели платили ренту. И никому не мешали. Приходили мойщики окон и мыли окна. Приходили маляры, плотники и строители — обустраивали контору на тринадцатом этаже. Посыльные шатались под грузом доставляемых бумаг. На тринадцатый этаж поднимались даже явные клиенты — группа, до странности разнородная: от деревенских нищих в куцых сюртучках до шикарно разодетых букмекеров; порой джентльмены в дорогих темных костюмах обсуждали процентные ставки и новые эмиссии акций негромкими солидными голосами и спрашивали лифтера о фирме «Тоху и Боху». Многие, очень многие отправлялись на тринадцатый этаж.

Сиднею Блейку начинало казаться, что туда ехали все, кроме Сиднея Блейка. Он пытался пробраться на тринадцатый этаж по лестнице, но, запыхавшись, выходил всегда либо на двенадцатом, либо на четырнадцатом. Пару раз он пробовал залезть в один лифт с самими Г. Тоху & К. Боху. Но, пока он находился в кабине, лифт не мог найти тринадцатого этажа. А те оборачивались и одаривали загадочными улыбками место, где Блейк пытался слиться с толпой, так что тот, краснея, вылезал на первой же остановке.

Однажды он пытался даже — безуспешно — замаскироваться под инспектора по пожарной безопасности...

Ничто не помогало. На тринадцатом этаже делать ему было нечего.

Он раздумывал над этой проблемой круглыми сутками. Животик его потерял округлость, ногти — маникюр, а брюки — свою складку.

И никто, кроме него, не проявлял ни малейшего интереса к постояльцам с тринадцатого этажа.

Хотя однажды мисс Керстенберг оторвала взгляд от машинки и произнесла:

— Так вот как они пишут свои имена? Т-О-Х-У и Б-О-Х-У?
Странно.

— Почему странно? — кинулся на нее Блейк.

— Это еврейские имена. Я знаю, потому что, — она покраснела до самого выреза платья, — я преподаю в еврей-

ской школе по вторникам, средам и четвергам вечером. И семья у меня очень религиозная, так что я получила настоящее правильное образование. Думаю, религия — очень хорошая вещь, особенно для девушки...

— Что с этими именами? — Блейк едва не приплясывал.

— Ну, в еврейской Библии, прежде чем Господь разделил небо и землю, земля была *тоху ва-боху*. «Ва» значит «и». А «тоху» и «боху»... ну, это тяжело перевести.

— Попробуйте, — умолял Блейк. — Прошу.

— Ну, например, обычно в английской Библии *тоху ва-боху* переводят как «бездна и пуста». Но «боху» на самом деле может значить «пустой» в разных смы...

— Чужестранцы, — выдавил Блейк. — Я знал, что они чужестранцы. И не к добру это. С такими-то именами.

— Я с вами не согласна, мистер Блейк, — чопорно ответила секретарша. — Совершенно не согласна, что с такими именами не выйдет ничего хорошего. В конце концов, это *еврейские* имена.

Больше он не слышал от нее ни одного доброго слова.

А две недели спустя Блейк получил от центральной конторы «Веллингтон Джимм и сыновья» сообщение, которое едва не заставило его сделать последний шаг вниз с ума. Тоху и Боху уведомили, что освобождают занимаемую площадь в конце месяца.

Примерно сутки Блейк бродил по зданию и разговаривал сам с собой. Лифтер утверждал, что слышал от него нечто вроде: «Да уж, больших чужестранцев и представить трудно — они вообще не из нашего мира!» Уборщицы тряслись в своих каморках, рассказывая друг другу, с каким безумным, безумным блеском в глазах и размашистыми жестами он бормотал: «Конечно, тринадцатый этаж. А где еще могут поселиться эти несуществующие ничтожества?! Ха!» А мисс Керстенберг даже застала его глядящим на охладитель и произносящим в пустоту: «Пытаются, голову даю на отсечение, отвертеть стрелки на пару миллиардов лет назад и все начать сначала. Поганая пятая колонна!» От ужаса она собралась было звонить в ФБР, но решила, что не стоит. В конце концов, если полиция берется за дело, никогда не знаешь, кого арестуют.

Кроме того, вскоре Сидней Блейк пришел в себя. Он снова начал ежедневно бриться, из-под ногтей исчезла грязь.

Но он уже не был прежним юным и энергичным управляющим. Лицо его непрестанно светилось тайным предвкушением триумфа.

Пришел последний день месяца. Все утро с тринадцатого этажа таскали вниз мебель и куда-то увозили. Когда последние шкафы вынесли из лифта, Сидней Блейк вышел из своего кабинета, поправил цветок в петлице и шагнул в лифт.

— Тринадцатый этаж, пожалуйста, — звонко произнес он.

Двери закрылись. Лифт двинулся. И остановился на тринадцатом этаже.

— О, мистер Блейк, — произнес высокий. — Это сюрприз. Чем можем служить?

— Как поживаете, мистер Тоху? — осведомился у него Блейк. — Или все же Боху? А вы, — он повернулся к маленькому, — мистер Боху — или, как может фактически случиться, Тоху — надеюсь, тоже в порядке? Хорошо.

Он немного побродил по пустым, просторным комнатам, огляделся. С этажа вывезли все, вплоть до перегородок. На всем тринадцатом этаже они были втроем.

— У вас к нам какое-то дело? — поинтересовался высокий.

— Конечно, у него к нам дело, — сварливо отозвался маленький. — У него не может не быть к нам дела. Только лучше бы он поспешил со своими делами, какими бы они ни были.

Блейк поклонился:

— Раздел третий параграфа десятого договора об аренде: «...наниматель соглашается, что после подачи указанного уведомления владельцу полномочный представитель владельца, как, например, постоянный управляющий, буде такой имеется, имеет право осмотреть арендованную площадь до освобождения ее нанимателем, чтобы удостовериться, что помещения оставлены последним в хорошем состоянии...»

— Так вот какое у вас дело, — задумчиво произнес высокий.

— Так я почему-то и думал, — добавил маленький. — Что ж, юноша, тогда поторопитесь.

Сидней Блейк прошелся по коридору. Несмотря на охватывавшее его радостное возбуждение, он не мог не признать,

что между тринадцатым и любым другим этажом нельзя было усмотреть никакой разницы. Кроме... да, кроме...

Он подбежал к окну и глянул вниз. И пересчитал этажи. Двенадцать. Он глянул вверх и посчитал. Тоже двенадцать. Плюс тот этаж, на котором он стоял — двадцать пять. А в небоскребе Мак-Гоуэна было всего двадцать четыре этажа. Откуда взялся лишний? И как выглядит здание снаружи в тот момент, когда он, Блейк, выглядывает из окна тринадцатого этажа?

Он обернулся и хитро посмотрел на Г. Тоху и К. Боху. Уж эти-то знают.

Оба арендатора нетерпеливо ждали его у открытой двери лифта.

— Вниз? Вниз? — осведомился лифтер с нетерпением еще большим.

— Ну, мистер Блейк, — осведомился высокий, — площадь оставлена в хорошем состоянии?

— О, просто в превосходном, — ответил Блейк. — Но суть не в этом.

— Ну, нам совершенно безразлично, в чем у него суть, — заметил маленький своему товарищу. — Пошли отсюда.

— Верно, — согласился высокий.

Он нагнулся и поднял своего спутника. Сложил вдвое, потом еще вдвое. Потом скатал в трубочку и засунул в правый карман плаща. Шагнул в лифт.

— Идете, мистер Блейк?

— Нет, спасибо, — ответил Блейк. — Я слишком долго пытался сюда попасть, чтобы так быстро уезжать.

— Располагайтесь, — ответил высокий. — Вниз, — сказал он лифтеру.

Оставшись в одиночестве на тринадцатом этаже, Сидней Блейк смог наконец вздохнуть полной грудью. Так долго! Он подошел к двери на лестницу, которую искал так долго, подергал. Дверь не открывалась. Забавно. Блейк нагнулся и посмотрел повнимательнее. Не закрыта — просто где-то застягала. Надо будет вызывать рабочих, пусть починят.

Кто знает? Может, отныне в Старом Гробу теперь будет сдаваться в аренду еще один этаж. Надо его привести в порядок.

Но как все же здание выглядит снаружи? Блейк подошел к ближайшему окну и попытался выглянуть наружу. Что-то его остановило. Окно было открыто, но просунуть голову за

Уильям Тенн

раму Сидней не мог. Он вернулся к тому окну, из которого уже высовывался. То же самое.

И тут внезапно он понял.

Он подбежал к лифту и вдавил кулаком кнопку вызова. И держал ее, загнанно дыша. Через ромбовидные окошки в дверцах он видел, как снуют вверх-вниз кабинки. Но на тринадцатом этаже ни одна не останавливалась.

Потому что тринадцатого этажа больше не существовало. И не было никогда. Кто слышал о тринадцатом этаже небоскреба Мак-Гоуэна?..

ХРАНИТЕЛЬ

9 мая 2190 г.

Получилось! Опасность была велика, но, к счастью, у меня довольно недоверчивый характер. У меня едва не похитили мой триумф, мой успех, но я перехитрил их. В результате чего рад сообщить в своем завещании, что отныне я начинаю свой последний год жизни.

Впрочем, небольшое уточнение. Этот последний год жизни, год, который я проведу в открытой могиле, на самом деле начался сегодня в полдень. А затем на втором подвальном уровне Музея Современной Астронавтики я прошелся по всей шкале в третий раз, и все направления дали мне отрицательный ответ.

Это значит, что я, Фиятил, — единственный живой человек на Земле. Но какую борьбу мне пришлось выдержать, чтобы завоевать подобную награду!

Что ж, теперь все позади, я в этом совершенно уверен. На всякий случай я всю последующую неделю буду каждый день спускаться вниз и проверять антропометр, однако маловероятно, практически немыслимо, чтобы прибор кого-нибудь нашел. Я дал свой последний бой, окончательный и бесповоротный, силам праведности — и в нем победил. А теперь я с полным и неоспоримым правом владею своим гробом — и что мне еще остается, как не наслаждаться жизнью!

Особого труда я в том не вижу. Разве не годами я планировал удовольствия!

И все же, когда я стянул с себя костюм из голубого бериллита и выбрался по лестнице на солнечный свет, мне

The Custodian

Copyright © 1953 by Philip Klaas

Хранитель

© Издательство «Полярис», перевод, 1997

невольно вспомнились другие. Груземан, Приджот и, кажется, даже Мо-Дики. Будь у них хоть на гран меньше теоретического рвения и чуть больше разумного прагматизма, они стояли бы сейчас со мной.

В общем, ничего хорошего. Но, с другой стороны, мое бдение становится от этого как-то величественнее, возвышенное. Усевшись на мраморную скамью между громадами, выше человеческого роста, статуями Розинского, олицетворявшими Космонавта и Космонавтку, я пожал плечами и выбросил из головы всякие мысли о Груземане, Приджоте и Мо-Дики.

Они проиграли. Я — нет.

Я откинулся назад и впервые за более чем месяц позволил себе расслабиться. Я окунул взглядом исполинские бронзовые фигуры, высившиеся надо мной, две скульптуры, с неистовством безумцев устремленные к звездам, и фыркнул от смеха. Меня впервые потрясла совершенная неуместность моего тайного убежища — представить только, Музей Современной Астронавтики! Усиленный невероятным нервным напряжением и пронизывающим до мозга костей страхом последних пяти дней, сдавленный смех в моем горле подпрыгивал мячиком, пока не рассыпался дробным хихиканьем, потом трескуче заскрежетал и под конец превратился в раскатистый хохот, от которого все тело заходило ходуном. Я не мог остановиться. Привлеченные смехом, из музеиного парка гурьбой потянулись все олени и остановились перед мраморной скамьей, где Фиятил, последний человек на Земле, по-стариковски задыхался и кашлял, пыхтел и фыркал.

Не знаю, сколько бы еще продолжался этот приступ, но тут на солнце случайно набежало облачко, обычное летнее облачко, следовавшее своим естественным курсом по небу. И это сработало. Я перестал смеяться, будто меня выключили, и поднял голову.

Облачко проследовало дальше, и вниз хлынул поток солнечного света, такой же теплый, как прежде, но я слегка вздрогнул.

Две молодые беременные самочки подступили ко мне чуть ближе и стали наблюдать, как я массирую себе шею. От смеха на ней растянулась мышца.

— Что ж, милые, — сказал я, цитируя им высказывание одной из моих любимых религий, — похоже, что посреди жизни мы с вами наконец поистине в смерти.

Глядя на меня, они флегматично жевали.

11 мая 2190 г.

Последние два дня привожу в порядок себя и свои припасы, а также строю планы на ближайшие дни. Всю жизнь спокойно готовиться к выполнению обязанностей Хранителя — это одно. Но внезапно обнаружить, что ты уже Хранитель, последний в своей категории и в роде человеческом, и, как ни странно, выполнять обе эти роли, — совсем другое. Сначала меня охватывает пламенем безумной гордости. А мгновением позже обдает холодом от сознания той невообразимой, грандиозной ответственности, которая лежит на мне.

Насчет еды я спокоен — голод мне не грозит. На продовольственном складе одного только этого заведения столько пакетов с едой, что мне их хватило бы на десять лет вперед, не говоря уже о двенадцати месяцах. И куда на этой планете ни пойдешь — начиная с Музея буддийских древностей на Тибете и кончая Панорамой политической истории в Севастополе, — везде будет то же изобилие.

Конечно, пищевые концентраты есть пищевые концентраты: воплощение чужого мнения о моем меню. Теперь, когда сгинул навеки последний Утверждатель, захватив с собой свой жесточайший аскетизм, мне ни к чему лицемерить. Наконец-то я смогу предаться своей извечной склонности к роскоши и побаловать себя разными деликатесами. К несчастью, я вырос и жил в обществе, где безраздельно властвовали Утверждатели, и все те лицемерные ухищрения, к которым я учился прибегать шестьдесят раболепствующих лет, слились в одно целое с моей душой. Поэтому я сомневаюсь, что стану готовить себе еду из свежих продуктов по старинным рецептам.

А кроме того, приготовление пищи из свежих продуктов неизбежно связано со смертью живых существ, которые в настоящее время безмятежно наслаждаются жизнью. При нынешних обстоятельствах это выглядит довольно глупо...

Не было необходимости и прибегать к услугам автоматических прачечных. Однако я прибегнул. К чему стирать одежду, спросил я себя, если могу сбросить свою хламиду, едва она запачкается, и надеть новый, с иголочки костюм, еще похрустывающий в память о машинной матрице, откуда он родом?

Привычка подсказала мне, почему я не могу. Мировоззрение Хранителей не позволяло мне поступать так, как счел

бы для себя необременительным поступить на моем месте любой Утверждатель: то есть скинуть с себя одежду на свободном клочке земли и оставить ее валяться безобразной пестрой кучей. С другой стороны, многое из учения Утверждателей, что мой разум десятилетиями упорно отвергал, капля за каплей постепенно просочилось, как ни жаль, в мое подсознание. Мысль об умыщенном уничтожении чего-либо практически полезного — пусть даже довольно неэстетичного, как грязная одежда (мужская, для Самца, Теплого сезона, судовой индекс Утверждателей №2352558.3), — приводит меня в смятение, даже против воли.

Снова и снова я твержу себе, что отныне судовые индексы Утверждателей ничего для меня не значат. Ровно ничего. Они так же бессмысленны, как маркировка груза для грузчиков, отвечающих за погрузку Ковчега, на следующий день после отплытия на нем Ноя.

И все же, когда я вхожу в одноместный шаролет, чтобы приятно расслабиться в экскурсионном облете музеиных площадок, что-то во мне говорит: № 58184.72. Отправляю в рот порцию «Протеинового компонента для завтрака» и обращаю внимание, что жую судовые индексы с № 15762.94 по № 15763.01. Я даже припоминаю, что «Протеиновый компонент» относится к категории товаров, предназначенных для отгрузки в числе последних грузов, причем лишь тогда, когда корабельный представитель министерства Выживания и Сохранения сдаст свои командные полномочия корабельному представителю министерства Полета.

В данную минуту ни один Утверждатель не топчет Землю. Вместе с расплодившимися в невероятном количестве правительственные бюро — включая и то, где были обязаны регистрироваться все исповедующие Хранителизм, а именно, министерство Древностей и Бесполезных Реликтов, — они сейчас разбросаны по сотне планетарных систем Галактики. Но все это, кажется, ни в малейшей степени не трогает мой разум. Благодаря цепкой до идиотизма памяти он до сих пор цитирует тексты, которые заучил наизусть десятки лет назад к экзаменам по системе выживания, давным-давно отмененным и забытым властью предержащей.

И до чего ж они расторопные, эти Утверждатели, так чудовищно и удачливо расторопные! Однажды еще мальчишкой я поделился по секрету с моим, увы, не в меру болтливым другом, с Ру-Сатом, что в свободное время стал

заниматься живописью на холсте. Родители тут же, словоизвившись с моим наставником по активному отдыху, принудительно-добровольно отправили меня в ближайший детский «Особый отряд выживания для особых работ», где мне в обязанность вменили малевать на упаковочных ящиках цифры и маркировочные знаки. «Не развлечения, но упорство, упорство и еще раз упорство сохранит расу Человека» — эти слова из катехизиса Утверждателей мне с тех пор приходилось повторять каждый раз перед едой, прежде чем мне разрешали сесть за стол.

Шли годы. Я взрослел, и однажды наступил день, когда я смог зарегистрироваться как сознательный Хранитель. «Знаешь что, — задохнулся при виде меня отец, — не попадайся нам больше на глаза. Не надоедай нам. Я говорю за всю семью, Фиятил, включая твоих дядей по матери. Ты решил стать покойником — твое дело! Нас это теперь не касается. Только забудь, что у тебя были когда-то родители и родственники, и дай нам забыть, что у нас был сын».

Это значило, что теперь я свободен от поденцины Выживания и могу взвалить на себя вдвое больше работы с микросъемочными группами, которые разъезжали с одного музея в другой, от археологических раскопок до города с небоскребами. И однако это же самое общее мнение настаивало, чтобы мы проявили жест доброй воли по отношению к обществу, которое столь милостиво позволяет нам следовать своей совести. Экзамены вынуждали нас отложить в сторону томик, озаглавленный «Религиозная композиция и убранство в храмах Верхнего Нила», ради отчаянно скучной, серой и замусоленной книжонки «Инструкция по судовой индексации и справочник по размещению однородного груза». Я давно оставил надежду самому стать художником, но уродливые и ничтожные десятичные дроби отнимали время, которое я с большим бы удовольствием провел бы, любуясь творчеством людей, живших не в таких фанатичных, безумных столетиях.

И до сих пор отнимают! Передо мной больше не ставят вопросы по дегидратации, на которые мне следует снова и снова отвечать, но привычка считать настолько въелась, что даже теперь я ловлю себя на том, что подсчитываю с помощью логарифмов, куда пакуется вещество сразу после его обезвоживания. Ужасно! Образовательная система, от

которой я в свое время полностью отвернулся, все-таки дотянулась до меня и втянула в себя!

Конечно, занятия, в которые я сейчас вовлечен, не очень-то помогают. Однако мне важно почерпнуть как можно больше знаний из элементарных обучателей — в этом музее, например, — чтобы, вооружась ими, не беспокоиться насчет возможной поломки шаролета над джунглями. Я не собираюсь становиться ни техником, ни монтером-аварийщиком. Но мне нужно хотя бы научиться, как подобрать аппарат в хорошем рабочем состоянии и заставить его работать, не повредив чувствительных деталей.

Эти технологические тонкости действуют мне на нервы. За этими стенами — брошенное на произвол судьбы искусство 70 000 лет; оно зовет меня и манит, а я вот сижу тут и заучиваю скучнейшие сведения о силовых установках рабочих роботов, разглядываю чертежи антигравитационных винтов у шаролетов, действуя от лица всего мира, словно какой-нибудь капитан Утверждателей, пытающийся до старта снискать похвалы у министерства Полета.

Но именно этой своей усидчивости я обязан тем, что сижу здесь, а не предаюсь отчаянию на борту разведывательного судна Утверждателей, как Мо-Дики, Груземан и Приджот. Пока они бурно радовались обретенной свободе и носились по планете, словно старые взбесившиеся клячи, я отправился в Музей Современной Астронавтики и принялся изучать, как обращаться с антропометром и голубым бериллитом. Терять время даром было мне не по душе, но я не забывал, как свята для Утверждателя, особенно современного, человеческая жизнь. Они нас однажды предали; они не могли не вернуться и не удостовериться, что предательство не оставило после себя следов в виде Хранителей, наслаждавшихся достигнутым. Я был прав тогда, я знаю, что прав сейчас — но как же мне надоело искать одной пользы!

Кстати, об антропометре — буквально два часа назад я пережил настоящее потрясение. Сработала сигнализация, но сигнал быстро прервался. Я ринулся вниз по лестнице к антропометру и, пока бежал, разворачивал костюм из голубого бериллита и отчаянно надеялся, что не подорвусь от повторного его употребления.

Когда я подоспел к прибору, он уже прекратил свои заявления. Я раз десять прошелся по всем направлениям шкалы, но прибор безмолвствовал. Следовательно, если верить

инструкции к антропометру, ни в одном уголке Солнечной системы не было ни единого живого человека. Я настроил прибор на излучения своего головного мозга так, чтобы сигнализация на меня не реагировала. И однако же она сработала, фиксируя, безусловно, присутствие людей помимо меня, как бы кратковременно ни было их существование. Все это было весьма загадочно.

Я пришел к выводу, что прибор включился из-за какого-нибудь атмосферного возмущения или неправильного соединения в самом антропометре. А возможно, я, бурно радуясь пару дней назад, что меня оставили, нечаянно повредил аппарат.

Я слышал, как с разведывательного корабля Утверждателей передавали на базовое судно, ожидавшее за Плутоном, что они поймали моих коллег. Так что я точно знаю, что являюсь единственным живым человеком, оставшимся на Земле.

Кроме того, если бы сигнализация сработала из-за притаившихся Утверждателей, то их антропометр обнаружил бы меня в то же самое время, поскольку я разгуливал, не защищенный изолирующим слоем голубого бериллита. Музей тут же был бы окружен экипажами шаролетов, и меня бы незамедлительно схватили.

Нет, не думаю, что мне следует опасаться Утверждателей. Они удовольствовались тем своим последним возвращением два дня назад. Я даже не сомневаюсь в этом. Их учение не позволило бы им снова и снова возвращаться, так как этим они поставили бы под угрозу собственные жизни. И то сказать, осталось лишь 363 дня, не больше, и солнце вспыхнет новой звездой.

15 мая 2190 г.

Я крайне встревожен. Даже испуган. А хуже всего то, что я не знаю чем. Мне остается только ждать.

Вчера я покинул Музей Современной Астронавтики и отправился в предварительное путешествие по всему свету. Я намеревался две-три недели полетать по миру до того, как приму решение, где мне провести остаток моего года.

Первой моей ошибкой был выбор первой стоянки. Италия. Вполне возможно, что, не возникни у меня небольшого осложнения, я бы провел там одиннадцать месяцев, прежде чем опомнился бы и продолжил свой предварительный обзорный полет. Средиземное море обладает опасной притягательной силой для каждого, у кого не хватает собственного

таланта или же его талант не получил должного развития и кто решил, что ему следует именно здесь, и нигде больше, провести свою жизнь, наслаждаясь и дорожа шедеврами, предоставленными человечеству другими, намного более удачливыми личностями.

Сначала я отправился в Феррару, так как на рекультивированной болотистой равнине за городом находился основной стартовый комплекс Утверждателей. Я немного задержался у одного из моих любимых зданий, Палаццо дем Диаманти, и, как всегда, качал головой в немом восхищении от массивных камней, из которых сложено это здание, высеченных и отшлифованных в виде множества огромных алмазов. По-моему, город и сам похож на драгоценный камень, теперь несколько поблекший, но неистово искривившийся во времена двора Эсте. Один маленький городок, один крошечный надменный двор — да я бы с радостью променял на них два миллиарда неизменно грубых Утверждателей. Более шестидесяти лет почти неограниченного политического контроля — и разве породила целая планета этих Утверждателей хоть одного, равного Тассо или Ариосто? А потом я подумал, что по крайней мере один уроженец Феррары наверняка чувствовал бы себя непринужденно в том мире, который только что покинул меня, его последний романтик. Я вспомнил, что в Ферраре родился Савонарола...

Равнина за Феррарой также напомнила мне о мрачном доминиканце. Стартовое поле, простирающееся вдаль на много плоских миль, было сплошь усеяно скарбом, брошенным в последнюю минуту, и походило на самый настоящий языческий костер.

Но что там языческие идолы! Вот здесь, например, валяется логарифмическая линейка, которую перед стартом приказал выбросить командир одного из кораблей, потому что последняя проверка выявила превышение установленного «Инструкцией по судовой индексации» максимального количества логарифмических линеек, необходимых для судна такого размера. А вон там — циркулярный сборник учетных листков, который выбросили из закрывающегося воздушного шлюза после того, как все без исключения пункты были по всем правилам отмечены галочкой: одна галочка, от министерства Выживания и Сохранения, — до пункта, и другая, от министерства Полета, — после пункта. Влажную зем-

лю устилали пустые канистры и коробки из-под пищевых продуктов, запачканная одежда, отчасти изношенная утварь. Все эти предметы, когда-то исправно выполнявшие свое назначение, со временем дали в работе сбой по тем или иным причинам — и вот они незамедлительно выброшены. А рядом, подумать только, — случайная кукла, мало похожая на куклу, это уж точно, но и не похожая ни на какой предмет иного назначения. Разглядывая эту неряшливую свалку ненужных вещей, где редким вкраплением сквозила сентиментальность, я задавался вопросом, сколько же родителей терзались от стыда, когда, несмотря на их предусмотрительно многократные уверещания и предостережения, последний досмотр обнаруживал в складках ребячих платьев то, что можно назвать только старой игрушкой — или, что еще хуже, вещицей на память?

Я вспомнил, что по этому поводу сказал мне мой наставник по активному отдыху много лет назад. «Не думай, Фиятил, будто мы считаем, что детям не нужны игрушки; просто мы не хотим, чтобы они привязывались к какой-то определенной игрушке. Наша раса готовится покинуть эту планету, которая испокон веков была их домом. Мы можем взять с собой только таких существ и такие вещи, которые способны воссоздавать других существ и вещи, без которых никак не обойтись, где бы мы ни осели. Мы не можем перегружать корабли и поэтому вынуждены отбирать среди полезных вещей только необходимые».

«Мы не собираемся брать с собой вещь по той причине, что она красива, или потому что многие молятся на нее, или же оттого, что многие *считают*, будто она нужна им. Мы возьмем ее с собой, если никакая другая вещь не справится так хорошо с важной работой. Вот почему я чуть ли не каждый месяц прихожу к вам домой и проверяю твою комнату, чтобы убедиться, что в ящиках твоего стола лежат только новые вещи, что ты не предаешься опасной привычке к сентиментальности, которая может привести только к Хранителю. К счастью, вся твоя родня — необыкновенно порядочные люди, так что тебе не грозит стать одним из *тех* людей».

И все же, усмехнулся я про себя, я стал одним из тех людей. Старый Тобледж был прав: первым шагом на пути к гибели стали ящики стола, набитые всяким памятным хламом. Веточка, на которой сидела первая пойманная мной

бабочка; сачок, которым я поймал ее; сама бабочка. Комок бумаги, которым бросила в меня некая двенадцатилетняя леди. Потрепанный экземпляр самой настоящей печатной книги — не факсимильное издание, но нечто, однажды познавшее ласковое прикосновение литер, а не горячее дыхание электронов. Маленькая деревянная модель звездолета капитана Кармы «Надежда человечества», которую старый космоплаватель подарил мне на стартовой площадке Лунной линии, заморочив мне при этом голову своими разговорами...

Ох уж эти пузатые ящики! Как старались мои родители и учителя научить меня аккуратности и привить ненависть к накопительству! И вот он я, достигший совершенолетия мужчина, самодовольный обладатель несметного количества произведений искусства, о каких не смели мечтать даже император Священной Римской империи или Великий хан.

Я снова усмехнулся и пошел искать роботов стартового комплекса. Почти неприметные среди валявшегося ничего не стоящего хлама, они были разбросаны по всему полю, откуда когда-то взлетели звездолеты. Закончив погрузку корабля, они просто бродили без цели, пока в них не кончился заряд. Я снова привел их в действие и поручил им прибрать поле.

Именно этим я и займусь на двухстах или около того стартовых комплексах Земли, именно для того я изучал роботехнику. Я хочу, чтобы Земля была красивой, когда будет умирать. Боюсь, я никогда не стал бы Утверждателем. Мои привязанности всегда глубокие.

Однако я не смог бы продолжать свое путешествие, не бросив хотя бы беглого взгляда на Флоренцию. Безусловно.

Но, как и следовало ожидать, я опьянял от картин и работ по мрамору и металлу. Флоренция опустела от флорентийцев, но ее восхитительные галереи были все еще на месте. Я прошел по изумительному Понто Веккио, единственному из всех знаменитых мостов Арно, уцелевшему во второй мировой войне. Я подошел к кампаниле Джотто и к дверям баптистерия Гиберти, и меня стало одолевать отчаяние, какое-то безумие. Я побежал к церкви Сан-Марко, к Фра Анджелико. Да разве тут хватит одного года? Что можно увидеть хотя бы в одном-единственном городе, как этот, за каких-то двенадцать месяцев? Я могу осмотреть, могу пронестись что есть духу по всем местам, но на что у меня хватит

времени, чтобы увидеть? Я был в садах Боболи и разрывался на части, пытаясь решить, бежать ли мне поглядеть на «Давида» Микеланджело, которого уже раньше видел, или на одну из работ Донателло, который никогда не видел, как вдруг сработала сигнализация.

Сразу в двух местах.

За день до путешествия я собрал небольшой антропометр, который ранее предназначался для поисков колонистов, затерявшихся в венерианских болотах. Я спроектировал прибор совершенно на иной основе, чем тот громоздкий механизм, который я нашел в зале Технических Новинок. Поскольку оба прибора различались схемами и были предназначены для работы в совершенно различных атмосферах, я подумал, что они будут отлично контролировать друг друга. Я настроил сигнализацию на частоту передающего устройства в своем шаролете и покинул музей, полностью уверенный, что оба антропометра сработают только в одном случае: когда они зафиксируют присутствие человека помимо меня.

В полном замешательстве я полетел обратно в музей. Оба аппарата прореагировали одинаково. Сигнализация сработала, указывая на внезапное появление на планете Человека. А затем, с исчезновением внешнего раздражителя, оба сигнала смолкли. И сколько бы я ни искал потом по шкалам обоих антропометров, во всем диапазоне, охватывающем пространство радиусом чуть меньше половины светового года, не было ни малейшего признака присутствия людей.

Первоначальное замешательство уступило место сильнейшему беспокойству. Что-то очень неладное происходит с Землей; что-то, никак не связанное с неминуемой вспышкой солнца через год. Возможно, как неспециалист я слишком уж слепо верю в аппарат, в котором мало что смыслю, но мне кажется, что антропометры не стали бы себя так вести, если бы здесь действительно не происходило ничего необычного.

Мне нравилось представлять эту планету океанским лайнером, готовым вот-вот пойти на дно, а себя — его доблестным капитаном, принявшим решение утонуть вместе с ним. И вдруг я чувствую, будто корабль начинает вести себя как кит.

Я знаю, что мне делать. Я перенесу запасы еды в зал Технических Новинок и буду спать прямо под антропометрами. Сигнал тревоги обычно длится одну-две минуты.

Я успею вскочить на ноги, быстро проверить обе шкалы по всем направлениям и по их показаниям выяснить, откуда исходит внешний раздражитель. Потом я впрыгну в шаролет и осмотрю то место. Очень просто, ничего не скажешь.

Вот только не нравится мне все это.

17 мая 2190 г.

Мне очень стыдно за самого себя, как только может стыдиться старый человек, которому мерещатся привидения на кладбище. Только это, пожалуй, и может служить мне оправданием. Я, наверно, слишком много думаю о смерти в последнее время. Грядущая гибель Земли и Солнечной системы; собственная гибель как неизбежное следствие катастрофы; гибель миллионов существ бесчисленных разновидностей; гибель прекрасных древних городов, которые воздвиг Человек и населял их веками... Впрочем, возможно, что связь с безобидными призраками, домовыми и прочими странными явлениями вполне объяснима. Но я стал бояться.

Когда этим утром снова сработала сигнализация, я нашел по шкале направление. Мой курс лежал в район Аппалачских гор на востоке Северной Америки.

Как только я выбрался из шаролета и взгляделся сквозь бледно-лазурный туман, прикрывавший вход в пещеру, я начал понимать — и устыдился. Там, где туман поредел, сгустившись в других местах, пока я всматривался в него, я разглядел несколько тел, которые лежали на полу пещеры. Очевидно, один из них был еще жив, когда завеса голубого бериллита в одном месте истончилась, что было достаточно для антропометра, чтобы зафиксировать присутствие человеческого разума и тут же отреагировать на него. Я обошел пещеру вокруг, но другого выхода не обнаружил.

Я кинулся обратно в музей и, захватив необходимые инструменты, вернулся к пещере. Я отключил бериллитовый голубой туман у входа и осторожно вошел.

Внутри пещеры, которую явно оборудовали под убежище, придав ей домашний уют, все было полностью разгромлено. Кто-то ухитрился раздобыть активатор и большое количество голубого бериллита, пока без какой-либо определенной формы и имеющим поэтому примерно такую же устойчивость, как водород с кислородом — если позволительно употребить метафору из области химии, чтобы проиллюстрировать понятия об отрицательном силовом поле. Голубой бериллит был активирован в виде занавеса на входе в пеще-

ру, и он тут же взорвался. Но поскольку активатор все еще действовал, а вход был довольно узким, голубой бериллит продолжал выполнять свои функции завесы, изолирующей от отрицательного воздействия, завесы, зиявшей дырами, сквозь которые антропометру иногда удавалось «подглядеть» запертых внутри людей.

У входа лежали три тела, двое мужчин и одна женщина, молодые по виду. По количеству и типу скульптурных изображений на стенах мне не составило труда догадаться, что эти люди принадлежали к одной из многочисленных группировок Хранителей, по всей видимости, к культу «Небесного огня». Когда в последнюю неделю исхода Утверждатели заявили о прекращении действия Крохиитского договора и о том, что для Утверждения Жизни необходимо защитить от самих себя даже тех, кто не Утверждает, эти люди, очевидно, ушли в горы. Скрываясь от поисковых команд, действовавших с большим успехом, им удалось оставаться незамеченными до взлета с Земли последнего большого корабля. Потом, заподозрив, как и я, что по меньшей мере один разведывательный корабль вернется для завершающей облавы, они изучили механизм действия антропометра и узнали о существовании голубого бериллита. К сожалению, они узнали не все.

Из глубины пещеры мне навстречу судорожными рывками двигалось извивающееся тело. Это была молодая женщина. Сначала я буквально осталбенел, изумленный тем, что она еще живет. Очевидно, взрывом ей начисто срезало нижнюю половину туловища. Она тогда отползла подальше от входа в глубь пещеры, где их группа хранила основные запасы продовольствия и воды. Пока я колебался, не зная, на что решиться — оставить ее и раздобыть в ближайшей больнице медикаменты и плазму крови или рискнуть и перенести ее туда немедленно, — она перекатилась на спину.

Своим телом она прикрывала годовалого младенца, явно опасаясь нового взрыва бериллита. И несмотря на ужасную, мучительную агонию, ей каким-то образом еще удавалось кормить дитя.

Я наклонился и осмотрел ребенка. Весь в грязи и перепачканный материнской кровью, он был, однако, цел и невредим. Я взял его на руки и, отзываясь на молчаливый вопрос в глазах женщины, кивнул.

— Я позабочусь о нем, — сказал я.

Она попыталась, наверно, кивнуть в ответ, но, не успев закончить это свое движение, перешла в смерть. Я внимательно, признаюсь, с некоторым трепетом осмотрел ее. Пульса не было... сердце не билось.

В музей я вернулся вместе с ребенком и соорудил ему из секций телескопа что-то вроде детского манежа. Потом, захватив с собой трех роботов, я снова полетел к пещере и похоронил людей. Надо признать, это было вовсе ни к чему, но я сделал это не только из чистоплотности. Как бы глубоко мы все ни разделялись по взглякам, мы, в общем-то, были одной Хранительской веры. Я чувствовал себя так, будто этим своим поступком презрительно бросил вызов в лицо всему самодовольному Утверждению, выражая таким способом уважение к чудацествам «Небесного огня».

После того как роботы закончили свою работу, я поставил в изголовье каждой могилы по религиозному изваянию (кстати, на редкость топорной работы) и даже прочитал короткую молитву, а вернее, проповедь. В ней я развел мысль, которую высказал примерно за неделю до этого оленям, а именно: что посреди жизни мы находимся в смерти. Я не паясничал, однако, но на полном серьезе говорил на эту тему несколько минут. Внимательно слушавшие меня роботы были, пожалуй, даже меньше тронуты моими умными изречениями, чем олени.

21 мая 2190 г.

Я раздражен. Я просто с ума схожу, а главное, мне сейчас не на чем сорвать свое раздражение.

Ребенок доставляет мне невероятно много хлопот.

Я отвез его в крупнейший медицинский музей в Северном полушарии и всесторонне обследовал его с помощью самой лучшей диагностической аппаратуры, какая только существует в педиатрии. Кажется, здоровье у него превосходное, что, по-моему, хорошо для нас обоих. А его потребности в питании, хотя и не совпадают с моими, довольно просты. Я составил полный список продуктов питания, которые ему необходимы, и после некоторых переделок в продовольственном складе Музея Современной Астронавтики устроил все так, чтобы пища готовилась и доставлялась ему ежедневно. К сожалению, ему этот порядок, на который я угробил столько времени, вовсе не кажется таким уж безупречным.

Начать с того, что он не желает принимать пищу от обычного робота-няньки, которого я настроил специально для

него. Думаю, что причина — в необычных верованиях его родителей: он, вероятно, никогда раньше не сталкивался с привязанностью автоматов. Он хочет есть только из моих рук.

Такое положение дел просто невыносимо, но оставлять его под присмотром робота-няньки едва ли возможно. Хотя он в основном только и умеет, что ползать, он ухитряется делать это с удивительной скоростью и всегда теряется в темных коридорах музея. Тогда для меня вспыхивает сигнал тревоги, и я вынужден прерывать экскурсию по громадному дворцу далай-ламы, Потале, и сломя голову мчаться с полдороги на Лхасу через весь мир в музей.

И даже в таком случае нам бы пришлось искать его часами — под «нами» я подразумеваю себя и всех роботов в моем подчинении, — если бы я не прибегал к помощи антропометра. Это чудо техники очень быстро указывает на его убежище; так что, извлекая его из казенной части космической гаубицы в Оружейном зале, я возвращаю его в детский манеж. И уже потом, если отважусь и ему не пора есть, я могу вернуться на Тибетское нагорье, и то лишь на короткое время.

Сейчас я сооружаю для него что-то вроде огромной клетки с автоподогревом и туалетом, а также устройствами, которые отгоняют нежелательных животных, насекомых и всяких ползучих тварей. И хотя времени на это уходит невероятно много, думаю, что я только выиграю.

Ума не приложу, как мне кормить его. Единственное, что предлагает мне литература по интересующему меня вопросу, — это дать ребенку поголодать, если он отказывается принимать пищу обычным путем. Но, попробовав раз последовать этому совету, мне пришлось сдаться — ребенка, безропотно смирившегося с голодовкой, она, похоже, вполне устраивала. Так что теперь я кормлю его сам.

Вот только не знаю, кого винить. Из-за того, что я стал Хранителем сразу, как вошел в возраст, мне не довелось испытать потребности в воспроизведстве себе подобных. Дети меня никогда не интересовали. Ни в малейшей степени. Я ничего о них не знаю да и знать не хочу.

Я всегда считал, что мое отношение к этому вопросу прекрасно выражено Сократом в его комментариях к «Симпозиуму»: «Кто, размышляя над Гомером и Гесиодом и другими великими поэтами, подобными им, не предпочел бы иметь их детей, нежели обыкновенных людей? Кто не

захотел бы посоперничать с ними, рожая детей, какие были у них, сохранившими о них память и обессмертившими их имя?.. Множество храмов, воздвигнутых в их честь ради таких детей, как у них, никогда не воздвигались в честь кого-то ради его заурядных детей».

К сожалению, мы — единственные живые люди на Земле, этот ребенок и я. Мы вместе двигаемся к неотвратимой гибели; мы едем на казнь в одной круглой повозке. И все сокровища мира, которые всего несколько дней назад принадлежали мне одному, являются теперь хотя бы частично его собственностью. Мне бы очень хотелось пообсуждать с ним какие-нибудь вопросы, не только затем, чтобы менее пристрастно расставить все по полочкам, но и просто ради удовольствия от дискуссии. Я пришел к выводу, что дневник я начал из неосознанного страха, когда после отлета последних Уверждателей обнаружил, что остался совсем один.

Оказывается, я начинаю тосковать по беседам, по мыслям, отличающимся от моих, по мнениям, которым я мог бы противопоставить свои. Однако из всех книг о детях мне стало ясно, что, хотя этот ребенок может начать говорить сейчас в любой день, нас поглотит катаклизм задолго до того, как он выучится спорить со мной. Все это очень печально, но, увы, неизбежно.

Я просто вне себя! Дело в том, что я снова не могу позволить себе изучать искусство, как бы мне этого ни хотелось. Я уже старый человек и заслужил право жить без всяких обязательств. Я, можно сказать, жизнь положил за привилегию изучать. Я раздосадован как нельзя больше.

И беседа. Могу себе представить, как бы мы сейчас беседовали с каким-нибудь Уверждателем, окажись он сейчас здесь со мной, на планете, покинутой всеми. Какое безразличие, какое целенаправленное врожденное слабоумие! К какой категорический отказ смотреть на красоту — не говоря уже о том, чтобы ее признать, — которую создавали представители его рода в течение семидесяти тысячелетий! В его голове, если он, скажем, европеец, лишь крохи сведений о признанных художниках его культуры. Где ему знать, например, о китайской живописи или настальных рисунках! Где ему разобраться, что в каждой культуре были свои периоды примитивизма, сменяемые эпохами расцвета чувственности, в свою очередь сменяемые союзом эстетических завоеваний и возрастанием формализма, и все это завершалось эпохой

декадентства и поисков самовыражения, которая почти прымком вела в еще один период примитивизма и чувственности! Что в основных культурах эти эпохи и периоды происходят снова и снова, так что в другом полном цикле наверняка повторится даже величайший гений Микеланджело, Шекспира, Бетховена — только называться они будут по-другому! Что в нескольких различных периодах расцвета в древнеегипетском искусстве был и свой Микеланджело, и Шекспир, и Бетховен!

Как Утверждателю разобраться в подобных понятиях, если ему недостает начальных знаний, без которых ему ничего не понять? Если их корабли покинули обреченную Солнечную систему, загруженные лишь удобными в употреблении художественными поделками? Если из страха, что их дети станут сентиментальны, они отказались разрешить им взять с собой свои ребяческие ценности и поэтому, когда они долетят до Проциона-ХII, чтобы его колонизовать, они не проронят ни единой слезинки ни по миру, который погиб, ни по оставленному там щенку?

Но история иногда играет с Человеком такие невероятные шутки! Сбежавшие от своих музеев и не сохранившие у себя ничего, кроме равнодушных микрофильмов с записями того, что лежало в их хранилищах культуры, они рано или поздно поймут, что разрушать человеческую сентиментальность нельзя. Холодные, прекрасно оснащенные звездолеты, которые доставили их в чужие миры, станут музеями прошлого, пока ржавчина не съест на чуббине их остовы. Их жесткие строгие линии вдохновят людей на строительство храмов и станут источником пьяных слез.

Да что же это со мной, в конце концов! Все пишу да пишу! Я ведь просто хотел объяснить, почему раздражен.

29 мая 2190 г.

Сегодня я принял кое-какие решения. Не знаю, смогу ли я выполнить хотя бы самые важные, но буду стараться. Однако для этого мне как воздух нужно время, так что буду писать в дневник как можно меньше — если вообще буду писать. Попробую быть кратким.

Начну с самого незначащего решения: я назвал ребенка Леонардо. Не знаю, почему мне захотелось назвать его именем человека, которого, несмотря на все его таланты — а вернее, из-за его талантов, — я считаю самым потрясающим неудачником в истории искусства. Но Леонардо был всесторонне

образованным человеком, какими никогда не были Утверждатели и каким, как я начинаю подозревать, не являюсь я сам.

Кстати, ребенок уже откликается на свое имя. Мальчику еще трудно выговаривать его, но он так чудно откликается. Он подражает мне, и довольно успешно. К тому же я бы сказал...

Ну да хватит об этом.

Я решил попытаться сбежать с Земли вместе с Леонардо. Причин на это много, и они очень непростые. Я даже не уверен, что понимаю их все, но я знаю одно: я почувствовал ответственность за другую жизнь и уклоняться от нее больше не могу.

Это не запоздалое прорастание в учение Утверждателей, но мои мысли поистине становятся здравыми. Поскольку я верю в реальность красоты, особенно красоты, сотворенной умом и руками человека, я не мог выбрать другого решения.

Я уже стар и мало чего добьюсь на исходе своей жизни. Леонардо — совсем еще дитя и представляет собой сырой материал с заложенными в нем возможностями, из которого может что-то получиться. Песня, прекраснее песен Шекспира. Мысль, обогнавшая мысль Ньютона, Эйнштейна. Или порок, ужаснее пороков Жиля де Реца; злоба, чудовищнее злобы Гитлера.

Но возможности должны быть реализованы. Думаю, что, учась у меня, он навряд ли станет порочным, а я смогу таким образом реализовать свои возможности.

Во всяком случае, даже если Леонардо как таковой представляет собой полное ничтожество, он может оказаться носителем зародышевой плазмы Будды, Еврипида, Фрейда. И я просто обязан реализовать эти его возможности.

Корабль есть. Он называется «Надежда человечества», и он был первым кораблем, достигшим звезд около века назад, когда только-только обнаружилось, что наше Солнце вспыхнет и менее чем через сто лет станет новой звездой. Это был корабль, который принес человечеству ошеломившую весть о том, что у других звезд тоже есть планеты и что многие из тех планет пригодны для проживания человека.

Давно, очень давно привел свой звездолет капитан Карма на родную Землю с известием о том, что можно спастись. Это произошло задолго до моего рождения; задолго до того, как человечество разделилось на две неравные части — Хра-

нителей и Утверждателей; и уж вовсе задолго до того, как обе группировки стали пять лет назад объединять бдительных фанатиков.

Корабль находится в Музее Современной Астронавтики. Мне известно, что о его состоянии всегда пеклись, так что он должен быть в идеальном порядке. Мне также известно, что двадцать лет назад, еще до того как Утверждатели заявили, что из музеев ровно ничего выносить нельзя, корабль оснастили новейшей приводной системой. Объяснялось это тем, что, если бы корабль понадобился в День Исхода, его перелет к звезде занял бы лишь месяцы, а не годы, как предусматривалось без этой новой системы.

Однако я не уверен, сумею ли я, Фиятил, Хранитель Хранителей и нештатный художественный критик, управлять им, когда мы с Леонардо полетим.

Но как заметил один из моих любимых актеров-комиков о видах на будущее человека, отрубающего собственную голову, «человеку все возможно...»

Мне на ум приходят разные высказывания, даже в какой-то степени более интересные, но это пришло первым. В эти дни я подолгу смотрю на Солнце. И очень внимательно. Очень.

11 ноября 2190 г.

Я сумею. Для этой цели я переделаю двух роботов, и они помогут мне управлять кораблем. Мы с Леонардо можем лететь хоть сейчас. Но мне еще надо кое-что сделать.

А задумал я вот что. Я собираюсь использовать все свободное пространство на корабле. Раньше он предназначался для разных двигателей и многочисленного экипажа, а я собираюсь использовать внутренность звездолета в качестве ящика стола. Тот ящик я хочу набить памятными вещицами человечества, сокровищами его детства и юности — сколько смогу втиснуть.

Целыми неделями я только и делал, что собирал сокровища со всего мира. Немыслимой красоты керамика, поразительные фризы, изумительная скульптура, полотна знаменитых живописцев в несметном количестве устилали пол в коридорах музея. Брейгель свален на Босха, Босх — на Дюрера. Я хочу привезти на ту звезду, к которой направлю корабль, всего понемногу, чтобы люди имели представление, на что похожи истинные шедевры. Я включаю в свой список такие шедевры, как «Гордость и предубеждение»

Джейн Остен, Девятую симфонию Бетховена, «Мертвые души» Гоголя, «Гекльберри Финна» Марка Твена, голограммы писем Диккенса и речей Линкольна. Есть еще много другого, но я не могу взять с собой все. Чтобы не выйти за рамки допустимого, буду выбирать по своему вкусу.

Поэтому я ничего не беру с потолка Сикстинской капеллы. Вместо этого я вырезал два кусочка из «Страшного суда». Мне они нравятся больше всего: душа, которая неожиданно осознает, что осуждена, и содранная кожа, на которой Микеланджело нарисовал свой портрет.

Беда лишь в том, что та фреска уж слишком увесиста! Вес, вес, вес — я только об этом сейчас и думаю. Даже Леонардо и тот ходит за мной по пятам и говорит: «Вес, вес, вес!» У него это здорово получается.

И все же, что мне взять от Пикассо? Горсточку картин, конечно, но ведь надо прихватить и «Гернику». А это еще больше веса.

Я взял немного чудесной русской утвари из меди и кое-какие бронзовые чаши времен династии Мин. Я взял лопаточку из Восточной Новой Гвинеи, сделанную из промасленного лаймового дерева и с восхитительной резной ручкой (лопаточку использовали при жевании плодов бетелевой пальмы и лайма). Я взял чудесную алебастровую фигурку коровы из древнего Шумера. Я взял удивительного серебряного Будду из Северной Индии. Я взял немного дагомейских латунных фигурок, своим изяществом способных посрамить Египет и Грецию. Я взял резной сосуд из слоновой кости, изготовленный в Бенине, западная Африка, с изображением настоящего европейского Христа на кресте. Я взял «Венеру» Виллендорфскую, Австрия, — фигуру, вырезанную в ориньякскую эпоху палеолита, которая является частью традиционного «венерианского» искусства доисторического человечества.

Я взял миниатюры Гильярда и Гольбейна, сатирические гравюры Хогтарта; прекрасный рисунок маслом на бумаге, восемнадцатый век, выполненный в традициях индийской школы Кангра, в котором на удивление мало чувствуется влияние моголов; японские гравюры Такамаору и Хиросиге — на чем же мне остановиться? Как мне выбрать?

Я взял листы из «Евангелия из Келса», старинной рукописи, украшенной цветными рисунками и по красоте почти не имеющей себе равных. И еще я взял листы из Библии Гуттенберга, составленной на ранней заре печатного дела,

страницы которой тоже расцвечены рисунками, чтобы придать книге подобие старинной рукописи — печатники не хотели, чтобы об их изобретении узнали. Я взял тугру Сулеймана Великолепного — каллиграфический вензель, которым султан украшал заголовки своих имперских указов. Я также взял древнееврейский свиток с Законом, чья каллиграфия затмевает блеск драгоценных камней, какими инкрустированы шесты, на которые он намотан.

Я взял коптские текстили шестого века и алансонские кружева шестнадцатого. Я взял великолепную красную вазу с широким горлом из одной из афинских морских колоний и деревянную фигуру с носа новоанглийского фрегата. Я взял «Обнаженную» Рубенса и «Одалиску» Матисса.

Из архитектуры я беру с собой китайское «Краткое наставление по архитектуре», с которым как с учебным пособием, по-моему, ничто не сравнится, и макет дома Ле Корбюзье, построенного им самим. Мне бы очень хотелось взять все здание Тадж-Махала, но я беру жемчужину, которую Могол подарил ей, той женщине, для которой он выстроил этот неописуемой красоты мавзолей. Красноватого оттенка жемчужина имеет форму груши длиной около трех с половиной дюймов. Вскоре после того как драгоценный камень был погребен вместе с ней, он оказался во владении китайского императора, который поместил его в розетку золотых листьев в обрамлении нефрита и изумрудов. На пороге девятнадцатого столетия жемчужина была продана за низкую, смехотворную сумму и осела в Лувре.

И еще орудие труда: небольшой каменный топор — первая известная вещь, которую смастерили человеческие руки.

Все это я перенес к звездолету. Я ничего не сортировал. И вдруг вспоминаю, что ничего не выбрал из мебели, из художественного оружия, из гравированного стекла...

Надо спешить, спешить!

Ноябрь 2190 г.

Вскоре после того как я закончил с последним экспонатом из моего списка, я взглянул на небо. Солнце было испещрено зелеными пятнами, и со всех точек сферы исходили, завихряясь, странные оранжевые струйки. Ясно, что это был еще не конец. Это были симптомы смерти, которую предсказали астрономы.

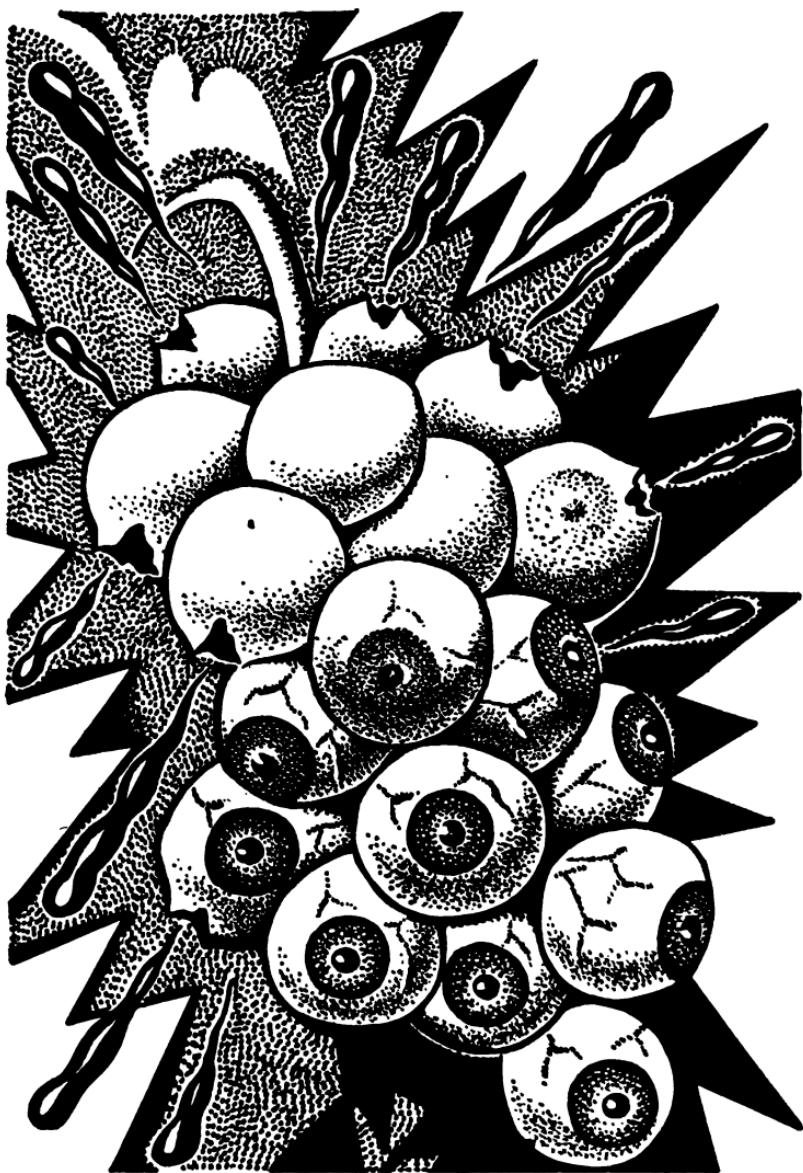
Но конец пришел моим сборам, и в течение дня я рассортировал все собранные экспонаты. Правда, когда внезапно

выяснилось, что детали фресок Микеланджело будут слишком тяжелыми, мне снова пришлось заняться плафоном Сикстинской капеллы. На этот раз я вырезал относительно крошечную часть — палец Создателя, которым Он пробуждает Адама к жизни. И еще я решил взять «Джоконду» Да Винчи, хотя его «Беатриче д'Эсте» мне больше по вкусу, — ведь улыбка Моны Лизы принадлежит миру.

Все афиши представлены одним Тулуз-Лотреком. Я оставил «Гернику»: вместо нее Пикассо представлен одной его картиной «голубого периода» и единственной керамической тарелкой, поистине замечательной. Я оставил «Вечное осуждение» Гарольда Париса из-за его величины, из него я взял только гравюру из «Бухенвальда» «Куда идем?». Так или иначе, но в спешке последних минут я, помнится, прихватил множество бутылей из Ирана эпохи Сефевидов шестнадцатого-семнадцатого веков. И пусть будущие историки и психологии ломают голову над причинами моего выбора — теперь уже поздно что-либо менять.

Мы сейчас летим к альфе Центавра и будем там через пять месяцев. Интересно, как воспримут нас и наши сокровища? Я вдруг чувствую безумную радость. Не думаю, что она как-то связана с моим довольно запоздалым осознанием того, что я, у кого недостало таланта и который в искусстве оказался жалким неудачником, занял как никто важное место в истории искусства — в своем роде, Ной — эстетик.

Нет, все дело в том, что я везу на встречу прошлое и будущее, где им все еще будет возможно прийти к соглашению. Минуту назад Леонардо бросил мячом в видеоэкран, и, глядя в него, я смотрел, как пухнет дряхлое Солнце, наливаясь краснотой перед апоплексическим ударом. И тогда я проговорил ему: «К своему великому удивлению, я вижу, что посреди смерти я нахожусь — наконец-то! — поистине в жизни».

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ АСПЕКТ

ПРОЕКТ «ТСС»

Секретность? Мы были такими засекреченными, насколько это вообще возможно, чтобы еще существовать. Послушайте, вы знаете, как нас называли в официальных армейских документах?

Проект «Тсс».

Можете себе представить. А впрочем, если хорошенько подумать, то, конечно, не можете.

Все, разумеется, помнят жуткую шпионскую лихорадку, которая охватила нашу страну с конца шестидесятых годов, когда за каждым должностным лицом по имени Том следило другое должностное лицо по имени Дик, а некто по имени Гарри следил за обоими — причем Гарри не имел ни малейшего представления о той работе, которой занимается Том, поскольку существовал определенный предел, до которого можно доверять даже ребятам из контрразведки...

Но чтобы действительно все это прочувствовать, надо было работать в совершенно секретном армейском проекте. Где несколько раз в неделю ты сдавал отчет в Отдел психологии о ДС и ГА (Детализация снов и Гипноанализ, если кому-то из беспечных штатских непонятно). Где даже генерал, командующий укрепленным исследовательским центром, к которому ты был приписан, не мог под угрозой

трибунала поинтересоваться, чем, черт возьми, ты здесь занимаешься, — и должен был закрывать собственное воображение, словно водопроводный кран, всякий раз, когда слышал взрыв. Где ваш проект даже не фигурировал в военном бюджете под своим названием, а проходил в рубрике «Многоаспектное исследование X» — в графе, каждый год собирающей все более крупные ассигнования и разраставшейся, будто катящийся под гору снежный ком. Где...

Ну да ладно. Может, вы еще и сами все помните.

Так вот, как я уже сказал, мы назывались Проект «Тсс».

Целью нашего проекта было не только достичь поверхности Луны и построить там постоянную станцию с первоначальным личным составом в два человека; это мы уже сделали в слегка исторический день 24 июня 1967 года. Гораздо важнее в те безумные времена всеобщего помешательства на оружии, когда страх перед водородной бомбой вверг нацию в липкую пучину массовой истерии, было добраться до Луны раньше всех других и так, чтобы никто другой об этом не знал.

Мы совершили посадку у северной оконечности Моря Облаков и, после того как с подобающими церемониями водрузили флаг, переключились на выполнение реальных задач, многократно отработанных на земном полигоне. Майор Монро Гридли готовил большую ракету с крошечным отсеком, в котором он один должен был отправиться в обратное путешествие на Землю.

Подполковник Томас Хоторн тщательно проверял запасы провизии и оборудование на предмет возможных повреждений при посадке.

А я, полковник Бенджамин Райс, первый командир Армейской базы №1 на Луне, вытаскивал из корабля на своей разламывающейся от боли академической спине огромные тюки и складывал их на том месте, где будет построен пластиковый купол.

Мы закончили приблизительно одновременно, как и предусматривалось графиком, и приступили к Фазе Два.

Монро и я начали возводить купол. Это была простая готовая конструкция, однако достаточно громоздкая и требовавшая чертову прорву монтажа. Когда мы закончили, перед нами встала настоящая проблема — установка всего комплекса внутреннего оборудования и приведение его в рабочее состояние.

Тем временем Том Хоторн погрузил свой толстый зад в одноместную ракету, служившую одновременно и спасательной шлюпкой, и взлетел.

В соответствии с графиком он должен был совершить разведывательный трехчасовой облет по расширяющейся спирали. Считалось, что это, вероятно, бесполезная трата времени, горючего и рабочей силы, но тем не менее необходимая предосторожность. Тому предстояло проверить, не выбрались ли какие-нибудь насекомообразные чудовища погулять по Луне. Помимо этого, съемки, произведенные Томом, должны были дать дополнительный геологический и астрономический материал для отчета, который Монро доставит в штаб армии на Земле.

Том вернулся через сорок минут. Его круглое лицо внутри прозрачного пузырька шлема было белым как мел. Такими же стали и наши лица, когда он рассказал о том, что видел.

Он видел другой купол.

— На другой стороне Моря Облаков — в Рифейских горах. Немного больше, чем наш, и более плоский сверху. И он не полупрозрачный с разноцветными пятнами тут и там, а матовый, темно-серый. Вот все, что удалось рассмотреть.

— На куполе никаких обозначений? — обеспокоенно спросил я. — Никого и ничего вокруг него?

— Нет, полковник.

Я заметил, что с начала экспедиции он впервые обратился ко мне по званию. По сути Том говорил: «Парень, решение принимать тебе!»

— Эй, Том, — вмешался Монро. — А это не может быть правильной формы выпуклость поверхности, как думаешь?

— Монро, я геолог и вполне способен отличить естественную топографию от искусственной. Кроме того, — он посмотрел вверх, — я кое-что вспомнил, о чем не рассказал. Там около купола совсем новенький маленький кратер — какие обычно остаются от ракетных двигателей.

— Ракетных двигателей?

Том сочувствуяще усмехнулся:

— От выхлопа космического корабля, точнее говоря. По виду кратера невозможно определить, какое тяговое устройство используют эти типы. Кратер не такой, что оставляют наши заднереактивные, если это важно.

Разумеется, это было важно. Итак, мы забрались в корабль и устроили военный совет. Именно военный. Как Том, так и Монро через каждое слово величали меня полковником. Я как можно чаще называл их по именам.

Тем не менее никто, кроме меня, не мог принять решение. Я хочу сказать, насчет того, что делать дальше.

— Смотрите, — наконец произнес я. — Вот возможные варианты. Они знают, что мы здесь. Либо видели, как мы садились несколько часов назад, либо засекли разведывательный корабль Тома. Или они не знают, что мы тут. Они либо люди с Земли — и в таком случае это, по всей вероятности, представители враждебных государств, либо пришельцы с другой планеты — в таком случае они могут оказаться друзьями, врагами или кем угодно. Думаю, здравый смысл и стандартная военная практика требуют, чтобы мы рассматривали незнакомцев как врагов до тех пор, пока не получим подтверждения обратного. А пока мы будем продолжать работу, принимая все меры предосторожности, дабы не спровоцировать межпланетную войну с потенциально дружественными марсианами или кто они там такие.

Ладно. Жизненно важно, чтобы штаб армии был информирован о происходящем немедленно. Однако, поскольку радиосвязь Луна—Земля пока еще находится в стадии разработки, мы можем добиться цели, только послав обратно Монро. Если мы это сделаем, то возникнет опасность, что наш гарнизон в лице Тома и меня может быть захвачен до его возвращения. В таком случае сторона незнакомцев получает в свое распоряжение важную информацию относительно нашего личного состава и оборудования, в то время как наша сторона располагает лишь поверхностными сведениями о том, что кто-то или что-то основал базу на Луне. Таким образом, в первую очередь нам необходима информация.

Поэтому я предлагаю следующее. Я нахожусь в куполе и поддерживаю телефонную связь с Томом, который сядет в корабль, положит руку на ключ зажигания и будет готов вылететь на Землю, как только получит мой приказ. Монро долетит на одноместнике до Рифейских гор и сядет настолько близко к их куполу, насколько сочтет безопасным. Далее он пойдет пешком и проведет самую тщательную разведку, какую только можно выполнить в скафандре.

Он не будет пользоваться радиосвязью, за исключением бессмысленных кодовых слогов, чтобы сообщить о посадке одноместника, приближении к куполу пешком и предупредить меня в случае необходимости дать Тому команду на взлет. Если его захватят, то, памятуя, что главной задачей разведчика является сбор и передача сведений о противнике, он включит свой передатчик на полную мощность и сообщит нам столько данных, сколько позволят время и реакция врага. Ну что скажете?

Они кивнули. Им-то что — командир решение принял. А меня покрывал двухдюймовый слой пота.

— Один вопрос, — промолвил Том. — Почему ты выбрал для разведки Монро?

— Я боялся, что ты об этом спросишь, — ответил я. — Нас здесь три доктора наук, работающих в армии. Все мы исключительно неатлетичны. Так что выбор невелик. Однако я помню, что Монро наполовину индеец — арапахо, правильно, Монро? — и надеюсь, что кровь даст о себе знать.

— Одна беда, полковник, — медленно проговорил Монро, вставая, — я индеец на четверть, да и то... Я никогда не рассказывал вам, что мой прапрадедушка был единственным следопытом из племени арапахо, который сопровождал Кастера при Литл-Бигхорне? Он не сомневался, что Сидящий Бык где-то далеко-далеко...* Впрочем, сделаю все, что в моих силах. И если я героически не вернусь назад, пожалуйста, убедите начальника безопасности нашего отдела рассекретить мое имя для упоминаний в исторической литературе. Принимая во внимание сложившиеся обстоятельства, я думаю, он смог бы сделать такую малость.

Я, разумеется, обещал постараться.

Когда он взлетел, я уселся в куполе на связи с Томом и начал ненавидеть себя за то, что отправил Монро на это задание. Но если бы я выбрал Тома, то ненавидел бы себя ничуть не меньше. И если бы что-нибудь случилось и я отдал

* Джордж Армстронг Кастер (1839—1876) во главе военной экспедиции приблизился к лагерю индейцев на реке Литл-Бигхорн и, нарушив инструкции, немедленно ввязался в бой. В лагере находились несколько тысяч воинов под руководством вождя Сидящий Бык. Небольшой отряд Кастера был почти полностью уничтожен, сам Кастер убит. (Примеч. пер.)

бы приказ Тому взлетать, то потом, вероятно, сидел бы здесь в куполе один, поджиная...

— Броз неггл! — раздался по радио громкий голос Монро. Он приземлил одноместник.

Я не решался использовать телефон, чтобы поболтать с сидящим в корабле Томом, опасаясь, что могу пропустить какое-нибудь важное сообщение от нашего разведчика. Я сидел и сидел, напрягая слух. Через некоторое время я услышал: «Мишгацу!», из чего понял, что Монро был поблизости от другого купола и подкрадывается к нему, прячась за какими-нибудь глыбами.

Вдруг я услышал, как Монро выкрикнул мое имя, и тут же в наушниках раздался страшный грохот. Радиопомехи! Его захватили, и кто бы они ни были, враги одновременно заглушили его радиопередатчик более мощным передатчиком своего купола.

Затем — тишина.

Немного подождав, я сообщил о произошедшем Тому. Он сказал только:

— Бедный Монро.

Я отлично представлял себе выражение его лица.

— Том, смотри, — сказал я, — если ты сейчас взлетишь, ты все равно не сможешь рассказать ничего важного. После захвата Монро те, кто сидит в том другом куполе, думаю, придут за нами. Я подпушу их поближе, чтобы хоть что-нибудь узнать об их внешности, — по крайней мере, люди они или нет. Всякая информация о противнике представляет ценность. Я прокричу ее тебе, и у тебя останется еще достаточно времени для взлета. Идет?

— Полковник, командуешь ты, — ответил Том похоронным голосом. — Желаю удачи.

Оставалось только ждать. Кислородная система в куполе еще не работала, так что мне пришлось выковыривать сандвич из пищевого кармана в скафандре. Я сидел, размышляя о нашей экспедиции. Девять лет работы, вся эта секретность, невероятные денежные затраты и головоломные исследования — и вот чем все кончилось. Ожиданием, когда тебя уничтожат с помощью какого-нибудь немыслимого оружия. Мне была понятна последняя просьба Монро. У всех нас частенько возникало странное ощущение: мы настолько засекречены, что наше непосредственное начальство не хо-

чет, чтобы даже мы знали, над чем работаем. Ученые тоже люди, и им тоже хочется признания. Лично я надеялся, что наша экспедиция будет описана в исторических книгах, да что-то непохоже.

Через два часа около купола опустился корабль-разведчик. Открылся люк, и я, стоя у открытой двери нашего купола, увидел, как оттуда вылез Монро и направился ко мне.

Я предупредил Тома и велел ему внимательно слушать.

— Не исключено, что это хитрость. Его могли накачать наркотиком...

Однако Монро не производил впечатления человека, одурманенного наркотиком. Он прошел мимо меня и сел на коробку, стоявшую у стенки купола. Поставил ногу на другую коробку, поменьше.

— Ну как жизнь, Бен? Как делишки?

Я хрюкнул:

— Ну? — Я знал, что голос у меня немного дрожит.

Он прикинулся озадаченным:

— Что «ну»? Ах да, понимаю. Другой купол. Ты хочешь узнать, кто в нем. Ты имеешь право полюбопытствовать, Бен. Безусловно. Командир такой совершенно секретной экспедиции — Проекта «Тсс», как они нас называют, — находится другой купол на Луне. Он думает, что он первый, кто сюда высадился, поэтому, естественно, хочет...

— Майор Монро Гридили! — взорвался я. — Прошу дождаться по всей форме! Немедленно! — Честное слово, я почувствовал, как у меня под шлемом распухла шея.

Монро прислонился к стенке купола.

— Вот это по-нашему, по-армейски! — прокомментировал он удовлетворенно. — Как говорят новобранцы: можно поступать правильно, можно поступать неправильно и можно поступать по-армейски. Вот только есть еще и другие способы. — Монро хихикнул. — Множество других способов.

— Он готов, — услышал я голос Тома в телефоне. — Бен, Монро спекся и пошел вразнос.

— В другом куполе не инопланетяне, Бен. — Монро вдруг решил выздороветь. — Нет, они люди, нормальные люди, к тому же с Земли. Угадай откуда.

Уильям Тенн

— Я тебя убью, — предупредил я его. — Клянусь, я убью тебя, Монро. Откуда они? Из России, из Китая, из Аргентины?

Он скорчил гримасу:

— А что в этом такого секретного? Давай дальше! Угадывай!

Я поглядел на него долгим и тяжелым взглядом:

— Единственное место, где еще...

— Точно. Ты угадал, полковник. Другой купол построили и эксплуатируют моряки. Проклятые военно-морские силы Соединенных Штатов Америки!

ОТКРЫТИЕ МОРНИЕЛА МЕТАУЭЯ

Всех удивляет, как переменился Морниел Метауэй с тех пор, как его открыли, — всех, но не меня. Его помнят на Гринвич-Виллидж — художник-дилетант, немытый, бездарный; едва ли не каждую свою вторую фразу он начинал с «я» и едва ли не каждую третью кончал местоимением «меня» либо «мне». Из него ключом била наглая и в то же время трусливая самонадеянность, свойственная тем, кто в глубине души подозревает, что он второсортен, если не что-нибудь похуже. Получасового разговора с ним было довольно, чтоб у вас в голове гудело от его хвастливых выкриков.

Я-то превосходно понимаю, откуда взялось все это — и тихое, очень спокойное признание своей бездарности, и внезапный всесокрушающий успех. Да что там говорить — при мне его и открыли, хотя вряд ли это можно назвать открытием. Не знаю даже, как это можно назвать, принимая во внимание полную невероятность — да, вот именно невероятность, а не просто невозможность того, что произошло. Одно только мне ясно: всякая попытка найти какую-то логику в случившемся вызывает у меня колики в животе, а череп пополам раскалывается от головной боли.

The Discovery of Morniel Mathaway
Copyright © 1955 by Philip Klaas
Открытие Морниела Метауэя
© С. Гансовский, перевод, 1973

В тот день мы как раз толковали о том, как Морниел будет открыт. Я сидел в его маленькой нетопленой студии на Бликер-стрит, осторожно балансируя на единственном деревянном стуле, ибо был слишком искушен, чтобы садиться в кресло.

Собственно, Морниел и оплачивал студию с помощью этого кресла. Оно представляло собой грязную мешанину из ключьев обивки, впереди было высоким, а в глубине — очень низким. Когда вы садились, содружимое ваших карманов — мелочь, ключи, кошелек — начинало выскользывать, проваливаясь в чащу ржавых пружин и на прогнившие половицы.

Как только в студии появлялся новичок, Морниел поднимал страшный шум насчет того, что усадит его в потрясающее удобное кресло. И пока бедняга болезненно корчился, норовя устроиться среди торчащих пружин, глаза хозяина разгорались и его охватывало неподдельное веселье. Ибо чем энергичнее ерзал посетитель, тем больше вываливалось из его карманов. Когда прием заканчивался, Морниел отодвигал кресло и принимался считать доходы, подобно тому как владелец магазина вечером после распродажи проверяет наличность в кассах.

Деревянный стул был неудобен своей неустойчивостью, и, сидя на нем, приходилось быть начеку. Морниелу же ничего не угрожало — он всегда сидел на кровати.

— Не могу дождаться, — говорил он в тот раз, — когда наконец мои работы увидят какой-нибудь торговец картинами или критик хоть с каплей мозга в голове. Я свое возьму. Я слишком талантлив, Дэйв. Порой меня даже пугает, до чего я талантлив — чересчур много таланта для одного человека.

— Гм, — начал я. — Но ведь часто бывает...

— Я ведь не хочу сказать, что для меня слишком много таланта. — Он испугался, как бы я не понял его превратно. — Слава Богу, сам я достаточно велик, у меня большая душа. Но любого другого человека меньшего масштаба сломило бы такое всеохватывающее восприятие, такое проникновение в духовное начало вещей, в самый их, я бы сказал, *Gestalt**. У другого разум был бы просто раздавлен таким бременем. Но не у меня, Дэйв, не у меня.

— Рад это слышать, — сказал я. — Но если ты не возра...

* Образ, форма (нем.).

— Знаешь, о чем я думал сегодня утром?

— Нет. Но по правде говоря...

— Я думал о Пикассо, Дэйв. О Пикассо и Руо. Я вышел прогуляться по рынку, позаимствовать что-нибудь на лотках для завтрака — ты ведь знаешь принцип старины Морниела: ловкость рук и никакого мошенства — и начал размышлять о положении современной живописи. Я о нем частенько размышляю, Дэйв. Оно меня тревожит.

— Вот как, — сказал я. — Видишь ли, мне кажется...

— Я спустился по Бликер-стрит, потом свернул на Вашингтон-сквер-парк и все раздумывал на ходу. Кто, собственно, сделал сейчас что-нибудь значительное в живописи, кто по-настоящему и бесспорно велик?.. Понимаешь, я могу назвать только три имени: Пикассо, Руо и я. Больше ничего оригинального, ничего такого, о чем стоило бы говорить. Только трое при том несметном количестве народу, что сегодня во всем мире занимается живописью. Три имени! От этого чувствуешь себя таким одиноким!

— Да, пожалуй, — согласился я. — Но все же...

— А потом я задался вопросом: почему это так? В том ли дело, что абсолютный гений вообще очень редко встречается и для каждого периода есть определенный статистический лимит на гениальность, или тут другая причина, что-то характерное именно для нашего времени? И отчего открытие моего таланта, уже назревшее, так задерживается? Я ломал над этим голову, Дэйв. Я обдумывал это со всей скромностью, тщательно, потому что это немаловажная проблема. И вот к какому выводу я пришел.

Тут я сдался. Откинулся на спинку стула — не забываясь, конечно, — и позволил Морниелу излить на меня свою эстетическую теорию. Теорию, которую я по крайней мере двадцать раз слышал раньше от двадцати других художников из Гринвич-Виллидж. Единственно, в чем расходились все авторы, был вопрос, кого надо считать вершиной и наиболее совершенным живым воплощением данных эстетических принципов. Морниел (чему вы, пожалуй, не удивитесь) ощущал, что как раз его.

Он приехал в Нью-Йорк из Питтсбурга (штат Пенсильвания), рослый, неуклюжий юнец, который не любил бриться и полагал, будто может писать картины. В те дни Морниел восхищался Гогеном и старался ему подражать. Он был способен часами разглагольствовать о мистической простоте

народного искусства. Его произношение звучало как подделка под бруклинское, которое так любят киношники, но на самом деле было чисто питтсбургским.

Морниел быстро рас прощался с Гогеном, как только взял несколько уроков в Лиге любителей искусства и впервые отрастил спутанную белокурую бороду. Недавно он выработал собственную технику письма, которую назвал «грязное на грязном».

Морниел был бездарен — в этом можно не сомневаться. Тут я высказываю не только свое мнение — ведь я делил комнату с двумя художниками-модернистами и целый год был женат на художнице, — но и мнение понимающих людей, которые, не имея ровным счетом никаких причин относиться к Морниелу с предубеждением, внимательно смотрели его работы.

Один из этих людей, критик и отличный знаток современной живописи, несколько минут с отвисшей челюстью созерцал произведение Морниела (автор навязал мне его в подарок и, несмотря на мои протесты, собственоручно повесил над камином), а потом сказал: «Дело не в том, что ему абсолютно нечего сказать графически. Он даже не ставит перед собой того, что можно было бы назвать живописной задачей. Белое на белом, “грязное на грязном”, антиобъективизм, неоабстракционизм — называйте как угодно, но здесь нет ничего. Просто один из тех криклих, озлобленных дилетантов, которыми кишит Виллидж».

Спрашивается, зачем же я тогда вообще знался с Морниелом?

Ну, прежде всего, он жил под боком и потом был в нем какой-то своеобразный худосочный колорит. И когда я присиживал ночи напролет, стараясь выдавить из себя стихотворение, а оно никак не выдавливалось, на душе становилось легче при мысли, что можно заглянуть к нему в студию и отвлечься разговором о предметах, не имеющих отношения к литературе.

Тут, правда, был один минус, о котором я постоянно забывал, — у нас всегда получался не разговор, а лишь монолог, куда я едва умудрялся время от времени вставлять краткие реплики. Видите ли, разница между нами состояла в том, что меня все же печатали — пусть хоть в жалких экспериментальных журнальчиках с плохим шрифтом, где гоно-

раром была годовая подписка. Он же нигде никогда не выставлялся, ни разу.

Была и еще одна причина, из-за которой я поддерживал с ним отношения. Одним талантом Морниел действительно обладал.

Если говорить о средствах к существованию, то я едва свожу концы с концами. О хорошей бумаге и дорогих книгах могу только мечтать, ибо они для меня недоступны. Но когда уж очень захочется чего-нибудь — например нового собрания сочинений Уоллеса Стивенса*, — ядвигаю к Морниелу и сообщаю об этом ему. Мы отправляемся в книжный магазин, входим поодиночке. Я завожу разговор о каком-нибудь роскошном издании, которого сейчас нет в продаже и которое я будто бы собираюсь заказать, и, как только мне удастся полностью завладеть вниманием хозяина, Морниел слизывает Стивенса, — само собой разумеется, я клянусь себе, что заплачу сразу, как только поправятся мои обстоятельства.

В таких делах Морниел бесподобен. Ни разу не случилось, чтобы его заподозрили, не говоря уж о том, чтоб поймали с поличным. Естественно, я должен рассчитываться за эти услуги, проделывая то же самое в магазине художественных принадлежностей, чтобы Морниел мог пополнять запасы холста, красок и кистей, но в конечном счете игра стоит свеч. Чего она, правда, не стоит, так это гнетущей скуки, которую я терплю при его рассуждениях, и моих угрозений совести по поводу того, что он-то вовсе и не собирается платить за приобретенные товары. Утешаю себя тем, что сам расплачусь при первой же возможности.

— Вряд ли я настолько уникalen, каким себе кажусь, — говорил он в тот день. — Конечно, рождаются и другие с не меньшим потенциальным талантом, чем у меня, но этот талант губят, прежде чем он успеет достигнуть творческой зрелости. Почему? Каким образом?.. Тут следует проанализировать роль, которую общество...

В тот миг когда он дошел до слова «общество», я и увидел впервые эту штуку. Какое-то пурпурное колыхание возникло передо мной на стене, странные мерцающие очертания ящика со странными мерцающими очертаниями человеческой

* Уоллес Стивенс — американский поэт-лирик первой половины XX века. (Примеч. пер.)

фигуры внутри. Все это было в пяти футах над полом и напоминало разноцветные тепловые волны. Видение тотчас же исчезло.

Но погода была слишком холодной для тепловых волн, а что до оптических иллюзий — я им не подвержен. Возможно, решил я, при мне зарождается новая трещина в стене. По-настоящему помещение не предназначалось для студии, это была обычная квартира без горячей воды и со сквозняками, но кто-то из прежних жильцов разрушил все перегородки и сделал одну длинную комнату. Квартира находилась на верхнем этаже, крыша протекала, и стены были украшены толстыми волнистыми линиями в память о тех потоках, что струились по ним во время дождя.

Но отчего пурпурный цвет? И почему очертания человека внутри ящика? Пожалуй, довольно-таки замысловато для простой трещины. И куда все это делось?

— ...в вечном конфликте с индивидуумом, который стремится выразить свою индивидуальность, — закончил мысль Морниел. — Не говоря уж о том...

Послыпалась музыкальная фраза — высокие звуки один за другим, почти без перерывов. И затем посреди комнаты — на сей раз футах в двух над полом — опять появились пурпурные линии, такие же трепещущие, светящиеся, а внутри — снова очертания человека.

Морниел скинул ноги с кровати и уставился на это чудо:

— Что за...

Видение опять исчезло.

— Что т-тут происходит? — запинаясь, выдавил он из себя. — Что т-такое?

— Не знаю, — отозвался я. — Но, что бы это ни было, оно постепенно влезает к нам.

Еще раз высокие звуки. Посреди комнаты на полу появился пурпурный ящик. Он делался все темнее, темнее и материальнее. Звуки становились все более высокими, они слабели и наконец, когда ящик стал непрозрачным, умолкли совсем.

Дверца ящика открылась. Оттуда шагнул в комнату человек; одежда у него вся была как бы в завитушках.

Он посмотрел сначала на меня, затем на Морниела.

— Морниел Метауэй? — осведомился он.

— Да-да, — сказал Морниел, пяясь к холодильнику.

— Мистер Метауэй, — сказал человек из ящика. — Меня зовут Глеску. Я принес вам привет из 2487 года нашей эры.

Никто из нас не нашелся, что на это ответить. Я поднялся со стула и стал рядом с Морниелом, смутно ощущая необходимость быть поближе к чему-нибудь хорошо знакомому.

Некоторое время все сохраняли исходную позицию. Немая сцена.

«2487-й, — подумал я. — Нашей эры». Ни разу не приходилось мне видеть никого в такой одежде. Более того, я никогда и не воображал никого в такой одежде. Хотя, разыгравшись, моя фантазия способна на самые дикие взлеты. Одеяние не было прозрачным, но и не то чтобы вовсе светонепроницаемым. Переливчатое — вот подходящий термин. Различные цвета и оттенки неутомимо гонялись друг за другом вокруг завитушек. Здесь, видимо, предполагалась некая гармония, но не такого сорта, чтобы мой глаз мог уловить ее и опознать.

Сам прибывший, мистер Глеску, был примерно одного роста со мною и Морниелом и выглядел только чуть постарше нас. Но что-то в нем ощущалось такое — даже не знаю. Назовите это породой, если угодно, подлинным внутренним величием и благородством, которые посрамили бы даже герцога Веллингтонского. Цивилизованность, может быть. То был самый цивилизованный человек из всех, с кем мне до сих пор доводилось встречаться.

Он шагнул вперед.

— Думаю, — произнес он удивительно звучным, богатым обертонами голосом, — что нам следует прибегнуть к свойственной двадцатому столетию церемонии пожатия рук.

Так мы и сделали — осуществили свойственную двадцатому столетию церемонию пожатия рук. Сначала Морниел, потом я, и оба очень робко. Мистер Глеску проделал это с неуклюжестью фермера из Айовы, который впервые в жизни ест китайскими палочками.

Церемония окончилась, гость стоял и широко улыбался нам. Или, вернее, Морниелу.

— Какая минута, не правда ли? — сказал он. — Какая историческая минута!

Морниел испустил глубокий вздох, и я почувствовал, что долгие годы, в течение которых ему то и дело приходилось неожиданно сталкиваться на лестнице с судебными

исполнителями, требующими уплаты долгов, не пропали даром. Он быстро приходил в себя, его мозг включался в работу.

— Как вас понимать, когда вы говорите «историческая минута»? — спросил он. — Что в ней такого особенного? Вы что — изобретатель машины времени?

— Я? Изобретатель? — мистер Глеску усмехнулся. — О нет, ни в коем случае. Путешествие по времени было изобретено Антуанеттой Ингеборг в... после вашей эпохи. Вряд ли стоит сейчас говорить об этом, поскольку в моем распоряжении всего полчаса.

— А почему полчаса? — спросил я. Не оттого, что меня это так уж интересовало, а просто вопрос показался уместным.

— Скиндром рассчитан только на этот срок. Скиндром — это... в общем, это устройство, позволяющее мне появляться в вашем периоде. Расход энергии так велик, что путешествия в прошлое осуществляются лишь раз в пятьдесят лет. Правом на проезд награждают, как Гобелем... Надеюсь, я правильно выразился? Гобель, да? Премия, которую присуждали в ваше время.

Меня вдруг осенило.

— Нобель? Может быть, вы говорите о Нобеле? Нобелевская премия?

Он просиял:

— Вот-вот. Таким путешествием награждают выдающихся исследователей-гуманистов — что-то вроде Нобелевской премии. Единожды в пятьдесят лет человек, которого Совет хранителей избирает как наиболее достойного... В таком духе. До сих пор, конечно, эту возможность всегда предоставляли историкам, и они разменивали ее на осаду Трои, первый атомный взрыв в Лос-Аламосе, открытие Америки и тому подобное. Но на сей раз...

— Понятно, — прервал его Морниел дрогнувшим голосом. (Мы оба вдруг сообразили, что мистер Глеску знает имя Морниела.) — А что же исследуете вы?

Мистер Глеску слегка поклонился:

— Искусство. Моя профессия — история искусства, а узкая специальность...

— Какая? — голос Морниела уже не дрожал, а, наоборот, стал пронзительно громким. — Какая же у вас узкая специальность?

Мистер Глеску опять слегка наклонил голову:

— Вы, мистер Метауэй. Без страха услышать опровержение смею сказать, что в наше время из всех здравствующих специалистов я считаюсь наиболее крупным авторитетом по творчеству Морниела Метауэя. Моя узкая специальность — это вы.

Морниел побелел. Он медленно добрел до кровати и рухнул на нее, ноги у него стали будто ватные. Несколько раз он открывал и закрывал рот, не в силах выдавить из себя ни единого звука. Затем глотнул, сжал кулаки и обрел контроль над собой.

— Хотите сказать, — прохрипел он, — что я знаменит? На сколько знаменит?

— Знамениты?.. Вы, дорогой сэр, выше славы. Вы один из бессмертных, гордость человечества. Как я выразился — смею думать, исчерпывающе — в своей последней книге «Морниел Метауэй — человек, сформировавший будущее»: «...сколь редко выпадает на долю отдельной личности...»

— До такой степени знаменит? — Борода Морниела дрожала, словно губы ребенка, который вот-вот заплачет. — До такой?

— Именно, — заверил его мистер Глеску. — А кто же, собственно, тот гений, с которого во всей славе только и начинается современная живопись? Чьи композиции и цветовая гамма доминируют в архитектуре последних пяти столетий, кому мы обязаны обликом наших городов, убранством наших жилищ и даже одеждой, которую носим?

— Мне? — осведомился Морниел слабым голосом.

— Кому же еще? История не знала творца, чье влияние распространилось бы на столь широкую область и действовало бы в течение столь долгого времени. С кем же я могу сравнить вас, сэр, в таком случае? Кого из художников поставить рядом?

— Может быть, Рембрандта, — намекнул Морниел. Чувствовалось, что он старается помочь. — Леонардо да Винчи?

Мистер Глеску презрительно усмехнулся:

— Рембрандт и да Винчи в одном ряду с вами? Нелепо! Разве могут они похвастать вашей универсальностью, вашим космическим размахом, чувством всеобъемлемости? Уж если искать равного, то надо выйти за пределы живописи и обратиться, пожалуй, к литературе. Возможно, Шекспир с его широтой, с органными нотами лирической поэзии, с

огромным влиянием на позднейший английский язык мог бы... Впрочем, что Шекспир? — Он грустно покачал головой. — Боюсь, даже и Шекспир...

— О-о-о! — простонал Морниел Метауэй.

— Кстати, о Шекспире, — сказал я, воспользовавшись случаем. — Не приходилось ли вам слышать о поэте Давиде Данцигере? Многие ли из его трудов дошли до вашего времени?

— Это вы?

— Да, — с энтузиазмом подтвердил я. — Давид Данцигер — это я.

Мистер Глеску наморщил лоб, раздумывая:

— Что-то не припоминаю... Какая школа?

— Тут несколько названий. Самое употребительное — антиимажинисты. Антиимажинисты, или постимажинисты.

— Нет, — сказал он после недолгого размышления. — Единственный известный мне поэт вашего времени и вашей части света — Питер Тедд.

— Питер Тедд? Слыхом не слыхал о таком.

— Значит, его пока еще не открыли. Но прошу вас не забывать, что моя область — история живописи. Не литература. Вполне вероятно, назови вы свое имя специалисту по второстепенным поэтам двадцатого века, он вспомнил бы вас без особого напряжения. Вполне вероятно.

Я глянул в сторону кровати, и Морниел осклабился. Теперь он полностью пришел в себя и наслаждался ситуацией. Каждой порой тела впитывал разницу между своим положением и моим. Я чувствовал, что ненавижу в нем все, от головы до пят. Отчего, действительно, фортуна решила улыбнуться именно такому типу, как Морниел? На свете столько художников, которые к тому же вполне порядочные люди, и надо же, чтобы это хвастливое ничтожество...

И вместе с тем какой-то участок моего мозга лихорадочно работал. Случившееся как раз доказывало, что лишь в исторической перспективе можно точно оценить роль того или иного явления искусства. Вспомните хотя бы тех, кто были шишками в свое время, а теперь совершенно забыты — какие-нибудь современники Бетховена, например, при жизни считались куда более крупными фигурами, чем он, а сейчас их имена известны только музыковедам. Но тем не менее...

Мистер Глеску бросил взгляд на указательный палец своей правой руки, где беспрестанно сжималось и расширялось черное пятнышко.

— Мое время истекает, — сказал он. — И хотя для меня это огромное, невыразимое счастье, мистер Морниел, стоять вот так и просто смотреть на вас, я осмелюсь обратиться с маленькой просьбой.

— Конечно, — сказал Морниел, поднимаясь с постели. — Скажите только, что вам нужно. Чего бы вы хотели?

Мистер Глеску вздохнул, как если бы он достиг наконец врат рая и намеревался теперь постучаться.

— Я подумал, — если вы не возражаете, — нельзя ли мне посмотреть ту вещь, над которой вы сейчас работаете? Понимаете, увидеть картину Метауэя, еще незаконченную, с непросохшими красками... — Он закрыл глаза, как бы не веря, что такое желание может осуществиться.

Морниел сделал изысканный жест и гоголем зашагал к своему мольберту. Он приподнял материю.

— Я намерен назвать это, — голос его был маслянист, как нефтеносные слои в Техасе, — «Бесформенные формы 1-29».

Медленно предвкушая наслаждение, мистер Глеску открыл глаза и весь подался вперед.

— Но, — произнес он после долгого молчания, — это ведь не ваша работа, мистер Метауэй.

Морниел обернулся к нему, несколько удивленный, затем взорвался на полотно.

— Почему? Это именно моя работа. «Бесформенные формы 1-29». Разве вы ее не узнаете?

— Нет, — отрезал мистер Глеску. — Не узнаю и очень благодарен за это судьбе. Нельзя ли что-нибудь более позднее?

— Это самая поздняя, — сказал Морниел несколько неуверенно. — Все остальное написано раньше. — Он вытащил из стеллажа подрамник. — Ну хорошо, а вот такая? Как она вам покажется? Называется «Бесформенные формы 1-22». Бессспорно, лучшая вещь из раннего меня.

Мистер Глеску содрогнулся:

— Впечатление такое, будто счистки с палитры положили поверх таких же счисток.

— Точно. Это моя техника — «грязное на грязном». Но вы, пожалуй, все это знаете, раз уж вы такой специалист по мне. А вот «Бесформенные формы 1...»

— Давайте оставим эту бесформенность, мистер Метауэй, — взмолился Глеску. — Хотелось бы посмотреть вас в цвете. В цвете и форме.

Морниел почесал в затылке:

— Довольно давно не делал ничего в полном колорите... Хотя... постойте... — Его физиономия просияла, он полез за стеллаж и вынул оттуда холст со старым подрамником. — Одна из немногих вещей, сохранившихся от розово-крапчатого периода.

— Не могу представить себе тот путь... — начал было мистер Глеску, обращаясь скорее к себе самому, чем к нам. — Конечно, это не... — Он умолк и недоуменно покачал плечами, подняв их чуть ли не до ушей, — жест, знакомый всякому, кто видел художественного критика за работой. После такого жеста слова не нужны. Если вы живописец, чью работу сейчас смотрят, вам все сразу становится ясно.

К этому времени Морниел уже лихорадочно вытаскивал из-за стеллажа картину за картиной. Он показывал каждую мистеру Глеску — у того в горле булькало, как у человека, старающегося подавить рвоту, — и хватался за другую.

— Ничего не понимаю, — сказал Глеску, глядя на пол, заваленный полотнами. — Бессспорно, все это написано до того, как вы открыли себя и нашли собственную оригинальную технику. Но я ищу следа, хотя бы намека на гений, который готовится войти в мир. И... — он ошеломленно покачал головой.

— А что вы скажете насчет вот этой? — Морниел уже тяжело дышал.

— Уберите, — мистер Глеску оттолкнул картину обеими руками. Он снова взглянул на свой указательный палец, и я заметил, что черное пятно стало сжиматься и расширяться медленнее. — Остается мало времени, и я в полном недоумении. Джентльмены, разрешите вам кое-что показать.

Он вошел в пурпурный ящик, вышел оттуда с книгой в руках и поманил нас. Мы с Морниелом встали за его спиной, глядя ему через плечо. Страницки книги чуть слышно звякали, когда он их переворачивал, и они были сделаны не из бумаги, уж это точно.

А на титульном листе...

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ КАРТИН
МОРНИЕЛА МЕТАУЭЯ
1928—1996

— Ты родился в двадцать восьмом? — спросил я.

Морниел кивнул:

— Двадцать третьего мая двадцать восьмого года.

И погрузился в молчание. Понятно было, о чем он думает, и я сделал быстрый расчет. Шестьдесят восемь лет. Не каждому дано точно знать, сколько еще осталось у него впереди. Но шестьдесят восемь — не так уж плохо.

Мистер Глеску открыл книгу там, где начинались репродукции.

Даже и сейчас, когда я вспоминаю свое впечатление от той первой вещи, коленки у меня слабеют и подгибаются. Это была абстракция в буйных красках, но такая, какой я никогда раньше себе и не представлял. Весь наш современный абстракционизм в сравнении с ней выглядел ученичеством на уровне детского сада.

Всякий человек, который не был лишен зрения, восхищался бы таким шедевром, даже если до сих пор он воспринимал одну лишь предметную живопись. Вещь восхищала даже в том случае, если вам вообще было плевать на живопись любого направления.

Не хочется показаться плаксой, но у меня действительно слезы навернулись на глаза. Каждый, у кого есть хоть малейшая тяга к прекрасному, реагировал бы точно так же.

Но не Морниел.

— Ах, в этом духе, — сказал он с облегчением, как человек, который понял в конце концов, чего от него требуют. — Но почему же вы сразу не сказали, что вам нужно именно в этом духе?

Мистер Глеску схватился за рукав его грязной рубашки:

— Вы хотите сказать, у вас есть и такие полотна?

— Не полотна, а полотно. Единственное. Написал на прошлой неделе в порядке эксперимента, но меня это не удовлетворило, и я отдал вещь одной девице внизу. Желаете взглянуть?

— О да! Очень.

— Прекрасно, — сказал Морниел. — Он потянулся за книгой, взял ее из рук Глеску и самым непринужденным жестом

бросил на кровать. — Пошли, это у нас займет всего минуту или две.

Непривычная растерянность обуяла меня, пока мы спускались по лестнице. В одном только я был убежден так же твердо, как в том, что Джейфри Чосер жил раньше Алджернона Суинберна, — ни одна вещь, которую написал или способен написать в будущем Морниел, не приблизится к рецензиям книги даже на миллион эстетических миль. И я знал, что он, несмотря на свое всегдашнее хвастовство и неисчерпаемую самонадеянность, тоже это понимает.

Двумя этажами ниже Морниел остановился перед дверью и постучал. Никакого ответа. Подождал две секунды и постучался еще раз. Опять ничего.

— Черт побери! Нет дома. А мне так хотелось показать вам эту вещь!

— Мне нужно ее увидеть, — очень серьезно сказал мистер Глеску. — Мне нужно увидеть хоть что-нибудь похожее на вашу зерлую работу. Но мое время подходит к концу, и...

— Знаете что? — Морниел щелкнул пальцами. — У Ани-ты там кошки, она просила подкармливать их в свое отсутствие и оставила мне ключ от квартиры... Если я сбегаю наверх и принесу?

— Превосходно, — радостно отозвался Глеску, глянув на свой палец. — Только, будьте добры, поскорее.

— Молниеносно. — Но затем, поворачиваясь к лестнице, Морниел перехватил мой взгляд и подал знак — тот, которым мы пользовались, совершая наши «покупки». Это означало: «Заговори ему зубы. Постарайся его заинтересовать».

Тут-то я и сообразил — книга! Слишком много раз я видел, как действует Морниел, и не мог не догадаться, что небрежный жест, каким он бросил книгу на кровать, таил в себе все что угодно, кроме небрежности. Морниел просто положил книгу так, чтобы при желании можно было сразу ее взять. Теперь он кинулся наверх прятать книгу, а когда время мистера Глеску истечет, ее просто не удастся найти.

Ловко! Чертовски ловко, я бы сказал. А потом Морниел Метауэй возьмется создавать произведения Морниела Метауэя. Только он не будет их создавать.

Он их скопирует.

Между тем поданный знак заставил меня открыть рот и автоматически начать болтовню.

— А сами вы рисуете, мистер Глеску? — Это было хорошее начало.

— О нет! Конечно, мальчишкой я собирался стать художником — по-моему, с этого начинает каждый искусствовед — и даже собственоручно испачкал несколько холстов. Но они были очень плохи, просто ужасны. Потом я понял, что писать о картинах много легче, чем создавать их. А когда взялся за чтение книг о жизни Морниела Метауэя, мне стало ясно, в чем мое призвание. Понимаете, я не только очень хорошо чувствовал суть его творчества, но и сам он всегда казался мне человеком, которого я мог бы понять и полюбить... Вот это меня тоже озадачивает сейчас. Он совсем... ну совсем не таков, каким мне представлялся.

— Уж это точно, — кивнул я.

— Естественно, историческая перспектива обладает способностью как-то возвеличивать, окружать ореолом романтики каждую выдающуюся личность. Признаться, в характере мистера Морниела я уже вижу черты, над которыми облагораживающему влиянию столетий придется как следует пора... Впрочем, не стану продолжать, мистер Данцигер. Вы его друг.

— Почти единственный в целом мире, — сказал я. — У него их не так уж много.

При всем том мысль моя работала, стараясь охватить происходящее. Однако чем глубже я вникал в ситуацию, тем больше в ней запутывался. Сплошные парадоксы. Каким образом Морниел Метауэй через пять веков прославится благодаря картинам, если сам впервые в жизни увидел их в книге, изданной через пять веков? Кто написал эти картины — Морниел Метауэй?.. Так говорится в книге, и, поскольку томик теперь у него, он действительно это сделает. Но он будет просто копировать. А кому же тогда принадлежат оригиналы?

Мистер Глеску озабоченно посмотрел на свой палец:

— Времени практически уже нет.

Он бросился вверх по лестнице, и я за ним. Мы ворвались в студию, и я приготовился скандалить насчет книги — без особого удовольствия, потому что Глеску мне нравился.

Книга исчезла, кровать была пуста. И еще кое-чего не хватало в комнате — машины времени и Морниела Метауэя.

— Он уехал! — задохнувшись, воскликнул мистер Глеску. — И оставил меня здесь! Видимо, прикинул, что, если войти в ящик и захлопнуть за собой дверь, машина сама вернется в нашу эпоху!

— Прикидывать-то он мастер, — сказал я с горечью. Насчет такого я не уговаривался и в таком предприятии не стал бы участвовать. — Пожалуй, он уже прикинул и насчет правдоподобной истории, чтоб объяснить людям вашего времени, как это все получилось. Да и в самом деле, зачем ему из кожи вон лезть в двадцатом веке, когда он может быть признанной, богоизбранной знаменитостью в двадцать пятом?

— Но что будет, если они попросят его написать хотя бы одну картину?

— Он скажет, что труд его жизни окончен и он не чувствует себя в силах добавить к этому что-нибудь значительное. Не сомневаюсь, кончится тем, что он еще будет читать лекции о самом себе. Можете за него не беспокоиться, он не пропадет. Меня вот тревожит, что вы здесь увязли. Можно ли надеяться на спасательный отряд?

Мистер Глеску с убитым видом покачал головой:

— Каждый лауреат дает подпись, что он сам несет ответственность в том случае, если возвращение невозможно. Машину запускают раз в пятьдесят лет, а к тому времени какой-нибудь другой ученый будет требовать права посмотреть разрушение Бастилии, присутствовать при рождении Гаутамы Будды и чего-нибудь в таком роде. Я тут действительно увяз, как вы выражились. Скажите, это очень худо — жить в вашем времени?

Чувствуя себя виноватым, я хлопнул его по плечу:

— Ну не так уж и худо! Конечно, надо иметь удостоверение личности, — не представляю, как вы будете его получать в таком возрасте. И возможно — конечно, нельзя сказать наверняка, — ФБР либо Иммиграントское управление вызовут вас на допрос, поскольку вы все-таки что-то вроде иностранца, проникшего сюда нелегально.

Лицо его перекосилось.

— Боже мой! Ведь это ужасно.

Но в этот миг меня озарила идея.

— Не обязательно... Слушайте, у Морниела есть удостоверение личности — года два назад он поступал на работу. А свидетельство о рождении он держит в ящике стола вместе

с другими документами. Почему бы вам не стать Морниелом? Он-то никогда не уличит вас в самозванстве.

— Ну а его друзья, родственники...

— Родители умерли. Ни одного родственника, о котором бы я слышал. И, кроме меня, как я вам уже говорил, никого, близкого к понятию «друг». — Я вдумчиво оглядел мистера Глеску с головы до ног. — По-моему, вы могли бы за него сойти. Может быть, отрастите бороду и покраситесь под блондина. То да се... Правда, серьезная проблема — чем зарабатывать на жизнь. В качестве специалиста по Метауэю и направлениям в искусстве, берущим от него начало, много вам не заработать.

Он вцепился в меня:

— Я мог бы писать картины. Всегда мечтал стать художником. Таланта у меня мало, но я знаю множество технических приемов живописи, всевозможные графические нововведения, которые неизвестны вашему времени. Думаю, что даже без способностей этого будет достаточно, чтобы перебиться на третьем-четвертом уровне.

И этого оказалось достаточно. Совершенно достаточно. Причем не на третьем-четвертом уровне, а на первом. Мистер Глеску, он же Морниел Метауэй, — лучший из живущих художников. И самый несчастный среди всех них.

— Послушайте, что происходит с публикой? — разозлился он после очередной выставки. — С ума они, что ли, посходили — так меня расхваливать? Во мне ведь ни унции таланта. Все мои работы не самостоятельны, все полотна до единого — подражания. Я пытался сделать хоть что-нибудь, что было бы полностью моим, но так погряз в Метауэе, что утратил собственную индивидуальность. Эти идиоты-критики продолжают неистовствовать, а вещи-то написаны не мною.

— Кем же они тогда написаны? — поинтересовался я.

— Метауэем, конечно, — ответил он с горечью. — У нас думали, что парадокса времени не существует, — хотелось бы мне, чтоб вы почитали ученые труды, которыми забиты библиотеки. Специалисты утверждали, что невозможно, например, скопировать картину с будущей репродукции, обойдясь, таким образом, без оригинала. А я-то что делаю — как раз и копирую по памяти!

Неплохо было бы сказать ему правду, он такой милый человек, особенно по сравнению с этим проходимцем Метауэем, и так мучается. Но нельзя.

Видите ли, он сознательно старается не копировать те картины. Он так упорствует в этом, что отказывается думать о книге и даже разговаривать о ней. Но мне все же удалось недавно выудить из него две-три фразы. И знаете что? Он ее не помнит — только в самых общих чертах.

Удивляться тут нечему — он и есть настоящий Морниел Метауэй, без всяких парадоксов. Но если я ему когда-нибудь открою, что он просто пишет эти картины, создает их сам, а не восстанавливает по памяти, его покинет даже та ничтожная доля уверенности в своих силах, которая в нем есть, и он совсем растеряется. Так что пусть уж считает себя обманщиком, хотя на самом деле все обстоит не так.

— Забудьте об этом, — твержу я ему. — Доллары все равно остаются долларами.

РЕБЕНОК СРЕДЫ

Когда Фабиан Балик через очки без оправы в первый раз рассматривал Среду Грэшем, он еще ничего не знал о биологических противоречиях, которые столь невероятным образом составляли сущность ее организма. Он даже не заметил — пока, — что она была поразительно хорошенькой девушкой с глазами, похожими на обрызганные дождем фиалки. Поначалу он заинтересовался ею исключительно в связи с кадровой проблемой.

И ничего особенно удивительного — Фабиан был чрезвычайно целеустремленным, исключительно искренним молодым менеджером, который после нескольких стычек окончательно убедил собственные железы в том, что они должны полностью подчинить свою деятельность интересам фирмы «СЛОТЕР, СТАРК и СЛИНГСБИ: Реклама и связи с общественностью».

Среда считалась одной из лучших стенографисток в секретariate, находившемся в его непосредственном подчинении. Между тем в послужном списке девушки наблюдались незначительные, но весьма необычные отступления от правил. Они состояли из странностей, которые менее вдумчивый и честолюбивый кадровик мог бы счесть сущими пустяками, но которые Фабиан, после тщательного ознакомления с ее досье, не смог убедить себя проигнорировать. Однако это дело требовало подробного обсуждения, а у него были

твёрдые взгляды относительно рабочего времени сотрудников.

Поэтому, к величайшему удивлению всего секретариата и самой Среды, он подошел к ней однажды в полдень и вполне хладнокровно сообщил, что сегодня они пообедают вместе.

— Очень милое место, — прокомментировал Фабиан, когда их провели за столик. — Не очень дорогое, однако, как я выяснил, по таким ценам нигде в городе не кормят лучше. И расположено на отшибе, так что никогда не бывает переполненным. Сюда приходят только те люди, которые знают, чего хотят.

Среда осмотрелась и кивнула:

— Да. Мне тоже нравится. Мы с девочками часто здесь обедаем.

Фабиан взял меню.

— Надеюсь, вы не будете возражать, если я сделаю заказ для нас обоих? — осведомился он. — Тут знают мой вкус. Нас обслужат как надо.

Девушка нахмурилась:

— Я ужасно извиняюсь, мистер Балик, но...

— Да? — сказал он доброжелательно, хотя был немало удивлен. Он не ожидал ничего, кроме согласия. Вероятно, девчушка просто развлечилась от его приглашения.

— Я бы хотела сама сделать заказ, — сказала она. — Я на... на особой диете.

Фабиан поднял брови, и ему понравилось, как она при этом вспыхнула. Он медленно, с достоинством кивнул и позволил себе интонацией выразить неудовольствие:

— Очень хорошо. Как вам будет угодно.

Однако через несколько секунд любопытство взяло верх и пробилось сквозь лед.

— Что же это за диета? Салат из свежих фруктов, стакан томатного сока, сырья капуста — и жареный картофель? Ведь если вы едите картофель, значит, не стараетесь похудеть?

Среда застенчиво улыбнулась:

— Нет, я не стараюсь похудеть, мистер Балик. Все эти продукты содержат много витамина С. Мне нужно очень много витамина С.

Фабиану запомнилась ее улыбка. А вот лицо девушки было каким-то неестественно бледным.

— Плохие зубы? — спросил он.

— Плохие зубы и... — она слегка высунула язык и с секунду подумала. — Главным образом, плохие зубы. Это очень милое место. Около моего дома есть похожий ресторан. Конечно, он гораздо дешевле...

— Вы живете с родителями, мисс Грэшем?

— Нет, я живу одна. Я сирота.

Фабиан подождал, когда официант поставит первое блюдо, подцепил вилкой креветку и продолжил атаку:

— И давно?

Она подняла на него глаза от салата из свежих фруктов:

— Прошу прощения, мистер Балик?

— Как давно? Сколько времени вы сирота?

— С самого раннего детства. Кто-то оставил меня на ступеньках сиротского приюта.

Фабиан заметил, что, хотя Среда и отвечала на его вопросы ровным голосом, она сосредоточенно смотрела в свою тарелку и румянец у нее на щеках выступил ярче. Может быть, подумал он, девушка стеснялась признаться в возможной незаконнорожденности? Наверняка она привыкла к этой мысли за — сколько ей могло быть? — за двадцать четыре года. Чепуха, конечно, привыкла!

— Но в анкете, заполненной при поступлении на работу, вы называете своими родителями Томаса и Мэри Грэшем.

Среда перестала есть и передвигала по столу стакан с водой.

— Это были старики, которые удочерили меня, — сказала она очень тихо. — Они умерли, когда мне исполнилось пятнадцать лет. У меня нет живых родственников.

— Насколько вам известно, — уточнил Фабиан, предупреждающе подняв палец.

К его удивлению, девушка хихикнула. Это был очень странный смешок, от которого он почувствовал себя в высшей степени неловко.

— Совершенно верно, мистер Балик. У меня нет живых родственников, о которых мне известно. — Среда посмотрела мимо него и снова усмехнулась. — О которых мне известно, — тихо повторила она.

Фабиан с беспокойством почувствовал, что как-то упускает нить интервью. Он немного повысил голос:

— А кто такой доктор Моррис Лорингтон?

Среда вновь стала внимательной. Даже правильнее было бы сказать, насторожилась.

— Доктор Моррис Лорингтон?

— Да, человек, которого вы просите известить в случае какого-либо чрезвычайного происшествия. Если с вами что-нибудь случится, пока вы у нас работаете.

Сейчас девушка выглядела явно очень настороженной. Ее глаза сузились, и она внимательно смотрела на Фабиана. Дыхание ее тоже несколько участилось.

— Доктор Лорингтон — старый друг. Он... он работал врачом в сиротском приюте. После того как Грэшемы удочерили меня, я продолжала ходить к нему каждый раз... — Она замолчала.

— Каждый раз, когда вам требовалась медицинская помощь? — предположил Фабиан.

— Да-а, — кивнула девушка, радостно улыбнувшись, словно ей предложили совершенно новую причину для посещения врача. — Я ходила к нему каждый раз, когда мне требовалась медицинская помощь.

Фабиан хмыкнул. Что-то во всем этом деле было нечисто, чувствовалось нечто неуловимо дразнящее. Однако девушка на его вопросы отвечала. Этого он отрицать не мог: безусловно, она не уходила от ответов.

— Вы не собираетесь повидаться с ним в октябре? — поинтересовался он.

Вдруг выражение настороженности исчезло, и в ее глазах появился страх.

— В октябре? — переспросила Среда с дрожью в голосе.

Фабиан прикончил последнюю креветку и вытер губы — не сводя с собеседницы взгляда.

— Да, в октябре, мисс Грэшем. Вы подали заявление о месячном отпуске, начиная с пятнадцатого октября. Пять лет назад, проработав в фирме «СЛОТЕР, СТАРК и СЛИНГ-СБИ» тринадцать месяцев, вы также обратились с просьбой об отпуске в октябре.

Фабиана поразило, как она испугалась. Он ощутил гордость от того, насколько оказался прав, решив во всем этом разобраться. Чувство, которое он испытывал к Среде, не сводилось к простому любопытству; это был инстинкт хорошего кадровика.

— Но я прошу отпуск за свой счет. Я не прошу, чтобы мне его оплачивали, мистер Балик. И мне не оплачивали его... в прошлый раз.

Девушка скомкала салфетку и поднесла ее к лицу. Казалось, она готова выбежать вон из ресторана через заднюю дверь. Краска полностью сошла с ее лица, и кожа стала совершенно белой.

— Тот факт, что вам не оплатят время вашего отсутствия, мисс Грэшем... — начал Фабиан, но его прервал подошедший с подносом официант.

Когда тот отошел, Фабиан с неудовольствием отметил, что Среда воспользовалась передышкой, чтобы отчасти восстановить самообладание. Хотя она все еще была бледна, на щеках у нее выступили розовые пятна, и теперь девушка сидела, откинувшись на стуле, а не присев на краешек, как раньше.

— Тот факт, что вам не оплатят время вашего отсутствия, значения не имеет, — тем не менее продолжал Фабиан. — Это всего лишь логично. В конце концов, каждый год вам предоставляется двухнедельный оплачиваемый отпуск. И в связи с этим я перехожу ко второму пункту. Ежегодно вы обращались с двумя необычными просьбами. Во-первых, вы просили о дополнительном недельном отпуске за свой счет, что в целом составляет три недели. Тогда вы просили об отпуске...

— В начале весны, — закончила Среда уже совершенно спокойным голосом. — Вы усматриваете в этом какое-нибудь нарушение, мистер Балик? Поступая подобным образом, я избегаю конфликтов с другими девушками, а кроме того, фирма может быть уверена, что секретарь будет в office в течение всего лета.

— Здесь нет никакого нарушения *reg se*. Под этим я разумею, — терпеливо объяснял он, — что в таком положении дел нет нарушения как такого. Но остаются неясности, возникают предпосылки для организационной путаницы. А неясности, мисс Грэшем, неясности и организационная неразбериха не должны иметь места при хорошо налаженной работе офиса.

Фабиан с удовлетворением отметил, что она снова занервничала.

— Значит ли это... вы хотите сказать мне, что... меня могут уволить?

— Не исключено, — согласился Фабиан, забыв, однако, добавить, что такое вряд ли могло произойти в подобном случае, когда, с одной стороны, секретарша в целом прекрасно

справлялась с работой, а с другой стороны, была так безобидна, как Среда Грэшем. Прежде чем продолжать, он тщательно срезал с длинного куска ростбифа полоску желтого жира. — Посмотрите на это вот с какой точки зрения. Что получится, если каждая из девушек в офисе каждый год станет обращаться за дополнительным недельным отпуском — пусть даже неоплачиваемым, как тому и следует быть? А кроме того, раз в несколько лет захочет получать дополнительный месячный отпуск? Что же это у нас будет за офис, мисс Грэшем? О налаженной работе тут, безусловно, и речи быть не может.

С подобающей тщательностью пережевывая ростбиф, Фабиан следил за задумчивым выражением ее лица и внутренне радовался, что ему не пришлось выдвигать подобного рода аргументы перед какой-нибудь сотрудницей побойчее, к примеру перед Арлетт Стейн. Он знал, что тридцатилетняя вдовушка с соблазнительными бедрами тут же отрезала бы: «Но каждая девушка об этом и не просит, мистер Балик». Стейн не волновало, что подобная софистика ничего, кроме усмешки, не заслуживала.

Среда, надо отдать ей должное, была не из тех людей, кто готов ринуться в подобную контратаку. Она в растерянности покусывала губы и пыталась придумать вежливый выход из положения, как и подобает хорошему служащему. Выход существовал лишь один, и через секунду она должна была найти его.

Что она и сделала.

— Может, будет лучше... — Среда глубоко вдохнула. — Может, будет лучше, если я расскажу вам о причине... отпусков?

— Да, — ответил Фабиан искренно, — действительно, так будет лучше, мисс Грэшем. Тогда я, как менеджер офиса, смогу действовать на основании фактов, а не загадок. Я узнаю ваши причины, взвешу их, оценю их серьезность, — а также вашу полезность как секретаря, — и сопоставлю все это с той дезорганизацией, которую вносит ваше отсутствие в каждодневную работу фирмы «СЛОТЕР, СТАРК и СЛИНГ-СБИ».

— М-м-м. — Девушка казалась обеспокоенной и растерянной. — Мне бы хотелось немного подумать, если не возражаете.

Фабиан великолепно взмахнул вилкой с цветной капустой:

— О, ни в коем случае не торопитесь! Все внимательно обдумайте. Не говорите ничего такого, чего сами не хотели бы мне рассказать. Разумеется, все, что вы решите рассказать мне, останется строго между нами. Я буду рассматривать это, мисс Грэшем, как служебную информацию, а не как личную. А пока вы думаете, вполне можете начать есть свою сырую капусту, пока она не остыла, — добавил он с начальственным смешком.

Девушка кивнула ему с полуулыбкой, завершившейся вздохом, и с рассеянным видом занялась капустой.

— Видите ли, — вдруг начала она, словно нашла удачную отправную точку, — со мной иногда случаются вещи, которые не происходят с другими людьми.

— Это, я бы сказал, вполне очевидно.

— Нет, не что-то плохое. Я хочу сказать, не то, что газеты назвали бы плохим. Они... они больше, что ли, физические. Это вещи, которые могут происходить с моим телом.

Фабиан доел, откинулся на стуле и скрестил руки.

— Нельзя ли немного поконкретнее? Если... — тут его поразила чудовищная догадка, — если это не, что называется, женские проблемы. В таком случае, безусловно...

На этот раз Среда даже не покраснела.

— О нет. Вовсе нет. Во всяком случае, в очень незначительной степени. Это... другие вещи. Например, мой аппендикс. Я должна каждый год удалять аппендикс.

— Ваш аппендикс? — Фабиан пытался осмыслить услышанное. — Каждый год? Но у человека только один аппендикс. И когда его удаляют, он не вырастает снова.

— Мой вырастает. Каждый год десятого апреля у меня начинается аппендицит, и я вынуждена ложиться на операцию. Потому-то я и беру отпуск весной. А еще зубы. Каждые пять лет у меня выпадают все зубы. Они начинают выпадать примерно в это время, и у меня есть зубные пластины, которые сделали, когда я была еще маленькой, — я надеваю их, пока зубы не начинают снова расти. Потом, приблизительно в середине октября, выпадает последний зуб, и начинают идти новые. Пока они растут, я не могу носить зубные пластины и какое-то время выгляжу несколько странно. Поэтому я прошу об отпуске осенью. В середине ноября новые зубы почти вырастают, и я возвращаюсь на работу.

Среда глубоко вздохнула и застенчиво посмотрела на Фабиана. По всей видимости, это было все, что она могла рассказать. Или хотела рассказать.

Во время десерта он неотступно размышлял над ее словами. Наверняка она не лжет. Такие девушки, как Среда Грэшем, никогда не лгут. По крайней мере не до такой степени. И не своему начальнику.

— Да, — наконец произнес Фабиан, — все это, конечно, весьма необычно.

— Да, — подтвердила она, — весьма необычно.

— А у вас есть еще что-нибудь... я хочу сказать, какие-то другие странности... А, черт, есть что-нибудь еще?

Среда подумала.

— Есть. Но если вы не возражаете, мистер Балик, я бы лучше не...

Фабиан решил проявить твердость.

— Смотрите, мисс Грэшем, — строго произнес он. — Давайте оставим игры. Раз уж вы решили поделиться — причем сами и все взвесив, — то теперь я должен настаивать на том, чтобы знать полную правду и ничего, кроме полной правды. Какие еще физические затруднения вы испытываете?

Это сработало. Она чуть покачнулась на стуле, снова выпрямилась и сказала:

— Извините, мистер Балик, мне бы никогда не пришло в голову... играть с вами. Есть еще множество вещей, однако они никак не влияют на мою работу. Например, у меня на ногтях растут крохотные волоски. Видите?

Фабиан поглядел на руку, протянутую ему через стол. На блестящей твердой поверхности каждого ногтя он рассмотрел почти микроскопические волоски.

— Что еще?

— Ну, мой язык. У меня несколько волосков на нижней стороне языка. Хотя они меня не беспокоят, никак не беспокоят. И еще мой... мой...

— Да? — подбодрил Фабиан. Кто бы мог подумать, что бесцветная маленькая Среда Грэшем...

— Пупок. У меня нет пупка.

— У вас нет... Это же невозможно! — взорвался он. Фабиан почувствовал, что очки сползают у него с носа. — Пупок есть у всех! У всех живущих... У всех, кто родился.

Среда кивнула, ее глаза расширились и неестественно блестели.

— Может быть, — начала она и вдруг неожиданно расплакалась. Девушка закрыла лицо ладонями и всхлипывала сквозь них. От рыданий — горьких, отчаянных — ее плечи поднимались и опускались, поднимались и опускались.

Фабиан осталబенел, что сделало его совершенно беспомощным. Никогда раньше, никогда в жизни ему не доводилось сидеть в переполненном ресторане с рыдающей девушкой.

— Ну, мисс Грэшем... Среда, — он ухитрился выйти из оцепенения и с раздражением услышал высокие и испуганные нотки в своем собственном голосе. — Ну зачем вы так? Конечно же, так не надо. А? Среда?

— Может быть, — пробормотала она между всхлипываниями, — м-может быть, это и есть ответ.

— Какой ответ? — громко спросил Фабиан, в отчаянной надежде вовлечь ее в какой-нибудь разговор.

— Что... что родилась. Может... может... я не родилась. М-может, м-м-меня сделали!

И тут, как будто до этого у нее была просто разминка, у Среды действительно началась истерика.

Фабиан Балик наконец понял, что ему нужно сделать. Он расплатился, обнял девушку за талию и полувынес ее из ресторана.

Маневр удался. Она начала успокаиваться, едва оказавшись на свежем воздухе. Оперлась о стену здания и уже не плакала, только ее плечи вздрогивали, но все реже и реже. Наконец Среда йкнула и, шатаясь, повернулась к нему. Можно было подумать, что ее лицо нарочно терли скрипидарной тряпкой художника.

— Из-звините. Мне уж-жасно ж-жалъ. Со мной такого уже много лет не было. Но... видите ли, мистер Балик... я много лет не говорила о себе.

— Тут на углу есть отличный бар, — перебил он, почувствовав огромное облегчение. Какое-то время ему казалось, что она будет плакать целый день! — Давайте забежим туда, и я чего-нибудь выпью. А вы можете зайти в дамскую комнату и привести себя в порядок.

Фабиан взял девушку за руку и отвел в бар. Там он забрался на высокий стул и заказал себе двойную порцию бренди.

Вот это приключение! И какая странная, странная особа! Конечно, ему не следовало так на нее давить, особенно в отношении того, к чему она столь болезненно относилась. Впрочем, разве он виноват, что девица так чувствительна?

Фабиан тщательно и всесторонне рассмотрел данный вопрос и решил его в свою пользу. Нет, определенно, он не виноват.

Но какая история! Надо же, подкидыши, аппендиц, эти зубы, волосы на ногтях и языке... И наконец — нет пупка!

Надо все обдумать. Возможно, тогда он и придет к какому-нибудь мнению. Но в одном он был уверен, уверен так же, как в собственных способностях к руководящей работе: Среда Грэшем не солгала ни в одной мелочи. Среда Грэшем просто была не из тех девушек, которые выдумывают о себе разные захватывающие истории.

Когда она снова присоединилась к нему, Фабиан уговорил ее выпить.

— Это поможет вам взять себя в руки.

Она отнекивалась, говорила, что почти не пьет. Однако он настаивал, и Среда сдалась:

— Мне все равно. Закажите вы, мистер Балик.

Втайне Фабиану очень нравилось ее послушание. Не делает замечаний, не дерзит, как большинство других... Хотя за что это она могла делать ему замечания?

— Вы все еще слегка не в себе. Когда вернемся, не ходите на свое место, а ступайте прямо к мистеру Осборну и закончите диктовку. Незачем давать девушкам повод для разговоров. Я за вас распишусь.

Она покорно склонила головку и продолжала отхлебывать из маленькой рюмки.

— А что это вы такое сказали в ресторане — я уверен, вы не возражаете, чтобы мы обсудили это сейчас, — насчет того, будто вы не родились, а были сделаны? Странные, согласитесь, слова.

Среда вздохнула:

— Это не моя мысль. Доктора Лорингтона. Много лет назад, когда он обследовал меня... ну, в общем, у него сложилось впечатление, будто меня сделал... дилетант. Сделал кто-то, у кого не было всех чертежей, или он их не понимал, или работал кое-как.

— Гм-м. — Фабиан заинтригованно уставился на нее. Среда выглядела совершенно нормально. Даже, собственно говоря, лучше, нежели нормально. А между тем...

Позже днем он позвонил Джиму Радду и договорился о встрече сразу после работы. В колледже Джим Радд жил с

ним в одной комнате, а теперь он был врачом и наверняка сумеет внести в это дело ясность.

Но Джим Радд не очень-то ему помог. Он терпеливо выслушал рассказ Фабиана о «девушке, с которой я недавно познакомился», а когда тот закончил, откинулся на спинку новенького крутящегося кресла и вытянул губы в сторону своего диплома — тот в аккуратной рамке висел на противоположной стене.

— Фаб, ты точно помешан на таинственных женщинах. Ты такой потрясающе организованный, уравновешенный, педантичный парень, у тебя настоящий талант ко всяkim земным вещам. И ты всегда находишь себе самых невероятных женщин! Впрочем, это твое личное дело. Может, у тебя такой способ вносить в ежедневную рутину немного экзотики. А может, это протест против серости бакалейной лавки твоего отца.

— В этой девушке нет ничего таинственного, — раздраженно ответил Фабиан. — Простая маленькая секретарша, очень хорошенская, вот и все.

— Будь по-твоему. Для меня она таинственная. По мне, она мало чем отличается — если судить из твоих слов — от той чокнутой белогвардейской русской дамы, вокруг которой ты увидался, когда мы учились на первом курсе. Ты знаешь, кого я имею в виду... как ее звали?

— Сандра? Слушай, Джим, да что с тобой? Сандра была ящиком с динамитом, который всегда взрывался прямо мне в лицо. А эта девчушка бледнеет и умирает, стоит мне только повысить голос. К тому же я действительно был влюблён в Сандрю, как щенок. А с этой девушкой — я тебе уже говорил — я только что познакомился и к ней ровным счетом ничего не испытываю.

Молодой доктор усмехнулся:

— Поэтому ты пришел ко мне в офис, чтобы проконсультироваться!.. Ладно, дело твое. Что ты хотел узнать?

— В чем причина всех этих... этих физических особенностей?

Доктор Радд встал с кресла и уселся на край письменного стола.

— Во-первых, — сказал он, — соглашаешься ты с этим или нет, но она — человек с очень расстроенной психикой. На это указывает истерика в ресторане, и фантастический вздор, который она плела тебе о своем теле, говорит о том же. Так

что здесь у тебя уже кое-что есть. Если хотя бы один процент из того, что она рассказала, правда, то это можно было бы объяснить в терминах психосоматической неуравновешенности. Медицине пока не очень понятно, как подобные механизмы работают, но одно представляется несомненным: всякий, у кого сильно расстроена психика, также обязательно обладает и физическими расстройствами.

Фабиан некоторое время обдумывал эти слова.

— Джим, ты просто не представляешь себе, что значит для заурядной секретарши сказать неправду менеджеру офиса! Раз-другой могут что-нибудь выдумать, почему вчера не явилась на службу, это да, но не такие истории, и не мне.

Радд пожал плечами:

— Не знаю, кем они там тебя воображают: я у тебя не работаю, Фаб. Но все, что ты говоришь, для психа значения не имеет. А я вынужден считать ее именно психом. Слушай, кое-что из того, что она тебе рассказала, невозможно, кое-что описано в медицинской литературе. Например, известны надежно задокументированные случаи, когда в течение жизни у человека несколько раз менялись зубы. Это биологические курьезы, встречаются один раз на миллион индивидов. А остальное? И все случилось с одним человеком? Я тебя умоляю!..

— Кое-что я видел сам. Я видел волосы у нее на ногтях.

— Ты видел что-то у нее на ногтях. Это может быть все что угодно из десятка различных вариантов. Я уверен в одном: это не волосы. Вот тут-то она и выдала себя. Черт возьми, парень, волосы и ногти — фактически один и тот же орган. Один не может расти на другом!

— А пупок? Отсутствие пупка?

Джим Радд вскочил на ноги и начал быстро шагать по кабинету.

— Хотелось бы мне знать, зачем я теряю с тобой столько времени? — пожаловался он. — Человек без пупка или вообще любое млекопитающее без пупка — то же самое, что насекомое с температурой тела тридцать семь и семь! Этого просто не может быть. Такого не существует.

Казалось, доктор Радд все больше и больше расстраивается, обсуждая этот вопрос. Он ходил по кабинету и все время отрицательно качал головой.

Фабиан предложил:

— Предположим, я привожу ее к тебе в кабинет. И, предположим, ты обследуешь ее и не находишь пупка. Просто вообрази на секунду. Что бы ты тогда сказал?

— Сказал бы, что это пластическая хирургия, — немедленно ответил доктор. — Напоминаю: я совершенно убежден, что она никогда не проходила такого обследования, но если проходила и пупка не оказалось, то единственный ответ — пластическая хирургия.

— С какой стати кому-то придет в голову делать пластическую операцию на пупке?

— Не знаю. Не имею ни малейшего понятия. Возможно, несчастный случай. Или безобразное родимое пятно на этом месте. Однако позволь тебе сказать, что останутся шрамы. Она должна была родиться с пупком.

Радд вернулся к столу и взял бланк рецепта.

— Фаб, давай-ка я напишу тебе адрес хорошего психиатра. Еще во время той истории с Сандрай я подумал, что у тебя есть какие-то личные проблемы, которые однажды могут выйти из-под контроля. Этот человек — один из лучших...

Мистер Балик удалился.

Когда Фабиан предложил ей встретиться вечером, то увидел, что она ужасно разнервничалась. Так обычно не волнуются даже по поводу свидания с боссом, поэтому Фабиан был озадачен. Но он выжидал и развлекал девушку по полной программе. Под конец вечера, после ужина и после театра, когда они сидели с бокалами вина в уголке маленько-го ночного клуба, он спросил об этом прямо:

— Среда, ты не часто ходишь на свидания, так ведь?

— Нет, не часто, мистер Балик — то есть Фабиан, — ответила она и смущенно улыбнулась, вспомнив, что ей на вечер дана привилегия называть его по имени. — Обычно мыходим куда-нибудь с подругами. Обычно я отказываюсь от свиданий.

— Почему? Так ты не сможешь найти мужа. Ведь ты хочешь выйти замуж?

Среда медленно покачала головой:

— Не думаю. Я... я боюсь. Не замужества — детей. Я не думаю, что такой человек, как я, должен иметь ребенка.

— Чепуха! Разве есть тому какие-нибудь рациональные противопоказания? Чего ты боишься — что родится чудовище?

— Я боюсь, что может родиться... что угодно. Я думаю... если у меня такое... такое странное тело, то не следует рисковать с ребенком. Доктор Лорингтон тоже так считает. А потом еще это стихотворение.

Фабиан поставил бокал на стол.

— Стихотворение? Какое стихотворение?

— Да знаете — про дни недели. Я выучила его, когда была маленькой, и оно еще тогда меня напугало. Оно вот как звучит:

Ребенок понедельника лицом хорош,
Ребенок вторника мил и пригож,
С ребенком среды хлопот полон рот,
Ребенок четверга далеко пойдет,
Ребенок пятницы все отдает...

И так далее. Когда я жила в приюте, я часто говорила себе: «Я — Среда. Я не такая, как другие девочки. Я многим отличаюсь от них. И мой ребенок...»

— А кто тебя так назвал?

— Меня оставили около приюта в канун Нового года — в среду утром. Поэтому и решили так назвать, особенно когда увидели, что у меня нет пупка. А потом — я вам рассказыва-ла, — когда Грэшемы меня удочерили, я взяла их фамилию.

Фабиан крепко сжал руку сотрудницы своими ладонями. И с удовольствием почувствовал, что ногти у нее все-таки волосатые.

— Ты очень хорошенъкая девушка, Среда Грэшем.

Увидев, что он говорит это искренно, она вспыхнула и опустила глаза.

— И у тебя действительно нет пупка?

— Нету. Действительно.

— А чем еще ты отличаешься? — спросил Фабиан. — Я имею в виду, кроме того, о чем ты рассказывала.

— Ну, — она задумалась. — Вот еще мое кровяное давление.

— Расскажи, — попросил он.

И она рассказала.

Через два дня Среда сообщила Фабиану, что с ним хочет встретиться доктор Лорингтон. Наедине.

Весь путь до окраины города он прошел пешком, от волнения покусывая костяшки пальцев. Ему хотелось задать столько вопросов!

Доктор Лорингтон был высоким, весьма немолодым мужчиной с бледной кожей и совершенно седыми волосами. Двигаясь очень медленно, он жестом пригласил Фабиана сесть в кресло и посмотрел ему в лицо внимательно и тревожно.

— Среда говорит мне, что вы часто встречаетесь с ней, мистер Балик. Могу я спросить, с какой целью?

Фабиан пожал плечами:

— Мне нравится эта девушка. Она меня интересует.

— Интересует — как? Интересует в клиническом смысле, как интересный экземпляр?

— Что за странная формулировка, доктор! Она красивая девушка и очень милая, почему она должна интересовать меня как какой-то экземпляр?

Доктор погладил невидимую бороду, все еще пристально рассматривая Фабиана.

— Она красивая девушка, — согласился он, — но красивых девушек много. Вы, очевидно, честолюбивый молодой человек, и так же очевидно, что вы отнюдь не принадлежите к ее классу. Из того, что Среда рассказала мне, — а должен вас уверить, что говорила она только хорошее, — у меня сложилось вполне определенное впечатление: вы смотрите на нее как на некий экземпляр, но на экземпляр, скажем так, к которому вы испытываете тягу коллекционера. Откуда в вас это чувство, я понять не могу, поскольку очень мало о вас знаю. Тем не менее, какие бы дифирамбы она вам ни пела, у меня есть серьезные основания считать, что вы не испытываете к ней естественного, обычного эмоционального интереса. А теперь, когда я вас увидел, я вполне убедился, что так оно и есть.

— Рад слышать, что она поет мне дифирамбы. — Фабиан попытался изобразить что-то вроде застенчивой улыбки. — Вам не о чем беспокоиться, доктор.

— Думаю, что беспокоиться есть о чем, и о многом. Откровенно говоря, мистер Балик, ваша внешность подтвердила мои прежние впечатления: определенно могу сказать, что вы мне не нравитесь. Более того, мне не нравится ваше отношение к Среде.

Фабиан секунду подумал и пожал плечами:

— Очень жаль. Только вряд ли она будет считаться с вашим мнением. Она слишком долго жила без мужского окружения, и ей слишком льстит, что я ухаживаю за ней.

— Ужасно боюсь, что вы правы. Послушайте меня, мистер Балик. Я очень привязан к Среде и знаю, насколько она доверчива. Я прошу вас, почти как отец, оставить ее в покое. Я заботился о ней с тех самых пор, как бедняжка оказалась в сиротском приюте. Я несус ответственность за то, что сохранил в тайне ее случай и он не попал в медицинские журналы. Я сделал это для того, чтобы дать ей хоть какой-то шанс на нормальную жизнь. Теперь я отошел от практики, Среда Грэшем — мой единственный постоянный пациент. Неужели вы не можете отыскать в своем сердце хоть немножко доброты и больше не встречаться с ней?

— А что это значит, будто она сделана, а не родилась? — перешел в наступление Фабиан. — Она говорит, так вы заявили.

Старик вздохнул и долго качал головой.

— Это единственное разумное объяснение, — наконец с грустью сказал доктор. — Принимая во внимание соматические неточности и противоречия.

Фабиан сцепил руки и в задумчивости потерся локтями о ручки кресла.

— Вы когда-нибудь допускали, что может существовать другое объяснение? Вдруг она мутант, новый продукт человеческой эволюции или отприск существ из другого мира, которые, скажем, случайно оказались на этой планете?

— В высшей степени маловероятно, — ответил доктор Лорингтон. — Ни одно из ее физических отклонений не является особенно полезным в какой-либо мыслимой окружающей среде, возможно, за исключением постоянно обновляющихся зубов. И ни одно из этих отклонений не смертельно. Они скорее попросту неудобны. Как врач, который за свою жизнь исследовал множество людей, я бы сказал, что Среда полностью, безусловно является человеком. Она просто несколько... как бы это выразиться... дилетантская.

Доктор выпрямился в кресле.

— И еще кое-что, мистер Балик. Я считаю, что чрезвычайно нежелательно таким людям, как Среда, заводить собственных детей.

У Фабиана глаза загорелись любопытством.

— Почему? Какими будут дети?

— Они могут быть абсолютно любыми, даже самыми невообразимыми. При таком беспорядке в нормальной физической системе модификации репродуктивных функций

также могут быть огромны. Поэтому я и прошу вас, мистер Балик, перестать видеться со Средой, не подталкивать ее к мыслям о замужестве. Я убежден, что именно эта девушка не должна иметь детей!

— Ладно. — Фабиан встал и протянул руку. — Очень вам благодарен, доктор, за ваше время и заботу.

Доктор Лорингтон поднял голову и посмотрел на Фабиана долгим взглядом. Потом, не пожимая ему руки, произнес спокойным ровным голосом:

— Всегда рад вас видеть. До свидания, мистер Балик.

Среда, естественно, страдала из-за того, что близкие ей мужчины не понравились друг другу. Однако не вызывало никаких сомнений то, чью сторону она примет в случае кризиса. Долгие годы полного эмоционального голода привели к безудержному обжорству. Как только Среда позволила себе думать о Фабиане в романтическом духе, она пропала. Она даже сказала ему, что, работая в офисе, — где они удачно скрывали свои развивающиеся отношения, — старалась исключительно ради него.

Фабиану преклонение молоденькой секретарши очень нравилось. Большинство женщин, с которыми он был знаком, начинали относиться к нему со все возрастающим презрением по мере того, как шло время. Среда же день ото дня все больше им восхищалась, становилась все податливее, все зависимее.

Правда, ее ни в коем случае нельзя было назвать очень умной, зато она была, говорил он себе, исключительно хорошенькой и потому вполне презентабельной. Чтобы обезопасить себя, он, под предлогом обсуждения сугубо кадровых вопросов, нашел случай исповедаться мистеру Слотеру, старшему компаньону фирмы: мимоходом упомянул, что его заинтересовала одна из девушек в секретariate. Не будет ли у высшего руководства возражений против этого?

— Возможно, заинтересовала до такой степени, чтобы жениться? — спросил мистер Слотер, изучая Фабиана из-под невероятно густых бровей.

— Возможно. Это было бы очень хорошо, сэр. Если у вас нет воз...

— Никаких возражений, мой мальчик, никаких возражений! Мне, как правило, не нравятся сотрудники, которые флиртуют со своими секретаршами, но если все это делается

тихо и кончается браком, то для офиса это может быть даже очень полезно. Мне бы хотелось видеть тебя женатым и остынущимся. Это, возможно, и других одиноких людей у нас наведет на разумные мысли. Только предупреждаю тебя, Балик: ни-ни. Шуры-муры, особенно в рабочее время, исключены!

Вполне довольный, Фабиан теперь посвятил себя тому, чтобы отделить Среду от доктора Лорингтона. Он обратил ее внимание на то, что старик долго не протянет и нужен постоянный врач, который был бы достаточно молодым, чтобы помогать ей в затруднительных случаях на протяжении всей жизни. Молодой доктор вроде Джима Радда, например.

Среда всхлипывала, однако подолгу ссориться с Фабианом совершенно не могла. В конце концов она поставила лишь одно условие — чтобы доктор Радд сохранял ту секретность, которую некогда ввел Лорингтон. Она не хотела становиться курьезом медицинских журналов или газетной сенсацией.

Фабиан согласился, и отнюдь не только из великодушия. Ему хотелось, чтобы ее странные привычки принадлежали только ему. Сандро он носил на груди, как пылающий бриллиант, висящий на цепочке. А Среду он станет хранить в крохотном замшевом мешочке, время от времени рассматривая ее в одиночестве, как скупец.

А через какое-то время у него может появиться и другой бриллиант, поменьше...

Джим Радд согласился на его условия. И был поражен.

— Совершенно никакого пупка! — воскликнул он, выйдя в приемную к Фабиану после первого осмотра. — Я пальпировал кожу в поисках шрамовой ткани, но на нее нет даже и намека. Да это еще что! У девушки нет различимых систол и диастол. Старик, ты понимаешь, что это значит?

— В настоящий момент это меня не интересует, — сказал Фабиан. — Может, позже. Ты думаешь, сможешь помочь ей со всеми этими физическими проблемами, если они возникнут?

— Да, разумеется. Во всяком случае, не хуже, чем тот старый доктор.

— А как насчет детей? У нее могут быть дети?

Радд развел руками:

— Почему бы нет? Несмотря на все свои особенности, Среда — на удивление здоровая молодая женщина. И у нас

нет никаких оснований считать, что ее состояние — как бы мы его ни называли — наследственное. Конечно, в какой-то мере это возможно, но на основании свидетельств...

Они поженились прямо перед началом отпуска Фабиана, в городской ратуше. После обеда молодые вернулись в офис и всем об этом сообщили. Фабиан уже нанял нового секретаря вместо своей жены.

Через два месяца он добился того, что Среда забеременела.

Его поразило, как она расстроилась, особенно если принять во внимание, что с самого начала семейной жизни он приучал ее к кротости. Фабиан пытался быть непреклонным и сказал ей, что и слушать не желает никакого вздора. Доктор Радд считает, что есть все основания ожидать рождения нормального ребенка, и все. Однако это не сработало. Тогда он попробовал мягкий юмор, лесть. Даже брал жену на руки и говорил, что любит ее слишком сильно, чтобы не想要 маленькую девочку, похожую на нее. Не сработало и это.

— Фабиан, дорогой, — стонала Среда. — Ну как ты не понимаешь? У меня не должно быть детей. Я не такая, как другие женщины.

Наконец он прибег к тому, что берег в качестве последнего резерва вот на такой экстренный случай: взял с полки книгу и раскрыл ее.

— Я понимаю, — сказал он. — В тебе говорит наполовину доктор Лорингтон с его предрассудками девятнадцатого века и наполовину — дурацкий маленький фольклорный стишок, который ты прочитала в детстве и который произвел на тебя жуткое впечатление. Так вот, с доктором Лорингтоном я поделать ничего не могу, зато кое-что могу сказать тебе об этом стихотворении. Прочитай-ка.

Она прочитала:

Б. Л. ФАРДЖЕОН ДНИ РОЖДЕНИЯ

Ребенок понедельника лицом хорош,
Ребенок вторника мил и пригож,
Ребенок среды щедро все отдает,
Ребенок четверга трудится весь год,
С ребенком пятницы хлопот полон рот,
Ребенок субботы далеко пойдет,

Воскресный ребенок и весел, и смел,
Здоров и талантлив — во всем преуспел.

Среда подняла глаза и смахнула слезы с ресниц.

— Но я не понимаю, — озадаченно пробормотала она, — это не то, которое я читала.

Фабиан сел рядом с ней и терпеливо объяснил:

— В том стихотворении, которое читала ты, переставлены две строчки, правильно? У детей среды и четверга были те строчки, которые в этом варианте у детей пятницы и субботы, и наоборот. Так вот, первоначально это было старинное девонширское стихотворение, и никто наверняка не знает, какая из версий правильная. Я разыскал его специально для тебя. Мне просто хотелось показать тебе, какая ты была глупенькая, основывая все свое отношение к жизни на нескольких стихах, которые можно прочитать в любой последовательности, не говоря уж о том, что они были написаны за несколько веков до того, как кому-то пришло в голову назвать тебя Средой.

Она обняла Фабиана и крепко прижалась к нему:

— Фабиан, дорогой! Не сердись на меня. Просто я так... так боюсь!

Джим Радд тоже был немного обеспокоен.

— О, я вполне уверен, что все будет в порядке, но мне бы хотелось подождать, немного лучше познакомиться с пациентом. И еще одно, Фаб: потребуется первоклассный акушер. Мне никогда и в голову не приходило делать это самому. Я смогу договориться, чтобы он молчал — насчет Среды и все такое. Но как только она попадет в приемный покой, то тут никаких гарантий уже быть не может. В ней слишком много всяких странностей — какая-нибудь медсестра обязательно заметит.

— Сделай все по высшему классу, — попросил товарища Фабиан. — Мне не хочется, чтобы моя жена оказалась в центре дешевой шумихи, если это возможно. Ну а если нет, то пора Среде учиться жить в реальном мире.

Период беременности проходил достаточно хорошо, никаких осложнений, помимо обычных, почти не было. Специалист-акушер, которого нашел Джим Радд, был так же заинтригован странностями Среды, как и все остальные, но он сказал им, что беременность протекает своим чередом и плод, по-видимому, развивается удовлетворительно.

Среда снова стала веселой и жизнерадостной. Если не принимать во внимание ее маленькие страхи, рассуждал Фабиан, она оказалась на удивление хорошей и расторопной женой. Хотя Среда и не блистала на вечеринках, где они встречались с другими супружескими парами из «СЛОТЕР, СТАРК и СЛИНГСБИ», но и ни разу не совершила какого-нибудь заметного опрометчивого шага. Фабиан достаточно привязался к ней, поскольку она безоговорочно подчинялась ему во всех мелочах и ему совершенно не на что было жаловаться.

Днем Фабиан был в офисе, вникая в сухие мелкие детали делопроизводства и кадровых вопросов, причем справлялся со своими обязанностями куда лучше, чем ранее. А вечера и выходные проводил с человеком, которого имел все основания считать самой необыкновенной женщиной на Земле. Он испытывал огромное удовлетворение.

Незадолго до родов Среда умоляла разрешить ей только один раз съездить к доктору Лорингтону. Фабиану пришлось отказать — хоть и с сожалением, но твердо.

— Среда, дело не в том, что он даже не прислал нам поздравительной телеграммы или подарка на свадьбу. На самом деле мне это безразлично. Я не тот человек, который держит зло. Но ты сейчас в хорошей форме. Ты преодолела большинство своих глупых страхов. А Лорингтон возьмет да и опять их оживит.

И она по-прежнему делала то, что он говорил. Без споров, без жалоб. Она и правда была хорошей женой. Фабиан с нетерпением ждал появления ребенка.

Однажды ему позвонили в офис из больницы. У Среды начались схватки прямо на приеме у акушера. Ее срочно доставили в больницу, и вскоре после этого она родила девочку. И мать, и ребенок чувствовали себя хорошо.

Фабиан открыл коробку сигар, которую берег специально для подобного случая. Он угостил ими коллег и получил поздравления от всех, вплоть до мистера Слотера, мистера Старка и обоих мистеров Слингсби. После этого он поехал в больницу.

Фабиан вошел в родильный корпус и сразу же почувствовал что-то неладное. Люди как-то странно смотрели на него, а потом быстро отводили глаза. Он слышал, как медсестра сказала у него за спиной: «Это, наверно, отец». У него пересохли губы.

Мистера Балика отвели к жене. Среда лежала на боку, поджав ноги к животу. Она тяжело дышала и, кажется, была без сознания. Что-то в ее позе заставило его ощутить ост्रое неудобство, однако он никак не мог понять, что же именно.

— Я думал, роды должны были быть естественными, — сказал Фабиан. — Она говорила мне, что вы не собираетесь применять анестезию.

— Мы не применяли анестезию, — ответил ему акушер. — Теперь давайте пройдем к вашему ребенку, мистер Балик.

Молодому отцу повязали на лицо маску и провели его в стеклянную комнату, где новорожденные младенцы лежали в крохотных кроватках. Он двигался медленно, неохотно, в голове разрасталась пронзительная мелодия непостижимого бедствия.

Медсестра вытащила ребенка из кроватки, которая стояла в углу, в стороне от других. Когда Фабиан подошел поближе, то почувствовал огромное облегчение, увидев, что ребенок выглядит абсолютно нормально. Никаких видимых отклонений не было. Дочь Среды не будет уродом.

Вдруг младенец протянул к нему руки.

— О, Фабиан, дорогой мой, — прошепелявил он беззубыми деснами и таким ужасно знакомым голосом. — О, Фабиан, дорогой, случилась самая странная, самая невероятная вещь!

ПРОБЛЕМА СЛУТ

Это был день полного контроля...

Гаромма, Слуга Всех, Чернорабочий Мира, Служка Цивилизации, приложил слегка надушенные пальцы к лицу, закрыл глаза и позволил себе понежиться в лучах абсолютной власти, полной власти, такой власти, о какой ни один человек даже не смел мечтать до сего дня.

Полный контроль. Полный.

За одним исключением. За исключением одного-единственного амбициозного отщепенца. Одного очень полезного человека. Вопрос заключался в том, следует ли отщепенца задушить сегодня днем за его письменным столом или позволить ему приносить пользу — под самым пристальным наблюдением — еще несколько дней, еще несколько недель? Его предательство, его заговоры, безусловно, уже созрели. Что ж, Гаромма примет решение позже. На досуге.

А пока, что касалось всего прочего и любого другого человека, — все было под контролем. Под контролем находились не только мозги людей, но также и их железы. Их самих и их детей.

А кроме того, если расчеты Моддо верны, и детей их детей.

— Да, — пробормотал Гаромма, вдруг вспомнив отрывок устного текста, которому много лет назад его научил отец-крестьянин, — да, до седьмого колена.

Интересно, подумал он, из какой древней книги, погибшей в давнишнем костре, взят этот текст? Отец не мог бы сказать ему об этом, так же, как и никто из друзей или соседей отца; все они были ликвидированы после крестьянского восстания в Шестом районе тридцать лет назад.

Подобное восстание, вероятно, больше уже никогда не сможет произойти. Во всяком случае, не при полном контроле.

Кто-то осторожно дотронулся до его колена, и Гаромма прекратил бесцельные размышления.

Моддо. Слуга Образования, сидевший чуть ниже в глубине автомобиля, подобострастным жестом показал на прозрачный ракетонепробиваемый купол, укрывавший до пояса его вождя.

— Народ, — произнес он, по обыкновению заикаясь. — Там. Снаружи.

Да. Они выезжали из Лачуги Служения собственно в город. По обеим сторонам улицы насколько хватал глаз стояли волнующиеся толпы, черные и плотные, как копошащиеся муравьи на теле земляного червя. Гаромма, Слуга Всех, не мог быть слишком явно занят собственными мыслями — вот-вот его увидят те, кому он столь преданно служит.

Он скрестил руки на груди и поклонился направо и налево под маленьким сводом, возвышавшимся, словно башня, из берлоги черного автомобиля. Поклониться направо, поклониться налево, очень скромно. Направо, налево, и — скромно, скромно. Не забывай, ты — Слуга Всех.

Волнение нарастало, и он краем глаза взглянул на Моддо, одобрительно кивавшего внизу. Добрый старый Моддо. Это день и его триумфа. Установление полного контроля было целиком и полностью достижением Слуги Образования. И тем не менее Моддо в полной безвестности сидел позади шофера вместе с личными телохранителями Гароммы; сидел и вкушал сладость триумфа лишь языком своего вождя — как, впрочем, делал уже на протяжении более двадцати пяти лет.

К счастью для Моддо, такой сладости было ему достаточно. Хотя, к сожалению, нашлись и другие, — по крайней мере еще один, которому хотелось большего...

Гаромма кланялся направо и налево и, кланяясь, с любопытством смотрел поверх мотоцилистов-полицейских, плотным кольцом окружавших его машину. Он смотрел на народ

Столицы, его народ, поскольку все и каждый на Земле принадлежали ему. Толкая друг друга, стоявшие на тротуарах люди широко раскидывали руки, когда черный автомобиль проезжал мимо.

— Служи нам, Гаромма! — вопили они. — Служи нам! Служи нам!

Он смотрел на их искаженные лица, на пену, которая у многих появлялась в углах ртов, на полузакрытые глаза и гримасы экстаза, на качающихся мужчин, корчащихся женщин, повалившихся на землю в припадке невыразимого блаженства... И кланялся. Скрестив руки на груди, он кланялся. Направо, потом налево. Скромно.

На прошлой неделе, когда Моддо просил его указаний по Церемониальным и протокольным вопросам в связи с сегодняшним торжеством, Слуга Образования вскользь заметил, что ожидается необычно высокий уровень массовой истерии при лицезрении вождя. И Гаромма наконец вслух задал вопрос, который его давно интересовал:

— Моддо, а что происходит у них в голове, когда они меня видят? Я понимаю: они преклоняются, пьянеют и все такое. Но как именно вы, ребята, называете это чувство, когда говорите о нем в лабораториях или там в своем Образовательном Центре?

Высокий мужчина провел ладонью по лбу. Этот жест был так хорошо знаком Гаромме.

— Они испытывают выстреливающее освобождение, — медленно проговорил он, глядя поверх плеча Гароммы, как будто считывал ответ с электронной карты мира за спиной у вождя. — Все напряжение, которое накапливается у этих людей в результате каждодневного соблюдения мелких запретов и постоянного принуждения, вся неприязнь к инструкциям и указаниям организовано Службой образования таким образом, что чувства высвобождаются взрывообразно в тот момент, когда они видят ваше изображение или слышат ваш голос.

— Выстреливающее освобождение... Гм-м! Никогда не думал об этом в таком аспекте.

Моддо поднял руку в знак непреклонной искренности:

— В конце концов, вы — тот единственный человек, чья жизнь, как предполагается, проходит в нижайшей покорности, превосходящей все, что они только могут вообразить. Человек, который держит перепутанные нити управления

миром в своих терпеливых, чутких пальцах; самый добросовестный и больше всех работающий наемный служащий; козел отпущения народных масс!

Гаромма усмехнулся, слушая ученые разглагольствования Моддо. Однако сейчас, разглядывая свой орущий народ из-под прикрытых век, он решил, что Слуга Образования был совершенно прав.

Разве не написано на Большой печати Мирового государства: «Все люди должны кому-то служить, но только Гаромма — Слуга Всех»?

Они верили, и верили непоколебимо, что без него океан прорвет плотины и затопит землю, тела людей поразят инфекции и начнутся эпидемии, которые могут уничтожить целые районы, выйдут из строя коммунальные службы, и города за неделю погибнут от жажды, местные чиновники станут угнетать народ и развязнут безумные смертоубийственные войны друг с другом. Если не будет его, не будет Гароммы, который трудится денно и нощно, дабы все работало согласованно и титанические силы природы и цивилизации находились под контролем. Люди знали это, потому что всякий раз, когда «Гаромма уставал от служения», что-нибудь обязательно случалось.

Что значил безрадостный фарс их жизни по сравнению с неумолимо скучным, — но, ах, столь необходимым! — его непосильным трудом? Тут, в этом хрупком, серьезном мужчине, скромно раскланивающемя направо и налево, направо и налево, была не только божественность, позволявшая Человеку спокойно существовать на Земле, но также и кристаллизация всего подспудного, что неизменно создавало у эксплуатируемых ощущение, будто все могло бы быть еще хуже, и по сравнению с подонками общества они, несмотря на все свои страдания, настоящие короли да монархи.

Неудивительно, что толпа неистово протягивала руки к нему, Слуге Всех, Чернорабочему Мира, Служке Цивилизации, выкрикивая свое торжественное требование и одновременно отчаянную мольбу: «Служи нам, Гаромма! Служи нам, служи нам, служи нам!»

Разве те смиренные овцы, которых он мальчишкой пас на северо-западной окраине Шестого района, разве эти овцы тоже не чувствовали, что он был их слугой, когда гнал их и приводил на лучшие пастбища и к холодным ручьям, когда

он защищал отару от врагов и выковыривал камушки из копыт — и все это ради того, чтобы вкуснее была их дымящаяся плоть на столе его отца? А ведь эти гораздо более полезные стада двуногих, смышеных баранов одомашнены ничуть не хуже. И основополагающим принципом для них было то, что правительство является слугой народа, а высшая правительственная власть — самый преданный слуга.

Его овцы. Он по-отечески, по-хозяйски улыбался им, проезжая в специальном автомобиле по ревущей, затопленной лицами улице от Лачуги Служения к Образовательному Центру. Его овцы. И те полицейские на мотоциклах, и те пешие полицейские, которые, взявшись за руки, по всему пути сдерживают рвущуюся толпу, — это его овчарки. Другая порода домашних животных.

Он и сам был таким же тридцать три года назад, когда приехал на Остров, только что закончив сельскую школу Службы Безопасности, и начал работать полицейским в Столице. Неуклюжая, чересчур усердная овчарка. Одна из самых незначительных овчарок Слуги Всех предыдущего режима.

Но через три года ему представился шанс — когда вспыхнул крестьянский бунт в его родном районе. Хорошо зная внутреннюю ситуацию, а также истинных вожаков, он смог сыграть важную роль в подавлении восстания. А после этого, получив новую и важную должность в Службе Безопасности, встретился с многообещающими молодыми людьми из других служб, в частности с Моддо, первым и самым полезным человеком, которого он сам приучил.

Имея в своем распоряжении превосходный административный ум Моддо, Гаромма стал настоящим экспертом в благородном искусстве политического перерезания горла, и когда его начальник попытался занять самый высокий кабинет в мире, Гаромме представился великолепный случай продать его и стать новым Слугой Безопасности. С этого момента, вместе с Моддо, дымящим в его кильватере и разрабатывающим стратегические тонкости, он всего через несколько лет на пепелище старого правительства смог отпраздновать собственное благополучное перемещение в Лачугу Служения.

Однако урок, который он преподал обитателям этого искощенного взрывами и изрешеченного пулями здания, сам Гаромма уже никогда не забывал. Он не мог знать, сколько Слуг Безопасности до него использовали свою должность,

чтобы добраться до громадного деревянного табурета Слуги Всех — все книги по истории, как и другие книги, тщательно переписывались в начале каждого нового правления. А Предание, которое обычно было надежной путеводной нитью в прошлое, если уметь правильно просеивать факты, на этот счет ничего не сообщало. Тем не менее очевидно, что сделанное им мог совершить и другой, что Слуга Безопасности был логичным, естественным наследником Слуги Всех.

И беда заключалась в том, что с этой угрозой ничего нельзя было поделать, кроме как держаться настороже.

Гаромма помнил, как отец оторвал его от детских игр и отвел на холмы присматривать за овцами. Как он ненавидел этот одинокий, изнурительный труд! Старик понял это и однажды, несколько смягчившись, попытался что-то объяснить:

— Видишь ли, сынок, овцы называются домашними животными. Собаки тоже. Мы можем одомашнить овец и приручить собак для охраны овец, но нам еще нужен смышленный, недремлющий пастух, который знает, что делать, когда случается что-нибудь совершенно необычное. Так вот, для этого нам необходим человек.

— Ха, пап, — сказал он, раздраженно пнув огромный пастуший посох, который ему дали, — почему вы тогда — как ты выразился — не одомашнили человека?

Отец усмехнулся и уставился тяжелым взглядом на лохматые очертания холмов.

— Ну, есть люди, которые пытаются это сделать, и у них получается все лучше и лучше. Плохо только, что когда его одомашнишь, то как пастух он уже никуда не годится. Он перестает быть умным и энергичным, когда его приручают. Он становится недостаточно заинтересованным и совершен-но бесполезным.

Эта задача не имеет решения, размышлял Гаромма. Слуга Безопасности в силу самой природы его обязанностей не мог быть домашним животным.

Он пытался ставить овчарок во главе Безопасности; раз за разом он пытался их использовать. Но они никогда не спрашивались, и ему приходилось заменять их людьми. А люди, — проработав на этом посту год, три или пять лет, — рано или поздно начинали тянуться к верховной власти, и, к несчастью, их приходилось уничтожать.

Так же, как вот-вот надо будет уничтожить нынешнего Слугу Безопасности. Одно плохо — этот человек был так чертовски полезен! Приходилось исключительно точно расчитывать время, чтобы незаурядный, одаренный творческим воображением индивид, идеально соответствующий своей должности, прослужил как можно дольше, прежде чем опасность перевесит ценность. И тем не менее, если это был подходящий человек, опасность существовала с самого начала, и приходилось внимательно, неотрывно следить за чашей весов...

Гаромма вздохнул. Эта проблема была, в сущности, единственным раздражающим фактором в мире, приносящем ему удовольствие. Но и одна-единственная, она не оставляла его ни на секунду, даже во сне. Прошлая ночь была просто ужасна.

Моддо снова тронул Гаромму за колено, напоминая, что на него смотрят. Он встряхнулся и благодарно улыбнулся. Следует помнить: сны — это всего лишь сны.

Толпы народа остались позади. Медленно отворились огромные чугунные ворота Образовательного Центра, и автомобиль вкатился внутрь. Полицейские-мотоциклисты, красиво разъехавшись в стороны, соскочили со своих двухколесных машин, и вперед выступили вооруженные охранники Службы Образования в жестких белых туниках.

Как только Гаромма, которому суетливо помогал Моддо, выбрался из автомобиля, оркестр и хор Центра дружно грянули волнующий до глубины души «Гимн Человечества»:

Гаромма работает день и ночь,
Гаромме некому помочь,
Гаромма живет в непрестанном труде,
Чтоб мы с тобой не оказались в беде...

Пропев пять строф, согласно требованиям протокола, хор перешел к исполнению «Песни Образования», и по ступеням здания сошел Помощник Слуги Образования, породистый молодой человек с красивой осанкой. Он безукоризненно правильно, хотя и несколько небрежно, выбросил вперед руку и произнес: «Служи нам, Гаромма». Затем отступил в сторону, и Гаромма с Моддо начали подниматься по ступеням, а молодой человек последовал за ними. Хормейстер держал песню на высокой, молитвенной ноте.

Они прошествовали под величественной аркой с надписью «Нужно учиться у Слуги Всех» и прошли по огромному

коридору колоссального здания. Серые отрепья, в которые были одеты Гаромма и Моддо, разевались на ходу. Вдоль стен стояли мелкие служащие и пели: «Служи нам, Гаромма! Служи нам! Служи нам! Служи нам!»

Не такой безумный пыл, как у уличной толпы, подумал Гаромма, но все же вполне удовлетворительные припадки. Он поклонился и украдкой взглянул на шагающего рядом Моддо. Гаромма с трудом сдержал улыбку. Слуга Образования, как всегда, выглядел нервным и неуверенным. Бедный Моддо! Он попросту не создан для столь высокого положения и похож на кого угодно, только не на самое важное официальное лицо.

И в этом одна из причин его непотопляемости. Моддо был достаточно умен, чтобы сознавать собственную неполноценность. Не будь Гароммы, он все еще сверял бы статистические отчеты в поисках любопытных отклонений в каком-нибудь захудалом отделе Службы Образования. Он знал, что у него недостаточно сил, чтобы выстоять в одиночку. Не был он и достаточно выдающейся личностью, чтобы вербовать сторонников. Поэтому Моддо, самому одинокому из всех Слуг Кабинета, можно было доверять безоговорочно.

Моддо робко тронул его за плечо; Гаромма вошел в большой зал, пышно украшенный в его честь, и взобрался на небольшое возвышение, покрытое золотой парчой. Он сел на грубый деревянный табурет наверху; секунду спустя Моддо уселся на стул, стоящий ступенькой ниже, а еще ниже сел Помощник Слуги Образования. Высшие чиновники Образовательного Центра, одетые в роскошные белые туники, медленно заполнили зал. Перед ними выстроились личные телохранители Гароммы.

Началась церемония. Церемония, посвященная полному контролю.

Первым выступил самый старый из чиновников Службы Образования, рассказавший соответствующие отрывки из Предания. Он поведал о том, как при каждом правительстве ежегодно, чуть ли еще не с доисторических времен демократии, во всем мире производилось психометрическое тестирование в последних классах начальной школы — определяли, насколько успешно идет политическое воспитание детей. Как каждый год подавляющее большинство воспитанников верило, что очередной правитель является движущей пружиной каждойодневной жизни и именно тем стержнем, на кото-

ром зиждется человеческое благополучие. Было и небольшое меньшинство — пять процентов, семь процентов, три процента, — те упорно сопротивлялись внушению; когда они взрослели, за ними приходилось внимательно следить, как за потенциальным источником недовольства.

Двадцать пять лет назад с приходом Гароммы и его Слуги Образования Моддо настала новая эра интенсивного массового воспитания, в основу которого были положены гораздо более амбициозные цели.

Старик умолк, поклонился и отступил назад. Помощник Слуги Образования встал и грациозно повернулся лицом к Гаромме. Он рассказал об этих новых целях, которые кратко можно охарактеризовать как «полный контроль», в отличие от предшествующих правительств, удовлетворявшихся 97%-ным или даже 95%-ным контролем. Он сообщил о новых экстенсивных механизмах запугивания и ускоренных психометрических проверках на местах, причем на более раннем этапе. Все эти методики были разработаны Моддо — «вдохновленным величими идеями Гароммы и под постоянным руководством Слуги Всех». Активная деятельность в течение нескольких лет привела к тому, что количество детей с независимым мышлением сократилось примерно до одного процента. Все же остальные славили Гаромму каждым своим дыханием.

Однако в дальнейшем прогресс несколько замедлился. Новой методикой воспитания удалось охватить большинство самых талантливых детей, но правители наткнулись на не поддающихся воздействию прирожденных уклонистов, психологически не приспособленных к окружающим условиям и не готовых принять господствующие мнения. И все же со временем техника воспитания была усовершенствована настолько, что даже уклонисты смогли слиться со всем обществом в поклонении Гаромме, и на протяжении последних лет тестирование показывало: негативное отношение к господствующей догматике сокращалось, стремясь к нулю: 0,016%, 0,007%, 0,002%...

И наконец, этот год.

Помощник Слуги Образования сделал паузу и глубоко вздохнул. Пять недель назад состоялся выпуск молодежи из начальных школ Единой Образовательной системы Земли. В день выпуска провели обычное планетарное тестирование. Сейчас детальные проверки закончились, и завершено

сопоставление результатов. Негативное отношение равно нулю до последнего десятичного знака! Контроль стал полным.

Послышались незапланированные аплодисменты, аплодисменты, к которым присоединился даже Гаромма. Потом он подался вперед и отеческим жестом положил руку на голову Моддо. При виде столь редкостного знака уважения к своему непосредственному начальнику присутствующие в зале чиновники возликовали.

Воспользовавшись поднявшимся шумом, Гаромма спросил Моддо:

— А что обо всем этом известно населению в целом? Что именно вы сообщаете людям?

Моддо повернул нервное, с большим подбородком лицо:

— В сущности, только то, что это какой-то праздник. Мол, в целях дальнейшего благоденствия и процветания народа вы достигли полного контроля над человеческой окружающей средой. Неважно. Главное, они понимают: происходит нечто такое, что вам нравится, и надо радоваться вместе с вами.

— Своему же рабству. Недурно! — Несколько долгих секунд Гаромма наслаждался восхитительным вкусом неограниченной власти. Вдруг этот вкус показался ему кислым, и он вспомнил. — Моддо, сегодня днем я хочу решить вопрос Слуги Безопасности. Мы обсудим это, как только вернемся.

Слуга Образования кивнул:

— У меня есть некоторые соображения. Вы знаете, дело не такое простое. Существует проблема преемника.

— Да. Эта проблема существует всегда. Что ж, может быть, еще через несколько лет, если мы сумеем сохранить сегодняшние показатели и распространить методику воспитания на неприспособленные элементы разных возрастных категорий населения, удастся вообще начать демонтаж системы Безопасности.

— Пожалуй. Впрочем, глубоко укоренившиеся тенденции переориентировать значительно труднее. И неизменно нужна система Безопасности в высших эшелонах администрации. Но я приложу все силы, я сделаю все, что только возможно.

Гаромма кивнул и, удовлетворенный, выпрямился на табурете. Моддо всегда будет стараться изо всех сил. А на чисто обыденном уровне и этого вполне достаточно.

Слуга Всех небрежно поднял руку. Радостные возгласы и аплодисменты мгновенно смолкли. Вперед вышел следующий чиновник Образования, чтобы в подробностях описать методику тестирования. Церемония продолжалась.

Это был день полного контроля...

Моддо, Слуга Образования, Учитель Человечества, потер раскалывающийся от боли лоб длинными наманикюренными пальцами и позволил себе понежиться в лучах абсолютной власти, полной власти, такой власти, о какой ни один человек даже не смел мечтать до сего дня.

Полный контроль. Полный...

Оставалась только проблема преемника Слуги Безопасности. Гаромма потребует решения, как только они тронутся обратно в Лачугу Служения. Но никакого решения у него не было. Любой из двух Помощников Слуги Безопасности будет в состоянии превосходно справляться с работой, однако вопрос заключался не в этом.

Вопрос заключался в том, кто из этих двоих с наибольшей вероятностью станет поддерживать в Гаромме то высокое напряжение страхов, которые Моддо культивировал в нем на протяжении тридцати лет?

Именно таково, по мнению Моддо, было истинное назначение Слуги Безопасности: служить наипервейшим «мальчиком для битья» для разъедаемого страхами подсознания Слуги Всех — до того времени, пока душевые конфликты не вызовут кризиса. Затем, после ликвидации человека, вокруг которого Гаромма приучен свой страх концентрировать, его напряжение временно спадет.

Все это чем-то похоже на рыбную ловлю, подумал Моддо. Рыба заглатывает крючок, убивая Слугу Безопасности, а потом ты водишь ее, спокойно и уверенно, в течение нескольких лет, исподтишка роняя намеки о растущих амбициях преемника. Но при этом не хочется вытаскивать рыбу на берег. Хочется лишь постоянно держать ее на крючке и под полным контролем.

Слуга Образования украдкой улыбнулся. Он приучил себя так улыбаться с самого детства. Вытащить рыбу на берег? Это означало бы самому стать Слугой Всех. А какой разумный человек станет удовлетворять свою жажду власти столь идиотским способом?

Нет, брось кость коллегам, высшим должностным лицам в Лачуге Служения, которые вечно интригуют и плетут заговоры, заключают союзы и контрсоюзы: Слуге Промышленности, Слуге Сельского Хозяйства, Слуге Науки и остальным особо важным дуракам.

Быть Слугой Всех — значит быть мишенью заговоров, центром всеобщего внимания. Умный человек с неизбежностью должен прийти к выводу, что власть — неважно, как она завуалирована и замаскирована, — представляет собой единственную стоящую цель в жизни. А Слуга Всех — как бы он ни прятался под сотнями покровов скромности — есть не что иное, как воплощение власти.

Нет. Куда лучше, чтобы тебя принимали за нервного, неуверенного в себе, слабовольного человека, чьи колени дрожат под бременем совершенно непосильных обязанностей. Разве он не слышит их презрительные голоса у себя за спиной?

«...Административная игрушка Гароммы...»

«...Придурковатый духовный прислужник Гароммы...»

«...Не более чем скамейка для ног, весьма вездесущая скамейка, имейте в виду, но тем не менее лишь скамейка для ног, на которой покоится могучий каблук Гароммы...»

«...Несчастный, бесцветный, нервный слюнтяй...»

«...Стоит Гаромме чихнуть, как у Моддо начинается насморк...»

Однако находится на этом лакайском, презираемом месте — в действительности определять политику, создавать и крушить людей, быть de facto диктатором всей человеческой расы...

Он снова поднял руку и потер лоб. Головная боль усиливалась. А официальная часть празднования полного контроля продлится еще не меньше часа. Нужно как-нибудь украдкой выбраться минут на двадцать—тридцать к Целителю Лубу, но только чтобы не рассердить Гаромму. Со Слугой Всех в такие кризисные моменты надо обращаться с особой осторожностью. Страхи, которые в беднягу внедрялись, могут так его обуть, что Гаромма самостоятельно примет какое-нибудь безумное решение. А такой возможности, как бы фантастически призрачна она ни была, нельзя оставлять ни единого шанса. Слишком опасно.

Несколько секунд Моддо слушал, как молодой человек, стоящий перед ними, болтает о методах и средствах, об

асимметричных графиках и коэффициентах корреляции, выпаливает пустопорожний жаргон, прикрывающий гениальность психологической революции, которую он, Моддо, осуществил. Да, им придется пробыть здесь еще не меньше часа.

Тридцать пять лет назад, когда он писал диссертацию в Центральной аспирантуре Службы Образования, Моддо наткнулся на настоящий золотой самородок среди гор шлака статистики по многовековому массовому воспитанию: на концепцию индивидуального подхода.

Долгое время ему казалось, что эту концепцию невероятно трудно применить на практике: когда все, чему тебя учили, направлено на эффективное манипулирование склонностями миллионов людей, то учитывать чувства и предпочтения одного человека так же трудно, как удержать в руках только что пойманного, скользкого и отчаянно бьющегося угря.

Но когда его диссертация была закончена и защищена, — диссертация, предлагавшая методики для достижения полного контроля, которую предыдущая администрация положила на полку и забыла, — он еще раз вернулся к проблеме индивидуального воспитания.

На протяжении нескольких последующих лет, выполняя нудную работу в Бюро прикладной статистики Службы Образования, Моддо посвятил всего себя задаче вычленения индивидуума из группы, сведения большого к малому.

Стало очевидно одно. Чем моложе твой материал, тем легче задача, — точно так же, как в массовом воспитании. Однако если начинать работать с ребенком, то пройдут годы, прежде чем он станет эффективно действовать в твоих интересах. Кроме того, в случае с ребенком ты наталкивался на постоянное противодействие политического воспитания, которое интенсивно велось в начальной школе.

На самом деле требовался молодой человек, который уже занимал бы определенную должность в правительстве, но который по тем или иным причинам обладал большим нереализованным — и незаданным — потенциалом. Желательно также, чтобы это была личность, чьей психике присущи такие страхи и желания, которые могли бы послужить рычагами управления.

Моддо стал работать ночами, просматривая архивы своего бюро в поисках такого человека. Он отыскал двух или

троих, показавшихся ему вполне подходящими. Тот великолепный парень из Службы Транспорта, вспомнил он, какое-то время казался ужасно интересным. Потом ему попались документы Гароммы.

И Гаромма оказался идеальным. С самого начала. Он был управляемым, он был привлекательным, он был умным; и самое главное, он был очень восприимчивым.

— Я мог бы ужасно много узнать от тебя, — застенчиво сказал он Моддо во время их первой встречи. — Это такое огромное, такое непонятное место — Столичный Остров. Так много суеты кругом. Я просто теряюсь!.. А ты здесь родился. Ты, наверно, знаешь, как тут обойти все болота, ямы и змеиные гнезда.

В результате отвратительной работы Комиссара Воспитания Шестого района на родине Гароммы развелось поразительное количество квазинезависимых умов на всех уровнях интеллектуального развития. Большинство из них склонялось к идее революции, особенно после десятилетия неурожаев и чрезмерного налогообложения. Но Гаромма был честолюбив; он порвал со своим крестьянским прошлым и поступил в Службу Безопасности.

Когда в Шестом районе вспыхнул крестьянский бунт, то услуги, оказанные Гароммой, были вознаграждены очень значительным продвижением по служебной лестнице. Но гораздо важнее было то, что с него сняли наблюдение и освободили от дополнительного воспитательного курса для взрослых, который был бы обязан пройти человек с такими подозрительными семейными связями.

После того как Моддо сумел подстроить знакомство и подружиться с Гароммой, он получил в свое распоряжение не только восходящую звезду, но и необыкновенно гибкую личность.

Личность, на которой он мог сделать отиск своей собственной души.

Во-первых, этому способствовало одно восхитительное обстоятельство: Гаромма испытывал чувство вины из-за того, что ослушался отца, покинул ферму и впоследствии стал доносчиком на свою семью и на соседей. Эту вину, переросшую в страх, а поэтому и в ненависть ко всему, что ассоциировалось с ее первоначальными объектами, было легко перенаправить на личность его начальника, Слугу Безопасности, сделав из того новый образ отца.

Позже, когда Гаромма уже стал Слугой Всех, он все еще сохранял — при неустанной помощи Моддо — то же чувство вины и тот же непреходящий страх наказания по отношению к любому, кто возглавлял Службу Безопасности. Совершенно необходимое условие: Гаромма не должен понять, что его настоящий хозяин — высокий человек, сидевший от него по правую руку и выглядевший нервным и неуверенным...

Затем было образование. С самого начала Моддо понял, насколько важно подкармливать в Гаромме его мелочное крестьянское высокомерие, и намеренно всячески принижал себя перед ним. Он старался убедить своего друга в том, что всякие крамольные идеи, которых он теперь придерживался, были его собственным изобретением, и даже заставил его поверить, будто тот одомашнивал Моддо, — удивительно, до какой степени этот тип так никогда и не смог оторваться от крестьянского происхождения даже в своих метафорах! — хотя на самом деле все обстояло совершенно наоборот.

Теперь Моддо строил грандиозные планы на будущее, и ему вовсе не хотелось, чтобы они однажды рухнули из-за кумулятивного чувства неприязни, способного развиться по отношению к хозяину и учителю. Напротив, он хотел укрепить свои позиции чувством привязанности, которое человек испытывает к комнатной собачке, чья покорная зависимость, постоянно тешащая этого хозяина, создает гораздо более сильную контрзависимость, о которой владелец даже не подозревает.

А какой шок испытал Гаромма, когда начал осознавать, что Слуга Всех на самом деле является Всеобщим Диктатором!.. Моддо чуть было не расплылся в улыбке. Что ж, в конце концов, когда его родители много лет назад высказали эту мысль во время плавания по делам отца, бывшего мелким чиновником в Службе Рыболовства и Судоходства, разве не был он огорчен до такой степени, что его вырвало за борт? Терять религию трудно в любом возрасте, но чем становишься старше, тем труднее.

С другой стороны, в шесть лет Моддо лишился не только своей религии, но и родителей. Они говорили слишком много лишнего слишком многим людям, пребывая в ложном убеждении, что тогдашний Слуга Безопасности вечно будет на все смотреть сквозь пальцы.

Моддо потер виски костяшками пальцев. Головная боль все усиливалась. Совершенно необходимо по крайней мере пятнадцать минут — наверняка пятнадцати минут хватит — провести с Лубом. Целитель приведет его в порядок на весь оставшийся день, который, по всей видимости, обещает быть утомительным. И потом ему все равно надо на какое-то время сбежать от Гароммы, чтобы на свежую голову лично принять решение, кто станет следующим Слугой Безопасности.

Моддо, Слуга Образования, Учитель Человечества, воспользовался паузой между двумя выступающими и повернулся к Гаромме:

— Мне нужно закончить здесь несколько служебных дел, прежде чем мы поедем назад. Вы извините меня? На двадцать или двадцать пять минут.

Гаромма недовольно нахмурился:

— А дела не могут подождать? Это ведь не только мой день, но и твой тоже. Мне бы хотелось, чтобы ты был рядом со мной.

— Я знаю, Гаромма, и очень благодарен вам за это желание. Но, — и он просительно дотронулся до колена Слуги Всех, — это очень срочно. Одно из дел касается... косвенно касается Слуги Безопасности и поможет вам решить, хотите ли вы расстаться с ним именно сейчас.

Лицо Гароммы мгновенно утратило бесстрастность.

— В таком случае, конечно. Только постарайся вернуться до конца церемонии. Я хочу, чтобы мы уехали вместе.

Высокий мужчина кивнул и встал со стула, повернувшись лицом к своему вождю.

— Служи нам, Гаромма, — сказал он, вытянув вперед руки. — Служи нам, служи нам, служи нам. — Он задом вышел из зала, не отрывая взгляда от Слуги Всех.

Выйдя в коридор, Моддо быстро проскользнул мимо отдавших честь охранников Образовательного Центра в свой персональный лифт и нажал на кнопку третьего этажа. И только после этого, когда дверь кабинки уже закрылась, позволил себе единственную осторожную улыбку.

А как трудно было вбить в твердолобую голову Гароммы основную концепцию: фундаментальный принцип современного научного правления — править ненавязчиво и незаметно, использовать иллюзию свободы как своего рода смазку,

чтобы надеть невидимые оковы, — и прежде всего править во имя чего угодно, но только не власти!

Гаромма сам однажды сформулировал этот принцип, по обыкновению неуклюже, когда, вскоре после их великого переворота, они вместе — оба все еще чувствовали себя неуютно в лохмотьях величия — наблюдали за строительством нового здания Лачуги Служения, которое возводили на пепелище старого, простоявшего более полувека. Огромная, красочная вращающаяся надпись на верху недостроенного здания возвещала населению, что «**ОТСЮДА БУДУТ ВНИМАТЕЛЬНО ЗАБОТЬСЯ ОБО ВСЕХ ВАШИХ НУЖДАХ И ЖЕЛАНИЯХ, ОТСЮДА ВАМ БУДУТ СЛУЖИТЬ БОЛЕЕ УМЕЛО И ПРИЯТНО, ЧЕМ КОГДА-ЛИБО РАНЬШЕ**». Эту надпись транслировали по всем видеоприемникам мира — в домах и на фабриках, в офисах, школах, на стихийных общественных собраниях — каждый час круглые сутки.

— Это как говаривал мой отец, — наконец сказал он Моддо с какой-то особенной, грубоватой усмешкой, которая всегда обозначала, что он считал мысль совершенно оригинальной. — Толковый торговец, если будет говорить достаточно долго и горячо, может убедить человека, что самые колючие тернии нежнее роз. Все, что требуется, так это без конца называть их розами, а, Моддо?

Моддо медленно кивнул, делая вид, что поражен великолепием анализа, и несколько секунд молчал. Потом, как всегда, словно исследуя разнообразные скрытые возможности идей Гароммы, он дал новому Слуге Всех следующий урок.

Он подчеркнул необходимость избегать внешних проявлений пышности и роскоши, о чем недавно погибшие чиновники предыдущего правительства стали забывать в последние годы перед своим падением. Он особо подчеркнул, что слуги человечества постоянно должны казаться всего лишь скромными исполнителями воли огромного большинства. Поэтому всякий, кто хоть в чем-то осмелится поступать против желаний Гароммы, будет наказан, однако не за неподчинение правительству, а за действия, направленные против подавляющего большинства.

А еще он предложил одно нововведение, давно занимавшее его мысли: время от времени устраивать катастрофы в тех областях, которые на протяжении долгого времени были лояльными и покорными. Это будет лишь подчеркивать тот

факт, что Слуга Всех по сути дела очень человечен, что его обязанности колосальны и что он иногда устает.

Это усилит впечатление, что работа по координации распределения в мире благ и услуг стала чрезвычайно сложной и вот-вот окажется невыполнимой. Такое положение будет побуждать различные районы к спонтанным проявлениям безудержной лояльности и самодисциплины в надежде, по крайней мере, привлечь к себе максимум внимания со стороны Слуги Всех.

— Конечно, — согласился Гаромма, — именно это я и говорил. Главное, не дать им понять, что ты распоряжаешься их жизнями. Ты начинаешь читать мои мысли, Моддо.

Он начинает читать *его* мысли!.. Он, Моддо, который с самых юных лет изучал концепцию, возникшую много веков назад, когда человечество стало выбираться из примитивного хаоса самоуправления и единоличных решений, превращаясь в современный социально организованный мир... он начинает читать мысли!

Он изобразил благодарную улыбку. В то же время Моддо продолжал применять к самому Гаромме те методы, которые учил Гаромму использовать для управления людьми в целом. Минул год, потом еще один, а он, якобы поглощенный грандиозным проектом, предпринятым от лица Службы Образования, перепоручив его планирование и осуществление своим подчиненным, полностью сосредоточился на Гаромме.

И сегодня, когда Слуга Всех получил полный контроль над умами целого поколения людей, Моддо впервые наслаждался полным контролем над Гароммой. На протяжении последних пяти лет он пытался кристаллизовать свою власть в некую форму, которую было бы легче применять, нежели сложные механизмы потребностей и формулировочные модели.

Сегодня впервые многие изматывающие часы тончайших тайных тренировок начали давать превосходный результат. Знак рукой или стимул-прикосновение, на которые он привык отзываться мозг Гароммы, сегодня неизменно, каждый раз вызывали желаемые реакции!

Направляясь по коридору третьего этажа к скромному кабинету Луба, Моддо искал подходящую аналогию. Вот она: все равно что способность развернуть океанский лайнер легким поворотом штурвала. Штурвал приводит в действие рулевой двигатель, рулевой двигатель передвигает огромный

руль, а движение руля в итоге заставляет гигантский корабль изменить курс.

«Нет, — размышлял Слуга Образования, — оставим Гаромме мгновения славы и открытое поклонение, тайные дворцы и бесчисленных наложниц. Я буду довольствоваться одним прикосновением... и полным контролем».

Приемная кабинета Луба была пуста. Моддо секунду постоял там и с нетерпением крикнул:

— Луб! Почему здесь никого нет? Я тороплюсь!

Толстый маленький человечек с маленькой острой бородкой суетливо выбежал из соседней комнаты.

— Моя секретарша... Сотрудникам пришлось спуститься вниз, когда приехал Слуга Всех... Она еще не вернулась. Но я был предусмотрителен, — продолжал он, переводя дыхание. — Я отменил все встречи с другими пациентами на то время, пока вы в Центре. Пожалуйста, заходите.

Моддо вытянулся на кушетке в кабинете Целителя.

— У меня только примерно... примерно пятнадцать минут. Мне нужно принять очень важное решение, а тут такая головная боль, что... что мозги раскалываются.

Пальцы Луба обхватили шею Моддо и начали спокойно и мягко массировать его затылок.

— Я сделаю все, что смогу. Теперь постарайтесь расслабиться. Расслабьтесь. Так, хорошо. Расслабьтесь. Сейчас лучше?

— Гораздо, — Моддо вздохнул. Нужно найти какой-нибудь способ перевести Луба в свое окружение, чтобы он его сопровождал, когда приходится куда-нибудь выезжать с Гароммой. Бесценный человек! Было бы чудесно всегда иметь его под рукой. Следует навести Гаромму на эту мысль. Впрочем, теперь это можно сделать достаточно просто.

— Ты не возражаешь, если я просто поговорю? — спросил он. — Мне что-то не очень хочется... не очень хочется свободных ассоциаций.

Луб сел в массивное кожаное кресло за письменным столом.

— Делайте то, что вам хочется. Если угодно, расскажите, что вас сейчас беспокоит.

Моддо начал говорить.

Это был день полного контроля...

Луб, Целитель Мозга, Ассистент Третьего Помощника Слуги Образования, запустил пальцы в маленькую треугольную

бородку, которая служила отличительным знаком его профессии, и позволил себе понежиться в лучах абсолютной власти, полной власти, такой власти, о какой ни один человек даже не смел мечтать до сего дня.

Полный контроль. Полный...

Было бы исключительно приятно напрямую заняться делом Слуги Безопасности, но такого рода удовольствия придут со временем. Его техники в Бюро лечебных исследований уже почти решили поставленную задачу. А пока остаются месть и наслаждение неограниченной властью.

Он слушал Моддо, говорившего о своих затруднениях в тщательно завуалированной манере, не упоминая подробностей, и жирной рукой прикрывал усмешку. Этот человек и впрямь был убежден, будто после семи лет близкого терапевтического контакта способен скрывать от врача такие детали!

Ну разумеется. Луб потратил два года на полное переструктурирование его психики на основе этого убеждения и лишь потом перешел к полномасштабному переносу. Пока эмоции, которые Моддо в детстве испытывал к своим родителям, дублировались по отношению к Целителю, Луб начал проникать в теперь уже ничего не подозревающий мозг.

Сначала он не поверил тому, о чем говорили факты. Затем, по мере того как он лучше узнавал своего пациента, Луб всему поверил, и у Целителя аж дыхание перехватило от свалившейся на него необыкновенной удачи.

Более двадцати пяти лет Гаромма в качестве Слуги Всех правил человеческой расой, но даже еще дольше Моддо как своего рода почетный личный секретарь контролировал Гаромму во всех важных делах.

Таким образом, в течение последних пяти лет он, Луб — психотерапевт и обязательный костыль для неуверенного в себе, сломленного эго — направлял действия Моддо и, следовательно, правил миром безоговорочно, не имея соперников — и совершенно анонимно.

Человек, стоящий за спиной человека, стоящего позади трона. Что может быть безопаснее?

Да, несравненно лучше быть тем, кто опекает опекуна, особенно если опекун считается самой незначительной личностью среди всего чиновничества Лачуги Служения.

А потом, в один прекрасный день, когда техники найдут ответ, который ему требуется, он сможет отделаться от Слуги Образования и с помощью нового метода контролировать Гаромму напрямую.

Луб с интересом слушал, как Моддо обсуждает вопрос о Слуге Безопасности, делая вид, что говорит о гипотетическом сотруднике своего отдела, которого вскоре заменят. Проблема заключалась в том, кому из двух исключительно способных подчиненных следует поручить работу.

Луб спрашивал себя, понимают ли его пациенты, насколько прозрачны их иносказания. Нет, почти никогда не понимают. Перед ним был человек, чей расстроенный мозг находился под таким сильным воздействием, что сохранять душевное здоровье мог лишь при двух условиях: удовлетворяя неодолимую потребность консультироваться с Лубом по всякому мало-мальски затруднительному вопросу и веря, что во время этих консультаций он мог не раскрывать реальных сведений о ситуации.

Когда сбивчивый, беспокойный голос на койке умолк, Луб принялся за работу. Мягко, спокойно и почти монотонно он повторил то, что сказал Моддо. На первый взгляд он просто воспроизводил размышления пациента в более последовательном виде. На самом же деле он переформулировал их таким образом, учитывая свои собственные проблемы и предпочтения, что у Слуги Образования не оставалось выбора. Он должен был выбрать более молодого из двух кандидатов, того, который, судя по его служебному списку, был менее недоброжелателен к Гильдии Целителей.

Не то чтобы это имело большое значение. Важно было доказать наличие полного контроля. С той же целью Луб заставил Моддо убедить Гаромму в необходимости избавиться от Слуги Безопасности в такой период, когда Слуга Всех не переживал никакого душевного кризиса. Когда, напротив, его эйфория достигла высшей точки.

Но было в этом, надо признать, и дополнительное удовольствие: уничтожить наконец человека, который много лет назад, занимая должность Начальника Безопасности Сорок седьмого района, нес ответственность за казнь единственного брата Луба. Достижение двойной цели было так же лакомо, как двухслойные пирожные, которым и славилась родина Целителя. На него накатили воспоминания, и он вздохнул.

Моддо сел на кушетке, оперся о ее края своими большими руками и потянулся.

— Ты не поверишь, Луб, как мне помог этот короткий сеанс! Головная боль прошла. Мысли прояснились. Стоит только поговорить о чем-нибудь, и все сразу становится на свои места. Теперь я точно знаю, что мне следует делать.

— Вот и хорошо, — медленно произнес Целитель Луб безразличным тоном.

— Завтра я постараюсь вырваться на полный час. Я тут думал о том, чтобы перевести тебя непосредственно к себе. Тогда ты сможешь... ты сможешь снимать эти приступы сразу, как они появляются. Хотя окончательно я еще не решил.

Луб пожал плечами и проводил пациента до двери.

— Решать только вам самому.

Он смотрел, как высокий неуклюжий человек идет по коридору к лифту. «Хотя окончательно я еще не решил». И не решит, — пока этого не сделает Луб. Луб внедрил ему в мозг эту мысль полгода назад, однако пока удерживал своего пациента. Он не был уверен, что сейчас стоит настолько приближаться к Слуге Всех. И, кроме того, Бюро лечебных исследований работало над маленьким восхитительным проектом, которому он хотел ежедневно уделять максимум внимания.

Вернулась его секретарша и сразу же уселась за пишущую машинку. Луб решил спуститься вниз и проверить, что сделали за сегодняшний день. Из-за участия в торжествах по поводу приезда Слуги Всех ход исследовательской работы, несомненно, был существенно нарушен. Тем не менее решение может появиться в любой момент. Ему нравилось следить за исследованиями, отыскивая в них что-нибудь потенциально плодотворное: поразительно, до какой степени технологии лищены всякого воображения!

По пути на первый этаж Луб прикидывал, осознавал ли Моддо в тайных глубинах своей души, насколько он попал в зависимость от Целителя, до какой степени нуждался в нем. Этот человек был настоящим сгустком беспокойства и неуверенности. Конечно, тому способствовала потеря родителей в раннем детстве, однако большая часть его комплексов существовала уже тогда. Моддо никогда даже отдаленно не подозревал, что так рвется сделать Гаромму подставным лидером лишь из-за собственного страха принять какую бы то

ни было личную ответственность. Что та мнимая личность, которую он, гордясь собой, демонстрировал миру, и была на самом деле его истинной личностью. Да, Моддо научился использовать свои страхи и робость себе во благо — но только до определенной степени. Семь лет назад, когда он впервые пришел к Целителю («краткий сеанс психотерапии, поскольку у меня возникли незначительные проблемы»), Моддо был на грани полного распада. Луб временно восстановил его рассыпающуюся психическую структуру, придая ей немного другие функции. Функции, нужные Лубу.

Он подумал, а смогли бы древние сделать что-нибудь кардинальное с Моддо? Древние, по крайней мере, если верить Преданию, непосредственно перед началом современной эры достигли такого развития психотерапии, что творили чудеса с изменением и личностной реорганизацией индивидуума.

Но с какой целью? Не предпринималось никаких серьезных попыток использовать этот метод по его самоочевидному назначению — с целью достижения власти. Луб покачал головой. Эти древние были невероятно наивны! И столько их полезных знаний утеряно!.. В Предании Гильдии Целителей лишь упоминалось о такой концепции, как «сверх-я», а ее содержание никак не объяснялось. Эти знания могли бы очень пригодиться сегодня, если правильно их использовать.

С другой стороны, разве члены современной Гильдии Целителей по ту сторону широкого моря были менее наивными, включая его отца и дядю, который сейчас стоял во главе Гильдии? С того самого дня как он сдал последний вступительный экзамен в Гильдию и начал растить треугольную бородку мастера, Лоб понимал, что амбиции его коллег до смешного ограничены. Здесь, в этом самом городе, где, по легенде, и возникла Гильдия Целителей Разума, любой ее член не желал от жизни ничего большего, чем использовать свои с огромным трудом полученные знания для того, чтобы получить власть над жизнью десяти—пятнадцати состоятельных пациентов. Луба смешили столь мелкие выгоды. Он видел очевидную цель, которую его коллеги не замечали годами. Чем большей властью обладал человек, которого ты подвергал личностному воздействию и заставлял полностью зависеть от тебя, тем большей властью пользовался ты как его целитель. Центр мировой власти находился на Столичном

Острове, на востоке, по ту сторону великого океана. Именно туда Луб хотел перебраться.

Однако это было нелегко. Существовали строгие традиционные правила, запрещавшие менять место жительства иначе как по служебным делам. Все наконец образовалось, как только его пациенткой стала жена Комиссара Связи Сорок седьмого района. Когда комиссара перевели в Столицу, назначив на должность Второго Помощника Слуги Связи, Луб отправился туда вместе с этой семьей; он теперь был незаменим. Через них он и получил незначительное место в Службе Образования. Работая там, а также практикуя на стороне, Луб сделался достаточно известной фигурой, чтобы обратить на себя августейшее внимание самого Слуги Образования.

В общем-то, он и не мечтал подняться так высоко. Но немного удачи, огромное мастерство и постоянная бдительность сделали свое дело. Через сорок пять минут после того, как Моддо впервые вытянулся у него на койке, Луб понял, что, несмотря на маленький рост, полноту и безвестность, ему предназначено править миром.

Единственный вопрос теперь — что делать с этим правлением? С неограниченным богатством и властью.

Что ж, во-первых, есть любимый исследовательский проект — скромный и неамбициозный. Зато очень интересный, и в случае успешного завершения он послужит главным образом для укрепления и усиления его, Луба, власти. Еще есть десятки маленьких удовольствий и вещей, теперь доступных ему, однако радость обладания ими неизменно улетучивалась. И наконец, есть знание.

Знание. Особенно запретное знание. Сейчас Луб мог безнаказанно наслаждаться им. Он мог бы объединить различные Предания в одно вразумительное целое и стать единственным человеком в мире, кому известно, что же на самом деле произошло в прошлом. Он уже обнаружил, использовав для этого несколько групп сотрудников, такие обрывки сведений, как настоящие названия разных мест; географические названия давным-давно затерялись в цифровой системе, которую изобрели для того, чтобы разрушить патриотические ассоциации, неприемлемые во всемирном государстве. Например, сам Луб родился в городе Австрия, славной столице гордой Венской Империи; теперь он называется Пятым городом Сорок седьмого района. А остров, где сейчас живет

Луб, был Гаванакуба — в прошлом, несомненно, великая независимая империя, установившая гегемонию над другими империями во времена бесконечных войн на заре новой истории.

Впрочем, это удовольствие весьма личного характера. Целитель сильно сомневался, что Гаромме, например, было бы интересно узнать, что он происходит не из Двадцатого сельскохозяйственного района Шестого округа, а из места, которое называлось Канада и было одной из сорока восьми республик, составлявших античные Северные Соединенные Штаты Америки. Но ему, Лубу, это интересно. Каждый дополнительный фрагмент знания давал дополнительную власть над другими и однажды мог как-нибудь пригодиться.

Подумать только, если бы Моддо обладал реальными знаниями о технике перемещения и личностного воздействия, которой обучают в высших ложах Гильдии Целителей Разума, то он мог бы сам править миром!.. Но нет. Судьба распорядилась, чтобы некий Гаромма был на самом деле не более чем созданием, вещью Моддо. Судьба распорядилась, что некий Моддо, наделенный особой силой, неизбежно должен был прийти к Лубу и попасть под его влияние. Неизбежным было и то, что именно Луб с его специализированными знаниями о возможностях воздействия на человеческий мозг сегодня, наверное, единственный независимый человек на Земле. Это тоже было очень приятно.

Он приосанился, весьма довольный собой, пригласил бородку и открыл дверь в Бюро лечебных исследований.

Навстречу ему быстрым шагом вышел начальник Бюро и поклонился.

— Сегодня ничего нового доложить не могу. — Он махнул рукой в сторону маленьких кабинок, в которых сидели техники, изучая старинные книги или проводя эксперименты над животными и приговоренными преступниками. — Потребовалось некоторое время, чтобы снова усадить их за работу после приезда Слуги Всех. Всем было приказано выйти в главный коридор для установленного эмоционального слияния с Гароммой.

— Знаю, — кивнул Луб. — Я и не ожидал большого прогресса в такой день. Ну, продолжайте. Мы работаем над важной проблемой.

Начальник Бюро пожал плечами:

— Над проблемой, которая, насколько нам известно, никогда ранее не решалась. Древние манускрипты, конечно же, в ужасном состоянии. Но те из них, где описывается гипнотизм, говорят одно и то же: гипноз невозможен ни в каком из тех состояний, которые вас интересуют — против воли индивидуума, вопреки его личным желаниям и здравому смыслу, причем достаточно долго без применения дополнительных усилий. Я не утверждаю, что это невозможно, однако...

— Однако это очень трудно. Что ж, вы работаете уже три с половиной года, и в вашем распоряжении столько времени, сколько потребуется. И оборудование. И сотрудники. Что нужно — просите. А я пока поброджу здесь, посмотрю. Вам меня сопровождать не надо. Я люблю сам задавать вопросы.

Начальник Бюро снова поклонился и пошел к своему столу в дальнем конце комнаты. Луб, Целитель Разума, Ассистент Третьего Помощника Слуги Образования, медленно переходил от кабинки к кабинке, наблюдая за работой, спрашивая, но главным образом присматриваясь к личным качествам техников-психологов.

Он был убежден, что правильно выбранный человек сумеет решить эту проблему. И все дело заключалось лишь в том, чтобы найти такого человека и создать ему все условия. Правильно выбранный человек должен быть достаточно умен и достаточно настойчив, чтобы вести исследование в нужном направлении, но при этом без избытка воображения, чтобы не испугаться открывшегося ответа.

А когда проблема будет решена... Тогда во время одной короткой встречи со Слугой Всех Луб сумеет установить над Гароммой прямой личный контроль до конца жизни и покончить с долгими терапевтическими сеансами с Моддо, где ему постоянно приходится предлагать и пользоваться иносказаниями, вместо того чтобы отдавать простые, ясные и недвусмысленные приказания. Когда эта проблема будет решена...

Он подошел к последней кабинке. Прышавый молодой человек, сидевший за простым коричневым столом и изучавший истрапанный, покрытый плесенью том, не слышал, как вошел посторонний. Луб несколько секунд внимательно смотрел на него.

Какую, должно быть, скучную, пресную жизнь ведут техники! Это было видно даже по напряженным чертам их похожих друг на друга лиц. Они выросли в самом жестко организованном всемирном государстве, какое только мог придумать правитель, у них не было ни единой собственной мысли, они даже и не мечтали о какой-либо радости, которая бы официально им не предназначалась.

А между тем этот парень был самым талантливым из всех. Если кто-нибудь в Бюро лечебных исследований и мог разработать такую совершенную технику гипноза, какая требовалась Лубу, так только он. Луб уже долго наблюдал за ним со все возрастающей надеждой.

— Как продвигаются дела, Сидоти?

Сидоти оторвал глаза от книги.

— Закрой дверь, — сказал он.

Луб закрыл дверь.

Это был день полного контроля...

Сидоти, техник-психолог пятого класса, щелкнул пальцами перед глазами Луба и позволил себе понежиться в лучах абсолютной власти, полной власти, такой власти, о какой ни один человек даже не смел мечтать до сего дня.

Полный контроль. Полный...

Все еще сидя, он опять щелкнул пальцами. Сказал:

— Докладывай.

В глазах Луба появился знакомый остекленевший взгляд. Тело его напряглось. Руки бессильно повисли по бокам. Ровным, бесстрастным голосом Целитель начал отчет.

Великолепно. Слуга Безопасности через несколько часов умрет, и человек, который нравился Сидоти, займет его место. Эксперимент по полному контролю прошел блестяще. Вот, собственно, и все, что за всем этим стояло; попытка выяснить, может ли он, — внушив Лубу чувство мести за несуществовавшего брата, — заставить Целителя действовать на уровне, которого тот всегда старался избегать: принуждать Моддо делать то, в чем Служитель Образования совершенно не был заинтересован. В данном случае — подтолкнуть Гаромму к действиям против Слуги Безопасности в то время, когда Гаромма не переживал никакого душевного кризиса.

Эксперимент полностью удался. Три дня тому назад он толкнул маленькую костяшку домино по имени Луб, и

другие маленькие костяшки начали падать одна за другой. Сегодня, когда Слугу Безопасности задушат в собственном кабинете, упадет последняя.

Конечно, была еще одна побочная причина, по которой Сидоти выбрал для эксперимента жизнь Слуги Безопасности. Ему не нравился этот человек. Четыре года назад он видел, как тот на людях пил спиртное. Сидоти казалось, что Слуги Человечества не должны делать таких вещей. Они должны вести чистую, простую, целомудренную жизнь; они должны быть примером для всего остального человечества. Он никогда не видел Помощника Слуги Безопасности, которого приказал Лубу повысить, однако слышал, что этот парень ведет очень правильную жизнь, не позволяя никакой роскоши даже наедине с собой. Сидоти это нравилось. Так оно и должно быть.

Луб закончил свой отчет и стоял, ожидая приказаний. Сидоти подумал, что, наверное, ему следует велеть Целителю отказаться от нехорошой, нескромной идеи напрямую контролировать Гарому.

Нет, так нельзя: именно эта мысль побуждала Луба ежедневно спускаться в Бюро лечебных исследований, чтобы следить за ходом работ. Хотя было бы достаточно и простого приказа приходить сюда каждый день, все же Сидоти решил, что, пока он не исследует все аспекты своей власти и не научится в полной мере ею пользоваться, будет разумнее не перестраивать первичные личностные механизмы, если они не мешают главному.

Это кое о чем ему напомнило. У Луба была одна страстишка, представлявшая собой чистую трату времени. Теперь, когда Сидоти уверен в абсолютном контроле, настало время от нее избавиться.

— Ты бросишь все эти поиски исторических фактов, — приказал он. — Ты используешь время, которое таким образом освободится, для дальнейшего детального изучения психической слабости Моддо. И для тебя это будет интереснее, чем изучение прошлого. Все.

Техник щелкнул пальцами у лица Луба, чуть подождал, потом щелкнул еще раз.

Целитель Разума глубоко вздохнул, выпрямился и улыбнулся:

— Что же, продолжай в том же духе, — благожелательно сказал он.

— Спасибо, сэр. Непременно, — заверил его Сидоти.

Луб открыл дверь кабинки и вышел с важным и безмятежным видом. Сидоти пристально смотрел ему вслед. Ну что за идиотская уверенность у этого человека — будто когда процесс полного контроля путем гипнотического воздействия будет открыт, то его отдадут Лубу!

Сидоти начал нащупывать ответ три года назад. Он немедленно замаскировался, внешне придав своей работе совершенно иное направление. Потом, в совершенстве овладев техникой, он испробовал ее на самом Лубе. Естественно.

Когда Сидоти впервые узнал, как Луб контролирует Моддо, а Моддо — Гаромму, Слугу Всех, то испытал настоящий шок и чуть было не заболел. Однако через некоторое время вполне приспособился к такой ситуации. В конце концов, начиная с первых классов школы, единственной действительностью, которую он и его современники принимали полностью, была действительность власти. Власть в каждом классе, в каждом клубе, в каждой и всякой группе человеческих существ была единственной вещью, за которую стоило бороться. И ты получал должность не только потому, что лучше всего соответствовал ей, но потому, что она давала наибольшие перспективы власти человеку с твоими специфическими интересами и способностями.

Но Сидоти никогда не воображал себе такой власти!.. Ладно, она у него есть. Такова реальность, а реальность следовало уважать превыше всего прочего. Теперь проблема состояла в том, что ему с этой властью делать.

И на этот вопрос ответить было очень тяжело. Ну а пока представлялся восхитительный случай удостовериться, что каждый добросовестно выполняет свою работу, что плохие люди будут наказаны. Он собирался остаться на своей скучной работе до тех пор, пока не настанет подходящее время для повышения. В настоящий момент никакой надобности в высоком звании нет. Если Гаромма в состоянии править в качестве Слуги Всех, то он, Сидоти, в состоянии управлять Гароммой через третью или четвертые руки в качестве простого техника-психолога пятого класса.

Но куда именно следует направлять Гаромму? Какие важные дела заставить Гаромму совершить?

Зазвенел звонок. Из громкоговорителя, установленного в стене под потолком, раздался голос:

— Внимание! Внимание! Слуга Всех покинет Центр через несколько минут. Сотрудникам выйти в главный коридор, чтобы умолять его продолжать служить на благо человечества. Сотрудникам...

Сидоти присоединился к толпе техников, валившей из огромной лабораторной комнаты. Повсюду из кабинетов выходили люди. Все увеличивающаяся толпа, прибывавшая по эскалаторам и лестницам, подхватила его и вынесла в главный коридор, где охранники Службы Образования оттеснили техников и прижали к стенам.

Сидоти улыбнулся. Если бы они только знали, кого толкают! Своего правителя, который мог казнить любого из них. Единственного человека в мире, который мог сделать все, что пожелает. Все.

В дальнем конце коридора возникло какое-то волнообразное и радостное движение. Люди начали нервно озираться, привставать на носки, чтобы лучше видеть. Даже охранники задышали быстрее.

Приближался Слуга Всех.

Выкрики стали громче, многочисленнее. Стоявшие впереди толкались как безумные. И вдруг Сидоти увидел его!

Руки техника от бессознательного сокращения мускулов вскинулись вверх и в стороны. Что-то огромное и восхитительное, казалось, сдавило ему грудь, и оттуда вырвался крик: «Служи нам, Гаромма! Служи нам! Служи нам! Служи нам!» Его душили вздымающиеся волны любви, такой любви, какой никогда никто раньше не испытывал, любви к Гаромме, любви к родителям Гароммы, любви к детям Гароммы, любви ко всем и ко всему, связанному с Гароммой. Тело Сидоти извивалось, он его почти не чувствовал, сладчайшее пламя лизало ноги и поднималось вверх; он дергался и вертелся, плясал и прыгал, его желудок прилип к диафрагме, словно пытаясь выразить свою преданность. И в этом не было ничего удивительного, если учесть, что такие реакции воспитывались с раннего детства.

— Служи нам, Гаромма! — орал Сидоти, и слюна пузырилась у него в уголках губ. — Служи нам! Служи нам! Служи нам!

Он бросился вперед, между двумя охранниками, и вытянутыми пальцами коснулся шелестящих лохмотьев, когда Слуга Всех проходил мимо. Его рассудок внезапно погрузился

в самые сокровенные глубины восторга, и он потерял сознание, все еще бормоча: «Служи нам, о Гаромма».

Когда все кончилось, коллеги-техники отвели Сидоти обратно в Бюро лечебных исследований. Они смотрели на него с благоговением. Не всякому и не каждый день удавалось дотронуться до рубища Гароммы.

Сидоти смог оправиться только через полчаса.

ЭТО БЫЛ ДЕНЬ ПОЛНОГО КОНТРОЛЯ...

ДВЕ ПОЛОВИНКИ ОДНОГО ЦЕЛОГО

Галактограмма космосержанта О-Дик-Ве, командира космического пограничного поста 1001625 в Штаб Галактической Патрульной Службы на Веге-XXI сержанту Хой-Ве-Шальту. (Особые отметки: передано как частное сообщение и оплачено по обычному сверхкосмическому тарифу.)

Мой дорогой Хой!

Прости, что вынужден снова тебя беспокоить, но, дорогой мой, я попал в переплет. Речь идет не о каком-либо конкретном проступке с моей стороны — я просто не сумел принять правильное решение. Предчувствую, что Старик пришлет мне явное нарушение должностных обязанностей. Но так как я уверен, что у него самого голова кругом пойдет, стоит только прибыть заключенным, которых я посыпаю малой световой скоростью (я уже вижу, как у него отвисает челюсть и трясеется дюжина подбородков), я не оставляю надежды на то, что ты успеешь посоветоваться с лучшими законниками в Штабе и выработать какой-нибудь план действий. Любой приемлемый план. Может быть, тогда Старик простит мне, что я обрушил ему на голову свои собственные проблемы.

И все же я не могу отделаться от мысли, что Главный Штаб сядет с этим делом в еще большую лужу, чем я и мои подчиненные, после чего Старик непременно вспомнит, что произошло прошлый раз на посту 1001625 космической пат-

Party of the Two Parts
Copyright © 1954 by Philip Klaas
Две половинки одного целого
© Р. Рыбакова, перевод, 1973

рульной службы — и тогда, Хой, боюсь, что у тебя будет одним споро-кузеном меньше.

Надеюсь, ты правильно поймешь меня, но все это дело довольно грязное. Грязнее некуда. Я хочу сказать, что оно непристойно в самом дурном смысле этого слова.

Как ты, без сомнения, догадался, каша заварилась на этой нудной и сырой третьей планете Сол, которую большинство ее обитателей называют Землей. Проклятые двуногие балаболки! Они доставляют мне больше бессонных ночей, чем все остальные разумные виды моего сектора, вместе взятые. Достаточно развитые в техническом отношении (земляне находятся на пятнадцатой ступени развития, то есть овладели техникой межпланетных путешествий), они, однако, на целое столетие отстали от сопутствующей этим достижениям ступени 15А — дружеские контакты с другими галактическими цивилизациями.

Вот почему у нас они числятся в статуте Секретного Наблюдения, а это значит, что мне приходится содержать на их планете штат в две сотни агентов, заключив их в нелепые и крайне неудобные футляры из протоплазмы, дабы помешать этим тупицам покончить с собой, не дождавшись наступления золотого века духовного совершенства. И в довершение всех несчастий моя подопечная система состоит из девяти планет, так что я вынужден разместить свой Штаб не далее чем на планете, которая у них называется Плутон, то есть в месте, где зима еще кое-как терпима, зато летний зной просто невыносим. Поверь мне, Хой, существование космического сержанта далеко не глур со скибетсом, что бы по этому поводу ни думали там у вас, в тылу.

Должен, правда, оговориться, что на этот раз зачинщиками оказались не жители Сола-III. С тех пор как без всякого предупреждения, совершенно неожиданно для всех, двуногие додумались до расщепления ядра (что лично мне стоило одной лычки), я удвоил число своих секретных агентов на этой планете, строго-настрого приказав им немедленно докладывать о малейших проблесках технического прогресса на Земле. Уверен, что в дальнейшем землянам вряд ли удастся изобрести даже простейшую машину времени без моего ведома.

Нет-нет, на этот раз все началось на Руфе-VI — планете, которую ее аборигены называют Гтет. Загляни в свой атлас, Хой, и ты увидишь, что Руф-VI — желтый карлик средней

величины, расположенный на краю Галактики. Эта незначительная планета лишь недавно добилась статута Девятнадцатой Ступени — первичного межпланетного гражданства.

Гтетанцы представляют собой амебоподобную расу, производящую светлый ашкебас, который они экспортируют на Руф-IX и XII. Они ужасные индивидуалисты и так до конца и не смогли адаптироваться в централизованном обществе. Несмотря на несколько веков существования в условиях высокоразвитой цивилизации, большинство гтетанцев воспринимают Закон скорее как хитроумную головоломку, а не как руководство к общепринятыму образу жизни.

В соединении с моими двуногими землянами получается недурная смесь, не правда ли? Но продолжаю. На Гтете проживал некто Л'пэйр — самый наглый из правонарушителей всей планеты. Он совершил едва ли не все возможные у них преступления и нарушил чуть ли не все мыслимые запреты. Если учесть, что около четверти населения планеты регулярно попадает в исправительно-трудовые лагеря, безнаказанность Л'пэйра воспринималась его соплеменниками как явление уникальное. Недаром одна из поговорок гтетанцев гласит: «Ты похож на Л'пэйра — никогда не знаешь, где следует остановиться».

Однако настал момент, когда гтетанцы решили применить к наглецу силу. Он был арестован и обвинен в общей сложности в 2342 нарушениях — на одно меньше, чем требовалось для признания его перманентным преступником, то есть для осуждения на пожизненное заключение. Он сделал героическую попытку порвать со светской жизнью и посвятить себя самосозерцанию и добрым делам, но, увы, решение пришло слишком поздно! Как он утверждал на предварительном следствии у меня в участке, его мысли помимо воли упорно возвращались к беззакониям, так и оставшимся несовершенными, и в мозгу зарождались все новые и новые преступные планы, которым не суждено было осуществиться.

И вот однажды совершенно случайно, в сущности даже не заметив этого, он совершил еще один тяжкий проступок. Он нарушил не только гражданский, но и моральный кодекс своей планеты. Преступление Л'пэйра было столь грязным и отвратительным, что все общество было охвачено негодованием.

Его поймали, когда он продавал подросткам-гтетанцам порнографические открытки.

Снисходительность к слабостям в своем роде знаменитости сменилась гневом и полнейшим презрением. Даже местная Ассоциация Закоренелых Неудачников отказалась преступнику в сборе денег для взятия его на поруки. По мере приближения дня суда становилось все очевиднее, что на этот раз Л'пэйру не выкрутиться. Необходимо было бежать. Другого выхода не существовало.

И тут он проделал свой самый блестательный фокус. Несмотря на круглосуточную охрану, он вырвался из герметически запаянной клетки (каким образом, мне до сих пор узнать не удалось, ибо он упорно отмалчивался по этому поводу до самой своей кончины или как там ее) и добрался до космодрома, расположенного неподалеку от тюрьмы. Там он ухитрился проскользнуть на борт корабля — а это была гордость гтетанского торгового флота, последняя космическая модель, оборудованная гиперпространственным двигателем с двойным регулированием.

Корабль был пуст — он дожидался команды, чтобы совершить свой первый пробный вылет в космос.

За те несколько часов, пока побег не был обнаружен, Л'пэйру удалось разобраться в схеме управления и поднять корабль в гиперпространство. Однако ему было невдомек, что он находится на экспериментальной модели, снабженной передатчиком, позволяющим всем гтетанским портам следить за курсом корабля. Таким образом гтетанская полиция, хотя и лишенная возможности преследовать беглеца, знала его точное местонахождение. Сотня амебовидных блестителей порядка попыталась было преследовать преступника на своих старомодных ракетах, скорость которых в сто раз уступала скорости корабля Л'пэйра, но после месяца длительных и утомительных космических вылазок сдалась и вернулась на свои базы.

Л'пэйр мечтал укрыться в каком-нибудь примитивном и глухом уголке Галактики. Район созвездия Сол как нельзя лучше подходил для его цели. Он материализовался из гиперпространства где-то на полпути между Третьей и Четвертой планетами, но сделал это весьма неловко, истратив все свое горючее. В конце концов, даже лучшие умы его расы только начали разработку гиперпространственного двигателя с

двойным регулированием. Как бы то ни было, он, хоть и с трудом, добрался до Земли.

Приземление произошло ночью, с выключенными двигателями, и посему никем из землян замечено не было. Л'пэйр знал, что из-за особых условий жизни на этой планете его подвижность будет весьма ограничена. Единственная надежда заключалась в том, чтобы добиться помощи от обитателей Земли. Необходимо было выбрать место, где его контакты с землянами были бы максимальны, а возможность случайно обнаружить корабль — минимальной.

Он приземлился на пустыре в пригороде Чикаго и быстро закопал там свой корабль. А между тем гтетанская полиция обратилась к командиру местного Галактического патруля, то есть ко мне. Они сообщили координаты Л'пэйра и потребовали его экстрадиции. Я объяснил им, что на данном этапе у меня нет юридических оснований к вмешательству, так как совершенное преступление не носит космического характера. Кража корабля имела место на родной планете, а не в космосе. Вот если, находясь на Земле, он нарушит какой-нибудь галактический закон, помешает, хоть в самой малой степени, мирному существованию...

— А как вы расцениваете вот такой факт? — ехидно спросил меня шеф гтетанской полиции. — Земля ведь находится в статуте Секретного Наблюдения, и, как я полагаю, всякое приобщение ее извне к высшим цивилизациям считается незаконным. А разве приземление Л'пэйра на корабле, снабженном гиперпространственным двигателем, с двойным регулированием, — недостаточное основание для взятия его под стражу?

— Приземление как таковое, — ответил я, — еще не является основанием для ареста. Для этого необходимо, чтобы жители планеты заметили корабль и поняли, что он собой представляет. Как нам известно, ничего подобного не произошло. Пока Л'пэйр остается в укрытии, не разбалтывает сведений о нас и не способствует несвоевременному развитию технического прогресса на Земле, мы обязаны уважать его права как гражданина Галактики. У меня нет легальных оснований для его задержания.

Гтетанцы поворчали немного по поводу того, чего ради они платят звездный налог, но вынуждены были согласиться со мной. Впрочем, они предупредили меня, что рано или поздно криминальные побуждения Л'пэйра дадут о себе знать.

Он очутился в совершенно немыслимой ситуации: чтобы раздобыть горючее, необходимое для взлета с Земли, ему так или иначе придется пойти на какое-нибудь мошенничество, и в этом случае они требуют, чтобы их просьба об экстрадиции была удовлетворена; я услышал, как шеф полиции, прерывая связь, обозвал Л'пэйра «траченным молью мышиным жеребчиком».

Тебе ведь не нужно объяснять, Хой, что я почувствовал при мысли об этом амебовидном преступнике с богатым воображением и острым умом, свободно действующем на планете, столь неустойчивой в культурном отношении, как Земля. Я оповестил всех агентов в Северной Америке, приказал им быть начеку, а сам стал ждать событий, богомольно завязав в узлы свои щупальца.

Л'пэйр слышал почти все мои разговоры по приемнику. Естественно, что первым делом он удалил с корабля устройство, позволявшее гтетанским локаторам следить за ним. Затем, как только стемнело, он (по-видимому, с немалыми трудностями) переправил свой корабль в другой район города. Ему, как и прежде, удалось остаться незамеченным.

Выбрав для своей новой базы район трущоб, предназначенный к сносу и, следовательно, никем не заселенных, он приступил к решению основной проблемы, ибо, Хой, перед ним стояла проблема первостепенной важности. Как ни хотелось ему ввязываться в историю с Патрулем, он понимал, что, если в самое ближайшее время ему не удастся наложить свои псевдоподии на изрядный запас горючего, его песенка будет спета. Горючее было необходимо не только для того, чтобы сняться с Земли, но и для заправки конвертеров, которые на этом примитивном корабле преобразовывали отходы в пригодные для потребления воздух и пищу.

Времени у него было в обрез, возможностей — почти никаких. Имевшиеся на корабле скафандры (весьма остроумно сконструированные и вполне приспособленные к тому, чтобы ими пользовались существа неустойчивого формата) не были рассчитаны на такую примитивную планету, как Земля: они не позволяли удаляться от корабля на длительные промежутки времени.

Л'пэйр знал, что Патрульному Посту известно о его приземлении и что мы только и ждем повода для того, чтоб его схватить. Стоит ему нарушить хотя бы самый пустячный параграф давно позабытого Закона, как мы набросимся на

него и после недолгих дипломатических формальностей препроводим на Гтет; его кораблю не уйти от патрульной ракеты. Было ясно, что первоначальный план — стремительное нападение на какой-нибудь склад землян, чтобы запастись горючим, — отпадает. Оставалась последняя надежда — честный обмен товарами. Следовало разыскать такого землянина, которому можно было бы предложить какой-либо предмет, равнозначный (по крайней мере в глазах этого землянина) стоимости горючего, необходимого для того, чтобы корабль перенес Л'пэйра в укромный уголок космоса, редко посещаемый полицией. Однако почти все имевшиеся на корабле предметы были жизненно необходимы для полета; к тому же Л'пэйр понимал, что ему предстоит совершить сделку так, чтобы при этом: а) не раскрыть тайну существования и природу галактической цивилизации, б) не дать землянам нового стимула к техническому прогрессу.

Позднее он сознался, что обдумывал эту проблему до тех пор, пока его ядро не сжалось в гармошку. Он излазил корабль вдоль и поперек, от носа до кормы и обратно — но все, что могло бы пригодиться человеку, было или жизненно необходимо для полета, или выдавало космического гостя с головой.

И вдруг, когда Л'пэйр уже был готов признать свое поражение, он нашел то, что искал: материал, с помощью которого он совершил свое последнее преступление.

Дело в том, дорогой Хой, что по гтетанским законам все вещественные доказательства совершенного преступления хранятся у обвиняемого до момента суда. Объясняется это целым рядом причин, главная из которых заключается в том, что у гтетанцев существует *презумпция виновности*, в силу чего заключенный считается *виновным* до тех пор, пока с помощью лжи, подтасовок и хитроумного манипулирования юридическими категориями ему не удается убедить циничных, не верящих ни в сон, ни в чох присяжных в том, что, хотя они и убеждены в противном, им не остается ничего другого, как объявить преступника невиновным. И так как в этих случаях нападающей стороной оказывается обвиняемый, в его руках и сосредоточиваются все улики. Рассмотрев уличающий его материал, Л'пэйр пришел к выводу, что необходимая ему сделка наконец-то состоится. Ему следовало лишь раздобыть покупателя. Не просто человека, желающего купить то, что Л'пэйр продавал, но такого, у которого

имелось бы требуемое гтетанцу горючее. Однако по соседству с его кораблем покупатели этого сорта явно не водились.

Гтетанцы, находящиеся на Двенадцатой Ступени, владеют примитивными навыками телепатии — на коротких дистанциях, разумеется, и в течение незначительных отрезков времени. Итак, сознавая, что мои агенты уже начали за ним погоню и что, стоит мне напасть на его след, как свобода его действий будет ограничена, Л'пэйр стал лихорадочно прочесывать сознание землян в радиусе трех кварталов от своего укрытия.

Дни шли за днями. Он метался от мозга к мозгу, подобно таракану, выискивая щелочку потеплее. Мощность ракетного конвертера пришлось уменьшить сначала наполовину, затем на две трети, что повлекло за собой уменьшение пищевого рациона. Он начал голодать. Вследствие недостаточной подвижности его сокращательная вакуоль сжалась до размера булавочной головки. Эндоплазма утратила здоровую пропухлость, характерную для нормального амебовидного существа, стала прозрачной и пугающе тонкой.

И вот однажды ночью, когда Л'пэйр уже почти решился пойти на кражу, его мысль вдруг ударила о мозг случайного прохожего, рикошетом отлетела в сознание гтетанца, была там рассмотрена, облюбована и одобрена. Наконец-то ему подвернулся тот единственный покупатель, который не только снабдит его необходимыми продуктами, но (что было особенно важно!) и откроет рынок сбыта для гтетанской порнографии. Другими словами, у него на пути оказался мистер Осборн Блэтч.

Сей пожилой наставник подрастающего поколения двухногих на протяжении всего расследования упорно настаивал на том, что его сознание не подвергалось никакому насилию. Как выяснилось, он проживает в новом доме на противоположной стороне пустыря, который, как правило, обходит стороной по причине агрессивности некоторых человеческих особей низшего типа, заполняющих развалины. Однако в тот вечер он задержался на педсовете, сильно проголодался и решил (что случалось с ним нечасто) выбрать кратчайший путь. Он уверяет, что подобное решение пришло ему в голову самостоятельно.

По словам Осборна Блэтча, он решительным шагом пересекал развалины, весело размахивая зонтиком, как если бы

то была эbonитовая тросточка, и вдруг ему показалось, что он услышал голос. Он утверждает, что с самого начала ассоциировал слово «показалось» с тем, что он услышал, ибо, обладая определенной высотой и интонацией, голос, однако, абсолютно беззвучно произнес:

— Эй, приятель, подойди-ка поближе!

Блэтч обернулся и с любопытством оглядел кучу строительного мусора справа. Перед ним торчала нижняя часть дверного проема — единственное, что осталось от стоявшего здесь ранее здания. Кругом ни единого укромного местечка, где мог бы спрятаться человек. Но голос, на этот раз довольно нетерпеливо и с гаденькой интимностью заговорщика, повторил:

— Да подойди же, чего стоишь?

— В чем дело? Что... э-э-э... вам нужно... э-э-э, сэр? — вежливо осведомился Блэтч, бочком продвигаясь в ту сторону, откуда раздавался голос. Яркий свет фонарей и тяжесть старомодного зонтика заметно прибавили, по его же собственным словам, мужества и решимости нашему педагогу.

— Иди сюда, я тебе что-то покажу.

Осторожно обходя обломки кирпичей и мусор, мистер Блэтч приблизился к остаткам входного проема и слева от него узрел то, что, по мнению землянина, выглядело как лужица липкой жидкости пурпурного цвета и что на самом деле было Л'пэйром.

Здесь, Хой, я должен со всей ответственностью засвидетельствовать (письменные показания, которые я посыпаю вместе с отчетом, подтвердят это): мистеру Блэтчу и в голову не пришло, что вызывающее одеяние, в котором Л'пэйр предстал перед ним, было космическим скафандром. Не подозревал он и о существовании корабля, который в разобранном до молекулярного состояния виде был надежно спрятан в груде битого кирпича за остатками дверного проема.

И хотя мистер Блэтч, обладая хорошим воображением и гибким умом, сообразил, что перед ним существо из космоса, у него не хватило технических знаний, чтобы определить, откуда этот пришелец взялся, или догадаться о природе и характере нашей галактической цивилизации. Таким образом, по крайней мере в данном случае мы не столкнулись с нарушением Межгалактического Статута 2.607.193, поправка 126-509.

— Что вы желали бы мне показать, — расшаркался мистер Блэтч перед красной лужицей, — и смею ли я спросить, откуда вы? Марс? Венера?

— Без лишних вопросов, приятель. Так будет лучше для всех. У меня тут есть для тебя штучка — пальчики оближешь. Первый сорт, блеск!

Мистер Блэтч понял, что внезапное нападение со стороны соседских хулиганов ему уже не грозит, и внезапно вспомнил некую поездку за границу, совершенную в далекой юности. Перед его мысленным взором предстал темный парижский переулок и возникла крысиная мордочка человека в рваном свитере...

— Интересно, что бы это могло быть? — спросил он, осклабясь.

Последовала пауза, в течение которой Л'пэйр впитывал в себя новые впечатления.

— М-м-м-м, — прозвучал голос из лужицы, на этот раз с явным французским акцентом. — Если мосье подойдет поближе, он не пожалеет. Я ему покажу такое, что ему о-о-о-ч-е-нь понравится. Не бойтесь, мосье, подойдите поближе.

Как ты понимаешь, мосье подошел поближе. Лужица вспутилась, из ее середины выпросталось длинное щупальце, которое протянуло землянину плоский квадратный предмет. Неслышный голос хрюпlo пояснил:

— Вот, погляди, скабрезные картинки!

Ошарашенный Блэтч сохранил, однако, присутствие духа настолько, чтобы, подняв брови кверху, протянуть иронически:

— Эти? Н-да...

Переложив зонтик из правой руки в левую и отступив на несколько шагов назад, туда, где свет фонарей был ярче, он стал рассматривать передаваемые ему фотографии одну за другой.

Когда ты получишь вещественные доказательства, Хой, ты сможешь сам убедиться, чего стоят эти картинки. Дешевые отпечатки, рассчитанные на то, чтобы возбудить самые низменные страсти у амебовидных. Как ты, наверно, слышал, гтетанцы размножаются простым делением клетки, но обязательно при наличии соляного раствора. В их мире поваренная соль — довольно редкий продукт. Шесть фотографий, врученных Блэтчу, изображали процесс, в результате которого из одной жирной, усеянной бесчисленными

вакуолями амебы, погруженной в ванну с соляным раствором, получились два стройных гтетанца.

Чтобы ты представил себе меру падения Л'пэйра, я должен сообщить тебе то, что узнал от гтетанских полицейских: он не только продавал эту гадость несовершеннолетним амебо-видным, но, по всей вероятности, сам изготовил фотографии, причем в качестве модели использовал своего брата (а может, это была сестра?). Короче, он сфотографировал свою собственную единоутробную половину, представляешь? Да, в этом деле слишком много запутанного, темного.

Блэтч возвратил Л'пэйру снимки и сказал:

— Ну что ж, я, пожалуй, купил бы у вас все шесть. Сколько вы хотите?

Гтетанец назвал цену, выраженную в единицах необходимых ему химических ингредиентов. Он объяснил Блэтчу, как их извлечь из лаборатории той школы, в которой преподавал наш педагог, и предупредил его о том, что необходимо хранить все произошедшее в строжайшей тайне.

— Иначе мосье приходит сюда завтра, а меня фью, и след простыл, и картинки исчезли, и все труды мосье ни к чему.

Блэтчу не составило никакого труда извлечь из лаборатории требуемое, потому что по земным меркам ценность химикалиев, равно как и их количество, была ничтожна. К тому же, как и во всех предыдущих случаях, когда он пользовался школьным имуществом для своих экспериментов, он скрупулезно оплатил расходы из своего кармана. Но Блэтч признался, что фотоснимки были лишь малой частью той выгоды, которую он собирался извлечь из совершенного обмена. Он намеревался продолжить деловые отношения, постараться разузнать, из какой части Солнечной системы пожаловал новоприбывший, как выглядит его мир, и установить взаимный контакт на уровне, доступном существу из цивилизованного общества, которое находится в фазе Секретного Наблюдения.

Однако, как и следовало ожидать, Л'пэйр натянул ему нос. Совершив сделку, гтетанец попросил навестить его следующей ночью, пообещав на досуге обсудить наиболее животрепещущие проблемы Вселенной. Но, конечно, как только землянин удалился, Л'пэйр зарядил конвертеры горючим, произведя необходимые преобразования в его атомной структуре, запустил двигатели, и, как говорится, только его и гулкали.

По нашим предположениям, Блэтч отнесся к обману весьма философски. У него оставались снимки, а это было самым главным.

Когда Штабу Патрульной Службы сообщили, что Л'пэйр покинул Землю и направляется в сторону Туманности Геркулеса М-13, ничем не потревожив сонное течение земного прогресса, все мы вздохнули с облегчением. Папка с бумагами Л'пэйра перекочевала с полки «Особо важные дела, требующие неусыпного наблюдения со стороны всего персонала Штаба» на полку «Отложенные в ожидании дальнейших событий».

Я поручил наблюдение за Л'пэйром своему резиденту на Земле, капралу космической службы Па-Чи-Лу. На быстро уменьшавшийся в пространстве корабль Л'пэйра был направлен поисковый луч, а я занялся основной своей проблемой — препятствовать развитию межпланетных сообщений до той поры, пока различные человеческие общества не драстут до соответствующего этим условиям высокого уровня цивилизации.

Таким образом, когда спустя шесть земных месяцев дело было открыто заново, Па-Чи-Лу не захотел меня беспокоить и попытался с ним справиться самостоятельно. Я понимаю, что меня это ни в коей мере не оправдывает, так как я отвечаю за все происходящее в моем районе. В семье не без урода, конечно, но как родственник родственнику, Хой, я все же должен заметить, что в данной ситуации твой одноголовый кузен оказался не таким уж безнадежным идиотом и в глубине души надеется на поддержку семьи, когда его дело поступит на рассмотрение к Старику.

Космокапрал Па-Чи-Лу обнаружил гтетанскую порнографию совершенно случайно, во время одной из своих регулярных инспекторских проверок, совершаемых им в качестве представителя Сенатской комиссии по делам средней школы. Недавно в одном американском издательстве вышел в свет учебник по биологии для старших классов, вызвавший горячее одобрение самых выдающихся специалистов в этой области. Естественно, что комиссия потребовала экземпляр книги для ознакомления.

Капрал Па-Чи-Лу перелистал несколько страниц и узрел те самые порнографические рисунки, о которых его предупреждали на совещании оперуполномоченных шесть месяцев назад. Рисунки, отлично репродуцированные, доступные

всем жителям Земли и прежде всего несовершеннолетним! Впоследствии он с ужасом признавался мне, что перед ним как бы воочию предстало многократно повторенное наглое преступление Л'пэйра, пересаженное на вверенную ему, Па-Чи-Лу, планету. Он тотчас же протрубил тревогу № 1 по всей Галактике.

Между тем Л'пэйр поселился на небольшой захолустной планетке со средним уровнем цивилизации, лежащей в стороне от больших дорог, и решил открыть новую страницу своей жизни в качестве скромного ремесленника, изготавляющего ашкебак. Он жил, выполняя все законы своей страны, превратился в добродетельного и довольно жирного мещанина и даже начал подумывать, а не пора ли ему обзавестись потомством. Немногочисленным, — нет-нет, — двоих вполне достаточно! Впрочем, если дела пойдут хорошо, можно, пожалуй, решиться и на дальнейшее деление.

Он был искренне возмущен, когда его арестовали и проводили на Плутон в ожидании конвоя с Гтета.

— Кто дал вам право беспокоить мирного ремесленника, занимающегося своим трудом? — запротестовал он. — Я требую немедленного освобождения, извинения по всей форме и возмещения как материального, так и морального ущерба, причиненного мне как личности и члену общества. Я буду жаловаться вашему начальству! Необоснованное задержание гражданина Вселенной карается законом.

— Вне всякого сомнения, — подтвердил космокапрал Па-Чи-Лу, — но открытое распространение явной порнографии карается еще в большей степени. Мы ставим подобное преступление в один ряд с...

— О какой порнографии идет речь?

Мой ассистент (по его собственному признанию) так и застыл, уставясь на Л'пэйра сквозь прозрачную стенку его камеры, пораженный наглостью этого амебовидного существа. Смутное беспокойство овладело капралом — уж слишком самоуверенно держал себя преступник, несмотря на всю очевидность имеющихся против него улик.

— Вы отлично знаете, о какой именно. Вот, убедитесь сами. Это лишь один экземпляр из 20 тысяч, распространенных по всей Северной Америке и предназначенных для юношества.

Он дематериализовал биологические тексты и передал их через стену. Л'пэйр бросил на них беглый взгляд.

— Неважная печать, — прокомментировал он. — Этим гуманоидам многому еще предстоит научиться. Впрочем, для скороспелых не так уж плохо. Но почему вы показываете это мне? Неужели вы думаете, что я имею к ним хоть малейшее отношение?

При этом, как утверждает Па-Чи-Лу, у гтетанца был вид педагога, терпеливо пытающегося расшифровать бессмысленное бормотание малолетнего идиота.

— Вы *отрицаете* свое участие в этом преступлении?

— О каком преступлении идет речь? Посмотрите, — он указал на заглавный лист, — по всей видимости, перед нами «Начальный курс биологии» некоего Осборна Блэтча и Никодимуса П. Смита. Надеюсь, вы не спутали меня ни с тем, ни с другим? Меня зовут Л'пэйр, а не Осборн Л'пэйр и уж никак не Никодимус Л'пэйр. Просто Л'пэйр — старый, банаальный, простоватый Л'пэйр. Ни больше ни меньше. Я родился на Гтете, Шестой планете...

— Я осведомлен об астрографических координатах Гтета, — холодно прервал его Па-Чи-Лу, — равно как и о том, что шесть земных месяцев назад вы побывали на Земле и совершили товарообмен с Осборном Блэтчом, в результате чего вы приобрели горючее, в котором нуждались, а упомянутый Блэтч — набор снимков, использованных им впоследствии в качестве иллюстраций к своей книге. Как видите, наша тайная полиция на Земле довольно успешно справляется со своими обязанностями. Мы считаем книгу вещественным доказательством номер один.

— Какая изобретательность! — восхитился гтетанец. — Вещественное доказательство номер один! Ну конечно же, имея такие широкие возможности, вы остановились на самом остроумном выборе! Примите мои поздравления!

Как ты понимаешь, Хой, гтетанец сел на своего конька — втянул полицейского в обсуждение очередной юридической закавыки. Уникальное криминальное прошлое Л'пэйра как нельзя лучше помогло ему. Что касается Па-Чи-Лу, то его интеллектуальные способности в течение долгого времени были ориентированы на шпионаж и подпольные манипуляции в области культуры. Он был абсолютно не подготовлен к водопаду софизмов и юридических тонкостей, обрушившихся на его голову. Честно говоря, на его месте я бы чувствовал себя не лучше, и боюсь, что в этих условиях ни ты, ни

даже сам Стариk не могли быть гарантированы от провала. Между тем Л'пэйр разошелся вовсю.

— Что касается меня, то я лишь продал некоему Осборну Блэтчу набор художественных открыток. Как он поступил с ними дальше — меня это не касается. Если я, скажем, продал землянину оружие явно устарелого образца — кремневый топор, например, или котел для поливания кипящей смолой неприятеля, штурмующего крепость, а землянин с помощью этого оружия отправил своих братьев-дикарей в мир иной, — разве я становлюсь соучастником преступления? Мне что-то не приходилось читать ни о чем подобном в Своде Законов Галактической Федерации. А теперь, сынок, не пора ли компенсировать мне потерянное время и посадить меня на экспресс-ракету, направляющуюся в сторону моего нового дома?

Вот так они и ходили вокруг да около. Бедняга Па-Чи-Лу зарывался в тома кодексов и постановлений, хранящихся в Штабной библиотеке на Плутоне, лихорадочно выискивая очередную мелкую поправку, с помощью которой можно было бы загнать гтетанца в угол. Но всякий раз он с позором проваливался, ибо Л'пэйр тотчас же припоминал наипоследнейшее разъяснение Верховного Совета по данному вопросу, полностью обеляющее задержанного.

Я пришел к убеждению, что у гтетанцев вся юриспруденция, по-видимому, поставлена с ног на голову.

— Но вы признаете, что продали землянину Осборну Блэтчу порнографические снимки? — взорвался наконец капрал.

— Порнография, порнография... — задумчиво протянул Л'пэйр. — Под этим словом мы, кажется, подразумеваем нечто низменное, непристойное, возбуждающее похотливые мысли и бесстыдные желания, не так ли?

— Конечно.

— В таком случае, капрал, позвольте мне задать вам один вопрос: вы видели снимки? Они вызвали у вас похотливые мысли и бесстыдные желания?

— Нет. Но я не имею счастья быть гтетанцем.

— Точно так же, как и Осборн Блэтч, — спокойно отрапоровал Л'пэйр.

Я убежден, что космокапрал Па-Чи-Лу нашел бы в конце концов разумный выход из положения, если бы ему не помешал наряд гтетанской полиции, прибывший на специальном патрульном корабле для препровождения преступника на

родную планету. Теперь Л'пэйру предстояло сразиться с шестью соплеменниками, среди которых находились самые блестящие законники и самые хитроумные крючкотворы из амебовидных. Полицейским властям на Руфе-VI не раз приходилось сталкиваться с Л'пэйром на многочисленных судебных заседаниях, они знали, с кем имеют дело, и на этот раз сумели подготовиться.

Казалось бы, Л'пэйр должен был сдаться перед таким численным превосходством. Но не тут-то было! Он обдумал все ходы еще на Земле. К тому же, Хой, его изобретательность стимулировалась тем простым фактом, что на карту была поставлена не чья-нибудь, а *его* собственная жизнь. Он понимал, что стоит только соотечественникам наложить на него свои псевдоподии, как он превратится в пар.

И вот впервые в жизни капрал Па-Чи-Лу осознал, как трудна иногда бывает участь полицейского — он очутился меж двух огней: сновал от заключенного к законникам и обратно, прорыаясь сквозь дебри мнений, утопая в трясине юридических тонкостей.

Гтетанский патруль твердо решил не возвращаться домой с пустыми псевдоподиями. Чтобы добиться своего, они должны были доказать справедливость ареста Л'пэйра, что в свою очередь давало им право (как основным пострадавшим) судить преступника по законам Гтета. Л'пэйр с не меньшей твердостью доказывал несправедливость своего ареста, что обеспечивало ему не только нашу защиту и покровительство, но одновременно ставило нас самих в весьма неловкое положение.

Усталый, раздраженный и вконец осипший Па-Чи-Лу, еле волоча свои узловатые щупальца, дотащился до гтетанского патруля и объявил, что после тщательного расследования дела он пришел к выводу о полной невиновности Л'пэйра в преступлении, инкриминируемом ему в период его пребывания на Земле.

— Глупости, — возразил глава гтетанского патруля. — Преступление было совершено. На Земле распространялась откровенная и неприкрытая порнография. Разве это не преступление?

В совершенном отчаянии Па-Чи-Лу снова отправился к Л'пэйру и спросил, как же быть дальше. Разве Л'пэйру не кажется, почти плача, вопрошал несчастный, что в деле наличествуют некоторые элементы если не преступления, то

хотя бы проступка? Ну пусть какого-нибудь, самого маленького?

— Пожалуй, — задумчиво ответил Л'пэйр. — Мысль не лишена логики. Проступок мог иметь место, но совершил его не я. Осборн Блэтч, например...

Космокапрал Па-Чи-Лу начисто потерял все свои головы.

Он потребовал, чтобы к нему доставили Осборна Блэтча. К счастью для всех нас, в том числе и для самого Старика, Па-Чи-Лу не решился арестовать Блэтча. Землянина задержали лишь в качестве свидетеля.

Когда я думаю, Хой, к чему мог привести несанкционированный арест существа из мира Секретного Наблюдения, моя кровь готова превратиться в жидкость.

Па-Чи-Лу, однако, совершил еще один грандиозный ляп — он поместил Осборна Блэтча рядом с клеткой Л'пэйра. Как видишь, все складывалось к вящему удовлетворению амебоида — при активном содействии моего юного помощника, разумеется.

К тому времени как Па-Чи-Лу впервые вызвал Блэтча на первый допрос, тот был уже полностью подкован.

— Порнография? — ответил он вопросом на вопрос. — При чем тут она? Мы с мистером Смитом уже несколько лет работаем над курсом элементарной биологии. Нам были необходимы иллюстрации. Мы мечтали о крупных четких изображениях, легко распознаваемых школьниками. Нас не устраивали расплывчатые, размытые рисунки делящейся клетки, которые без конца повторялись во всех учебниках, чуть ли не со времен Левенгука. Серия фотографий мистера Л'пэйра, воспроизводящая весь цикл размножения амеб, явилась для нас просто даром небес. В сущности, эти фотографии составили основу первой книги.

— Вы, однако, не отрицаете, — с сожалением отметил Па-Чи-Лу, — что в момент приобретения вы понимали, что покупаете порнографические картинки? Несмотря на это, вы решили использовать их для развращения молодых особей вашей расы.

— Обучения, — поправил его почтенный педагог. — Обучения, а не развращения. Смею вас заверить, что среди моих учеников нет ни одного, кто бы испытал какое-либо эротическое возбуждение, рассматривая эти фотографии. Замечу в скобках, что в тексте они воспринимаются как рисунки

пером. Не скрою, в момент покупки у меня создалось впечатление, что джентльмен в соседней камере рассматривает эти фотографии несколько своеобразно.

— Вот видите!

— Но ведь это его дело! Меня это не касается. В конце концов, если я покупаю у существа с другой планеты какой-нибудь предмет искусства, древний кремневый топор, например, или котел для обливания кипящей смолой противника, штурмующего крепость, и если я использую их для вполне мирных целей — топор для прополки сорняков, а котел для варки супа, — разве это преступление? Если хотите знать, наш учебник получил одобрение самых выдающихся специалистов в этой области — педагогов и ученых, известных всему миру. Давайте я прочту вам выдержки из некоторых рецензий. Где они?.. Минуточку... Ах да, по счастливой случайности, я захватил с собой несколько газетных вырезок... Они у меня в кармане пиджака. Боже мой, я и не подозревал, что их так много! Ну-с, вот что говорит по этому поводу «Школьная газета Южных прерий»:

«Замечательное, достойное всяческих похвал начинание! Достигнутые результаты на долгие годы останутся в анналах педагогики и будут служить образцом методического пособия для изучения основ науки. Авторы справедливо...»

И тут Па-Чи-Лу не выдержал. В отчаянии он воззвал ко мне о помощи.

К счастью, я к тому времени освободился от всех неотложных обязанностей и тотчас же вылетел на Плутон, предвкушая некоторое удовольствие при мысли, что смогу распутать дело, поставившее в тупик беднягу Па-Чи-Лу. Однако это чувство владело мною недолго. На смену ему пришли уныние и полная растерянность. Выслушав рапорт капрала, я принял представителей гтетанской полиции. Они уже успели связаться с министерством внутренних дел своей планеты и угрожали галактическим скандалом, если мы не подтвердим арест и не санкционируем передачу Л'пэйра в их руки.

— Неужели вы допустите, чтобы интимнейшие подробности нашей сексуальной жизни стали предметом откровенного и бесстыдного обсуждения во всех уголках Вселенной?! —

возмущенно заявили они мне. — Порнография — это порнография, а преступление — это преступление. Намерение было? Было. Действие совершено? Совершено. Выдайте нам нашего заключенного.

— Что же это за порнография, если она никого не возбуждает? — спрашивал Л'пэйр. — Если гамблостинец продаст гтетанцу некое количество кргвсса, который на его планете является пищей, а у нас используется в качестве строительного материала, какое ведомство нашей планеты, хотел бы я знать, оплачивает его перевозку — Министерство сельского хозяйства или коммунального строительства? Сержант, я требую немедленного освобождения.

Но самый большой сюрприз подготовил мне Блэтч. Землянин сидел в своей камере, посасывая витую ручку зонтика.

— В соответствии с законодательством, действующим на всех планетах статута Секретного Наблюдения, — начал он, узрев меня, — а я имею в виду не только Ригелиано-Сантарную Конвенцию, но и парламентские акты Третьего Космического Цикла, а также решения Верховного Совета по делу Кхвомо против Кхвомо и Фарциплока против Антареса-XII, — я требую немедленного возвращения меня на место привычного обитания — планету Земля и возмещения всех убытков в соответствии со шкалой, разработанной Комиссией Нобри в связи с недавней полемикой по этому вопросу, состоявшейся в Вивадине. Я также требую...

— А вы приобрели немалую эрудицию в области космического законодательства, — пробормотал я.

— О да, сержант, вполне достаточную. Л'пэйр весьма любезно проинформировал меня относительно моих прав. Как выяснилось, мне следует порядочная сумма в возмещение всяческих ущербов — во всяком случае я имею право предъявить целый ряд рекламаций. А вы тут создали неплохую галактическую цивилизацию, сержант. Мои соплеменники-земляне многое бы дали за то, чтобы узнать о ней поподробнее. Но я избавлю вас от неприятностей, с которыми вы непременно столкнетесь, если я предам гласности все, что со мной случилось. Я убежден, что два таких разумных индивида, как вы и я, легко могут прийти к соглашению.

Когда я попытался обвинить Л'пэйра в разглашении галактических тайн, он всколыхнул свою протоплазму слева направо, что у амебовидных соответствует пожатию плечами:

— На Земле я не разглашал никаких тайн. Вся имеющаяся у землянина информация (а я согласен с тем, что это закрытая информация) получена им с ведома и при покровительстве работников вашего Управления. К тому же, будучи несправедливо обвинен в чудовищном и грязном преступлении, я, естественно, принял все меры к защите, обсудив происшедшее с единственным свидетелем по этому делу. Более того, я должен обратить ваше внимание на тот факт, что, являясь, так сказать, соответствчиками, мы имели все основания объединить свои знания для самозащиты.

Вернувшись к себе в Штаб, я сделал капралу Па-Чи-Лу соответствующий втык.

— Все это похоже на трясину — чем отчаяннее стремишься выбраться, тем сильнее увязаешь. А уж этот землянин! Он довел своих сторожей-плутонцев чуть ли не до помешательства. Он всюду суёт свой нос: а это что, а то, а почему так, а как он действует? Ему ничем не угодишь: то в камере недостаточно тепло, то воздуха не хватает, то пища невкусная. У него першият в горле, ему нужно полоскание, не одно, так другое.

— Давайте ему все, что он потребует, в разумных пределах, конечно, — распорядился я. — Если этот тип отдаст концы, нам с вами не миновать принудительного путешествия по туннелю на Сигнусе — и еще счастье, если мы отделаемся только этим! Что касается основной проблемы, то я согласен с мнением гтетанской полиции: преступление было *совершено*. Так нужно!

Космокапрал уставился на меня:

— Вы... вы хотите сказать...

— Я хочу сказать, что если преступление совершено, то арест Л'пэйра законен и преступника следует препроводить на Гтет.

Таким образом мы избавимся не только от него, но и от всей банды амебовидных разбойников. Остается Осборн Блэтч, но, как только Л'пэйр уберется, мы легко справимся с землянином. Однако прежде всего преступление! Л'пэйр *должен* быть виновен. Годится любое преступление, любое правонарушение, лишь бы оно было совершено во время его пребывания на Земле. Поставь свою раскладушку в юридической библиотеке.

Вскоре после этого Па-Чи-Лу вылетел на Землю.

Только прошу тебя, Хой, избавь меня от проповедей на моральные темы. Ты знаешь лучше меня, что в Патрульной Службе бывали дела и похлеще. Мне это так же неприятно, как и тебе, но у меня не было другого выхода. К тому же этот амебовидный специалист по части преступлений слишком долго избегал справедливого возмездия. В сущности, с точки зрения морали я был безусловно прав, принимая такое решение.

Как я уже сказал, Па-Чи-Лу возвратился на Землю, на этот раз под видом редактора того издательства, которое опубликовало знаменитый учебник биологии. В архивах издательства все еще хранились оригиналы иллюстраций. Космосержант умело и осторожно внушил одному из технических редакторов мысль о необходимости пересмотреть фотоматериалы и подвергнуть анализу бумагу, на которой они были напечатаны.

Химический анализ показал, что фотобумага была изгото-
влена из фартуха — синтетической ткани, весьма распро-
страненной на Гтете, но неизвестной землянам, которым
при естественном течении событий предстояло открыть ее
лишь три столетия спустя.

Сенсационное сообщение о новой ткани тотчас же появилось в газетах. Вскоре все женщины Америки стали лихорадочно раскупать белье из фартуха — новинки сезона, а мы наконец-то смогли предъявить Л'пэйру обвинение в контрабандном ввозе запрещенного товара и стимулировании очередной вспышки индустриального прогресса на Земле.

И все-таки он молодец, этот парень, Хой! «Ну что ж, —
сказал он, — дорога была длинная, и она подошла к концу.
Поздравляю вас! Преступление — не самый выгодный биз-
нес. Нарушители закона всегда проигрывают, победителями
неизменно оказываются законодатели».

Я отправился к себе на базу, чтобы оформить бумаги о выдаче Л'пэйра. На душе у меня было легко; правда, у нас на руках оставался Блэтч, но он был гуманоидом. К тому же, однажды превысив свои полномочия и передернув карты, я решил довести игру до конца. Семь *скриптов* — один *лаунд*.

Но когда я со всеми документами вернулся на Плутон, я чуть не свалился с его поверхности: вместо одного амебовид-

нного существа — хитроумного преступника Л'пэйра — я увидел двух Л'пэйров! Меньших размеров, конечно, точнее, вдвое меньших, чем первоначальная амеба, но, без всякого сомнения, Л'пэйров.

За время моего отсутствия он раздвоился.

Каким образом? Помнишь полоскание, которое требовал от нас этот землянин? Так вот, это была идея Л'пэйра, его последняя, самая хитроумная попытка спастись. Получив лекарство, землянин переправил его гтетанцу, который припрятал жидкость в своей камере на самый последний случай.

Полоскание было не чем иным, как *раствором соли*. Представляешь мое положение?! Гтетанцы, правда, объявили, что их законы предусматривают подобные случаи, но мне-то какое дело до их законов?

— Преступление имело место. Продавалась порнография. Мы требуем выдачи преступника. Обоих! — как заводной повторял шеф гтетанской полиции.

— В соответствии с Галактическими Статутами 600937 — 6106514, — бубнил Осборн Блэтч, — я требую немедленного освобождения, возмещения убытков в размере двух миллиардов галактических медгаваров, письменно зафиксированного...

И ко всему прочему...

— Возможно, наш предок Л'пэйр действительно был ужасным грешником, — пискляво шепелявили молодые амебы в клетке справа от камеры Блэтча. — Но какое это имеет отношение к нам? Л'пэйр с лихвой заплатил за свои прегрешения — он скончался в родах. Мы же молоды и совсем-совсем невинны. Неужели старушка Галактика наказывает малолетних за грехи их родителей?

Что бы ты сделал на моем месте?

Я отослал весь табор в Главный Штаб — гтетанцев с их воплями и юридическими цитатами, Осборна Блэтча с его зонтиком и учебником по биологии, связку порнографических фото и, наконец, — хотя я должен был бы упомянуть о них прежде всего — двух (не ошибись — их двое!) еще тепленьких амебочек. Пометь их Л'пэйр₁ и Л'пэйр₂. Делай с ними что хочешь, а я умываю руки.

Но если ты (вместе со своими мудрецами в Штабе) сумеешь придумать какое-нибудь объяснение, которое мы могли

Уильям Тенн

бы представить Старику, прежде чем он вскроет глоссистомороф, мы (я и Па-Чи-Лу) будем благодарны тебе по гроб жизни.

Ну а если не придумаешь — что ж, мы здесь на посту 1001625 Космической Патрульной Службы. Наши чемоданы сложены. По Черному туннелю на Сигнусе не путешествуют налегке.

P. S. Хой, лично я убежден, что во всех неприятностях виноваты существа, которым для воспроизведения рода обязательно требуются всякие страсти и эмоции. Куда разумнее и пристойнее делать это с помощью спор.

ПЛОСКОГЛАЗОЕ ЧУДОВИЩЕ

Несколько секунд Клайд Мэншип — который до сих пор был доцентом кафедры сравнительного литературоведения университета Келл — несколько секунд Мэншип героически пытался убедить себя в том, что ему всего-навсего приснился дурной сон. Он зажмурил глаза и с упреком сказал себе, что столь гнусные штуки просто не могут существовать в реальном мире. Ни в коем случае. Определенно, сон.

Он уже наполовину убедил себя, как вдруг чихнул. Чих получился слишком громким и мокрым, чтобы его можно было игнорировать. Во сне так не чихают — если во сне вообще чихают. Он сдался. Придется открыть глаза и посмотреть еще раз. От этой мысли у него свело шею.

Чуть раньше он уснул, перечитывая статью, которую написал в научный журнал. Уснул в собственной кровати и в собственной квартире в Каллахан-Холле — «очаровательное и недорогое жилье для холостых сотрудников факультета, желающих жить на территории кампуса». Проснувшись, Клайд Мэншип ощутил слегка болезненное покалывание во всем теле. Он чувствовал себя так, словно его растянули, невообразимо сильно растянули, а потом отпустили. А затем он вдруг вылетел из кровати через открытое окно, словно быстро

исчезающий клуб дыма. Он поднялся прямо в усеянное звездами ночное небо, продолжая растворяться в воздухе, покуда не потерял сознания.

И оказался на этом невероятном просторе белого стола. Над ним был сводчатый потолок, а в легких клубился сырой воздух, малопригодный для дыхания. С потолка свисало великое множество какого-то, несомненно электронного, оборудования, однако такого сорта, о каком ребята с кафедры физики могли бы только мечтать, если бы грант, только что полученный ими от правительства на военные исследования по радиоактивности, был в миллион раз больше и профессор Боулс, заведующий кафедрой, настоял бы, чтобы каждая деталь была сконструирована совершенно не так, как что-либо ранее известное в электронике.

Оборудование над головой трещало, дребезжало, булькало, скрипело, блестело, мигало и сверкало. Вдруг оно утомилось, как будто кто-то удовлетворенно повернул выключатель.

Клайд Мэншип сел, чтобы посмотреть, кто же его повернулся.

И увидел.

Он увидел не кто, а скорее что. И это было не самое приятное «что». В сущности, ни в одном из этих что, которых он увидел, быстро оглянувшись вокруг, не было ровным счетом ничего приятного. Поэтому Клайд быстро зажмурился и попытался найти иной духовный выход из создавшейся ситуации.

Но теперь он был вынужден посмотреть еще раз. Может, во второй раз все будет не так скверно.

«Темнее всего перед рассветом, — сказал он себе нарочито обыденным тоном. И невольно добавил: — Кроме тех дней, когда солнечное затмение».

Однако глаза он все-таки открыл, хотя и с опаской, как открывает рот ребенок для второй ложки касторки.

Да, они были такими же, какими ему запомнились. Совершенно ужасными.

По краям стола в нескольких дюймах одна от другой торчали толстые круглые кнопки. И на этих кнопках футиах в шести справа от него сидели два существа, похожие на черные кожаные чемоданы. Только вместо ручек или, скажем, ремней они щеголяли изобилием черных шупальцев, многи-

ми десятками щупальцев, каждое второе или третье из которых заканчивалось бирюзовым глазом, прикрытым густейшими ресницами, какие Мэншип встречал только в рекламе туши для век.

Непосредственно в чемодан, словно для вящего декоративного эффекта, были вставлены россыпи других, небесно-голубых глаз, но уже без ресниц, множеством сверкающих граней напоминающих огромные самоцветы. На телах кошмарных незнакомцев не было никаких признаков ушей, носов или ртов, зато они были покрыты густой сероватой слизью — та медленно стекала с чемоданов и равномерно шлеп-шлеп-шлепалась на пол.

Слева, примерно в пятнадцати футах, где неправильной формы стол образовывал длинный полуостров, находилось еще одно существо. В щупальцах оно держало пульсирующий шар, на поверхности которого постоянно появлялись и пропадали светящиеся пятна.

Насколько Мэншип мог судить, все наличные глаза троих созданий пристально рассматривали его. Он поежился и попытался свести плечи.

— Итак, профессор, — неожиданно спросил кто-то, — что вы скажете?

— Я бы сказал, что это чертовски неприятное пробуждение, — с раздражением заявил Мэншип. Он хотел было продолжать и развить эту тему, украсив ее деталями, но его остановили два соображения.

Первое: кто задал вопрос? Во всем огромном сыром помещении он не видел ни одного человека — ни одного живого существа, в сущности, — кроме трех чемоданов со щупальцами.

Вторым соображением, остановившим его, было то, что кто-то другой начал отвечать на вопрос, бесцеремонно перебив Мэншипа.

— Что же, совершенно очевидно, — сказала эта личность, — что эксперимент удался. Затраченные средства и долгие годы исследовательской работы полностью оправданы. Вы сами можете убедиться, советник Гломг: односторонняя телепортация — теперь уже доказанный факт.

Мэншип определил, что голоса исходят с правой стороны от него. Более широкий из двух чемоданов, — видимо, «профессор», — к которому был обращен вопрос, разговаривал с более узким; тот отвернулся большую часть своих глаз на ножках от Мэншипа, сфокусировав их на собеседнике. Только

вот откуда, черт возьми, исходили голоса? Изнутри их тел? Нигде не было никакого признака голосового аппарата.

И с какой стати, пронзило мозг Мэншипа, они говорят по-английски?

— Сам вижу, — признал советник Гломг с грубоватой честностью, которая так ему шла. — Правильно, это доказанный факт, профессор Лирлд. Однако что же именно доказано?

Лирлд поднял тридцать или сорок щупальцев; зачарованно наблюдавший Мэншип догадался, что это означало энергичное и нетерпеливое пожимание плечами.

— Осуществлена телепортация живого организма с астрономического объекта 649-301-3 без помощи передающего аппарата на планете его происхождения.

Советник снова перевел глаза на Мэншипа.

— Вы называете это живым? — с сомнением осведомился он.

— Ах, перестаньте, советник! — запротестовал профессор Лирлд. — Давайте отбросим всякий флефноморфизм. Оно явно способно ощущать, явно способно передвигаться, до известной степени...

— Ладно. Оно живое. Готов признать. Но разве оно чувствует? Мне отсюда кажется, что оно даже не пмбффает. А эти жуткие одинокие глаза! Их всего два, и они такие плоские! А сухая кожа без всяких следов слизи?.. Я мог бы признать...

— Ты бы лучше на себя посмотрел, тоже не акти какой красавец, знаешь ли, — не утерпев, возмущенно бросил ему глубоко уязвленный Мэншип.

— В своей оценке чуждых форм жизни я придерживаюсь принципов флефноморфизма, — продолжал тот, как будто Мэншип ничего не говорил. — Да, я флефноб и горжусь этим. В конце концов, профессор Лирлд, я видел других совершенно невозможных существ с соседних планет, которых привозили сюда мой сын и прочие исследователи. Самые странные из них, самые примитивные, по крайней мере способны пмбффать! А это... эта вещь... Ни малейшего, ни ничтожнейшего следа пмбффа я в нем не вижу! Оно жуткое, вот именно — жуткое!

— Отнюдь нет, — запротестовал Лирлд, — всего лишь научная аномалия. Возможно, в окраинных областях Галактики, где часто встречаются животные подобного рода, усло-

вия таковы, что пмбффанье необязательно. Подробное исследование очень скоро многое нам объяснит. А пока мы доказали, что жизнь существует не только в заполненном светилами центре Галактики, но и в других областях. И когда настанет время исследовательских полетов к тем мирам, то отважные путешественники, вроде вашего сына, полетят, вооруженные знаниями. Они будут иметь представление, с чем могут столкнуться.

— Эй, послушайте! — в отчаянии закричал Мэншип. — Вы меня слышите или нет?

— Можете отключить энергию, Срин, — отозвался профессор Лирлд. — Нечего ее расходовать впустую. Я считаю, что у нас достаточно этого существа. Если еще какая-то его часть должна материализоваться, то она будет перенесена остаточным лучом.

Флефноб слева от Мэншипа быстро повернул шар, который держал в щупальцах. Низкий шум, наполнявший помещение и почти незаметный раньше, смолк. Срин внимательно уставился на пятна света на поверхности своего инструмента, и Мэншип вдруг догадался, что это — показания приборов. Да, именно показания приборов. «Ну а откуда мне это стало известно?» — с удивлением подумал он.

Разумеется. Существовал лишь один ответ. Если они не слышали его, как бы громко он ни кричал, если они даже не догадывались, что он кричал, и если в то же время они с невероятной легкостью говорили на его родном языке, значит, они были телепатами. Без ушей и ртов.

Мэншип внимательно слушал, как Срин о чем-то спрашивал своего начальника. Казалось, в ушах у него звучали слова, английские слова, которые произносились ясным, четким голосом. Но при этом что-то было не совсем так. Чего-то не хватало: недоставало жизненности, которой настоящие овощи отличаются от искусственных овощных приправ. Кроме того, за словами Срина слышался какой-то невнятный фон из других слов, беспорядочных обрывков предложений; те иногда становились достаточно «слышными», чтобы уяснить предмет, о котором не упоминалось в «разговоре». Именно так Мэншип догадался, что мерцающие пятна света на шаре были показаниями приборов.

А когда странные существа упоминали то, для чего вообще не существовало эквивалента в английском языке, мозг подсовывал ему бессмысленный слог.

Пока все хорошо. Его выдернул из теплой постели в Каллахан-Холле какой-то телепатический чемодан по имени Лирлд или что-то вроде этого, оснащенный множеством глаз и щупальцев. Его засосало на какую-то планету в совершенно другой системе около центра Галактики, причем одетого только в яблочно-зеленую пижаму.

Он находился в мире телепатов, которые совсем не слышали его, но которых сам он легко мог подслушивать, потому что его мозг, по всей видимости, представлял собой достаточно чувствительную антенну. Вскоре ему предстояло подвергнуться «подробному исследованию» — перспектива отнюдь не радостная, тем более что на него, кажется, смотрели как на экзотическое лабораторное животное. И наконец, о нем были весьма невысокого мнения — главным образом потому, что он совсем не мог пмбффать.

Подведя итог, Клайд Мэншип решил, что, пожалуй, пора дать почувствовать свое присутствие. Дать им понять, что он определенно не какая-нибудь низшая форма жизни, а, так сказать, один из них. Что он и сам член клуба «Разум выше материи» и происходит от длинной череды обладателей высокого коэффициента интеллектуального развития.

Вот только как им дать понять?

Ему смутно припомнились приключенческие романы, которые он читал мальчишкой. Исследователи высаживаются на незнакомом острове. Аборигены, вооруженные острыми копьями, дубинками и небольшими булыжниками, высекают из джунглей, чтобы встретить незваных гостей, и радостно гикают, предвкушая нанесение тяжких увечий. Исследователи, слегка струхнув, поскольку не знают языка как раз этого острова, должны действовать быстро. Естественно, они прибегают к... они прибегают к... универсальному языку жестов! Универсальному!

Все еще сидя, Клайд Мэншип поднял обе руки прямо над головой.

— Моя друг, — промолвил он. — Моя приходить с миром.

Мэншип не предполагал, что завяжется диалог, но надеялся, что произнесение этих слов поможет ему психологически и добавит его жестам искренности.

— Можете также выключить записывающую аппаратуру, — давал указания ассистенту профессор Лирлд. — С этого момента все будет фиксироваться в двойной памяти.

Срин снова повертел свой шар.

— Вам не кажется, что нужно уменьшить сырость, сэр? Сухость кожи этого существа, похоже, говорит в пользу климата пустыни.

— Вовсе нет. Я сильно подозреваю, что это одна из тех примитивных форм, которые способны существовать в самых разных окружающих средах. Данный экземпляр, очевидно, отлично себя чувствует. Говорю вам, Срин, до сего момента мы можем быть вполне удовлетворены результатами эксперимента.

— Моя друг! — продолжал отчаянно выкрикивать Мэншип, поднимая и опуская руки. — Моя разумное существо! Моя иметь КИ 140 по шкале Векслера—Бельвию!

— Вы можете быть удовлетворены, — говорил Гломг, в то время как Лирлд слегка подпрыгнул и поплыл вверх, словно огромный одуванчик, к мешанине аппаратуры, — но только не я. Мне все это дело совершенно не нравится.

— Моя друг и разумное суще... — начал Мэншип. И опять чихнул. — Будь проклята эта сырость, — угрюмо пробормотал он.

— Что такое? — строго спросил Гломг.

— Ничего особенного, советник, — успокоил его Срин. — Подопытное существо делало так и раньше. Скорее всего мы наблюдаем периодически происходящую биологическую реакцию низшего порядка, возможно, примитивный метод поглощения глинка. Совершенно исключено, что это может быть способом общения.

— Я и не думал об общении, — раздраженно заметил Гломг. — Я подумал, что подобные действия, возможно, предшествуют всплеску агрессивности.

Профессор спланировал на стол, притащив с собой спутанный клубок разноцветных проводов.

— Вряд ли. С помощью чего такое существо может проявить агрессивность? Боюсь, что вы уж слишком далеко заходите в своем недоверии к неизвестному, советник Гломг!

Мэншип скрестил руки на груди и погрузился в беспомощное молчание. Было ясно, что добиться понимания удастся лишь через телепатию. А как начать передавать мысли телепатически? Что для этого надо делать?

Если бы только его диссертация была по биологии или физиологии, а не на тему «Употребляемость видовременных

форм глаголов в первых трех книгах “Илиады”. Ну да ладно. До дома путь неблизкий. Надо пробовать.

Он закрыл глаза, предварительно удостоверившись, что профессор Лирлд не собирается приближаться к нему с каким-нибудь оборудованием. Затем наморщил лоб и наклонился вперед, пытаясь как можно сильнее сосредоточиться.

«Проверка, — подумал Мэншип изо всех сил, — проверка, проверка. Раз, два, три, четыре — проверка, проверка. Вы меня слышите?»

— Просто мне это не нравится, — снова заявил Гломг. — Мне не нравится то, чем мы здесь занимаемся. Назовите это предчувствием, назовите как угодно, но мне кажется, что мы вторгаемся в бесконечность, а нам не следует этого делать.

«Проверяю. — Мэншип неистово формировал мысленные образы. — У Мэри был ягненочек. Проверка, проверка. Я инопланетное существо, и я пытаюсь вступить с вами в контакт. Говорите, пожалуйста».

— Позвольте, советник, — раздраженно возразил Лирлд. — Давайте оставим схоластику. Мы проводим научный эксперимент.

— Вот и прекрасно. Но я считаю, что существуют тайны, над которыми флефнобы никогда не должны пытаться приподнять завесу. Чудовище, выглядящее так жутко — кожа без слизи, всего два глаза и оба плоские, не может или не хочет пмбффать, почти полностью отсутствуют щупальца — чудовище такого сорта нужно оставить в покое на его адской планете. Есть границы и для науки, мой ученый друг, — по крайней мере должны быть. Никому не дано познать непознаваемое!

«Вы меня слышите? — взмолился Мэншип. — Инопланетное существо — Срину, Лирлду и Гломгу: произвожу попытку телепатического общения. Пожалуйста, ответьте кто-нибудь. Кто угодно. — Он чуть помолчал и добавил: — Конец связи».

— Я не признаю таких ограничений, советник. Моя любознательность велика, как сама Вселенная.

— Охотно верю, — зловеще парировал Гломг. — Однако и в Тизе и в Тетзбах сокрыто больше, чем снится нашей мудрости, профессор.

— Моя мудрость... — начал было Лирлд, но, перебив сам себя, объявил: — А вот и ваш сын. Почему бы не спросить у него? Если бы он не был вооружен результатами научных

исследований, которые такие люди, как вы, раз за разом хотели приостановить, было бы невозможно ни одно из его героических достижений в области межпланетных открытий.

Потерпевший сокрушительное поражение, но еще не утративший любопытства, Мэншип открыл глаза и увидел, как на стол планирует какой-то поразительно узкий черный чемодан, весь опутанный похожими на спагетти щупальцами.

— Что это? — осведомился вновь прибывший, раскинув над головой Мэншипа гроздь сверхволосятых глазоножек. — Похоже на йурда с запущенной формой хипплестатча. — Он помолчал и добавил: — Прогрессирующего хипплестатча.

— Перед вами существо с астрономического объекта 649-301-3, которое мне только что удалось телепортировать на нашу планету, — с гордостью сообщил Лирлд. — Примите во внимание, Рабд, — без передающего устройства на другом конце! Признаюсь, пока не ясно, почему никогда раньше эксперимент не удавался, а сейчас вдруг получилось, но это тема для дальнейших исследований. Превосходный экземпляр, Рабд! И насколько мы можем судить, в отличном состоянии. Срин, теперь можете убрать его.

— Ой, не надо, Срин, — начал было причитать Мэншип, но с потолка упал огромный треугольник из какого-то мягкого материала и накрыл его. В ту же секунду поверхность стола как будто провалилась, суетливый индивид, которого Мэншип принимал за ассистента, собрал под ним концы треугольника и со щелчком скрепил их. Мэншип даже рукой шевельнуть не успел, а крышка стола вновь встала на прежнее место, пребольно ударив его.

И вот он сидел, тщательно упакованный, как подарок ко дню рождения. В целом положение не улучшилось, решил Мэншип. С другой стороны, они вроде бы не собирались пока ставить его на лабораторную полку рядом с пыльными банками с заспиртованными флефнобскими эмбрионами.

Тот факт, что он был первым человеком в истории, вступившим в контакт с внеземной расой, почему-то ни капельки не радовал Клайда Мэншипа.

Во-первых, размышлял он, контакт был какой-то неполнценный — больше похожий на знакомство необычно окрашенного мотылька с банкой энтомолога, нежели на торжественную встречу гордых представителей двух разных цивилизаций.

Во-вторых, что гораздо важнее, такого рода рукопожатие в космосе скорее могло порадовать астронома, социолога или даже физика, чем доцента кафедры сравнительного литературоведения.

Мэншип много раз в своей жизни мечтал о чем-то. Но он мечтал, например, о том, что присутствует на премьере «Макбета» и видит, как разгоряченный Шекспир умоляет Бэрбейджа не выкрикивать монолог «Завтра, завтра, завтра» в последнем акте: «Ради Бога, Дик, пойми — у тебя только что умерла жена, ты сам вот-вот потеряешь королевство и собственную жизнь. Не надо орать, как Мег в “Русалке”, когда она требует дюжину эля. Философичнее, Дик, вот в чем идея, медленно, печально и философично. И как бы слегка недоумевая».

Или он воображал, как сидит среди толпы людей году эдак в 700-м до новой эры и вдруг встает слепой поэт и впервые произносит: «Гнев нам, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына...»

Или будто бы он гостит в Ясной Поляне, и Толстой с отсутствующим взглядом входит из сада в дом и бормочет: «Вот только что пришла в голову мысль написать рассказик о вторжении Наполеона в Россию. А какое название! “Война и мир”. Ничего претенциозного, ничего заумного. Очень просто — “Война и мир”. Они там в Петербурге со стульев попадают. Точно вам говорю. Разумеется, сейчас это всего лишь коротенький рассказик, но я, вероятно, придумаю несколько эпизодов, чтобы расширить произведение».

А путешествия на Луну и другие планеты Солнечной системы, не говоря уже о центре Галактики, — да еще в одной пижаме? Нет уж, увольте, от такого блюда у Клайда Мэншипа слюнки явно не текли. Если уж на то пошло, в своих мечтах он не забирался дальше, чем, скажем, на поднебесный балкон Виктора Гюго в Сен-Жермен де Прэ или на греческие острова, где пылкая Сапфо влюблялась и под настроение время от времени пела.

Вот профессор Боулс или кто-то еще из этих заносчивых мальчишек с кафедры физики — чего бы они только не дали, чтобы оказаться на его месте! Стать объектом настоящего эксперимента, который не укладывается ни в одну земную теорию, познакомиться с фантастическими технологиями, — вероятно, они бы сочли, что в обмен на все это было бы выгодно и даже почетно подвергнуться вивисекции, кото-

рая, по мрачному убеждению Мэншипа, завершит сегодняшний праздник. Кафедра физики...

Мэншип вдруг припомнил замысловатую вышку, усеянную серыми изоляторами; кафедра физики воздвигала ее на поле Мэрфи. Из окна комнаты в Каллахан-Холле он собственными глазами наблюдал, как растет субсидируемый правительством проект по изучению радиации.

Не далее как вчера вечером, когда вышка достигла уровня его окон, Мэншип подумал, что она скорее похожа на средневековую осадную машину, предназначенную сокрушать стены крепостей, чем на современное устройство связи.

Но когда Лирлд упомянул, что односторонняя телепортация никогда раньше не удавалась, Мэншип подумал, а не является ли эта недостроенная башня, заглядывающая обрывками электронной мешанины к нему в окно, причиной того кошмарного пюре, в котором он теперь увяз.

Может, эта вышка стала недостающим звеном в аппарате Лирлда, своего рода антенной, или заземлением, или чем-нибудь еще? Если бы он хоть немного разбирался в физике!.. Восемь лет высшего образования были здесь совершенно бесполезны.

Он стиснул зубы, но прикусил язык и был вынужден отложить всякие размышления, пока не прошла боль и не высохли слезы.

Ну а даже если бы он знал наверное, что эта башня сыграла решающую, хотя и пассивную роль в его перемещении через межзвездное пространство? Если бы он мог определить ее роль в мегавольтах и амперах — разве эти знания могли принести хоть какую-то пользу в его невозможном положении?

Он все равно так и оставался бы отвратительным плоскоглазым неразумным чудовищем, случайно подобранным где-то на задворках Вселенной, окруженным существами, для которых его основательное знание многочисленных литературных шедевров астрономического объекта 649-301-3, даже если допустить чудо перевода, будет звучать шизофренической словесной мешаниной.

Погруженный в отчаяние, Мэншип безнадежно дергал материал, в который был завернут. Вдруг в руках у него оказались два маленьких обрывка.

Для того чтобы как следует рассмотреть их, света было недостаточно, но на ощупь он определил материал безошиб-

бочко: бумага. Его завернули в огромный лист бумаги или чего-то очень похожего.

Что ж, здесь есть своя абсурдная логика. Поскольку отростки флефнобов состояли только из нежных щупальцев, которые либо заканчивались глазами, либо просто сужались, и поскольку им нужны были выступы на лабораторном столе, чтобы сидеть вокруг него, то, с их точки зрения, бумажная клетка являлась вполне надежным местом. Их щупальцам здесь не за что было ухватиться, а силы, видимо, недоставало, чтобы порвать бумагу.

Несмотря на то что Мэншип никогда не был атлетом, он все же верил, что в крайнем случае сумеет освободиться из бумажного мешка. Эта мысль успокаивала, хотя в данный момент пользы от нее было не больше, чем от озарения насчет вышки на поле Мэрфи.

Если бы только существовал какой-нибудь способ передать информацию маленькой группе Лирлда! Может быть, они бы тогда поняли, что их «Безумный ужас из гиперпространства» обладает кое-какими интеллектуальными способностями, и, возможно, как-то отправили бы его обратно. Если бы захотели.

Вот только передавать информацию он не мог. По причине совершенно разных эволюционных путей человека и флефноба Мэншип мог только принимать. Поэтому бывший доцент кафедры сравнительного литературоведения Клайд Мэншип тяжело вздохнул, опустил плечи и настроился на прием.

Еще он аккуратно и нежно разгладил складки на пижаме, и не столько из-за латентных портновских амбиций, сколько из-за того, что ощущал болезненный укол ностальгии: он вдруг понял, что этот недорогой зеленый костюм весьма стандартного покроя был единственным артефактом, который остался у него от прошлого мира. Единственный сувенир, так сказать, от цивилизации, которая произвела на свет Тамерлана; эта пижама была по сути связующим звеном между его физическим телом и Землей.

— Что касается меня, — рассуждал сын Гломга, исследователь (было ясно, что спор продолжается и бумажная преграда никак не влияет на способность Мэншипа «слышать»), — то я могу привозить с собой этих инопланетных чудищ, а могу и не привозить. Но когда они оказываются столь отталкивающими, как вот это, я предпочитаю их не трогать. Вот

что я хочу сказать: я не боюсь вторгаться в область бесконечного, как это называет папа, однако, с другой стороны, я не верю, что ваши изыскания, профессор Лирлд, когда-нибудь дадут нам действительно что-то важное. — Он немного помолчал и продолжил: — Надеюсь, вы не обиделись на меня, сэр. Я честно сказал, что думаю. Я практический флефноб и верю в практические вещи.

— Как вы только можете так говорить: ничего действительно важного?! — Несмотря на извинения Рабда, душевный «голос» профессора, как отметил мозг Мэншипа, явно дрожал от возмущения. — Ведь основной целью флефнобской науки на сегодняшний день является путешествие в такой район внешней Галактики, где расстояния между звездами огромны по сравнению с их относительной плотностью здесь, в галактическом центре.

Мы легко можем путешествовать на пятьдесят четыре планеты нашей системы и недавно осуществили полет к нескольким соседним звездам, но достижение срединных областей Галактики, откуда и происходит этот экземпляр, остается сегодня таким же призрачным прожектом, каким он был на заре внеатмосферных полетов два столетия назад.

— Правильно! — перебил его Рабд. — А почему? Потому что у нас нет кораблей, способных осуществить такие полеты? С тех пор как создана Трасса Булвонна, любое военное или торговое судно флефнобов, включая и мой маленький трехмоторный катер, может дончаться до такого места, как астрономический объект 649-301-3 — называю его просто для примера — и обратно, даже не перегревая двигателей. Но мы этого не делаем. И тому есть веская причина.

Теперь Клайд Мэншип слушал — или принимал — так напряженно, что две половины его мозга, казалось, наезжали одна на другую. Его очень интересовал астрономический объект 649-301-3 и все, что могло облегчить или усложнить путешествие к нему, каким бы необычным ни оказалось средство передвижения с земной точки зрения.

— И причина эта, разумеется, — продолжал молодой исследователь, — сугубо практического характера. Духовное вырождение. Старое добродуховное вырождение. На протяжении двухсот лет мы успешно решали любую задачу, связанную с космическими путешествиями, но до сих пор мы даже не приблизились к поверхности этой проблемы. Стоит нам удалиться от своей родной планеты на какие-нибудь

двадцать световых лет, и тут же начинается духовное вырождение. Самые лучшие экипажи начинают вести себя как умственно отсталые дети, и если они немедленно не возвращаются домой, их разум затухает: они духовно деградируют до нуля.

«Это возможно, — решил Мэншип, с интересом прислушиваясь, — это вполне возможно. Телепатическая раса вроде флефнобов... ну конечно же! С младенчества привыкнув к тому, что их постоянно окружает духовная аура всего вида, общаясь исключительно с помощью телепатии, поскольку никогда не было нужды в развитии других средств связи, они должны испытывать такое одиночество, такое жуткое одиночество, когда их корабли достигают слишком отдаленной точки, откуда нельзя установить контакт с их миром!..»

А их образование — Мэншип мог только догадываться о системе образования у существ, столь непохожих на него самого, но наверняка это должно быть что-то вроде непрерывного духовного осмоса высшего порядка, взаимный духовный осмос. Независимо от конкретных форм их система образования, вероятно, основывалась главным образом на включении индивида в группу. И когда чувство принадлежности к группе становилось слишком слабым либо в результате какого-нибудь постороннего барьера, либо из-за огромных межзвездных расстояний, неизбежно наступал психический распад флефноба.

Однако все это было несущественно. Существовали межзвездные корабли! Существовали средства передвижения, способные доставить Клайда Мэншипа обратно на Землю, в университет Келли, к прерванной работе, которая, как он надеялся, наконец принесет ему звание профессора сравнительного литературоведения: «Стиль против содержания в пятнадцати репрезентативных отчетах перед мелкими акционерами за период 1919—1931 годов».

Впервые в его душе забрезжила надежда. В следующую секунду она уже лежала на спине, растирая вывихнутое колено. «Только вообрази, вообрази интереса ради, — подсказывал ему врожденный ум, — что ты сможешь как-то отсюда выбраться и отыскать в этом, по всей видимости, совершенно чужом мире космические корабли, о которых упоминал Рабд. Можно ли себе представить, каким бы диким или горячечным ни было воображение, что он, Клайд Мэншип, неумеха, чьи способности к механике рассмешили бы си-

иантропа, можно ли себе представить, что он справится с различными механизмами космического корабля?»

Клайд Мэншип вынужден был признать, что в целом проект был неосуществим. И велел своему врожденному уму убираться ко всем чертям.

Итак, теперь Рабд. Рабд мог бы доставить его обратно на Землю, если (а) лично будет в этом заинтересован и если (б) с ним можно будет общаться. Ладно, что больше всего интересует Рабда? Очевидно, достаточно большой интерес представляет это духовное вырождение.

— Если вы найдете ответ на эту проблему, профессор, — уверял Рабд, — я буду так рад, что немедленно сниму со своего корабля глрк. Вот что удерживает нас здесь, в центре Галактики, уже так много лет. Вот это и есть практический вопрос. А когда вы извлекаете этот Кромом забытый кусок протоплазмы из дыры где-то на краю Вселенной и спрашиваете, что я об этом думаю, то должен сказать, что все это меня оставляет совершенно равнодушным и, с моей точки зрения, не является полезным экспериментом.

Мэншип уловил душевную пульсацию кивка от отца Рабда.

— Вынужден согласиться с тобой, сынок. Эксперимент бесполезный и опасный. И думаю, что смогу убедить остальных членов Совета разделить мое мнение. Мы уже слишком многое истратили на этот проект.

Так как резонанс их мыслей несколько ослабел, Мэншип сделал вывод, что флефнобы покидают лабораторию.

Он услышал отчаянные «Но... но...» Лирлда. Потом, уже издалека, видимо, отдевавшись от профессора, советник Гломг спросил сына:

— А где малышка Тект? Я думал, вы придете вместе.

— Она на посадочном поле, — ответил Рабд, — наблюдает за погрузкой. Как-никак, сегодня вечером мы отправляемся в свадебный полет.

— Чудесная девушка, — сказал Гломг теперь уже едва слышным голосом. — Ты очень счастливый флефноб.

— Я знаю, папа, — согласился с ним Рабд. — Не думай, будто я этого не понимаю. Ни у кого нет стольких шупальцев с глазами на этой стороне Гансибоккла, и все они мои, все мои!

— Тект — теплая и в высшей степени разумная женская особь флефноба, — строго подчеркнул отец уже издалека. — У нее множество прекрасных качеств. Мне не нравится, что

ты ведешь себя так, будто брак сводится только к количеству глазных щупальцев у женщины.

— Ах, конечно же, нет, папа, — успокоил его Рабд. — Вовсе нет. Для меня брак — это важное и э-э... серьезное дело. Очень ответственное, э-э... налагающее серьезные обязательства. Да, сэр. В высшей степени серьезные. Однако то, что у Тект больше ста семидесяти шести покрытых слизью щупальцев, каждое из которых увенчано симпатичным прозрачным глазом, не причинит вреда нашим отношениям. Совсем наоборот, папа, совершенно наоборот.

— Суеверный старый дурак и наглый мужлан, — с горечью заметил профессор Лирлд. — И эти двое могут прикрыть финансирование, Срин! Они могут прекратить мою работу. Нам нужно подготовить контрмеры!

Однако Мэншипа не интересовали эти такие знакомые академические страсти. Он отчаянно тянулся за удаляющимися мозгами Гломга и Рабда. Его, впрочем, не особенно занимали соображения старшего насчет здоровой и счастливой сексуальной жизни в браке.

Что действительно очень его интересовало, так это побочный душевный продукт предыдущего разговора. Когда Рабд упомянул о загрузке своего корабля, в какой-то части мозга флефноба, как будто по ассоциации, ненадолго всплыла конструкция небольшого судна, его оборудование и, главное, система управления.

Всего на несколько секунд вспыхнула приборная панель с загорающимися и гаснущими разноцветными лампочками и начало давнишней, часто повторяемой команды: «Прогреть двигатели Трассы Булвонна, сначала медленно повернуть три верхних цилиндра... Теперь осторожно!»

Мэншип с удивлением понял, что недавно такую же сублимированную мысль-картинку он воспринял от Срина, и это помогло ему догадаться, что мерцающие световые узоры на шаре в руках лаборанта в действительности — показания приборов. Очевидно, его восприятие флефнобов было глубже, чем просто считывание сознательно передаваемой информации, и проникало если не в подсознание, то в более глубокие области их психики и памяти.

Но это означало... означало... Удивительно, что в его положении он еще мог о чем-то размышлять. Немного практики, чуть-чуть навыка, и он, без сомнения, сможет «услышать» мозг каждого флефноба на планете!

От этой мысли Мэншип нахмурился. Его «я», никогда не отличавшееся особой силой, за последние полчаса стремительно набирало вес под презрительным изучающим взглядом сотни глаз на щупальцах и десятками телепатических издевок. Его личность, у которой никогда не было никакой власти на протяжении всей взрослой жизни, внезапно обнаружила, что легко может держать судьбу целой планеты внутри своей черепной коробки.

Да, при этой мысли Мэншип почувствовал себя значительно лучше. Он по своему желанию мог овладеть любой крупицей информации, которой обладали эти флефнобы. А что бы ему хотелось знать? Скажем, для начала?

Его эйфория угасла, как спичка, на которую плюнули. Хотелось знать только одно: как попасть домой!

Одно из немногих существ на этой планете и, может быть, даже единственное, чьими мыслями он мог воспользоваться для осуществления своих планов, сейчас вместе с отцом направлялось в какой-то флефнобский эквивалент бара «У Тони». Только что Рабд, судя по воцарившейся тишине, вышел из зоны телепатической досягаемости.

С хриплым, мучительным, тоскливым криком, похожим на рев быка, который, — нанеся мощный удар рогами и по инерции пролетев через всю арену, — оглядывается и видит, как униформисты уносят раненого матадора... именно с таким пугающим ревом Клайд Мэншип подался вперед, мощным движением обеих рук разрывая покрывавший его материал, и вскочил на ноги, оказавшись на поверхности стола.

— ...и семь или восемь цветных диаграмм, иллюстрирующих историю телепортации до успешного эксперимента, — говорил в этот момент Лирлд своему ассистенту. — Собственно, Срин, если вы успеете сделать трехмерные диаграммы, то это произвело бы на Совет еще лучшее впечатление. Нам навязали бой, Срин, и мы должны использовать каждую...

Его мысли распались, потому что один глаз на стебле выгнулся и уставиля на Мэншипа. Через секунду уже весь комплект глаз профессора, а также глаза лаборанта развернулись и, подрагивая, уставились на стоящего во весь рост человека.

— Святой, концентрированный Крм. — Мозг профессора едва передавал невнятную мысль. — Плоскоглазое чудовище! Оно вырвалось!

— Сломало клетку из чистой бумаги! — в ужасе проговорил Срин.

Лирлд принял решение.

— Бластер, — приказал он. — Дай мне бластер, Срин. Будет финансирование или нет, с таким существом рисковать нельзя. Мы находимся в густонаселенном городе. Раз оно начало буйствовать... — По всему черному чемодану пробежала дрожь. Профессор быстро приладил какой-то причудливо изогнутый инструмент, который передал ему Срин, и направил на Мэншипа.

Вырвавшись из бумажного пакета, Мэншип замешкался в нерешительности, стоя на столе. Он никогда не был человеком действия и поэтому сейчас стоял, явно озадаченный тем, что делать дальше. В каком направлении ушли отец и сын Гломги? Мэншип растерянно озирался в поисках чего-нибудь похожего на дверь. Он очень сожалел о том, что не заметил, через какое отверстие проник в помещение Рабд, когда присоединился к их маленькой теплой компании. Он как раз решил проверить, что это за извилистые вмятины на противоположной стене, как вдруг увидел решительно направленный на него бластер. Мозг, зарегистрировавший недавнюю беседу между профессором и ассистентом как не представляющий интереса фон, вдруг сообщил Мэншипу, что он вот-вот станет первой и, вероятно, незарегистрированной жертвой в войне миров.

— Эй! — заорал он, совершенно забыв о своей ограниченной способности к общению. — Я просто хотел найти Рабда. Я вовсе не собираюсь...

Лирлд что-то сделал со своим причудливым инструментом, как будто заводил часы, но, видимо, это было эквивалентно нажатию на спусковой крючок. Одновременно он закрыл все свои глаза, — что само по себе еще не могло считаться проявлением добрых намерений.

Именно это, как понял Клайд Мэншип позже, — когда появилось время и место подумать, — и спасло ему жизнь. Это, да еще изумительный прыжок в сторону, когда миллионы щелкающих красных точек вырвались из инструмента в его сторону.

Красные точки пронзили воротник пижамы и попали в нижнюю часть свода, переходящего в потолок. Без всякого звука в стене появилась дыра футов десяти в окружности. Она была достаточно глубокой — фута три-четыре, и сквозь

нее виднелось ночное небо. Густое облако пыли опускалось на пол, как будто здесь только что выколачивали ковер.

Мэншип почувствовал, что в области сердца образовался комок из маленьких льдинок. Желудок вжался в брюшную перегородку и норовил растечься вокруг ребер. Никогда в жизни он еще не испытывал такого всеобъемлющего страха.

— Э-э-эй...

— Мощности многовато, профессор, — рассудительно заметил Срин; ассистент спокойно стоял у стены, распластав по ней щупальца. — Многовато мощности и недостаточно глынка. Добавьте немножко глынка и посмотрите, что получится.

— Благодарю вас, — ответил Лирлд. — Вы имеете в виду, вот так? — Профессор поднял и снова навел инструмент.

— Э-э-эй! — продолжал Мэншип, и не потому, что считал, будто такое утверждение принесет положительный результат, а потому, что в этот момент начисто лишился способности построить более сложную фразу. — Э-э-эй! — повторил он, стуча зубами и глядя на Лирлда уже не совсем плоскими глазами.

Мэншип предостерегающе поднял трясущуюся руку. По всему его телу распространился страх, подобно панике, охватывающей стадо обезьян. Он видел, как флефноб снова заводит спусковой крючок. Его мысли были парализованы, а все мышцы напряглись так, что казалось, вот-вот порвутся.

Вдруг Лирлд затрясся и опрокинулся на стол. Оружие выпало из его онемевших щупальцев и упало на мотки спутанных проводов, которые раскатились в разные стороны.

— Срин! — вскрикнул мозг профессора. — Срин! Чудовище... Ты... ты видишь, что испускают его глаза? Он... он...

Тело Лирлда с треском раскрылось, и из него вылилась какая-то бледно-голубая вязкая жидкость. Щупальца отвалились, как длинные сухие листья на холодном осеннем ветру. Глаза, покрывавшие его поверхность, из бирюзовых сделались темно-карими.

— Срин! — взмолился он тонкой прощальной мыслью. — Помоги мне... плоскоглазое чудовище... помоги... помоги!

И он растаял. На том месте, где находился профессор, ничего не осталось, кроме темной лужицы с голубыми вкраплениями, которая пузырилась и стекала с края стола.

Мэншип непонимающее смотрел на все это, до конца осознавая лишь одно: он все еще жив. Из мозга Срина до него

дошла волна абсолютно безумного, панического страха. Лаборант отпрыгнул от стены, у которой стоял, перебирая шупальцами, взобрался на стол, на секунду застыл над кнопками у края, чтобы оттолкнуться от них, и сделал длинный прыжок к дальней стене помещения. Зигзагообразные вмятины расступились, словно вспышка молнии, пропустив его тело.

Значит, это и в самом деле была дверь. Мэншип почувствовал гордость от собственной сообразительности. Учитывая скучность изначальных сведений... Весьма умно, весьма!

И только тогда его мозг осмыслил происходящее, и от этого Мэншипа затрясло. Он должен быть мертв, с разорванным в клочья телом и перемолотыми в муку костями. Что же случилось?

Лирлд выстрелил в него и промахнулся. Когда профессор собирался выстрелить во второй раз, нечто поразило флефноба приблизительно так же сильно, как того ассирийца в те дни, когда последний завел себе привычку налетать аки волк на овчарню. Но что? У Мэншипа не было никакого оружия. Не имелось у него, насколько он знал, в этом мире и никаких союзников. Он оглядел огромную сводчатую комнату. Тишина. Здесь больше ничего и никого не было.

О чём же это телепатически кричал профессор, прежде чем превратился в бульон? Что-то о глазах Мэншипа... Будто глаза Мэншипа что-то испускают?

Все еще крепко озадаченный — и несмотря на радость, что удалось пережить эти последние несколько минут, — Мэншип не мог удержаться от мимолетной печали. Жаль, что Лирлд погиб. Возможно, в силу некоторой схожести их служебного положения этот флефноб был единственным существом своего вида, к которому Мэншип испытывал какую-то симпатию. Теперь он чувствовал себя еще более одиноким — и, как-то смутно, несколько виноватым.

Разные мысли, которые бесполково бродили у него в голове, вдруг исчезли, и их место заняло в высшей степени важное наблюдение.

Зигзагообразные двери, в которые выскоцил Срин, закрывались, створки сходились! А насколько Мэншипу было известно, они служили единственным выходом отсюда!

Мэншип оттолкнулся от поверхности огромного стола и во второй раз за десять минут совершил такой прыжок, который делал честь его нерегулярным занятиям гимнастикой

шесть лет назад. Он ринулся к сужающейся щели, готовый в случае необходимости ногтями процарапать себе выход сквозь каменную стену.

Ему очень не хотелось очутиться здесь в ловушке, когда его окружит флефнобская полиция, вооруженная аналогами автоматов и слезоточивого газа. Он также не забывал, что ему надо догнать Рабда и взять еще два или три урока вождения.

К его великому облегчению, створки снова раздвинулись, когда он уже чуть было не врезался в них. Какое-то фотоэлектрическое устройство... а может, они просто реагируют на приближение тела?

Мэншип проскользнул в проем и впервые оказался на поверхности планеты, окруженный ночным небом.

Когда он поднял голову, у него перехватило дыхание и он на какое-то время совсем забыл, что вокруг него расстилается совершенно незнакомый город.

Как много звезд! Как будто эти небесные тела были сахарным песком и кто-то рассыпал в небесах целый мешок. Их мерцание создавало впечатление сумерек. Луны не было, но ее отсутствие освещения не портило; скорее казалось, что полдюжины лун рассыпались на квадрилионы крохотных белых точек.

В этом скопище было невозможно выделить какое-то отдельное созвездие. Вместо этого следовало бы говорить, подумал Мэншип, о третьей ярчайшей полосе или пятом большом секторе. Поистине, в центре Галактики не просто видели звезды — здесь среди них жили!

Мэншип заметил, что у него намокли ноги. Посмотрев вниз, он увидел, что стоит в очень мелком ручейке какой-то красноватой жидкости, который течет между округлыми флефнобскими зданиями. Сточная канава? Водопровод? Вероятно, ни то ни другое. Наверно, нечто такое, что человеку совершенно не нужно. Теперь Мэншип увидел, что параллельно текут и другие цветные потоки — зеленые, розово-лиловые, ярко-розовые. На перекрестке в нескольких ярдах от него красноватый поток делал ответвление в какую-то аллею, а к основному ручейку присоединялись новые разноцветные ленточки.

Ладно, он здесь не для того, чтобы заниматься проблемами внеземной социологии. У него уже начался насморк, как при сильной простуде. Он не только вымочил ноги; в сырой,

как губка, атмосфере пижама стала влажной и прилипла к телу, а глаза постоянно затягивало пеленой, которую все время приходилось стирать тыльной стороной ладони. Кроме того, хотя Мэншип и не был голоден, но с самого прибытия сюда он не видел ничего, напоминающего человеческую еду, и никаких признаков того, что у флефнобов есть желудки, не говоря уже о ртах.

Может быть, они принимали пищу через кожу; скажем, всасывали ее из тех разноцветных ручейков, что текли по их городу. Красные могли быть мясом, зеленые — овощами, а на десерт...

Он сжал кулаки и встряхнулся. «У меня нет времени для этого философского бадминтона, — зло одернул он себя. — Всего через несколько часов я начну испытывать ужасный голод и жажду. А также на меня объявят охоту. Пора приниматься за дело — нужно найти какие-то решения!»

Вот только какие?

К счастью, улица, где находилась лаборатория Лирлда, казалась пустынной. Может, флефнобы боялись темноты? Может, они поголовно были добрыми, респектабельными домоседами и все без исключения ночью забирались в кроватки и спали до рассвета? Может...

Рабд. Ему необходимо найти Рабда. Вот начало и конец единственного решения всех его проблем.

Рабд.

Мэншип попытался «прислушаться». В голове журкали бесчисленные обрывочные, бессвязные мысли ближайших обитателей города.

— Хорошо, дорогая, хорошо. Если тебе не хочется гадлить, то давай не гадлить. Займемся чем-нибудь еще...

— Этот негодяй Бохрг! Ну я ему завтра устрою...

— У тебя есть три замшкинса? Я хочу сделать между-городный посып...

— Бохрг заявится завтра утром, думая, что все идет как обычно. То-то он удивится...

— Ты мне нравишься, Нернт, ты мне очень нравишься. И поэтому я считаю своим долгом сказать тебе, чисто подружески, ты понимаешь...

— Нет, дорогой, дело не в том, что я не хочу гадлить; мне показалось, что тебе не хочется. Просто из деликатности я проявила внимание... Ты же сам меня всегда попрекал. Ко-

нечно же, я хочу гадлить! Пожалуйста, не смотри на меня так...

— Слушай сюда. Я могу уложить любого флефноба...

— По правде говоря, Нернт, мне кажется, ты единственный, кто еще не знает. Все остальные...

— Ну что, испугался, а? Ну давай, давай...

Но никакого намека на Рабда.

Мэншип осторожно пошел по мощеной улице, перепрыгивая через ручейки. Он слишком приблизился к стене темного здания. Тут же угодливо распахнулась зигзагообразная дверь, приглашая войти. Мэншип с секунду поколебался и шагнул внутрь.

Здесь тоже никого не оказалось. Уж не спят ли флефнобы в каком-нибудь центральном здании, наподобие дортуара? А вообще-то они спят? Не забыть бы настроиться на какой-нибудь мозг и выяснить. Информация может оказаться полезной.

Здание, в которое он попал, походило на склад; повсюду высились стеллажи. Стены между тем оставались голыми. Видно, у флефнобов было некое предубеждение против того, чтобы ставить вещи около стен. Стеллажи поднимались высокими ярусами — причем опять-таки имели самую разнообразную форму. Мэншип подошел к полкам, расположенным на высоте его груди. Десятки жирных зеленых мячиков лежали в фаянсовых чашках. Пища? Возможно. Выглядели они явно съедобно, как дыни.

Мэншип протянул руку и взял один мячик. Тот тут же захлопал крыльями и взлетел к потолку. Все остальные зеленые мячики на всех полках тоже расправили многочисленные тонкие крылышки и вспорхнули вверх, как будто стая сферических птиц, потревоженных в своих гнездах. Долетев до сводчатого потолка, они словно испарились.

Мэншип, пятаясь назад, торопливо покинул это место через открывшуюся перегородку. Похоже, где бы он ни появился, он включал сигнал тревоги!

Оказавшись на улице, Мэншип уловил какое-то новое чувство. Создавалось впечатление бурлящего кругом возбуждения, напряженного ожидания. Индивидуальные мысли почти отсутствовали.

Внезапно это беспокойство разразилось жутким душевным криком, почти что оглушившим Мэншипа.

— Добрый вечер! — услышал он. — Пожалуйста, прослушайте чрезвычайный выпуск новостей. Пукр, сын Кимпа, обращается к вам по всепланетной мысленной связи. Вот последние сведения о плоскоглазом чудовище:

Сегодня вечером, в сорок три скимса после бебблеворта это существо было материализовано профессором Лирлдом с астрономического объекта 649-301-3 в ходе эксперимента по односторонней телепортации. Советник Гломг, по долгу службы присутствовавший при проведении эксперимента, видя агрессивность, с которой чудовище вело себя, немедленно предупредил Лирлда о том, насколько опасно оставлять его в живых.

Лирлд проигнорировал это предупреждение, и позже, когда советник Гломг отбыл вместе со своим сыном Рабдом, известным межпланетным исследователем и светским флефнобом, чудовище пришло в неистовство. Разрушив клетку из толстой бумаги, оно вырвалось на свободу и атаковало профессора с помощью неизвестных лучей высокой частоты, которые, очевидно, испускают его невероятно плоские глаза. Лучи, видимо, по своему действию аналогичны тем, которые выбрасывает грепсас второго порядка при отказе всех предохранителей. В настоящий момент ведущие ученые-психофизики в спешном порядке работают над этим аспектом проблемы.

Однако профессору Лирлду пришлось собственной жизнью заплатить за свое научное любопытство и пренебрежение мнением советника Гломга. Несмотря на все усилия Срина, ассистента Лирлда, предпринявшего упорные и храбрые попытки спасти жизнь старого ученого, Лирлд погиб ужасной смертью в результате свирепого нападения чудовища. Убедившись, что его руководитель мертв, Срин начал отступать щупальце за щупальцем, все время сражаясь и едва успев скрыться.

Это инопланетное чудовище в настоящее время находится на свободе где-то в нашем городе! Всех жителей просим сохранять спокойствие и не поддаваться панике. Как только власти будут знать, что следует предпринять, они сделают все от них зависящее. И — самое главное — помните: сохраняйте спокойствие!

А пока Рабд, сын Гломга, отложил свой свадебный полет, который должен был начаться сегодня вечером. Как вы знаете, он вступает в брак с Тект, дочерью Хилпа. Тект — звезда

фнеша и блелга южного континента. Рабд ведет группу флефнобов-добровольцев в научные кварталы города, где в последний раз видели чудовище, с целью уничтожить его при помощи уже существующего конвенционального оружия, пока тварь не начала размножаться. Мы будем держать вас в курсе событий. Пока все.

Этого более чем достаточно, решил Мэншип. Сейчас уже не оставалось никакой надежды, что он сумеет найти способ вступить в контакт с этими существами, сесть и спокойно с ними договориться о том, как ему можно добраться до дома, — что стало бы решением, которого искренно желали все. Но теперь команда прозвучала: Ату Мэншипа!

Ему это совсем не нравилось.

С другой стороны, не надо больше беспокоиться о Рабде. Если Мэншип не может добраться до флефноба, флефноб сам придет к Мэншипу. Только вот тяжеловооруженный и с намерением убить...

Пожалуй, лучше спрятаться.

Мэншип приблизился к зданию и походил вдоль стены, пока не открылась дверь. Зашел внутрь, подождал, когда она за ним закроется, и осмотрелся.

К его великому облегчению, это, по всей видимости, было отличное укрытие. Центр помещения занимало огромное количество громоздких тяжелых предметов; ни один из них, насколько мог судить Мэншип, не был живым, и все они были успокаивающе непрозрачными. Он протиснулся между двумя предметами, похожими на столешницы,ставленные стоймя, с тоской уповая на то, что сенсорный аппарат флефнобов не включал в себя таких механизмов обнаружения, с какими он еще не сталкивался.

Чего бы он только не отдал, чтобы снова оказаться доцентом университета Келли, а не быть плоскоглазым чудовищем, в ярости рыщущим, причем против своей воли, по инопланетной столице!

Мэншип поймал себя на том, что думает о неведомой силе, которой он якобы обладает. Что это за чушь насчет высокочастотного психического луча, испускаемого его глазами? Ничего вроде от него не исходило... И тем не менее Лирлд что-то говорил об этом перед тем как растиять.

Может, существовал какой-то побочный продукт деятельности человеческого мозга, который был виден только флефнобам и наносил им страшный вред?

В конце концов, ведь способен же он настраиваться на мозг флефнобов, а они на его мозг настраиваться не могли. Не исключено, что единственный путь, каким он мог дать им почувствовать свое душевное присутствие, был некий чудовищный удар мысли, буквально разрывавший их на части.

Но, видимо, он не мог включать и выключать его по своему желанию — Мэншип никак не воздействовал на Лирлда, когда тот выстрелил в первый раз.

Вдруг до него донеслись всплески каких-то новых, возбужденных мыслей, проникавших откуда-то с улицы.

Прибыл Рабд со своим ополчением.

— Тroe пойдут туда, — приказал юный флефноб. — Все переулки перекрыть. Не тратьте слишком много времени, обыскивая здания. Я уверен, что чудовище затаилось где-нибудь на темной улице, поджиная новые жертвы. Тандж, Зогт и Льюв, идите за мной. И — это ко всем относится — передвигайтесь на кончиках щупальцев: неведомая тварь безумно опасна. Не забывайте: мы должны уничтожить ее до того, как она начнет размножаться. Вообразите, во что превратится наша планета, когда по ней будут бегать несколько сотен плоскоглазых чудовищ!

Мэншип глубоко, облегченно вздохнул. Если они собираются искать его на улицах, то у него еще есть немного времени.

Он дал своему мозгу настроиться на Рабда. Это было не очень сложно — следовало только сосредоточиться, и мысли всех других индивидов в значительной степени блокировались. Следи за мозгом Рабда. За мыслями Рабда. Теперь блокируй сознательные мысли Рабда. Вот так. Подсознательный уровень, клише памяти. Нет, не этот вздор про женщину-флефноба, состоящую из глаз и нежных щупальцев, черт побери! Клише памяти, более старые... «Когда садишься на планету типа С-12...» Нет, не это. Немного дальше. Вот!

«Воспламенив передний двигатель, чтобы прочистить его, мягко надавить на...»

Мэншип прочесывал инструкции по управлению кораблем в мозгу Рабда, время от времени задерживаясь на тех местах, где надо было выяснить значение какого-то специфически флефнобского термина, и то и дело останавливал-

ясь, когда вдруг вторглась и все собой заслоняла какая-нибудь игравая мысль о Тект.

Мэншип заметил: какую бы информацию он ни получал таким путем, он усваивал ее навсегда; возвращаться к предыдущим данным не было надобности. Вероятно, заключил он, в его мозгу оставался неизгладимый отпечаток.

Теперь в его распоряжении есть все необходимое. По крайней мере, об управлении кораблем он знал столько, сколько вообще можно было понять. В последние несколько секунд он управлял кораблем — и делал это уже многие годы — хотя бы через память Рабда. Впервые Мэншип почувствовал себя немного увереннее.

Вот только как найти этот маленький корабль на улицах совершенно незнакомого города? Он сжал кулаки в полном замешательстве. После всего этого...

И тут он нашел ответ. Надо извлечь направление поиска из мозга Рабда. Ну конечно! Отличная энциклопедия, этот Рабд! Уж он-то наверняка помнит, где припарковал свой корабль.

Рабд помнил. С растущим мастерством Клайд Мэншип пролистал мысли флефноба, выудив именно эту и впитав ее: «...пять кварталов темно-синего ручья. Затем первое ответвление красного и...»

Теперь у него была такая подробная и запечатлевшаяся в памяти карта маршрута к трехмоторному катеру Рабда, словно он изучал этот предмет в школе в течение целого семестра.

Очень даже неплохо для скучного доцента кафедры сравнительного литературоведения, который до сегодняшней ночи знал о телепатии примерно столько же, сколько об охоте на львов! Но возможно... возможно, это касалось сознательного владения телепатией; возможно, мозг человека с младенчества привыкал к глубинной, подсознательной телепатии, и когда столкнулся с существами вроде флефнобов, чьи мысли принимать было так просто, то проявились его ранее скрытые возможности.

Это могло бы объяснить быстро приобретенные навыки, что было очень похоже на внезапную удивительную способность печатать целые слова и предложения после месяцев тренировки на бессмысленных комбинациях букв и слогов, расположенных в алфавитном порядке.

Что же, все это весьма интересно, однако не относилось к области его научной работы и не являлось его проблемой. Во всяком случае, не сегодня ночью.

В данный момент ему требовалось как-то выскользнуть из здания, не привлекая внимания толпы бдительных флефнобов, и быстро бежать своей дорогой. Ведь очень скоро могут прибыть войска, чтобы заняться столь смертельно опасным субъектом, как он...

Мэншип осторожно выполз из своего убежища и подошел к стене. Зигзагообразная дверь открылась. Он шагнул на улицу — и наткнулся на черный чемодан со щупальцами, который, вероятно, хотел войти в здание.

Флефноб оправился быстро. Он направил на Мэншипа свое спиральное оружие и начал заводить его. Землянина снова охватил парализующий страх; он уже видел, что может сделать эта штука. Погибнуть сейчас, после всех успешно выдержанных испытаний...

И опять Мэншип ощутил трепет и отчаянный крик флефноба:

— Плоскоглазое чудовище... Я нашел его... его глаза... его глаза... Зогт, Рабд, помогите! Его глаза...

От бедняги ничего не осталось, кроме одного или двух вздрагивающих щупальцев да лужицы жидкости в углублении у стены дома. Не оглядываясь, Мэншип бросился бежать.

Поток красных точек пронесся над его плечом и уничтожил купол крыши. Мэншип свернулся за угол и побежал еще быстрее. Из телепатических криков за спиной он с облегчением понял, что ноги несут тело быстрее, чем щупальца.

Он отыскал ручейки нужного цвета и стал двигаться в направлении космического корабля Рабда. Лишь раз или два он наткнулся на флефноба. И ни один из них не был вооружен.

При виде человека несчастные прохожие водили щупальцами по телу, прижимались к стене и, пробормотав что-то вроде «Крм, спаси и сохрани, Крм, спаси и сохрани», похоже, падали в обморок.

Мэншипа радовала пустынность улиц, но он не мог понять этого, тем более что, судя по мысленной карте, извлеченной из памяти Рабда, он двигался сейчас по жилой части города.

Ответ пришел, когда у него в голове опять раздался мощный рев:

— Пукр, сын Кимпа, сообщает вам последние новости о плоскоглазом чудовище. Во-первых, Совет повелел мне уве-

домить всех тех, кто еще не был оповещен через службу блелг, что в городе объявлено военное положение.

Повторяю: в городе объявлено военное положение! Всем гражданам запрещено выходить на улицу до особого распоряжения. Подразделения армии и космического флота, а также тяжелые маизелтуверсы спешно подтягиваются к городу. Просим не мешать их передвижению! Оставайтесь дома!

Плоскоглазое чудовище снова совершило нападение. Всего каких-нибудь десять скимсов назад оно убило Льюва, сына Йифга, в короткой схватке возле колледжа Высшего Туркаслерга и чуть не затоптало Рабда, сына Гломга, который беспощадно бросился ему наперевес, героически пытаясь остановить чудовище. Впрочем, Рабд считает, что ему удалось серьезно ранить чудовище метким выстрелом из бластера. Оружием чудовища являлось высокочастотное излучение из глаз.

Незадолго до этого боя плоскоглазый монстр с внешнегалактической окраины, очевидно, ворвался в музей, где полностью уничтожил ценнейшую коллекцию зеленых фермфнаксов. Они были найдены в бесполезном окрыленном состоянии. Почему оно это сделало? Бессмысленный вандализм? Некоторые ученые считают, что подобный акт указывает на очень и очень высокую степень разумности, и эта разумность, вкупе с фантастической мощью, которую чудовище уже продемонстрировало, делает задачу уничтожения врага куда более трудной, нежели полагают местные власти.

Профессор Бувб — один из таких ученых. Он уверен, что только через правильную психосоциологическую оценку чудовища и понимание особенностей культурной среды, которая его породила, мы сумеем выработать адекватные меры и спасти планету. Поэтому, в интересах выживания флефнобов, мы сегодня пригласили профессора поделиться с нами его взглядами. Далее вы услышите мозг профессора Бувба.

Едва профессор успел с важностью сказать: «Для понимания любой конкретной культурной среды мы должны сначала задаться вопросом, что следует понимать под культурой? Считаем ли мы, к примеру...» — как Мэншип добрался до посадочного поля.

Он вышел на него около того угла, где был припаркован трехмоторный катер Рабда, зажатый между огромным грузовым кораблем и тем, что Мэншип обязательно принял бы за

склад, если бы уже не знал, как он мог заблуждаться относительно флефнобских эквивалентов человеческой деятельности.

Посадочное поле было не очень хорошо освещено, охрана вроде бы отсутствовала, а большая часть индивидов суетилась вокруг грузового судна.

Мэншип сделал глубокий вдох и кинулся к сравнительно небольшому сферическому кораблю с глубокими впадинами наверху и внизу, чем-то похожему на гигантское металлическое яблоко. Поравнявшись с ним, побежал вокруг, пока не увидел зигзаг, обозначающий дверь, и вошел внутрь.

Насколько Мэншип мог судить, его никто не видел. Кроме обрывков погрузочно-разгрузочных восклицаний, доносившихся с огромного корабля, были слышны только мысли профессора Вувба, ткавшего замысловатую социофилософскую паутину:

— ...Итак, мы вправе сделать заключение, что, по крайней мере в данном смысле, плоскоглазое чудовище не обнаруживает типичных базовых личностных стереотипов существа неграмотного. Но далее, если мы попытаемся соотнести характеристики дописьменного городского культурного ареала...

Мэншип подождал, когда дверь закроется, и на ощупь пробрался по узкой извилистой то ли лестнице, то ли трапу в приборное отделение корабля. Он уселся в неудобной позе перед главной панелью и приступил к делу.

Работать пальцами с приборами, сконструированными для шупальцев, оказалось очень трудно, однако выбора у Мэншипа не было. «Прогреть двигатели Трассы Булвонна...» Осторожно, очень осторожно он повернул три верхних цилиндра на полный оборот каждый. Затем, когда на поверхности прямоугольной пластинки слева от него появились равномерно чередующиеся красные и белые полосы, потянул большую черную рукоятку, выступающую из пола. Снаружи послышался вой реактивных двигателей. Мэншип работал почти не делая никаких сознательных усилий, полностью положившись на память. Все шло так, словно Рабд сам поднимал космический корабль.

Через несколько секунд судно, оторвавшись от поверхности планеты, унеслось в глубокий космос.

Мэншип переключился на межзвездный режим, установил индикатор направления на астрономический объект

649-301-3 и выпрямился. Теперь до самой посадки ему предстояло бездельничать. У него были некоторые сомнения относительно этой фазы полета, но до сих пор все шло так гладко, что Мэншип чувствовал себя эдаким межзвездным сорвиголовой.

Если верить подсознательным вычислениям Рабда, он должен был прибыть на Землю — выжимая максимум из Трассы Булвонна — через десять—двенадцать часов. Ему, надо думать, к тому времени захочется есть и пить, но... Какую сенсацию он произведет! Даже еще большую сенсацию, чем он оставил позади. Чудовище с глазами, испускающими высокочастотный психический луч...

Что же это было? Каждый раз, когда флефноб таял под взглядом человека, единственное, что испытывал Мэншип, — это сильнейший страх. Он ужасно боялся, что его разнесет на мелкие кусочки, и в процессе испуга, видимо, мог истощать нечто потрясающее — судя по результатам.

Возможно, ненормально высокий уровень адреналина в крови во время стресса чрезвычайно опасен для структуры тела флефноба. А может быть, в такие моменты в мозгу человека протекает некая сугубо психическая реакция, заставляющая флефнобов буквально разваливаться на части.

Мэншип заложил руки за голову и поднял глаза, чтобы проверить показания приборов. Все работало вполне удовлетворительно. Коричневые кольца на экране секкеля расширялись и сливались друг с другом, как им и было положено, подсказывая мозг Рабда; маленькие зубцы на краю приборной панели перемещались с одинаковой скоростью, визиэкран показывал... Визиэкран!

Мэншип вскочил на ноги. Визиэкран показывал, что, наверное, все суда флефнобской армии и космического флота, — не говоря уже о тяжелых маизелтуверсах, — преследовали его. И неуклонно приближались.

Один большой космический корабль почти догнал беглеца и начал выпускать яркие лучи, которые, по воспоминаниям Рабда, были абордажными захватами.

Почему такой переполох? Неужели из-за похищения одного реактивного катера? Боязнь, что он украдет флефнобские научные секреты? Им бы радоваться, что избавились от твари, тем более до того, как она начала воспроизводить сотни себе подобных по всей их планете!..

И вдруг настойчивая мысленная ниточка, протянувшаяся к нему изнутри его собственного корабля, — мысленная ниточка, на которую Мэншип все это время не обращал внимания, сосредоточившись на незнакомых проблемах космической навигации, — дала ему ответ.

Он взлетел вместе с кем-то — или чем-то — еще на борту!

Клайд Мэншип выдвинул кривую лестницу и двинулся в главную каюту. По мере приближения мысли становились все отчетливее, и еще до того как открылась дверь каюты, чтобы впустить его, он уже точно знал, кого там увидит.

Тект.

Популярнейшая звезда фнеша и блелга южного континента и без пяти минут жена Рабда испуганно забилась в дальний угол. Все ее щупальца, покрытые слизью и увенчанные прозрачными глазами, переплелись на крохотном теле самыми замысловатыми узлами, какие только Мэншипу доводилось видеть.

— Оо-ооох! — стонал ее мозг. — Крм! Крм! Сейчас это случится! Эта страшная, ужасная вещь! Это случится со мной! Оно приближается... приближается...

— Послушайте, леди, вы меня нисколько не интересуете, — начал было Мэншип, забыв, что никогда раньше не мог общаться ни с одним флефнобом, а тем более с истеричной женщиной.

Он почувствовал, как дернулся катер, когда захваты коснулись его. «Ну вот, опять начинается», — подумал Мэншип. Через секунду здесь будет десант, и ему опять придется превращать их в голубоватый бульон.

Вероятно, Тект спала на катере, когда Мэншип взлетел. Она ждала возвращения Рабда и начала их брачного полета. И она была достаточно важной персоной, чтобы на ее освобождение бросили все резервы.

Мэншип почувствовал, что кто-то вошел в корабль. Рабд. Похоже, он был один, со своим верным бластером, — и собирался погибнуть в бою.

Ну, это именно то, что его ждет. Клайд Мэншип был очень покладистым индивидом, и ему сильно претила мысль о дезинтеграции молодожена во время медового месяца. Однако, поскольку он не видел способа сообщить о своих миролюбивых намерениях, выбора у него не оставалось.

— Тект! — нежно протелепатировал Рабд. — С тобой все в порядке?

— Убивают! — закричала Тект. — Помогите-помогите-помогите-помогите... — Ее мысли вдруг затухли; она упала в обморок.

Зигзагообразная перегородка раздвинулась, и в каюту прописнулся Рабд, похожий в своем скафандре на связку длинных воздушных шаров. Он посмотрел на бесчувственную Тект и резко повернулся, направляя на Мэншипа изогнутый бластер.

«Бедный парень, — думал Мэншип. — Бедный, тупой, ограниченный баxвал. Через секунду от тебя только мокре место останется».

Он ждал, преисполненный уверенности в себе.

Он был настолько в себе уверен, что, в сущности, никакого не боялся.

Поэтому глаза его ничего не испускали, кроме разве что несколько снисходительной симпатии.

И Рабд пристрелил омерзительное, непотребное, ужасное, плоскоглазое чудовище прямо на месте. И обвил свою жену любящими щупальцами. И отправился домой, где праздновали возвращение героя.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Ну что за дорога! Что за мерзкий, унылый, слепящий дождь! И что за идиотское, невозможное задание!..

Джон Шеллингер протер запотевшее ветровое стекло, с которого монотонные дворники смахивали капли дождя, и вперил взгляд в мокрый полупрозрачный треугольник стекла, пытаясь разобрать, где тут разбитый проселок, а где заросли коричневой осенней растительности. Он мог проскочить мимо медленно продвигающейся цепочки кровожадных людей, растянувшейся влево и вправо от дороги по окрестности; он мог незаметно свернуть на какой-нибудь проселок и теперь оказаться в совершенном захолустье. Но вряд ли.

Что за задание!..

«Покажи человеческий аспект охоты на вампиров, — приказал Рэндалл. — Все остальные службы новостей преподнесут ее в том духе, что в наш атомный век одержимая средневековыми предрассудками деревенщина все еще устраивает охоту на ведьм. Мол, как тупы и недоразвиты тупые, недоразвитые олухи! Ты всего этого не касайся. Найди для себя сентиментальную, слезливую, индивидуальную точку зрения на кровососов и наплачь мне три тысячи слов. А командиро-вочные расходы максимально сократи — все равно на этом сельскохозяйственном вздоре много не заработаешь».

«И вот я седлаю свой кабриолет, — тоскливо думал Шеллингер, — и мчусь в страну фермеров, где никто ни почем не

заговорит с чужаками — “особенно теперь, потому что этот вампир уже успел добраться до трех юных девочек”. И никто не скажет, как зовут трех юных девочек и жив ли кто-нибудь из них; а Рэндалл в своих телеграммах все спрашивает, когда же я начну присыпать нормальные материалы; а я до сих пор не могу найти ни одной словоохотливой бабенки во всей окрестности. Даже не знал бы об этой облаве, если бы не начал интересоваться, куда подевались из города все мужчины в такой промозглый дождливый вечер».

На второй скорости по этой дороге ехать было очень плохо, однако на третьей — просто невозможно. Колдобины тоже не шли на пользу амортизаторам. Шеллингер вытер запотевшее стекло носовым платком и пожалел, что у него нет еще одной пары фар. Он почти ничего не видел.

Вон то темное пятно впереди, например. Может, какой-нибудь из охотников на вампиров, а может, зверь, которого они вспугнули. Может, даже маленькая девочка.

Шеллингер резко надавил на тормоз.

Это была девочка. Маленькая девочка, темноволосая, в синих джинсах. Он покрутил ручку, опуская стекло, и выставил голову под дождь.

— Эй, тебя подвезти?

Ребенок стоял, ссугутившись на фоне мрачного вечернего неба и исчезающего в дымке дождя пустынного пейзажа. Девочка внимательно осмотрела машину, потом оценивающе поглядела ему в лицо, что-то взвешивая. Она, вероятно, даже не знала о существовании хромированных послевоенных автомобилей. Наверно, даже не мечтала в таком прокатиться. Еще долго будет хвастаться перед другими ребятами.

Видимо, решив, что он не из тех незнакомцев, от которых ее остерегала мама, и что в машине будет удобнее, чем идти по грязи под дождем, девочка кивнула. Очень медленно обошла машину спереди и уселась справа от водителя.

— Спасибо, мистер, — сказала она.

Шеллингер тронулся вперед и быстро искоса взглянул на девчушку. Синие джинсы были рваными и мокрыми. В них ей, наверно, ужасно холодно и неудобно, но она не хотела подавать виду. Будет переносить все неудобства со stoicизмом, присущим этим горцам.

Однако она была явно напугана и сидела очень прямо, аккуратно положив руки на колени, отодвинувшись в дальний

угол сиденья. Чего боится ребенок? Ну конечно же, вампиров!

— Тебе далеко ехать? — мягко спросил Шеллингер.

— Около мили с половиной. Только вон туда. — Девочка ткнула через плечо коротким толстым пальчиком. Она вообще была довольно толстенькой, гораздо более упитанной, нежели большинство здешних костлявых детей из долищиков. Со временем даже могла стать красивой, если только какой-нибудь неграмотный вахлак не утробит ее в ветхой лачуге замужеством и непосильной работой.

Шеллингер с сожалением начал маневрировать, наконец развернулся и поехал назад. Он упустит охотников, но нельзя же выбросить симпатичного ребенка посреди унылого бездорожья! Надо сначала отвезти ее домой. Да и все равно не удастся ничего вытянуть из этих необщительных фермеров с заостренными кольями и серебряными пулями в допотопных ружьях.

— А что твои старики тут выращивают — табак или хлопок?

— Они пока ничего не сажают. Мы только что сюда приехали.

— А-а. — Все понятно, вот почему у нее нет местного акцента. Если присмотреться, то девочка держалась с каким-то достоинством, которого он не замечал у здешних детей. — А не поздно гулять в такое время? Твои старики не боятся тебя так поздно выпускать, когда вокруг полно вампиров?

Девочка поежилась:

— Я... Я осторожная, — наконец сказала она.

«Эге! — подумал Шеллингер. — Вот тебе и человеческий аспект». Как раз то, о чем разглагольствовал Рэндалл. Испуганная маленькая девочка, но настолько любознательная, что может подавить страх и выйти из дома, чтобы посмотреть, что происходит в этот вечер. Он пока еще не знал, как именно использует идею, но его журналистский нос уже начал принюхиваться. Здесь что-то было — тот самый колоритный человеческий аспект сейчас бесстрашно сидел у него на красном кожаном сиденье.

— А ты знаешь, кто такой вампир?

Она удивленно посмотрела на него, опустила глаза и стала изучать сложенные на коленях руки в поисках слов.

— Это... это такой, кому нужны люди вместо еды. — Запнувшись, девочка помолчала. — Так, да?

— Пожалуй. — Отлично. Устами младенца. Доверься ребенку, и он подскажет свежую точку зрения, не испорченную книжными предрассудками. Надо обязательно это использовать: «Люди вместо еды». — Считается, что вампир — это человек, который будет бессмертным, то есть не умрет, до тех пор, пока он питается кровью и жизненными силами живых людей. Единственный способ убить вампира...

— Здесь нужно свернуть, мистер.

Он повернул автомобиль на проселочную дорогу. Она была раздражающе узкой; удивленные мокрые сучья хлестали по стеклам, лениво царапали крышу машины. Иногда с верхушек деревьев лилась скопившаяся там вода.

Шеллингер припал лицом к лобовому стеклу, пытаясь расшифровать картинку, состоявшую из коричневой грязи среди сорной травы, которую выхватывали перед ним из темноты фары.

— Ну и дорога! Твои старики действительно начинают с нуля!.. Так вот, единственный способ прикончить вампира — это с помощью серебряной пули. Или еще можно вбить кол ему в сердце и похоронить в полночь на перекрестке. Именно так собираются поступить сегодня ночью те люди, если поймают его. — Он повернулся, услышав, как девочка глубоко вздохнула. — Что такое? Тебе эта идея не по душе?

— Я думаю, это чудовищно, — сказала она с чувством.

— Почему же? Или ты считаешь — живи и дай жить другим?

Девочка подумала над его словами, кивнула, улыбнулась:

— Да, живи и дай жить другим. Живи и дай жить. В конце концов... — Она опять затруднялась подобрать нужные слова. — В конце концов, некоторые люди ничего не могут поделать с тем, какие они. Я хочу сказать, — она очень медленно, очень задумчиво произносила слова, — например, если человек вампир, то что он с этим может поделать?

— Это серьезный аргумент, детка. — Шеллингер снова приялся рассматривать дорогу. — Тут одна беда: если ты веришь в такие вещи, как вампиры, то не веришь, что они хорошие, ты веришь, что они отвратительные. Те люди в деревне, которые утверждают, будто троих детей убил вампир — или что-то там с ними сделал... они его ненавидят и хотят уничтожить. Если существуют такие вещи, как вампиры, — не забывай, я сказал «если», — тогда, по самой природе, они

делают такие ужасные вещи, что годится любой способ, чтобы избавиться от них. Понимаешь?

— Нет. В людей нельзя вбивать колы.

Шеллингер рассмеялся:

— Пожалуй, действительно нельзя. Мне самому это дело никогда не нравилось. Хотя, если бы пришлось выбирать, вампир меня или я его, то полагаю, что сумел бы на какое-то время превозмочь свою брезгливость и немножко поработать, когда часы пробуют двенадцать.

Он замолчал и с удивлением подумал, что этот ребенок слишком уж умен для своей среды. Девочка еще, казалось, не заражена предрассудками, а он скормливает ей «Черную магию по Шеллингеру». Это нехорошо.

Он серьезно продолжал:

— Сложность со всеми этими поверьями состоит в том, что группа взрослых людей, которые их придерживаются, рассыпалась сегодня вечером по всей округе, поскольку они думают, будто вампир вырвался на волю. И скорее всего онинаткнутся на какого-нибудь несчастного бродягу и прикончат его только по той причине, что он не сможетнятно объяснить, почему оказался в поле в такую ночь.

Молчание. Пассажирка обдумывала его слова. Шеллингеру нравилось, с каким вдумчивым достоинством держится девочка. Он заметил, что она уже была не так напугана и сидела поближе к нему. Удивительно, как хорошо дети чувствуют, что ты не причинишь им зла. Даже деревенские дети. Если подумать, то в первую очередь деревенские дети, потому что они живут ближе к природе, а может, по какой-то другой причине.

Он вернул ей уверенность и, соответственно, себе тоже. Ведь за неделю, прожитую среди тонкогубых невежд, которые, не обинуясь, выражали ему свое презрение, Шеллингер несколько подрастерял уверенность в себе. Так-то лучше. И наконец он нашел, на чем построит свой репортаж.

Только придется, конечно, добавить антуража. В материале надо вывести обыкновенную деревенскую девчонку, худую, замкнутую; и ее реплики будут на «горном» диалекте.

Да, он нашел человеческий аспект.

Девочка еще ближе придвинулась к нему, прямо к его боку. Бедный ребенок! Как ей неприятно в сырых холодных джинсах. Пусть хоть немножко погреется. Шеллингер пожалел, что в машине нет отопителя.

Дорога окончательно исчезла в зарослях кустарника и спутанных ветвях кривых деревьев. Он остановил машину, беспокойно оглянулся.

— Ты же не здесь живешь? Сюда как будто годами люди не забредали.

Его поразила окружающая дикость и заброшенность.

— Конечно, я здесь живу, мистер, — проговорил теплый голос прямо ему в ухо. — Я живу вон там, в том маленьком домике.

— Где? — Шеллингер протер стекло и изо всех сил напряг зрение. — Не вижу никакого дома. Где он?

— Там! — Девочка подняла пухлую ручку и помахала перед собой, показывая куда-то вперед. — Вон там.

— Что-то я не вижу... — Уголком глаза он заметил, что ее ладонь покрыта красивыми каштановыми волосами.

Однако странно.

Покрыта красивыми каштановыми волосами. Ее ладонь!

«А что же меня удивило в форме ее зубов?» — вспыхнуло у него в мозгу. Шеллингер собрался повернуться, чтобы еще раз взглянуть на ее зубы. Но не смог.

Потому что они впились ему в горло.

СЕМЕЙНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Стюарт Рейли отыскал свое место в специальном стратоплане для пассажиров с сезонными билетами. Этим рейсом он каждый день возвращался из Центральной нью-йоркской торгово-промышленной зоны к себе в загородный дом в Северном Нью-Гемпшире. Ноги его буквально одревесели, а глаза ничего не видели. Только по привычке — ведь Рейли многие годы проделывал одни и те же действия — он сел у окна, рядом с Эдом Грином. Опять-таки по привычке он тотчас же нажал кнопку в спинке переднего кресла и вперил взгляд в крошечный экран: шла вечерняя программа теленовостей, хотя ни одно из выпаливаемых скороговоркой сообщений не доходило до него.

Как сквозь сон, он услышал характерный для взлета свист, по привычке твердо уперся ногами в пол и привалился животом к предохранительному ремню. Однако он понял, что приближается ситуация, когда привычка не поможет, как не поможет ничто: с ним стряслась беда, самая страшная из всех бед, которые могут случиться с человеком в 2080 году нашей эры.

— Что, Стив, горячий денек выдался? — громко спросил его подвыпивший Эд Грин. — Ну и видик у тебя!

Рейли почувствовал, что его губы шевелятся, но лишь через некоторое время услышал звук собственного голоса.

— Да, — еле выговорил он, — у меня был горячий денек.

A Man of Family
Copyright © 1956 by Philip Klaas
Семейный человек
© Г. Малинова, перевод, 1968

— А кто тебя просил лезть в «Минералы Солнечной системы»? — сразу завелся Эд. — Эти межпланетные корпорации все одинаковы: давай, давай и еще раз давай. Немедленно, сию минуту, сию секунду подготовь накладные: сейчас стартует товарный ракетоплан на Нептун, а другого не будет целых полгода, непременно продиктуй все письма на Меркурий... Что я, не знаю? Я пятнадцать лет назад работал на «Инопланетную формацию» и съят по горло! Нет уж, лучше я буду торговать недвижимостью в Центральной нью-йоркской торгово-промышленной зоне. Спокойно. Надежно!

Рейли печально кивнул и потер лоб. Голова не болела, но пусть бы уж лучше болела. Все что угодно, только бы не думать.

— Конечно, здесь много не заработаешь, — громко продолжал Эд, переходя к другой стороне вопроса. — Состояния не наживешь, но и язвы тоже. Пусть я всю жизнь проторчу во второй группе, зато это будет долгая жизнь. В моей конторе работают не спеша и не слишком себя утружддают. Мы знаем, что старина Нью-Йорк стоит на своем месте много лет и еще будет стоять.

— Да, это верно, — согласился Рейли, по-прежнему глядя на экран застывшим взором. — Нью-Йорк еще долго будет стоять.

— Слушай, старик, чего ты ноешь? Ганимед пока не распался на атомы. Ничего с ним не случится!

К ним наклонился сидевший сзади Фрэнк Тайлер:

— Перекинемся в картишки, парни? Убьем полчасика.

Рейли никогда не любил карт, но призательность не позволила ему отказаться. Фрэнк, его сослуживец по «Минералам», все время прислушивался к словам Грина, как и остальные в стратоплане, но он один понимал, какие мучения неумышленно причинял Стюарту этот агент по продаже недвижимости! Он чувствовал себя все более и более неловко и решил отвлечься от грустных мыслей во что бы то ни стало.

Фрэнк поступает благородно, подумал Рейли, когда они с Эдом повернулись на креслах лицом друг к другу. В конце концов, Рейли сделали управляющим Ганимедского отделения через голову Фрэнка; другой бы с удовольствием слушал, как Эд бьет по больному месту, но Фрэнк был не таков.

Началась обычная игра, как всегда, четыре партнера. Сидевший слева от Фрэнка Тайлера Брус Робертсон, художник,

илюстрировавший книги, поднял с пола свой огромный портфель и положил на колени вместо стола. Фрэнк распечатал новую колоду, и каждый вытащил карту. Начинать выпало Эду Грину.

— Ставки как всегда? — спросил он, тася карты. — Десять, двадцать, тридцать?

Они кивнули, и Эд стал раздавать. Он буквально не закрывал рта.

— Я и говорю Стиву, — он объяснял так громко, что, наверное, и пилоту в его герметической кабине было слышно, — что торговля недвижимостью очень благотворно влияет на кровяное давление, да и на все остальное тоже. Моя жена без конца пристает, чтобы я занялся чем-нибудь поприбыльнее. «Какой позор, — твердит она, — в мои годы — и только двое детей! Стюарт Рейли на десять лет моложе тебя, а Мэриан родила уже четвертого. И тебе не стыдно? Мужчина! Да если б ты хоть чуточку был мужчиной, ты бы сделал что-нибудь». Знаете, что я ей отвечаю? «Шейла, — говорю я, — скажи, пожалуйста, а у тебя все в порядке с 36-А?»

Брус Робертсон недоуменно взглянул на него:

— 36-А?

Эд Грин загоготал:

— Эх ты, беспечный холостяк! Погоди, вот женишься, тогда узнаешь, что такое 36-А. Будешь есть, пить и спать по 36-А.

— Форму 36-А заполняют, — спокойно объяснил Брусу Фрэнк Тайлер, собирая ставки, — когда обращаются в БПС за разрешением иметь еще одного ребенка.

— Ах да, конечно. Я просто не знал названия. Но ведь благосостояние — только одно из условий. Бюро планирования семьи принимает во внимание также здоровье родителей, наследственность, домашнюю обстановку...

— Ну, что я говорю?! Бездетный холостяк, сопляк, молокосос! — завопил Эд.

Брус Робертсон побледнел.

— Ты прав, благосостояние — только одно из условий, — поспешил вмешаться миротворец Фрэнк Тайлер. — Но зато самое важное. Если в семье уже есть двое детей и с ними все в порядке, то, принимая решение, БПС рассматривает главным образом ваш достаток.

— Верно! — Эд хлопнул по портфелю, и карты на нем заплясали. — Взять хоть моего шурина, Пола. С утра до ночи

слышу: Пол то, Пол се — не удивительно, что я знаю о нем больше, чем о себе самом. Полу принадлежит половина Грузового синдиката «Марс—Земля», конечно, он в восемнадцатой группе. Его жена лентяйка, ее не интересует, что о них подумают, поэтому у них только десять детей, но...

— Они живут в Нью-Гемпшире? — спросил Фрэнк. Стюарт Рейли заметил, что перед этим Фрэнк бросил на него сочувственный взгляд: ясно было, что он пытается изменить тему разговора, понимая, как она угнетает Рейли. Наверное, это было написано у него на лице.

С лицом нужно что-то сделать: через несколько минут он встретит Мэриан. Если он не будет все время начеку, она тотчас же догадается.

— В Нью-Гемпшире? — презрительно переспросил Эд. — Мой шурин Пол, с его деньгами? Нет, сэр, эта дыра не для него! Уж он живет действительно в фешенебельном месте; в Канаде, западнее Гудзонова залива. Но я уже говорил, что Пол и его жена не очень ладят друг с другом, и домашняя обстановка у его ребятишек не самая лучшая в мире — ну, вы понимаете, что я хочу сказать. И что ж вы думаете, у них когда-нибудь возникают затруднения с формой 36-А? Ничего подобного! Она возвращается на другое утро после того, как они ее заполнили, и наверху красуется большой синий штамп «одобрено». Там, в БПС, небось, считают: какого черта тут раздумывать, с их деньгами они найдут первоклассных воспитательниц и психологов! А если все-таки возникнут какие-нибудь неприятности, когда ребятишки подрастут, они пройдут самый лучший курс психотерапии, какой только можно получить за деньги.

Брус Робертсон покачал головой:

— Сомневаюсь... Ведь каждый день очень многие весьма перспективные родители получают отказы из-за плохой наследственности.

— Наследственность — одно, — заметил Эд, — а условия — другое. Наследственность нельзя изменить, а условия можно. И скажи-ка мне, милый друг, что может лучше всего изменить условия, как не деньги? Есть деньги — и БПС считает, что вашему ребенку обеспечен хороший старт, особенно когда он с детства у них под наблюдением. Тебе сдавать, Стив! Эй, Стив? Ты что, оплакиваешь свой проигрыш? Молчишь, словно воды в рот набрал! Что-нибудь случилось? Слушай, может, тебя уволили?

Рейли попытался взять себя в руки.

— Да нет, — хрипло выдавил он, собирая карты. — Не уволили.

Мэриан ждала его в семейном ракетоплане на аэродроме. К счастью, ее настолько переполняли последние сплетни, что ей было не до него. Лишь когда он поцеловал ее, она подозрительно вскинула глаза:

— Ты прямо бесчувственное бревно! Раньше это получалось у тебя гораздо лучше.

Он до боли сжал руки и попытался сострить:

— Это было еще до того, как я превратился в бесчувственное бревно. Сегодня у меня был горячий денек. Будь со мной поласковей, детка, и не требуй от меня слишком многоного.

Она понимающее кивнула, и они забрались в небольшую машину. Лиза, их старшая дочь, которой было двенадцать лет, сидела на заднем сиденье с младшеньким Майком. Она громко чмокнула отца и поднесла к нему малыша для такой же церемонии.

Он почувствовал, что поцеловать ребенка стоило ему немалых усилий.

Они поднялись в воздух. С аэродрома во все стороны разлетались ракетопланы. Стюарт Рейли не сводил глаз с мелькавших внизу крыш и все думал, думал, когда же лучше сказать жене. Пожалуй, после ужина. Нет, лучше подождать, пока лягут дети. Вот они с Мэриан останутся вдвоем... Он почувствовал в желудке холодный ком, точь-в-точь как днем после завтрака. Интересно, соберется ли он с духом и расскажет ей обо всем? Придется. Никуда не денешься. И надо это сделать не позднее сегодняшнего вечера.

— ...если бы я когда-нибудь верила хоть одному слову Шейлы, — говорила Мэриан. — Я ей так и сказала: Конни Тайлер не из таких, и хватит об этом. Ты помнишь, милый, в прошлом месяце Конни пришла в больницу навестить меня? Конечно, я знала, что она думает, глядя на Майка: если бы не ты, а Фрэнк стал управляющим Ганимедского отделения и получал бы на две тысячи территов больше, это она бы сейчас родила четвертого, а я бы пришла ее навестить. Я знала, о чем она думает, потому что на ее месте думала бы точно так же. Но она искренне заявила, что Майк — самый крепкий и развитый малыш из всех, что ей приходи-

лось видеть. И когда она пожелала мне в следующем году родить пятого ребенка, это было сказано от всей души.

«Пятый ребенок! — с горечью подумал Стюарт Рейли. — Пятый!»

— ...смотри сам: что мне делать с Шейлой, если она придет завтра и начнет все сначала?

— Шейла? — тупо повторил он. — Какая Шейла?

Склонившись над панелью управления, Мэриан нетерпеливо тряхнула головой:

— Ты что, не помнишь Шейлу Грин, жену Эда? Стюарт, да ты слышал хоть слово из того, что я говорила?

— Разумеется, милая. О... больнице и о Конни. И о Майке. Я слышал все, что ты говорила. Но куда должна прийти Шейла?

Она обернулась и впилась в него взглядом. Большие зеленые кошачьи глаза (однажды на танцах его так и потянуло через весь зал к ним, к незнакомой девушке) были очень серьезны. Щелкнув переключателем, она включила автопилот, который повел ракетоплан по заданному курсу.

— Стюарт, что-то случилось. У тебя не просто горячий денек на работе, а что-то серьезное, я ведь вижу. В чем дело?

— Потом, — сказал он. — Я тебе все расскажу потом.

— Нет, сейчас. Расскажи немедленно. Я не вынесу ни единой секунды, если ты будешь сидеть с таким видом.

Не отрывая глаз от домов, которые бесконечной вереницей проносились под ними, он глубоко вздохнул, как перед прыжком в воду.

— Химическая корпорация Юпитера сегодня купила шахту Кеохула...

— Ну и что из этого?

— Кеохула — единственная шахта на Ганимеде, которая работает на полную мощность, — с трудом выдавил он.

— Я все равно... боюсь, что я все равно не понимаю. Стюарт, объясни мне в двух словах, что это значит?

Подняв голову, он заметил, что она испугалась. Она не понимала, о чем он говорит, но у нее всегда была изумительная интуиция. Почти телепатическая.

— Кеохула продана, и за хорошую цену. Теперь «Минералам» невыгодно иметь отделение на Ганимеде. Вот оно и закрывается, сразу же.

Мэриан в ужасе поднесла руки ко рту:

— И это значит... значит...

— Это значит, что им больше не нужны ни Ганимедское отделение, ни его управляющий.

— Но тебя не переведут на старую работу! — воскликнула она. — Это было бы слишком жестоко! Тебя не могут понизить в должности, Стюарт, после того как на твою прибавку мы завели еще одного ребенка! Должно найтись другое отделение, должно быть...

— Ничего нет, — еле выговорил он — язык его не слушался. — Они сворачивают работу на всех спутниках Юпитера. Не я один... Картрайт с Европы, Мак-Кензи с Иа — они повыше меня. «Минералы» делают ставку на Уран, Нептун и Плутон и плюют на всех остальных.

— А те планеты? Для них нужны управляющие отделения?

Рейли беспомощно вздохнул:

— Там они уже есть. И заместители управляющих тоже. Опытные люди, которые работают много лет и хорошо знают свою работу. Я знаю, детка, что ты хочешь спросить: я говорил насчет перехода в Химическую корпорацию Юпитера. Ничего не выходит, у них уже есть Ганимедское отделение и человек, который вполне справляется с работой. Я весь день мотался с одного места на другое и договорился, что завтра возвращаюсь на свою старую службу в «Перевозку руды».

— На старый оклад? — прошептала она. — На семь тысяч территов?

— Да. На две тысячи меньше, чем сейчас. На две тысячи меньше минимума для четырех детей.

Глаза Мэриан тотчас наполнились слезами.

— Я этого не допущу! — всхлипнула она. — Нет! Ни за что!

— Детка... — проговорил он, — детка, милая, таков закон. Что мы можем поделать...

— Я совершенно... Я совершенно не могу решить, с кем из моих детей я должна расстаться! Это уже свыше моих сил!

— Меня снова повысят. Очень скоро я опять буду получать девять тысяч территов. Даже больше. Вот увидишь.

Она перестала плакать и осталбенело уставилась на него:

— Но если ребенка отдали на воспитание, его нельзя взять обратно. Даже если доходы возрастут. Ты это знаешь не хуже моего, Стюарт. Могут родиться другие дети, но нельзя вернуть того ребенка, который оказался лишним.

Конечно, он знал. БПС установило такое правило для защиты приемных родителей, чтобы поощрять усыновление семьями высокооплачиваемых групп.

— Нам нужно было подождать, — сказал он. — Черт возьми, нужно было подождать!

— А разве мы не ждали? — возразила она. — Мы целых полгода ждали, хотели убедиться, что у тебя надежная работа. Разве ты не помнишь тот вечер, когда у нас обедал мистер Холен? Он и сказал, что ты работаешь очень хорошо и обязательно сделаешь карьеру. «У вас еще будет десяток ребятишек, и мой вам совет — не откладывайте это в долгий ящик», — это его собственные слова!

— Бедняга Хелси! Он сегодня не смел на меня глаза поднять! После совещания он подошел ко мне и сказал, что очень огорчен и обязательно при первой возможности по-заботится о моем повышении. Но он говорит, что сейчас почти все вынуждены себя урезать: последний год был очень неудачным для фирм, связанных с другими планетами. Я вот возвращаюсь назад в «Перевозку руды» и спихиваю человека, который занял мое место. Он спускается вниз и тоже кого-то сталкивает. Все чертовски скверно.

Мэриан вытерла глаза.

— У меня и своих забот полон рот, Стюарт. Сейчас меня не интересует никто другой. Что мы можем сделать?

Он откинулся назад и наморщил лоб:

— Я решил обратиться к нашему адвокату — больше мне ничего не пришло в голову. Клив обещал зайти сегодня вечером, после обеда, вот мы с ним все и обсудим. Если есть какой-нибудь выход, Клив нам подскажет. Ему часто приходится иметь дело с БПС.

— Что ж, начнем с этого, — кивнула она, соглашаясь с ним. — Сколько у нас времени?

— Завтра утром я должен послать извещение о лишнем ребенке. У нас две недели, чтобы решить, кто... кто из наших ребят...

Мэриан снова кивнула. Они сидели не шевелясь, целиком положившись на автопилот. Немного спустя Стюарт Рейли придвинулся к жене и взял ее за руку. Их пальцы судорожно переплелись.

— Я знаю кто, — раздался голос сзади.

Оба резко обернулись.

— Лиза! — У Мэриан перехватило дыхание. — Я и забыла про тебя. А ты сидишь и слушаешь!

На круглых щеках Лизы блестели слезинки.

— Да, я слушаю, — согласилась она. — И я знаю, кого вы отدادите. Меня. Я же старшая. На воспитание можно отдать только меня. Не Пенни, не Сьюзи, не Майка, а меня.

— Замолчи сейчас же, Лиза Рейли. Мы с твоим отцом решим, что делать. Скорей всего вообще ничего не произойдет. Совсем ничего.

— На воспитание отдают старшего ребенка. Так говорит моя учительница. Она говорит, что маленькие дети травм... травмируются больше, чем старшие. Еще она говорит, это очень хорошо, потому что, если тебя отдадут на воспитание, ты обязательно попадешь в очень богатую семью, у тебя будет много игрушек, замечательная школа и все такое. Моя учительница говорит, что, может, поначалу и взгру... взгрустнется, но потом случится столько хорошего, что ты будешь очень сча... счастлива. И еще моя учительница говорит, что так и должно быть, потому что таков закон.

Стюарт Рейли хлопнул кулаком по сиденью:

— Твоя мать сказала, что решать будем мы с ней!

— И потом, — упрямо продолжала Лиза, вытирая одной рукой лицо, — и потом я не хочу жить в семье с тремя детьми. Все мои подруги из семей с четырьмя. А мне снова придется дружить с этими серыми девчонками, с которыми я раньше...

— Лиза! — заревел Рейли. — Я пока еще твой отец! Хочешь в этом убедиться?

Наступило молчание. Мэриан включила ручное управление и посадила ракетоплан. Она забрала малыша у старшей дочери, и, не глядя друг на друга, они вышли из машины.

В палисаднике Рейли улучил минутку, чтобы перевести домашнего робота с «ухода за садом» на «прислуживание за столом», и вслед за жужжащей металлической фигурой вошел в дом.

Беда в том, что Лиза права. Если нет никаких осложнений, на воспитание обычно отдают старшего ребенка. Для нее это будет менее болезненно, а Бюро планирования семьи очень тщательно отберет новых родителей из большого числа претендентов и позаботится о том, чтобы передача произошла как можно спокойнее и естественнее. В первые годы специалисты по детской психологии будут навещать ее дважды

в неделю, чтобы добиться максимального приспособления к новой обстановке.

Кто ее заберет? Кто-нибудь вроде Пола, шурина Эда Грина, доход которого позволял завести гораздо больше детей, чем он имел. В семье могло быть мало детей по разным причинам, но так или иначе это мешало добиться высокого положения в обществе.

Можно было стать обладателем блестящего ракетоплана — купить его в кредит, влезть в долги на десять лет вперед. Можно было купить огромный дом в Манитобе, где жили все владельцы земельных участков, высшие чиновники Нью-Йоркской торгово-промышленной зоны, бок о бок со своими коллегами из Чикагской и Лос-Анджелесской зон, дом, стены которого будут украшены панелями из редких пород марсианских деревьев, дом, полный всевозможных специализированных роботов — и несмотря на это закладная могла медленно, но упорно подтачивать ваше благополучие.

А вот с детьми все было ясно. Ребенка нельзя было завести в кредит, в надежде на то, что ваши дела улучшатся, — вам бы этого не позволили. Ребенок появлялся только тогда, когда БПС, изучив вас и вашу жену с точки зрения наследственности и домашней обстановки, приходило к выводу, что ваш доход позволяет создать будущему ребенку все необходимые условия. На каждого ребенка семья должна была представить лицензию, которую БПС выдавало после тщательного обследования. Таково было положение дел.

Вот почему, если вы покупали что-нибудь в кредит и могли предъявить лицензию на шестерых детей, от вас не требовалось никаких справок с работы. Служащий записывал ваше имя, адрес, номер лицензии — и все. Вы выходили из магазина с покупками.

В течение всего ужина Рейли раздумывал над этим. Он припомнил то утро, когда пришла лицензия на Майка, и почувствовал, что виноват вдвойне. В тот момент он прежде всего подумал: «Теперь-то нас обязательно пригласят вступить в загородный клуб!» Конечно, он был рад получить разрешение еще на одного ребенка — они с Мэриан оба любили детишек, но у них уже было трое, и четвертый ребенок означал большой шаг вперед.

«Ну хорошо, а кто на моем месте думал бы иначе?» — спросил он себя. Даже Мэриан на другой день после рождения

Майка стала называть его «наш сыночек для загородного клуба».

Счастливые, наполненные гордостью дни! Они с Мэриан ступали по земле, как молодые монархи, которые шествуют на коронацию!

А теперь...

Кливленд Беттигер, адвокат Рейли, явился как раз в тот момент, когда Мэриан бранила Лизу, укладывая ее спать. Мужчины пошли в столовую и велели домашнему роботу приготовить им по коктейлю.

— Я не хочу приукрашивать положение, Стив, — сказал адвокат, раскладывая содержимое своего портфеля на старинном кофейном столике (армейский ящик для обуви начала двадцатого века, который Мэриан искусно приспособила под столик). — Дело довольно скверное. Я изучил все последние решения БПС в аналогичных ситуациях и не нашел ничего утешительного.

— Но есть какая-нибудь надежда? Можно хоть за что-то зацепиться?

— Сейчас мы попытаемся это выяснить.

Вошла Мэриан и устроилась на софе рядом с мужем.

— С ума сойдешь с этой Лизой! — воскликнула она. — Чуть было не отшлепала ее. Она уже начинает разговаривать со мной, как с чужой женщиной, у которой нет над ней никакой власти!

— Лиза заявила, что на воспитание можно отдать только ее, — объяснил Рейли. — Она слышала наш разговор.

Беттигер развернул испещренный записями лист.

— Лиза права. Она старшая. Давайте-ка обсудим положение. Когда вы поженились, у Стюарта был оклад три тысячи территов в год — это минимум для одного ребенка. Появилась Лиза. Через три года со всеми прибавками твой доход возрос на две тысячи территов. Появилась Пенелопа. Еще полтора года — еще две тысячи. Сюзанна. В феврале прошлого года ты перешел в Ганимедское отделение на девять тысяч в год. Майк. Сейчас тебя снова понизили — семь тысяч. Это максимум для трех детей. Все?

— Все, — подтвердил хозяин. «Вот вкратце история моей супружеской жизни, — подумал он. — Здесь, правда, не было сказано о том, как у Мэриан чуть не случился выкидыш, когда она носила Пенни, ни о том, как у домашнего робота возле площадки для игр произошло короткое замыкание и

Сьюзи пришлось наложить на голову шесть швов. Здесь не было сказано, как...»

— Хорошо, Стив, давай теперь выясним ваши финансовые возможности. Нет ли у одного из вас надежды в ближайшем будущем получить необходимую сумму, допустим наследство? Не владеете ли вы какой-нибудь собственностью, которая может значительно подняться в цене?

Они переглянулись.

— Семьи наших родителей относятся к третьей и четвертой группам, — медленно произнесла Мэриан. — Состояние у них небольшое. А у нас со Стивом, кроме дома, мебели и ракетоплана, есть только немного государственных облигаций и акций «Минералов Солнечной системы». Они долго, очень долго не повышаются в цене.

— Ладно, с доходами покончили. А теперь, мои милые, позвольте мне спросить...

— Подожди-ка, — не выдержал Рейли. — Почему это «покончили»? А если я буду подрабатывать по субботам-воскресеньям или вечерами здесь, в Нью-Гемпшире?

— Потому что лицензия на ребенка учитывает доход от нормальной тридцатичасовой рабочей недели, — терпеливо разъяснил адвокат. — Если отец семейства для обеспечения необходимого заработка должен работать сверх этой нормы, дети меньше видят его, или, выражаясь юридическим языком, «лишены нормальных привилегий нормального детства». Запомни, что действующее законодательство превыше всего ставит права детей. Их никак нельзя ущемлять.

Стюарт Рейли смотрел на противоположную стенку невидящими глазами.

— Мы могли бы эмигрировать, — глухо произнес он. — На Венере, например, нет ограничений рождаемости.

— Тебе тридцать восемь, Мэриан тридцать два. На Марсе и на Венере нужны молодые, совсем молодые люди, не говоря уж о том, что ты конторский служащий, а не инженер, не механик и не фермер. Я очень сомневаюсь, что тебе удастся получить постоянную межпланетную визу. Нет, с вашими доходами все ясно. Вот разве что особые случаи. Есть у вас что-нибудь по этой части?

Мэриан уцепилась за соломинку:

— Может быть... При рождении Майка мне делали кесарево сечение.

— Так... — Кливленд Беттигер потянулся за другим документом и прочитал его.

— В твоей истории болезни говорится, что это произошло из-за неправильного положения ребенка в матке. Совсем не обязательно, что в следующий раз опять понадобится хирургическое вмешательство. Еще что-то есть? Какие-нибудь психические отклонения у Лизы, из-за чего ее сейчас никак нельзя передать приемным родителям? Подумайте.

Они подумали и вздохнули. Ничего такого не было.

— Этого-то я и ожидал, Стив. Дело дрянь. Ну что ж, подпишите вот это и пошлите завтра вместе с извещением о лишнем ребенке. Я все заполнил.

— Что это? — тревожно спросила Мэриан, заглядывая в бумагу, которую он им дал.

— Просьба об отсрочке. Я ссылаюсь на твою исключительно хорошую служебную характеристику и пишу, что понижение — лишь временное явление. Из этого ничего не выйдет, потому что для выяснения дела БПС пошлет сотрудника в твое управление, но все-таки мы протянем время. У вас будет лишний месяц, чтобы решить, с каким ребенком расстаться, и, кто знает, может быть, за это время что-нибудь случится? Найдешь место получше или тебя повысят.

— За месяц я не найду лучшего места, — вымолвил удрученный Рейли. — Дело скверное: нужно радоваться и тому, что получил. А о повышении нечего думать по крайней мере год.

С лужайки перед домом донесся звук приземлившегося ракетоплана.

— Неужели гости? — удивилась Мэриан. — Мы никого не ждем.

— Да, только гостей нам сейчас не хватает, — покачал головой ее муж. — Взгляни, кто там, Мэриан, и постарайся выпроводить.

Она вышла из столовой, на ходу сделав роботу знак наполнить пустой стакан Беттигера. Ее лицо свело от боли.

— Я не понимаю, — пожаловался Стюарт Рейли, — почему БПС проявляет такую жестокость во всем, что связано с контролем над рождаемостью. Неужели нельзя дать человеку небольшую отсрочку?

— Оно так и делает, — напомнил ему адвокат, аккуратно складывая бумаги в портфель. — Разумеется. Если должен родиться ребенок, на которого получено разрешение, ваш

доход может без всяких последствий понизиться на девятьсот территов — это уступка непредвиденным обстоятельствам. Но две тысячи, целых две тысячи...

— Нет, это несправедливо! Чертовски несправедливо! После того как вы родили и вырастили ребенка, какое-то паршивое Бюро забирает его у вас...

— Довольно, Рейли, не будь ослом! — резко оборвал его Беттигер. — Я твой адвокат и собираюсь помогать тебе, насколько хватит моих знаний и опыта, но я не желаю слушать, как ты несешь чепуху, в которую сам не веришь. Имеет смысл планировать семью или нет? Или мы будем уверены, что каждый ребенок рождается с прочными шансами на достойную и счастливую жизнь, что он нужен и дорог, или возвратимся к безответственным методам рождения детей прошлых столетий?! Форма 36-А — символ планирования семьи, а извещение о лишнем ребенке — только обратная сторона медали. Все имеет свои издержки.

Рейли опустил голову:

— Я не спорю с этим, Клив. Я только... только...

— Сейчас тебя, что называется, припекло. Мне очень жаль тебя, искренне жаль. Но, видишь ли, когда ко мне приходит клиент и говорит, что по рассеянности пролетел над запретной зоной, я использую все свои юридические знания и каждую свою жалкую извилину, чтобы помочь ему и чтобы он отдался наименьшим штрафом. Но если он не ограничивается этим и начинает доказывать, что правила уличного движения никуда не годятся, я теряю терпение и велю ему заткнуться. Так же и с контролем над рождаемостью: понадобился целый ряд правил, чтобы воспроизведение человеческого рода происходило более разумно.

Голоса, доносиившиеся из прихожей, вдруг оборвались. Они услышали характерный для Мэриан звук: что-то среднее между вскриком и визгом. Мужчины вскочили и выбежали к ней.

В прихожей рядом с Мэриан стоял Брус Робертсон. Закрыв глаза, она держалась рукой за стену, как бы боясь упасть.

— Мне очень жаль, что я ее так расстроил, Стив, — быстро произнес художник. Его лицо было очень бледным. — Видишь ли, я хочу удочерить Лизу. Фрэнк Тайлер рассказал мне, что произошло.

— Ты? Ты хочешь... Но ты же холостяк!

— Да, но я принадлежу к пятой группе. Мне разрешат уドочерить Лизу, если я сумею доказать, что создам ей обстановку такую же благоприятную, как женатая пара. Так я и сделаю. Я хочу только одного — чтобы она официально носила мое имя. Мне все равно, как ее будут называть в школе или подруги. Она останется здесь, у вас, а я буду давать деньги на ее содержание. БПС согласится, что это самый лучший дом для Лизы.

Рейли замер, выжидательно глядя на Беттигера. Адвокат кивнул:

— Пойдет. Ведь если настоящие родители выражают какие-нибудь пожелания относительно условий передачи ребенка, Бюро, как правило, считается с их доводами. Но вы, молодой человек, вы-то что выиграете от этого?

— Официально будет считаться, что у меня ребенок, — ответил Робертсон. — Ребенок, о котором я смогу говорить и хвастаться, как другие хващаются своими детьми. Мне до смерти надоело быть бездетным холостяком — я хочу иметь кого-то.

— Но в один прекрасный день ты захочешь жениться, — сказал Рейли, обнимая жену, которая с глубоким вздохом прижалась к нему. — Ты захочешь жениться и иметь собственных детей.

— Этого не будет, — тихо произнес Брус Робертсон. — Пожалуйста, не говорите никому: в моей семье был случай амавротической идиотии. Женщина, на которой я женюсь, не должна иметь детей. Сомневаюсь, что я когда-либо женюсь, но уж детей у меня, конечно, никогда не будет. Это... это моя единственная возможность...

— Ох, милый, — радостно вздохнула Мэриан в объятиях Рейли. — Вот увидишь, все обойдется.

— Я прошу только одного, — неуверенно продолжал художник, — я буду изредка приходить сюда, чтобы повидать Лизу и узнавать, как ее дела.

— Изредка! — завопил Рейли. — Да приходи хоть каждый вечер! В конце концов, ты ведь будешь вроде как член семьи. Да что я говорю «вроде»! Ты будешь настоящим членом нашей семьи, ты будешь семейным человеком!

**ДЕРЕВЯННАЯ
ЗВЕЗДА**

НУЛЕВОЙ ПОТЕНЦИАЛ

Спустя несколько месяцев после второй атомной войны, когда третья планеты все еще оставалась радиоактивной пустыней, доктор Дэниел Глэрт из Филлмора, штат Висконсин, наткнулся на открытие, которому суждено было вызвать последний рывок в социальном развитии человечества.

Подобно Колумбу, хваставшемуся тем, что добрался до Индии, подобно Нобелю, гордившемуся изобретением динамита, который, по его словам, сделает войны невозможными, — подобно им доктор Глэрт не сумел правильно оценить свое открытие. Несколько лет спустя он говорил заезжему историку:

— Не думал, что из этого такое выйдет, никак не думал. Помните, война только что кончилась; мы были здорово потрясены тем, как испарились практически оба побережья Соединенных Штатов. Так вот, из Топики — новой столицы в Канзасе — нам, докторам, пришло распоряжение подвергнуть пациентов полному обследованию. В общем, смотреть в оба, чтобы не проглядеть радиоактивных ожогов и этих самых новых болезней, которыми швырялись друг в друга воюющие армии. Понимаете, сэр, я больше ничего и не предполагал делать. А Джорджа Абнега я знал тридцать лет — я его вылечил от ветрянки, от воспаления легких и от отравления. Никогда бы не подумал!..

Null-P

Copyright © 1951 by Philip Klaas

Нулевой потенциал

© А. Иорданский, перевод, 1975

В соответствии с распоряжением, которое прокричал на всех углах секретарь окружного совета, Джордж Абнего сразу после работы явился к доктору Глэрту. Терпеливо прождав полтора часа в очереди, он наконец вошел в маленький кабинет. Здесь его тщательно выстукали, просветили рентгеном, взяли анализ крови и мочи, внимательно исследовали его кожу, а потом ему пришлось ответить на пятьсот вопросов анкеты, разосланной департаментом здравоохранения в отчаянной попытке охватить симптомы новых заболеваний.

Потом Джордж Абнего оделся и пошел домой, где его ждал скучный ужин, ограниченный жесткими нормами. Доктор Глэрт положил его папку в ящик и вызвал следующего. Он пока еще ничего не заметил; но хотел он или не хотел — начало абнегистской революции уже было положено.

Четыре дня спустя, когда обзор состояния здоровья жителей Филлмора, штат Висконсин, был готов, доктор переслал материалы в Топику. Прежде чем подписать карточку Джорджа Абнего, он пробежал ее глазами, поднял брови и записал на ней следующее: «Если не считать склонности к кариесу зубов и плоскостопию, я считаю, что состояние здоровья этого человека среднее. В физическом отношении он соответствует норме для города Филлмора».

Именно эта последняя фраза заставила правительственно-го инспектора здравоохранения усмехнуться и еще раз взглянуть на карточку. Потом к усмешке прибавилось изумление; оно стало еще сильнее, когда инспектор сравнил цифры и данные на карточке с медицинскими справочниками.

Надписав что-то красными чернилами в правом верхнем углу карточки, инспектор послал ее в Исследовательский отдел.

В Исследовательском отделе удивились, зачем им переслали карточку Джорджа Абнего — у него не было отмечено никаких необычных симптомов, предвещавших экзотические новинки вроде мозговой кори или артериального трилхиноза. Потом они обратили внимание на надпись, сделанную красными чернилами, и на пометку доктора Глэрта. Пожав плечами, исследователи поручили группе статистиков заняться этим вплотную.

Спустя неделю, когда статистическое изучение вопроса было завершено, в Филлмор прибыло девять специалистов-

медиков. Они тщательнейшим образом обследовали Джорджа Абнега, а потом ненадолго заглянули к доктору Глэрту, которому по его просьбе оставили копию протокола своего обследования.

Обстоятельства сложились так, что первый экземпляр этого протокола был уничтожен в Топике месяц спустя, во время мятежа Твердокаменных Баптистов — того самого мятежа, который побудил доктора Глэрта начать абнегистскую революцию. После того как население в результате атомной и бактериологической войн сильно сократилось в числе, эта баптистская secta оказалась самой крупной религиозной организацией стран. Возглавлявшая ее группировка стремилась установить в остатках Соединенных Штатов теократию Твердокаменных Баптистов. После кровопролитных боев и больших разрушений мятежники были усмирены. Их вождь, преподобный Хемингуэй Т. Гонт, поклявшийся, что не выпустит из левой руки револьвера, а из правой — Библии, пока не воцарится власть Господня и не будет возведен Третий Храм, был приговорен к смертной казни судом своих же суровых единоверцев.

Сообщая о мятеже, филлморская газета «Бьюгл геральд» проводила печальную параллель между уличными боями в Топике и мировой катастрофой, вызванной атомным конфликтом. Передовая статья уныло констатировала: «Теперь, когда международная связь и транспорт разрушены, мы почти ничего не знаем о превращенном в руины мире. Мы знаем, что физический облик нашей планеты за последние десять лет изменился настолько же, насколько рождающиеся повсюду в результате радиоактивности дети-уроды отличаются от своих родителей. Воистину в эти дни катастроф и перемен наш изнемогающий дух обращается к небу с мольбой о символе, о знамении, глашающем, что все снова будет хорошо, что прошлое еще вернется к нам, что поток несчастий пойдет на убыль и мы снова почувствуем под ногами твердую почву нормы».

Именно это последнее слово привлекло внимание доктора Глэрта. В тот же вечер он опустил протокол обследования, проведенного правительственными специалистами, в редакционный почтовый ящик. На полях первой страницы он написал карандашом короткую фразу: «Вижу, что Вы интересуетесь этим вопросом».

Во всю первую страницу следующего номера филлморской «Бьюгл геральд», вышедшего неделю спустя, красовались заголовки:

ГРАЖДАНИН ФИЛЛМОРА — ЗНАМЕНИЕ?
НОРМАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК ИЗ ФИЛЛМОРА
МОЖЕТ ОКАЗАТЬСЯ ОТВЕТОМ СВЫШЕ!
МЕСТНЫЙ ВРАЧ РАСКРЫВАЕТ
ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ МЕДИЦИНСКИЙ
СЕКРЕТ

Дальнейший текст был густо уснащен цитатами из протокола, а также из Псалмов Давида. Потрясенные жители Филлмора узнали, что некий Джордж Абнего, который почти сорок лет прожил среди них незамеченным, представляет собой живую абстракцию. Благодаря стечению обстоятельств, ничуть не более замечательному, чем появление у вас на руках четырех тузов в покере, физическое развитие, душа и прочие разнообразные атрибуты Абнего, вместе взятые, образовали мифическое существо — статистическое среднее.

Судя по последней предвоенной переписи, рост и вес Джорджа Абнего совпадали со средней цифрой для взрослого американца мужского пола. Он женился именно в таком возрасте (с точностью до года, месяца и дня), когда, по расчетам статистиков, в среднем женились все мужчины; его жена была моложе его именно на столько лет, чтобы разница в их возрасте соответствовала средней; его заработка, по данным последней налоговой анкеты, равнялся среднему заработку за этот год. Даже количество и состояние зубов у него во рту соответствовало предсказаниям Американской ассоциации зубных врачей. Его обмен веществ и кровяное давление, пропорции тела и неврозы — все в Абнего представляло собой обобщение последних статистических данных. Когда его подвергли всем возможным психологическим проверкам, окончательный результат показал, что это средний нормальный человек.

Наконец, миссис Абнего недавно разрешилась от бремени третьим ребенком — мальчиком. Это не только произошло точно в момент, соответствующий статистическим данным о движении населения, но и привело к появлению на свет абсолютно нормального представителя человечества в отличие от большинства детей, рождавшихся по всей стране.

Рядом со славословиями в честь новой знаменитости в газете была напечатана плохая любительская фотография, с которой на читателя застывшим взглядом смотрело семейство Абнего в полном составе. Выглядело оно при этом, как отмечали многие, «средне — чертовски средне!»

Газетам других штатов было предложено перепечатать материал. Так они и сделали — сначала не спеша, а потом со все распространявшимся, заразительным энтузиазмом. Когда живой интерес публики к этому символу стабильности, счастливо избежавшему всех крайностей, стал очевиден, на страницах газет забили фонтаны громких слов, посвященных «Нормальному Человеку из Филлмора».

Профессор Родрик Клингмейстер из университета штата Небраска заметил, что многие его студенты-биологи носят огромные пуговицы, украшенные портретами Джорджа Абнего. «Прежде чем начать лекцию, — усмехнулся он, — я бы хотел сказать, что этот ваш “нормальный человек” не мессия. Боюсь, что он всего-навсего наделенная честолюбием вероятностная кривая, всего лишь воплощенная посредственность...»

Договорить он не успел. Ему раскроили череп его собственным микроскопом.

Даже на той ранней стадии событий некоторые наблюдательные политики заметили, что за это поспешное действие никто не понес наказания.

Этот инцидент можно связать с многими другими, последовавшими за ним. Например, один злополучный житель Далата, оставшийся неизвестным, в разгар происходившей в этом городе манифестации под лозунгом «Добро пожаловать, приятель — средний Абнего», добродушно удивившись, вслух заметил: «Смотрите, он же просто обыкновенный парень, вроде нас с вами». Он был немедленно разорван разъяренной толпой на клочки не крупнее праздничного конфетти.

За подобными случаями внимательно следили люди, находившиеся у кормила правления (постольку, поскольку те, кем правила, против этого не возражали). Эти люди решили, что Джордж Абнего представляет собой воплощение великого национального мифа, в течение столетия скрыто лежавшего в основе культуры и с таким шумом распространявшегося благодаря массовым средствам общения.

Начало этому мифу положило когда-то детское движение, призывавшее «Стать Нормальным Полнокровным

Американским Парнем»; свое высшее проявление он нашел в политических кругах, где претенденты на официальные посты, красуясь без пиджаков и в подтяжках, хвастали: «Бросьте, все знают, кто я такой. Я простой человек, не больше, всего-навсего простой человек».

Этот миф послужил источником таких внешне несопоставимых обычаев, как ритуал политического целования младенцев, культ жизни «не хуже других» или недолговечные, пустые и глупые массовые увлечения, охватывавшие население с монотонной регулярностью, подобно взмахам механического дворника по стеклу автомобиля. Этот миф диктовал законы моды и определял дух студенческих землячеств. Это был миф о «правильном парне».

Год открытия Абнего был годом президентских выборов. Так как от Соединенных Штатов остался только Средний Запад, демократическая партия исчезла. Ее остатки поглотила группа, называвшая себя Старой Республиканской Гвардией, — самая левая в Америке. Правящая партия — Консервативные Республиканцы, настолько правые, что они стояли на грани монархизма, — была спокойна за исход выборов: достаточное для этого количество голосов было обещано ей духовенством.

Старая Республиканская Гвардия лихорадочно искала подходящего кандидата. С сожалением отказавшись от подростка-эпилептика, недавно избранного вопреки конституции штата губернатором Южной Дакоты, и высказавшись против распевавшей псалмы бабки из Оклахомы, которая сопровождала свои выступления в сенате религиозной музыкой на бандже, стратеги партии в один из летних дней прибыли в Филлмор, штат Висконсин.

С того момента как Абнего убедили дать согласие баллотироваться, как было преодолено его последнее, искреннее, но не признанное серьезным возражение (состоявшее в том, что он был членом соперничающей партии), стало очевидно, что в предвыборной борьбе произошел перелом и что сыр-бор загорелся.

Абнего стал кандидатом в президенты под лозунгом: «Назад, к Норме, с Нормальным Человеком!»

К тому времени когда собралась конференция Консервативных Республиканцев, угроза поражения была для них уже очевидной. Они изменили свою тактику, пытаясь встретить удар лицом к лицу.

Республиканцы выдвинули своим кандидатом горбuna. Кроме физического уродства он отличался и другими ненормальными особенностями: например, был профессором права в ведущем университете. Он был женат и с большим шумом развелся; наконец, однажды он признался комиссии по расследованию, что когда-то писал и публиковал сюрреалистические стихи. Плакаты, изображавшие его с жутковатой ухмылкой и горбом вдвое больше натуральной величины, были расклеены по всей стране с лозунгом: «Ненормальный Человек для Ненормального Мира!»

Несмотря на этот блестящий политический ход, результат кампании не вызывал сомнений. В день голосования три четверти избирателей поддержали кандидата, зовущего к прошлому. Четыре года спустя, когда на выборах снова выступили те же соперники, соотношение увеличилось до пяти с половиной против одного. А когда Абнега выставил свою кандидатуру на третий срок, он не встретил организованного сопротивления.

Не то чтобы он сокрушил оппозицию. В период президентства Абнега допускалась большая свобода политической мысли, чем при многих его предшественниках. Просто люди стали меньше думать о политике.

Абнега избегал каких бы то ни было решений, пока это было возможно. Когда же уйти от решения было нельзя, он принимал его исключительно на основе прецедентов. Он редко высказывался на актуальные темы и никогда не брал на себя никаких обязательств. Разговаривать он любил лишь о своей семье.

«Как напишешь памфлет против пустого места?» — жаловались многие оппозиционные публицисты и карикатуристы в первые годы абнегистской революции, когда во время предвыборных кампаний кое-кто все еще пытался выступать против Абнега. Снова и снова Абнега пытались спровоцировать на какое-нибудь нелепое заявление или признание, но без всякого успеха. Абнега был просто не способен сказать что-нибудь такое, что большинство населения сочло бы нелепым.

Кризисы? Но каждому школьнику было известно, что Абнега однажды сказал: «Знаете, я заметил, что даже самый сильный лесной пожар рано или поздно выгорит. Главное — не волноваться».

Он привел людей в мир пониженного кровяного давления. И после многих лет созидания и разрушения, лихорадки

и конфликтов, нараставших забот и душевных мук они свободно вздохнули и преисполнились тихой благодарности.

С того дня когда Абнего принес присягу, многим казалось, что хаос дрогнул и повсюду расцвела благословенная, долгожданная стабильность. Многие из происходивших процессов на самом деле не имели никакого отношения к Нормальному Человеку из Филлмора — например, уменьшение числа детских уродств; но во многих случаях выравнивающее, смягчающее действие абнегизма было очевидным. Так, лексикологи, к своему изумлению, обнаружили, что жаргонные словечки, свойственные молодым людям во времена первого президентства Абнего, употреблялись их детьми и восемнадцать лет спустя, когда Абнего был избран на очередной срок.

Словесные проявления этого великого успокоения получили название абнегизмов. Первое в истории упоминание об этих искусно замаскированных глупостях относится к тому периоду, когда Абнего, убедившись наконец, что это возможно, назначил министров, совершенно не посчитавшихся с желаниями своей партийной верхушки. Один журналист, пытаясь обратить его внимание на абсолютное отсутствие в новом кабинете ярких индивидуальностей, задал ему вопрос: приходилось ли кому-нибудь из членов кабинета, от государственного секретаря до генерал-почтмейстера, когда-нибудь публично высказать о чем-нибудь свое мнение или принять хоть какие-нибудь конструктивные меры в каком бы то ни было направлении? На это президент якобы ответил не колеблясь и с мягкой улыбкой:

— Я всегда говорил, что если нет побежденных, то никто не остается в обиде. Так вот, сэр, в таком состязании, где судья не может определить победителя, побежденных не бывает.

Может быть, эта легенда и недостоверна, но она прекрасно выражает настроение абнегистской Америки. Повсеместно распространилась поговорка: «Приятно, как ничья».

Самый яркий абнегизм (и, безусловно, столь же апокрифический, как история про Джорджа Вашингтона и вишневое дерево) был приписан президенту после посещения им спектакля «Ромео и Джульетта». Трагический финал пьесы якобы вызвал у него следующее замечание:

— Уж лучше не любить вообще, чем пережить несчастную любовь!

В начале шестого президентства Абнего, когда вице-президентом впервые стал его старший сын, в Соединенных Штатах появилась группа европейцев. Они прибыли на грузовом судне, собранном из поднятых со дна частей трех потопленных миноносцев и одного перевернувшегося авианосца.

Встретив повсюду дружеский, но не слишком горячий прием, они объехали страну и были поражены всеобщей безмятежностью, почти полным отсутствием политической и военной активности, с одной стороны, и быстрым технологическим регрессом — с другой. Один из приезжих, прощаясь, настолько пренебрег дипломатической осторожностью, что заявил:

— Мы прибыли в Америку, в этот храм индустриализации, в надежде найти решение многих острых проблем прикладных наук. Эти проблемы — например, использование атомной энергии на предприятиях или применение ядерного распада в стрелковом оружии — стоят на пути послевоенной реконструкции. Но здесь, в остатках Соединенных Штатов Америки, вы даже не способны понять нас, когда мы говорим о том, что считаем таким сложным и важным. Извините меня, но у вас царит какой-то национальный транс.

Его американские собеседники не обиделись: пожимая плечами, они отвечали вежливыми улыбками. Вернувшись, делегат сообщил своим соотечественникам, что американцы, всегда пользовавшиеся славой ненормальных, в конце концов специализировались на кретинизме.

Но был среди европейцев другой делегат, который многое увидел и о многом расспрашивал. Это был Мишель Гастон Фуффник — некогда профессор истории в Сорbonne. Вернувшись в родную Тулузу (французская культура вновь сконцентрировалась в Провансе), он занялся исследованием философских основ абнегистской революции.

В своей книге, которую с огромным интересом прочел весь мир, Фуффник указывал, что хотя человек XX века в достаточной степени преодолел узкие рамки древнегреческих понятий, создав неаристотелеву логику и неевклидову геометрию, но он до сих пор не находил в себе интеллектуального мужества, чтобы создать неплатонову политическую систему. Так было до того, как появился Абнего.

«Со времен Сократа, — писал месье Фуффник, — политические взгляды человека определялись идеей о том, что

править должны достойнейшие. Как определить этих достойнейших, какой шкалой ценностей пользоваться, чтобы правили самые достойные, а не просто те, кто получше, — таковы были основные проблемы, вокруг которых уже три тысячелетия бушевали политические страсти. Вопрос о том, что выше — родовая аристократия или аристократия разума, — это вопрос об основе подобной шкалы ценностей; вопрос о том, как должны избираться правители: согласно воле Божьей, прочтеною по святым внутренностям, или в результате всенародного голосования, — это вопрос метода. Но до сих пор ни одна политическая система не посягала на основной, не подлежащий обсуждению постулат, впервые изложенный еще в “Республике” Платона. И вот Америка поставила под сомнение практическую пригодность и этой аксиомы. Молодая западная демократия, которая ввела когда-то в юриспруденцию понятие о правах человека, теперь подарила лихорадящему человечеству доктрину наименьшего общего знаменателя в управлении. Согласно этой доктрине, насколько я ее понимаю, править должны не самые худшие, как заявляют многие из моих предубежденных спутников, а средние: те, кого можно назвать “недостойнейшими” или “неэлитой”».

Народы Европы, жившие среди радиоактивных развалин, оставленных современной войной, с благоговением внимали проповеди Фуффника. Их зачаровывала картина мирной монотонности, существовавшей в Соединенных Штатах, и не интересовал академический анализ ее сущности. Сущность же эта состояла в том, что правящая группа, сознавая свою «неисключительность», избегала бесконечных конфликтов и трений, вызываемых необходимостью доказывать собственное превосходство, и волей-неволей стремилась как можно быстрее загладить любые серьезные разногласия, так как обстановка напряжения и борьбы грозила создать благоприятные возможности для творчески настроенных, энергичных людей.

Кое-где все еще оставались олигархии и правящие классы; в одной стране еще пользовалась влиянием древняя религия, в другой — народ продолжали вести за собой талантливые, мыслящие люди. Но проповедь уже звучала в мире. Среди населения появились шаманы — заурядные на вид люди, которых называли абнегами. Тираны убедились в том, что истребить этих шаманов невозможно: они избирались не

за какие-нибудь особые способности, а просто потому, что они представляли средний уровень любого данного слоя людей; оказалось, что, пока существует сам этот слой, у него остается и середина. Поэтому философия абнегов, несмотря на кровопролития, распространялась и крепла.

Оливер Абнего, который стал первым президентом мира, был до этого президентом Абнего VI Соединенных Штатов Америки. Его сын в качестве вице-президента председательствовал в сенате, состоявшем в основном из его дядей, двоюродных братьев и теток. Они и их многочисленные потомки жили в простоте, лишь немногим отличавшейся от условий жизни основателя их династии.

В качестве президента мира Оливер Абнего одобрил только одно мероприятие — закон о преимущественном предоставлении стипендий в университетах тем студентам, чьи отметки были ближе всего к средним по всей планете для их возрастной группы. Однако президента вряд ли можно было упрекнуть в оригинальности или новаторстве, не подобающих его высокому положению: к тому времени вся система поощрений — в учебе, спорте и даже на производстве — была уже приспособлена для вознаграждения за самые средние показатели и для ущемления в равной мере как высших, так и низших.

Когда вскоре после этого иссякли запасы нефти, люди с полной невозмутимостью перешли на уголь. Последние турбины в еще годном для работы состоянии были помещены в музеи: люди, которым они служили, сочли, что, пользуясь электричеством, они слишком выделяются среди добродорядочных абнегов.

Выдающимся явлением культуры этого периода были точно зарифмованные и безукоризненно ритмичные стихи, посвященные довольно абстрактным красавицам и неопределенным прелестям супруг или возлюбленных. Если бы давным-давно не исчезла антропология, то можно было бы установить, что появилась удивительная тенденция ко всеобщему единообразию в строении скелета, чертах лица и пигментации кожи, не говоря уже об умственном и физическом развитии и индивидуальности. Человечество быстро и бессознательно сводилось к среднеарифметическому уровню.

Правда, незадолго до того как были исчерпаны запасы угля, в одном из поселений к северо-западу от Каира произошла кратковременная вспышка возмущения. Там жили

преимущественно неисправимые инакомыслящие, изгнанные из своих общин, да небольшое количество душевно-больных и калек. В пору расцвета они пользовались массой технических устройств и пожелтевшими книгами, собранными в разрушающихся музеях и библиотеках мира.

Окруженные всеобщим презрением, эти люди возделывали свои илистые поля лишь настолько, чтобы не умереть с голоду, а остальное время посвящали бесконечным ожесточенным спорам. Они пришли к выводу, что представляют собой единственных потомков «гомо сапиенс», а остальное человечество состоит из «гомо абнегус». По их мнению, своей успешной эволюцией человек был обязан в основном отсутствию узкой специализации. Если остальные живые существа были вынуждены приспосабливаться к частным, ограниченным условиям, то человечество оставалось не связанным этой необходимостью, что и позволило ему совершить огромный прыжок вперед; но в конце концов обстоятельства вынудили и его заплатить ту же цену, какую рано или поздно приходилось платить всем жизнеспособным формам, то есть специализироваться.

Дойдя до этого этапа дискуссии, они решили воспользоваться оставшимся у них старинным оружием, чтобы спасти «гомо абнегус» от самого себя. Однако ожесточенные разногласия относительно предполагаемых способов перевоспитания привели к кровопролитному междоусобному конфликту с тем же оружием в руках; в результате вся колония была уничтожена, а место, где она находилась, стало непригодным для жизни.

Примерно в это же время человек, истощив запасы угля, вернулся в обширные, вечно возобновляющиеся и неистощимые леса.

Царство «гомо абнегус» длилось четверть миллиона лет. В конце концов оно пало, покоренное собаками ньюфаундлендами. Эти животные уцелели на одном из островов Гудзонова залива после того, как еще в XX веке затонуло везшее их грузовое судно.

Эти крепкие и умные собаки, силой обстоятельств вынужденные в течение нескольких сотен тысячелетий довольствоваться обществом друг друга, научились говорить примерно таким же образом, как научились ходить обезьяны — предки человека, когда внезапное изменение климата истребило деревья, служившие им исконным обиталищем, то есть

просто от скуки. Наделенные разумом, обостренным трудностями жизни на суровом острове, обладающие фантазией, побуждаемые к действию холодом, эти овладевшие членораздельной речью собаки построили в Арктике замечательную собачью цивилизацию, а потом устремились на юг, чтобы поработить, а затем и приручить человечество.

Приручение состояло в том, что собаки разводили людей ради их умения бросать палки и другие предметы: приносить их стало видом спорта, все еще популярным среди новых властелинов планеты, хотя часть наиболее эрудированных индивидуумов была склонна к сидячему образу жизни.

Особенно высоко ценилась порода людей с невероятно тонкими и длинными руками; однако часть собак предпочитала более коренастую породу, у которой руки были короткие, но крайне мускулистые. Время от времени благодаря рабхиту выводились любопытные особи с настолько гибкими руками, что они казались почти лишенными костей. Разведение этой разновидности, любопытной как с научной, так и с эстетической точек зрения, обычно осуждалось как признак упаднических склонностей хозяина и порча животных.

Со временем собачья цивилизация, конечно, создала машины, способные бросать палки дальше, быстрее и чаще, чем люди. После чего, если не считать самых отсталых собачьих общин, человек исчез с лица Земли.

КУРС НА ВОСТОК!

Для лошадей нью-джерсийское шоссе оказалось плохо приспособленным. К югу от Нью-Брансуика рытвины стали столь глубоки, а валуны, валявшиеся в беспорядке, столь многочисленны, что обоим всадникам пришлось перейти на мелкую рысь, чтобы не покалечить драгоценных животных. Кроме того, они уже так далеко продвинулись на юг, что фермы исчезли, и путешественникам не оставалось ничего иного, как пытаться всухомятку, довольствуясь тем, что они захватили с собой в седельных сумах. Прошлой ночью они заночевали в развалинах заправочной станции, растянув гамаки меж покосившихся ржавых колонок.

И все же это была самая короткая и лучшая дорога из известных Джерри Франклину. Шоссе находилось в федеральном ведении, и его расчищали примерно раз в полгода. В пути они показали прекрасное время, и даже их выночная лошадь ни разу не захромала. Достигнув последнего поворота, там, где стоял расколотый древесный пень с надписью «На Трентон», Джерри позволил себе немного расслабиться. И его отец, и коллеги отца могли им гордиться. Да и сам он был доволен собой. Однако уже в следующую минуту Джерри был вновь подтянут как всегда. Он пришпорил коня и поравнялся со своим спутником, молодым человеком примерно одного возраста с Джерри.

— Помни о правилах Протокола, — сказал он. — Я начальник, и мы уже так близко от Трентона, что тебе не подобает ехать впереди меня.

Eastward Ho!

Copyright © 1948 by Philip Klaas

Курс на восток!

© В. Ковалевский, перевод, 1991

Напоминать о разнице в рангах было неприятно. Но дело есть дело, и если подчиненный забылся, его надо одернуть. В конце концов, ведь Джерри сын, да при этом еще и старший сын сенатора от Айдахо, тогда как родитель Сэма Резерфорда всего лишь заместитель Государственного секретаря, а мать вообще происходит из семьи мелкого почтового чиновника.

Сэм смущенно поклонился и придержал лошадь, пропустив Джерри на несколько шагов вперед.

— Мне показалось, что впереди что-то движется, — пояснил он. — Похоже на отряд, пробирающийся по обочине. Готов поклясться, что на них были плащи из бизоньих шкур.

— Семинолы не носят бизоньих шкур, Сэмми. Забыл, почему тебя учили на лекциях по политической истории?

— Я не проходил этого курса, мистер Франклайн. Я ведь всего-навсего майор инженерных войск. Мое дело — вечно рыться в руинах. Но и моих жалких познаний достаточно, чтобы не приписывать бизоньих плащей семинолам. Вот почему я...

— Лучше бы ты приглядывал за выючной лошадью, — посоветовал Джерри. — Переговоры — это моя забота.

Говоря это, он инстинктивно коснулся чуть дрогнувшими пальцами спрятанной на груди сумки. В ней хранились его верительные грамоты, написанные на одном из последних правительственныех бланков (бумага не стала менее важной от того, что на ее обороте кто-то еще несколько лет назад сделал какие-то заметки для памяти). Документ был подписан самим президентом. Да еще *настоящими* чернилами!

Этот документ мог сыграть огромную роль в его будущей карьере. Конечно, вернее всего ему придется вручить бумагу во время переговоров, но копия назначения бесспорно должна храниться в архивах Конгресса там, на далеком Севере. И когда отец умрет, а он унаследует одно из двух высокочтимых мест от штата Айдахо в сенате, его нынешнее назначение даст ему основание претендовать на членство в Комиссии по ассигнованиям. А может, черт побери, и даже на право заседать в Комиссии законодательных предположений! До сих пор никто из членов семьи сенаторов Франклинов в ней не заседал!

Путешественники поняли, что находятся уже в предместьях Трентона, только когда увидели первые команды джерситов, расчищавших дорогу. Испуганные лица бросали на

них робкие взгляды и снова склонялись к земле. Команды работали без надсмотрщиков. Очевидно, семинолы считали, что для такой простой работы хватит и устных распоряжений.

Однако по мере того как они ехали мимо кварталов аккуратно разобранных развалин, из которых собственно и стоял город, не встречая на своем пути никого поважнее белых, в мозгу Джерри возникло другое объяснение. Похоже, что город на военном положении. Но если так, то где же войска? Почти наверняка — на другом конце Трентона, где они оборосят берег Делавэра; именно отсюда новые владельцы Трентона — семинолы — могли ожидать нападения. Не с севера же, где кроме Соединенных Штатов Америки ровным счетом никого нет. Ну а если так, то против кого же они оборосят? Ведь к югу от реки Делавэр никто, кроме самих семинолов, не живет. Возможно ли... Возможно ли, что среди них наконец разгорелась междуусобная война?!

А может быть, прав Сэм Резерфорд? Нет, это фантастика! Бизоньи плащи в Трентоне! Да не могут они быть ближе, чем в нескольких сотнях миль к западу, где-нибудь в районе Гаррисберга!

Но когда всадники свернули на Стейтс-стрит, Джерри прикусил губу. Сэм был прав — очко в его пользу.

На широкой лужайке, окружавшей развалины Капитолия, стояли десятки вигвамов. А высокие темнолицые люди, которые неподвижно сидели на газоне или с гордым видом бродили меж вигвамов, были одеты в бизоньи плащи. Увидев их раскрашенные лица, не было даже нужды вспоминать лекции по политической истории: это были сиу.

Итак, информация, полученная правительством по поводу племенной принадлежности оккупантов, оказалась совершенно ложной. Впрочем, ничего необычного в этом не было: при современном состоянии средств связи от них вряд ли можно ждать особых чудес. Однако ошибочность информации создавала трудности личного порядка. Во-первых, назначение Джерри могло оказаться недействительным: грамоты были адресованы непосредственно Оцеоле VII — верховному вождю всех семинолов. Но если Сэм Резерфорд считает, что это даст ему право...

Джерри с угрозой обернулся. Нет, с Сэмом неприятностей не будет. Он не из тех, кто способен твердить «я ж вам говорил...» Глаза сына заместителя Государственного секретаря опустились долу под суровым взглядом начальника.

Успокоившись на этот счет, Джерри стал лихорадочно вспоминать самое важное из того, что ему было известно о последних политических взаимоотношениях с сиу. Вспомнить удалось немногое — так, общие положения двух-трех последних договоров. Ладно, пока хватит и этого.

Он натянул поводья перед особенно внушительным воином и медленно слез с седла. Если еще с семинолом можно было рискнуть разговаривать сидя верхом, то с сиу такой номер не прошел бы. Сиу, когда им приходилось иметь дело с белыми, требовали очень строгого соблюдения всех правил Протокола.

— Мы пришли с миром, — обратился Джерри к воину, который стоял так же неподвижно, как неподвижно было копье в его руке, и так гордо-воинственно, как выглядела висевшая у него за спиной винтовка. — Мы прибыли с важными вестями и богатыми дарами для вашего вождя. Мы прибыли из Нью-Йорка, где находится столица нашего повелителя. — Он подумал и добавил: — Великого Белого Отца, о котором вы, конечно, слыхали.

О последних словах Джерри тут же пожалел. Воин тихонько хихикнул, в его глазах мелькнула насмешка. Затем черты его лица вновь застыли в гордой окаменелости, как то приличествует человеку, многократно бывавшему в битвах.

— Да, — сказал он, — я слышал о нем. Кто же не знает о богатстве, силе и обширных владениях Великого Белого Отца. Идем, я отведу тебя к нашему вождю. Следуй за мной, бледнолицый.

Джерри знаком приказал Сэму Резерфорду дожидаться его возвращения. У входа в большой, богато украшенный вигвам индеец сделал шаг в сторону и небрежным жестом предложил Джерри войти.

Внутри было темновато, но при виде тамошних светильников Джерри чуть рот не разинул от удивления. Керосиновые лампы! Целых три! Да эти люди просто купаются в роскоши!

Сотню лет назад, еще до того как мир разлетелся вдребезги во время последней большой войны, у его народа тоже было вдоволь керосиновых ламп. Возможно даже, что были лампы и получше керосиновых, если верить тому, о чем болтают инженеры, сидя вечерами у своих костров. Такие рассказы, конечно, интересно слушать, хотя это всего лишь отголоски далекого славного прошлого. Подобно преданиям

о переполненных житницах или сказочных супермаркетах, эти разговоры в какой-то степени будили чувство гордости за прошлое своего народа, но реальной пользы от них было мало. Только слюнки текли, но голод не проходил...

Индейцы же, чья племенная организация позволила быстрее приспособиться к новым условиям, уже теперь обладали и житницами и керосиновыми лампами. И индейцы...

Двое робких бледнолицых слуг подносили еду группе индейцев, сидевших на полу. В ней был старый вождь, с крепким, испещренным шрамами телом. И еще три воина, один из которых, пожалуй, был слишком молод для участия в Совете. И еще пожилой негр, одетый почти в такие же домотканые лохмотья, как и Франклайн, разве чуточку поновее и чуточку почище.

Джерри низко склонился перед вождем, широко разведя руки ладонями вниз.

— Я прибыл от нашего вождя в Нью-Йорке, — промямылил он. Джерри робел. Надо было знать имена индейцев, чтобы в случае нужды обращаться лично к каждому из них. Правда, он примерно представлял, как будут звучать эти имена. И сиу, и семинолы, и вообще все индейские племена, накопившие силу и теперь очень многолюдные, любили имена, звучавшие несколько архаично. Это была странная смесь различных пластов прошлого, всегда перекрываемая смелым и гордым настоящим. Совсем как винтовки и копья: одни для реального боя, другие — как символ чего-то более важного, чем сама реальность. Или как употребление в походе вигвамов, хотя по слухам, будто ветром разносившимся по стране, рабы-ремесленники индейцев уже даже для самых незначительных вождей строили такие недоступные для жары и сырости жилища, о которых президент Соединенных Штатов, лежа на своей персональной рогожке, не мог и мечтать. Или как раскрашенные лица, склоненные над грубыми, недавно вновь изобретенными микроскопами. Интересно, что это за штука — микроскоп? Джерри попытался припомнить то, что ему читали на лекциях по инженерному делу на первом курсе, но так ничего и не вспомнил. Да, эти индейцы странный народ, народ, вызывающий почтительный страх. Иногда казалось, что сама судьба предназначила им роль победителей, с присущей победителям непредсказуемостью поступков. А иногда...

Джерри вдруг понял, что все ждут продолжения его речи.

— От нашего вождя, — повторил он торопливо, — я прибыл с важной вестью и многими дарами.

— Поешь с нами, — сказал старик, — а потом передашь нам дары и послание.

Джерри с радостью принял приглашение и уселся на пол на некотором удалении от индейцев. Он был голоден, а среди фруктов, которые лежали в вазах, было что-то похожее на апельсины. Сколько споров он слышал о предполагаемом вкусе этих плодов!

Спустя несколько минут старик сказал:

— Я — вождь Три Водородные Бомбы. Это, — и он указал на молодого воина, — мой сын Сильная Радиация. А тот, — он кивнул на пожилого негра, — вроде как твой соотечественник.

В ответ на недоумевающий взгляд Джерри и повинуясь разрешающему мановению пальца вождя, негр пояснил:

— Сильвестр Томас. Посол при сиу от Американской Конфедерации Штатов.

— Конфедерации? Разве она еще существует? Мы слышали десять лет назад, что...

— Еще как существует,уважаемый сэр! Я, разумеется, говорю о Западной Конфедерации со столицей в Джексоне, штат Миссисипи. Восточная Конфедерация со столицей в Ричмонде, штат Виргиния, пала под натиском семинолов. Нам же посчастливилось. Арапахи, шайенны и, — тут он поклонился вождю, — особенно сиу были, если мне будет позволено так выразиться, очень добры к нам. Они разрешают нам жить в мире, пока мы пашем землю и платим им дань.

— Тогда, мистер Томас, — с волнением сказал Джерри, — может быть, вам известна судьба Республики Одинокой Звезды... Техаса... Возможно, и Техас...

Мистер Томас отвел печальный взгляд ко входу в вигвам.

— Увы, дорогой сэр! Республика Одинокой Звезды пала под ударами племен команчей и киова уже много лет назад, когда я был еще ребенком. Точного года не помню, но знаю, что это случилось еще до аннексии остатков Калифорнии апачами и навахами и задолго до того, как государство мормонов под славным предводительством...

Сильная Радиация расправил плечи и поиграл могучими бицепсами.

— Дурацкая болтовня, — буркнул он, — дурацкая болтовня бледнолицых. Она меня утомляет.

— Мистер Томас не бледнолицый, — резко оборвал его отец. — Ему следует оказывать почет. Он наш гость и аккредитованный посол. И ты не смеешь в его присутствии употреблять такое слово, как «бледнолицый».

Тут в разговор вступил один из пожилых воинов, сидевший рядом с вождем:

— В давние дни, в дни героев, мальчишка в возрасте Сильной Радиации не осмелился бы возвысить свой голос в Совете раньше отца своего. А уж тем более не посмел бы произнести то, что было здесь сказано. В подтверждение своих слов я позволю себе сослаться на классический труд Роберта Лови «Индейцы кроу» или на блестящее этнографическое исследование Лессера «Три уровня родственных связей у сиу». И хотя нам еще не удалось в полном объеме восстановить характер родственных отношений древних сиу согласно классической модели Лессера, но мы все же разработали рабочий вариант...

— Твое несчастье, Яркая Суперобложка, — прервал его пожилой воин, сидевший слева, — что ты уж слишком преклоняешься перед классикой. Ты забываешь, что живешь не в Золотом Веке, а в нашем, и что Золотой Век не имеет никакого отношения к сиу. О, я готов согласиться, что мы, как и кроу, принадлежим к dakotской группе, во всяком случае с лингвистической точки зрения, и что на первый взгляд все, что относится к кроу, относится и к нам. Но какой смысл в многословном цитировании Лови и в переносе его выводов на повседневную жизнь?

— Довольно! — приказал старый вождь. — Помолчи, Внемлите Вести! И ты, Яркая Суперобложка, тоже помолчи! Хватит, хватит! Все это наши внутренние племенные проблемы. Впрочем, в данном случае они полезны тем, что напоминают нам о временах, когда, прежде чем впасть в пучину слабости, страха и коррупции, бледнолицый был поистине велик. Разве все эти люди, чьи священные книги помогают нам воссоздать утраченный образ жизни сиу, люди подобные Лессеру и Роберту Х. Лови, разве они не были бледнолицыми? И разве в память о них не должны мы проявлять терпимость?

— А! — нетерпеливо воскликнул Сильная Радиация. — По мне, хороший бледнолицый — это мертвый бледнолицый! И дело с концом. — Он немного помолчал. — Конечно, это не относится к бледнолицым бабам. Бледнолицая баба —

отличная забава, коль ты далеко от дома и есть желание развлечься как следует.

Вождь Три Водородные Бомбы молча сердито взглянул на сына. Потом круто повернулся к Джерри Франклину:

— Давай свое послание и дары. Начнем с послания.

— Нет, вождь! — возразил ему почтительно, но твердо Яркая Супербложка. — Сначала дары, а уж потом послание. Таков порядок былых времен.

— Мне надо их принести. Я быстро вернусь, — Джерри пятаясь вышел из вигвама и опрометью бросился туда, где Сэм Резерфорд выгуливал коней. — Подарки! — нервничая, кричал Джерри. — Скорее подарки для вождя! — Оба нетерпеливо рвали завязки седельной сумы. Держа ношу обеими руками, Джерри прошел сквозь толпу воинов, которые наблюдали за суматохой с плохо скрытой издевкой. Он вошел в вигвам, положил дары на пол и вновь низко поклонился.

— Ожерелье для вождя, — произнес он, вручая две сапфировые звезды и крупный сверкающий алмаз — самые лучшие из обнаруженных инженерами в развалинах Нью-Йорка за последние десять лет.

— Материя для вождя, — продолжал он, протягивая рулон льняной ткани и рулон шерсти, спряденные и сотканные в Нью-Гемпшире специально для этого случая и с большим трудом доставленные в Нью-Йорк.

— Чудесные игрушки для вождя, — провозгласил он, передавая большой, лишь слегка тронутый ржавчиной будильник и бесценную пишущую машинку, отремонтированные группой инженеров и ремесленников, работавших в тесном контакте (инженерам пришлось по обрывкам восстанавливать для мастеров старинную техническую документацию) два с половиной месяца.

— Оружие для вождя, — торжественно сказал он, вручая богато украшенный кавалерийский палаш — ценнейшее наследственное достояние начальника Штаба ВВС США, резко протестовавшего против реквизиции этой реликвии («Черт побери, мистер президент, вы что же, хотите, чтобы я дрался с этими проклятыми индейцами голыми руками?») — «Разумеется, нет, Джонни, но я уверен, что ты позаимствуешь что-нибудь получше у кого-либо из твоих младших офицеров»).

Три Водородные Бомбы осмотрел дары, особенно пишущую машинку, с большим вниманием. Затем он торжественно

распределил их между членами Совета, оставил себе лишь машинку и один из сапфиров. Палаш он отдал сыну.

Сильная Радиация постучал ногтем по стали.

— Так себе, — сказал он. — Очень даже так себе. Мистер Томас привез куда лучшие подарки от Конфедерации Штатов на празднование совершеннолетия моей сестры. — Он с презрением швырнул палаш на землю. — Впрочем, чего же ждать от скопища ленивых, никуда не годных бледнолицых вахлаков!

Услышав последнее слово, Джерри окаменел. Оно означало одно — ему придется драться с Сильной Радиацией, а эта перспектива отправила его душу прямиком в самые пятки. Альтернативой дуэли была полная потеря лица в глазах сиу.

«Вахлак» — был термин, заимствованный из понятий феодальной системы Натчеза, применявшийся теперь ко всем бледнолицым, работавшим на полях и фабриках своих aristократических индейских господ. «Вахлак» по своему положению стоял еще ниже крепостного, его единственное жизненное назначение заключалось в том, чтобы своим трудом обеспечивать хозяевам досуг для занятий, достойных настоящих мужчин — охоты, войны и размышлений.

Если кто-либо называл вас вахлаком и после этого оставался в живых, что же — значит, вы и вправду были вахлаком, тут уж спорить не приходилось.

— Я — аккредитованный представитель Соединенных Штатов Америки, — медленно и отчетливо выговорил Джерри, — и старший сын сенатора от Айдахо. После смерти отца я займу его место в сенате. Я свободнорожденный человек, занимающий высокое положение в правительственные кругах моей родины, и всякий, кто назовет меня вахлаком, есть жалкий, никчемный и низкий лжец.

Ну вот — дело сделано! Он молча смотрел, как Сильная Радиация поднимается на ноги. С отчаянием измерял он взглядом ловкость и силу мускулистого, хорошо упитанного тела молодого воина. У Джерри не было ни единого шанса на победу. Во всяком случае при схватке врукопашную, а речь могла идти только о ней.

Сильная Радиация поднял с пола палаш и направил его острие в грудь Джерри Франклина.

— Я мог бы тут же распластать тебя надвое, как луковицу, — сказал он. — Мог бы вызвать на круг с ножами в руках и распороть тебе брюхо. Я бился с команчами и побеждал их.

Я сражался с семинолами и убивал их. Я воевал с апачами и одолевал их. Но я никогда не поганил рук кровью бледнолицых и не собираюсь делать этого и теперь. Подобные забавы я оставляю на долю надсмотрщиков в наших поместьях. Отец, я побуду снаружи, пока воздух тут не проветрится! — Затем он бросил зазвеневший палаш к ногам Джерри и вышел.

Однако, прежде чем уйти окончательно, он остановился в дверях и бросил через плечо:

— Старший сын сенатора из Айдахо! Вот уже сорок пять лет как Айдахо — часть владений моей матери. И когда же эти романтические ребятишки перестанут валять дурака и увидят этот мир таким, каков он есть на самом деле!

— Сын, сын... — пробормотал старый вождь. — Молодозелено! Диковат немножко. И слишком нетерпим. Но намерения у него хорошие. Это уж так. Намерения у него хорошие.

Он подал знак белым рабам, которые тут же внесли большой сундук, расписанный яркими узорами. Пока вождь рылся в сундуке, Джерри Франклин постепенно приходил в себя. Свершилось почти невероятное: ему не придется драться с Сильной Радиацией, и он не потерял лица. Учитывая сложность ситуации, дело обернулось совсем не так уж плохо. Ну а что касается последней шпильки Сильной Радиации, то нельзя же ожидать от индейца понимания таких вещей, как традиции и слава, запечатленные в символе. Когда его отец, стоя под покрытым трещинами куполом Мэдисон-Сквер-Гарден, бросает в лицо вице-президенту США слова:

— Народ суверенного штата Айдахо никогда не захочет и никогда не сможет смириться с налогом на картофель! С незапамятных времен картофель неразрывно ассоциируется со штатом Айдахо, картофель является гордостью айдахской земли! Люди Бойзе говорят «НЕТ!» налогу на картофель, люди Покателло говорят «НЕТ!» налогу на картофель, холмистые просторы каждой фермы «Жемчужины Скалистых Гор» возглашают «НЕТ, НИКОГДА, ТЫСЯЧУ РАЗ НЕТ» закону о налоге на картофель! — когда его отец выкрикивает эти слова, он и в самом деле говорит от имени жителей Бойзе и Покателло. Конечно, не от имени сметенного с лица земли Бойзе и безлюдного Покателло наших дней, а от имени тех блистательных городов, какими они были в далеком-далеком прошлом, от лица богатейших ферм, раскинувшихся

на обоих берегах Снейк-ривер... И от лица Сан-Велли, Москвы, Айдахо-Фоллз, Амэрикен-Фоллз, Уизера, Гренджвилла, Туин-Фоллз.

— Мы не ожидали твоего прибытия и мало у нас добра, чтобы достойно отблагодарить за привезенные тобой дары, — говорил Три Водородные Бомбы. — Впрочем, есть тут одна безделка. Лично для тебя.

Джерри чуть не задохнулся от неожиданности, принимая подарок. Это был пистолет, настоящий, новехонький пистолет! И небольшая коробка патронов к нему! Пистолет, сработанный на одной из использующих труд белых рабов фабрик сиу где-то на Среднем Западе, о котором ему столько приходилось слышать! Но держать его в руках, но знать, что он принадлежит ему...

— Не знаю, смею ли я... ведь это... я... я...

— Пустяки, пустяки, — добродушно прервал его вождь. — Все в порядке. Мой сын, конечно, был бы против передачи оружия в руки бледнолицего, но я считаю, что бледнолицые такие же люди, как и все — все дело в том, каков человек, каковы его индивидуальные качества. Хоть ты и бледнолицый, но кажешься мне человеком, сознающим свою ответственность, и я уверен, что оружием ты будешь пользоваться с умом. Ну а теперь перейдем к твоему поручению.

Джерри собрался с мыслями и развязал сумочку, висевшую у него на шее. Точно священнодействуя, он вынул драгоценный документ и вручил его вождю.

Три Водородные Бомбы быстро пробежал его глазами и передал своим советникам. Прочитавший его последним Яркая Суперобложка смял документ в комок и швырнул его бледнолицему.

— Безграмотно! — сказал он. — Слово «получать» трижды написано по-разному, хотя всем известно, что оно пишется через «о». А самое главное — какое отношение имеет эта писаница к нам? Она адресована вождю семинолов Оцеоле VII и требует, чтобы он отвел своих воинов обратно на южный берег реки Делавэр или вернул бы заложников, взятых у правительства США в знак доброй воли и миролюбивых намерений. Мы — не семинолы, зачем же показывать эту бумагу нам?

Пока Джерри Франклин с предельной тщательностью разглаживал смятый документ и прятал его в сумочку, заговорил посол Конфедерации Сильвестр Томас.

— Думаю, что смогу это объяснить, — сказал он, переводя вопрошающий взгляд с одного лица на другое. — Если джентльмены не возражают... По-видимому, правительство Соединенных Штатов узнало, что какое-то индейское племя перешло Делавэр в том месте, где мы сейчас находимся, и решило, что это семинолы. Последний по времени маневр семинолов был, как вы знаете, нацелен на Филадельфию, что привело к эвакуации оттуда столицы и переносу ее в Нью-Йорк. Ошибка вполне простительна — коммуникации в американских государствах, что в Союзных Штатах, что в Конфедерации (тут последовал негромкий, похожий на кашель дипломатический смешок), не столь хороши, как можно было бы ожидать в наши времена. Совершенно очевидно, что ни этот молодой человек, ни правительство, которое он столь добросовестно и умело представляет, не имели ни малейших оснований предположить, что сиу решат опередить его величество Оцеолу VII и перейдут Делавэр у Ламбертвиля.

— Совершенно верно, — поторопился вмешаться Джерри. — Именно так все и было. И теперь как аккредитованный посол правительства Соединенных Штатов, я считаю своим долгом формально потребовать от народа сиу соблюдения договора, заключенного одиннадцать лет назад, а также договора, подписанного пятнадцать... да, мне кажется, именно пятнадцать лет назад, и вновь отойти за реку Саскуэханну. Я принужден напомнить, что, когда мы ушли из Питтсбурга, Алтуны и Джонстауна, вы поклялись, что сиу больше не станут покушаться на наши земли и будут уважать наши права на то немногое, чем мы еще владеем. Я уверен, что сиу хотят, чтобы об их народе говорили как о людях, уважающих собственные обещания.

Три Водородные Бомбы вопросительно посмотрел на лица Яркой Суперобложки и Внемлите Вести. Потом наклонился вперед и оперся локтями о колени.

— Ты хорошо говорил, юноша. Ты делаешь честь своему вождю... Но понимаешь ли... Разумеется, сиу хотят, чтобы их считали народом, уважающим договоры и свято блюдущим свои обещания. Ну и так далее и тому подобное. Но наша численность неуклонно растет. У вас же она не увеличивается. Нам нужно все больше и больше земли. Вы же не используете и большую часть той, которая у вас есть. Так что же — мы должны молча сидеть и смотреть, как эта земля приходит в запустение, больше того, наблюдать, как эту землю

захватывают семинолы, и без того владеющие огромной территорией, которая простирается от Филадельфии до Ки-Уэста? Будьте же благоразумны! Вы можете отступить в другие места. У вас еще осталась почти вся Новая Англия и большой кусок штата Нью-Йорк. Конечно же, вы без труда можете расстаться с Нью-Джерси.

Против собственной воли, невзирая на свое официальное положение посла, Джерри чуть не закричал. Возложенная на его плечи ноша внезапно стала непереносимо тяжелой. Одно дело — с горечью пожимать плечами, находясь там, дома, среди колоссальных руин Нью-Йорка, и совсем другое — быть тут, в самом фокусе событий. Нет, тут бремя, казалось, могло переломить хребет.

— Так с чем же еще нам следует расстаться?! Куда еще мы должны отступить? И без того от Соединенных Штатов не осталось ничего, кроме нескольких жалких тысяч квадратных миль, а от нас снова требуют отступления! Во времена моих прадедов мы были великим народом, наша страна, как гласят легенды, простиравшаяся от океана до океана, а теперь мы ютимся в захолустном уголке былой территории — голодные, грязные, больные, вымирающие и опозоренные. С севера на нас давят оджибуэи и кри, нас неуклонно оттесняют на юг ирокезы; на юге нашу землю ярд за ярдом захватывают семинолы, а с запада сиу проглатывают кусок Нью-Джерси, тогда как шайенны подходят и отрезают кусок от Элмайры и Буффало. Когда же придет этому конец и доколе мы будем отступать?

Старому вождю было явно не по себе от страдания, звучавшего в голосе Джерри.

— Да, это тяжело, не стану отрицать, это очень тяжело. Но факты — упрямая вещь, и они говорят, что слабых всегда припирают к стене... Ну а теперь вернемся к твоей миссии. Если мы не отступим, как того требуете вы, то тебе надлежит попросить вернуть заложников. Мне это представляется справедливым. Впрочем, хоть убей, не помню, есть ли они у нас. Брали мы у вас заложников?

С опущенной головой, ощущая каждой клеточкой тела невероятную усталость, Джерри горько пробормотал:

— Да. Все индейские племена, граничащие с нами, берут заложников. Как знак нашей добной воли и мирных намерений.

Яркая Супербложка щелкнул пальцами:

— Девка! Сара Камерон... Кантон... что-то в этом роде.

Джерри поднял глаза:

— Кэлвин? — спросил он. — Неужели Кэлвин, Сара Кэлвин, дочь председателя Верховного Суда Соединенных Штатов?

— Сара Кэлвин. Точно, она. Живет у нас лет пять-шесть. Помнишь, вождь? Та самая девка, с которой путается твой сын.

Три Водородные Бомбы удивился:

— Неужели она заложница? Я-то полагал, что это просто бледнолицая девка, которую он вывез с собственных плантаций в Южном Огайо. Так-так-так... У Сильной Радиации губа не дура, это уж точно. — Внезапно он посерезнел: — Но ведь эта девушка ни за что не захочет уехать. Уж очень ей по нраву пришлась любовь индейцев. Прямо с ума по ним сходит. К тому же она вбила себе в голову, что мой сын обязан жениться на ней, или что-то в этом духе...

Он внимательно поглядел на Джерри:

— Вот что, юноша... Не подождешь ли ты снаружи, пока мы тут обговорим кое-что? И забери палаш. Возьмешь его с собой. Моему сыну он, видно, не пришелся по вкусу.

Джерри устало поднял палаш и волоча ноги вышел из вигвама. Тупо, без всякого интереса глядел он на толпу воинов сиу, окруживших Сэма Резерфорда и его лошадей. Когда толпа на мгновение раздвинулась, он увидел Сэма с бутылкой в руке. Текила! Проклятый идиот позволил себе взять у индейцев текилу и теперь пьян как свинья. Разве он не знает, что белые не могут, не смеют пить? Каждый квадратный дюйм еще не отобранный у них пашни засеивается продовольственным зерном, и все же они вечно балансируют на грани голода. В их экономике нет места для такой роскоши, как алкоголь. Ни один белый за всю свою жизнь в обычных обстоятельствах не выпивал и стакана виски. А бутылка текилы буквально валила его с ног.

Именно это и произошло с Сэном. Заплетающимися ногами он описывал кривые полукружия, держа бутылку за горлышко и размахивая ею с идиотским выражением лица. Сиу посмеивались, подталкивали друг друга локтями и показывали на Сэма пальцами. Его рваная одежда на груди и животе была измазана блевотиной, он попытался сделать еще один глоток и рухнул на спину. Текила текла по его лицу, пока бутылка не опустела. Сэм громко захрапел. Сиу,

покачивая головами, с выражением брезгливости на лицах, разошлись.

Джерри смотрел, и в его сердце ширилась боль. Куда идти? Что делать? И что может измениться? Может быть, лучше уж напиться, как напился Сэмми? По крайней мере забудешь обо всем.

Он взглянул на палаш в одной руке и на блестящий пистолет в другой. По логике вещей ему надлежало бы выбросить их. Разве не чудовищна, если посмотреть правде в глаза, разве не жалка эта картина — вооруженный белый человек?

Из вигвама вышел Сильвестр Томас.

— Готовьте лошадей, уважаемый сэр, — шепнул он. — Будьте готовы ехать, как только я вернусь. Торопитесь!

Юноша, сутулясь, побрел к лошадям и нехотя принял за работу — надо же в конце концов чем-то занять себя... Куда ехать? Зачем ехать?

Он поднял Сэма Резерфорда и привязал к спине лошади. Возвращаться домой? Обратно в великую, могучую и достославную столицу того, что когда-то звалось Соединенными Штатами Америки?

Томас вернулся, неся в объятиях связанную девушку с заткнутым кляпом ртом. Она извивалась как безумная. Ее глаза горели гневом и непокорством. Она все время силилась побольнее ударить ногой посла Конфедерации.

На девушке была богатая одежда принцессы-индианки. Ее волосы были заплетены в косы, как это считалось сейчас модным у женщин народа сиу. Лицо было тщательно выкрашено какой-то стойкой темной краской.

Сара Кэлвин, дочь Верховного Судьи. Они привязали ее к седлу выючной лошади.

— Вождь Три Водородные Бомбы, — объяснил негр, — считает, что его сын слишком много возится с бледнолицыми женщинами. И поэтому хочет отдельаться хотя бы от этой. Мальчишке пора оstepениться и учиться искусству руководить. Отъезд этой девицы может оказаться полезным. И, знаете, вы понравились вождю. Он велел мне передать вам кое-что.

— Благодарю. Благодарю за любое одолжение, каким бы незначительным и унизительным оно ни было.

Сильвестр Томас осуждающе покачал головой:

— Ни к чему эта горечь, молодой сэр. Чтобы жить дальше, необходимо мужество, а быть одновременно мужественным и разочарованным невозможно. Вождь хочет, чтобы вы

знали, что возвращаться назад нет смысла. Он не мог сказать это открыто на Совете, но причина, заставившая сиу захватить Трентон, ничего общего не имеет с семинолами, которые стоят на южном берегу реки. Эта причина связана исключительно с коалицией оджибуэев, кри и ирокезов на севере. Эта коалиция решила захватить восточное побережье, на котором лежат остатки вашей страны. Сейчас воины коалиции, вероятно, уже вступили в Йонкерс или Бронкс, то есть в пределы собственно Нью-Йорк-Сити. В ближайшие часы ваше правительство перестанет существовать. Вождь был предварительно осведомлен об этом и почел необходимым в интересах сиу захватить до того, как положение стабилизируется, нечто вроде плацдарма на побережье. Оккупировав Нью-Джерси, он предотвратил соединение оджибуэев и семинолов. Однако вы ему понравились, как я уже говорил, и он хочет отговорить вас от возвращения домой.

— Прекрасно. Но куда же мне деваться? На небо? Под землю?

— Нет, — ответил без улыбки мистер Томас. Он подсадил Джерри в седло. — Вы могли бы вместе со мной уехать в Конфедерацию... — Он помолчал и, поскольку горечь не исчезла с лица Джерри, продолжил: — Что же, тогда я посоветовал бы (но имейте в виду, что это мой совет, а не совет вождя) отправиться отсюда прямо в Асбери-Парк. Это недалеко, и вы успеете добраться до него, если поедете быстро. Согласно сведениям, которые мне удалось подслушать, там стоят корабли военного флота США, точнее, их 10-го флота.

Джерри наклонился с седла и пожал руку Томаса.

— Спасибо, — сказал он. — Вы для меня сделали так много. Я глубоко вам признателен.

— Не стоит говорить об этом, — ответил Томас. — Счастливого пути, счастливой плазмы, как говорили когда-то! В конце концов, мы ведь раньше были единым народом.

Джерри тронулся, ведя в поводу двух других лошадей. Он ехал быстро, насколько позволяло дурное состояние дороги. К тому времени как они достигли шоссе № 33, Сэм Резерфорд, хотя еще и не вполне протрезвился и не очень хорошо себя чувствовал, но уже мог сам держаться в седле. Они развязали Сару Кэлвин и скакали по обеим сторонам ее лошади.

Она кляла их и рыдала.

— Грязные бледнолицые! Мерзкие, подлые, вонючие белокожие! Я индианка, разве вы не видите, что я индианка! Моя кожа не бела, она красная, красная!

Они ехали, не обращая внимания на ее вопли.

Асбери-Парк являл угнетающее зрелище смешения лохмотьев, безалаберщины и беженцев. Тут были беженцы с севера из Перт-Амбоя и даже из Ньюарка. Здесь были беженцы из Принстона на западе, гонимые наступающими сиу. И с юга — из Атлантик-Сити и, даже трудно поверить, из Кемдена — тоже были беглецы, рассказывавшие о внезапном вторжении семинолов, которые пытались зайти во фланг армиям Трех Водородных Бомб.

На трех лошадей смотрели с завистью, невзирая на их истомленный и истощенный вид. Для голодных это была еда, для трусов — средство для бегства. Джерри быстро усвоил пользу от палаша. Впрочем, пистолет был еще лучше — им стоило только пригрозить. Мало кто из этих людей видел пистолеты в действии: у всех был неодолимый сверхъестественный ужас перед огнестрельным оружием.

Установив это обстоятельство, Джерри смело вошел в помещение штаба военно-морского флота на набережной Асбери-Парка, держа в правой руке обнаженный пистолет. Сэм Резерфорд шел рядом. Сзади тащилась, все еще рыдая, Сара Кэлвин.

Адмиралу Мильтону Честеру Джерри объявил о своем звании и звании своих спутников. Сын заместителя Государственного секретаря... Дочь председателя Верховного Суда... Старший сын сенатора от Айдахо...

— И еще вот это. Признаете ли вы значение этого документа?

Адмирал Честер медленно прочел измятый документ, повторяя про себя наиболее трудные слова. Закончив читать, он почтительно склонил голову, внимательно рассмотрел сперва государственную печать на бумаге, а затем блестящий пистолет в руке Джерри.

— Да, — сказал он. — Его значение я признаю. А пистолет настоящий?

Джерри кивнул:

— «Крейзи Хорс» сорок пятого калибра. Самая последняя модель. И в чем же вы видите его значение?

Адмирал всплеснул руками:

— Обстановка крайне запутанная! Согласно последним донесениям, воины оджибуэв уже вступили в Манхэттен и, значит, правительства Соединенных Штатов больше не существует. Но вот этот документ... — тут он снова склонился над бумагой, — говорит о вашем назначении на пост чрезвычайного посла, и он подписан самим президентом. О назначении послом к семинолам, разумеется, но все же чрезвычайным. Это, как я понимаю, последнее по времени официальное назначение, сделанное президентом Соединенных Штатов Америки.

Он протянул руку и дотронулся до пистолета в руке Джерри — с любопытством и опаской. Потом кивнул, как будто только что пришел к твердому решению. Встал и с шиком отдал честь.

— Отныне признаю вас единственным и высшим представителем власти правительства Соединенных Штатов. Отдаю свой флот в ваше распоряжение.

— Отлично! — Джерри сунул пистолет за ремень. Потом взмахнул палашом. — Хватит ли у вас продовольствия и воды для дальнего плавания?

— Нет, сэр, — ответил адмирал Честер. — Но все будет готово через несколько часов от силы. Разрешите проводить вас на борт, сэр?

И он с гордостью показал на берег, где за полосой прибоя на якорях стояли три тридцатипятитонные парусные шхуны.

Несколько часами позже, когда все три судна покачивались носом в сторону открытого моря, адмирал вошел в переполненную главную каюту, где отдыхал Джерри Франклайн. Сэм Резерфорд и Сара Кэлвин спали на верхних койках.

— Каковы будут приказания, сэр?..

Джерри Франклайн вышел на узкую палубу, взглянул на туто надутые, залатанные паруса.

— Курс на восток!

— На восток, сэр? Прямо на восток?

— Прямо на восток и только на восток! К сказочным берегам Европы! К тем местам, где белый человек еще, возможно, стоит на собственных ногах! Где он не должен бояться преследований! Где нет опасности стать рабом! Курс на восток, адмирал, пока мы не откроем нового, исполненного надежды мира — мира свободы!

БРУКЛИНСКИЙ ПРОЕКТ

Огромная круглая дверь в глубине растворилась, и мерцающие чаши света на кремовом потолке потускнели. Но когда круглолицый человек в черном джемпере захлопнул и задраил за собой дверь, они вновь залили все вокруг белым сиянием. Он прошел в переднюю часть зала, повернулся спиной к занимавшему полстены полупрозрачному экрану, и двенадцать репортеров — мужчины и женщины — шумно перевели дух. А потом из уважения к Службе безопасности все, как обычно, бодро поднялись на ноги.

Он приветливо улыбнулся, махнул рукой, чтоб они сели, и почесал нос пачкой отпечатанных на мимеографе листков. Нос у него был большой и, казалось, еще прибавлял ему солидности.

— Садитесь, леди и джентльмены, садитесь. У нас в Бруклинском проекте церемонии не приняты. Просто на время эксперимента я, так сказать, ваш проводник — исполняющий обязанности секретаря при администраторе по связи с прессой. Имя мое вам ни к чему. Вот, пожалуйста, возьмите эти листки.

Каждый брал по одному листку, а остальные передавали дальше. Откинувшись в полукруглых алюминиевых креслах, они старались расположиться поудобнее. Хозяин бросил взгляд на массивный экран, потом на циферблат стенных часов, по которому медленно ползла единственная стрелка, весело похлопал себя по бокам и сказал:

Brooklyn Project
Copyright © 1948 by Philip Klaas
Бруклинский проект
© Р. Облонская, перевод, 1973

— К делу. Сейчас начнется первое в истории человечества дальнее путешествие во времени. Отправятся в него не люди, а фотографические и записывающие устройства, они доставят нам бесценные сведения о прошлом. На этот эксперимент Бруклинский проект затратил десять миллиардов долларов и больше восьми лет научных изысканий. Эксперимент покажет, насколько действенны не только новый метод исследования, но и оружие, которое еще надежнее обеспечит безопасность нашего славного отечества, оружие, перед которым не напрасно будут трепетать наши враги.

Первым делом предупреждаю: не пытайтесь ничего записывать, даже если вам удалось тайно пронести сюда карандаши и ручки. Сообщения свои запишете только по памяти. У каждого из вас имеется экземпляр Кодекса безопасности, куда внесены все последние дополнения, а также брошюра с правилами, специально установленными для Бруклинского проекта. На листках, которые вы только что получили, есть все необходимое для ваших сообщений; в них также содержатся предложения о подаче и освещении фактов. При условии, что вы не выйдете за рамки указанных документов, вы вольны писать свои очерки, как вам заблагорассудится, всяя на свой лад. Пресса, леди и джентльмены, должна оставаться неприкосновенной и свободной от правительственного контроля. А теперь, пожалуйста, ваши вопросы.

Двенадцать репортеров уставились в пол. Пятеро принялись читать только что полученные листки. Громко шуршала бумага.

— Как? Вопросов нет? Неужто вас так мало интересует проект, который преодолел самую последнюю границу — четвертое измерение, время? Ну, что же вы, ведь вы олицетворяете любопытство нации — у вас не может не быть вопросов. Брэдли, у вас на лице сомнение. Ну, в чем дело? Поверьте, Брэдли, я не кусаюсь.

Все рассмеялись и весело поглядели друг на друга.

Брэдли привстал и указал на экран:

— Зачем он такой непроницаемый? Я вовсе не хочу знать, как работает хронор, но ведь нам отсюда видны только тусклые смазанные силуэты людей, которые тащат по полу какой-то аппарат. И почему у часов всего одна стрелка?

— Хороший вопрос, — сказал исполняющий обязанности секретаря, и крупный нос его, казалось, засветился. — Очень хороший вопрос. Так вот, у часов только одна стрелка, потому

что в конце концов эксперимент касается времени, Брэдли, и Служба безопасности опасается, как бы из-за какой-либо непредвиденной утечки информации плюс зарубежные связи время самого эксперимента... короче говоря, как бы не нарушилась тайна. Вполне достаточно знать, что эксперимент начнется, когда стрелка дойдет до красной черты. По тем же причинам экран малопрозрачен и происходящее за ним несколько смазано — таким образом маскируются детали и регулировка. Я уполномочен сообщить вам, что чрезвычайно... как бы это сказать... важны именно детали аппарата. Есть еще вопросы? Калпеппер? Калпеппер из Объединенного агентства, так?

— Да, сэр. Из Объединенного агентства новостей. Наших читателей очень интересует эта история с изобретателями хронора. Поведение их и все прочее, разумеется, не вызывают у наших читателей ни уважения, ни сочувствия, но хотелось бы знать, что они имели в виду, когда говорили, будто эксперимент опасен из-за недостатка данных. А этот их президент, доктор Шейсон, будет расстрелян, не знаете?

Человек в черном подергал себя за нос и задумчиво прошелся перед репортерами.

— Признаюсь вам, точка зрения этих изобретателей-хронористов, или, как мы называем их между собой, хроников-вздыхателей, на мой вкус, уж чересчур экзотическая. Во всяком случае, меня мало волнуют взгляды предателя. За то, что Шейсон раскрыл характер доверенной ему работы, его, возможно, ожидает смертная казнь, а может, и нет. С другой стороны, он... в общем, может, да, а может, и нет. Сказать больше я не вправе из соображений безопасности.

Соображения безопасности. При этих магических словах каждый репортер невольно выпрямился на своем жестком сиденье. Калпеппер побледнел, и на лице его проступила испарина. «Только бы они не сочли, что я спросил про Шейсона, чтобы выведать побольше, — в отчаянии подумал он. — Черт меня дернул спрашивать про этих ученых!»

Калпеппер опустил глаза и всем своим видом старался показать, что ему стыдно за этих непотребных болванов. Он надеялся, что исполняющий обязанности секретаря заметит, как он ими возмущен.

Громко затикали часы. Стрелка была уже совсем близко к красной черте. За экраном, в огромной лаборатории прекратилось всякое движение. Вокруг двух прислоненных друг к

другу сверкающих металлических шаров сгрудились люди, рядом с этими громадами они казались крохотными. Большинство вглядывалось в циферблаты и распределительные щиты; те же, чья миссия была уже окончена, болтали с сотрудниками Службы безопасности в черных джемперах.

— С минуты на минуту начнется операция «Перископ». Разумеется, «Перископ», ведь мы проникаем в прошлое с помощью своего рода перископа — он сделает снимки и запечатлеет события, происходившие в различные периоды от пятнадцати тысяч до четырех миллиардов лет назад. В связи с рядом серьезных международных и научных обстоятельств, сопутствующих эксперименту, было бы правильней назвать его «Операция “Перекресток”». К сожалению, название это уже было... э... использовано.

Каждый постарался сделать вид, будто понятия не имеет, о чем идет речь, хотя долгие годы все сидящие здесь журналисты с завистью поглядывали на спрятанные за семью замками книги, которые могли бы порассказать о многом.

— Ну, неважно. Теперь я коротко изложу вам предысторию хронора, изученную Службой безопасности Бруклинского проекта. Что там у вас еще, Брэдли?

Брэдли снова привстал.

— Нам известно, что когда-то существовал Манхэттенский проект, Лонг-Айлендский, Уэстчестерский, а теперь вот Бруклинский. Так вот, хотелось бы знать, не было ли проекта Бронкс? Я сам из Бронкса, местный патриотизм, знаете ли.

— Конечно. Вполне понятно. Но если проект Бронкс и существует, могу вас заверить, что, пока он не завершен, кроме его участников о нем знают лишь президент и министр государственной безопасности. Если, повторяю, если такой проект существует, сообщение о нем будет для человечества громом среди ясного неба, как было с Уэстчестерским проектом. Думаю, такое нескоро выветрится из памяти человечества.

При этом воспоминании он хохотнул, и тут же эхом отозвался Каллеппер — чуть громче остальных. Стрелка часов была уже совсем близко к красной черте.

— Да, Уэстчестерский проект, а теперь этот. Тем самым безопасность нашего государства пока что обеспечена! Вы представляете, какое чудодейственное оружие дает хронор в руки нашей демократии? Взять хотя бы только одну сторону —

задумайтесь-ка над тем, что случилось с Кони-Айлендским и Флэтбушским филиалами проекта (события эти упоминаются в листках, которые вы получили) до того, как хронор был всесторонне опробован.

Во время тех первых экспериментов еще не знали, что третий закон Ньютона — действие равно противодействию — справедлив для времени точно так же, как для остальных трех измерений. Когда первый хронор был запущен назад, в прошлое, на девятую долю секунды, вся лаборатория была отброшена в будущее на такое же время и вернулась... Э... вернулась совершенно неузнаваемой. Кстати, именно это помешало путешествиям в будущее. Оборудование поразительно изменилось, человеку такого путешествия не выдержать. Но вы представляете, как благодаря одной только этой штуке мы можем расправиться с врагом? Установим достаточной массы хронор на границе с враждебным государством и зашлем его в прошлое, и тогда государство будет заброшено в будущее — все целиком, — а вернутся из будущего одни трупы!

Заложив руки за спину и покачиваясь на каблуках, он поглядел себе под ноги.

— Вот почему вы видите сейчас два шара. Хронор есть только в одном, в том, что расположен справа. Второй — просто макет, противовес, масса его в точности равна массе первого. Когда хронор зарядится, он нырнет в прошлое на четыре миллиарда лет назад и сфотографирует Землю, а она в ту пору находилась еще в полу жидкому, частично даже в газообразном состоянии, и быстро уплотнялась, ведь сама Солнечная система тогда только-только еще образовывалась.

— В то же время макет врежется на четыре миллиарда лет в будущее и вернется оттуда сильно измененным, но причины этих перемен нам еще не вполне ясны. Оба шара столкнутся у нас перед глазами и снова разлетятся в стороны, примерно на половину временного расстояния, и на этот раз хронор зарегистрирует сведения о почти твердой планете, которую сотрясают землетрясения и на которой, возможно, существуют формы, близкие к живой жизни, — особо сложные молекулы.

После каждого столкновения хронор будет нырять в прошлое на половину того временного расстояния, на которое он углубился в предыдущий раз, и каждый раз будет

автоматически собирать всевозможные сведения. Геологические и исторические эпохи, в которых, как мы предполагаем, он побывает, обозначены на ваших листках под номерами от первого до двадцать пятого. На самом деле, прежде чем шары окажутся в состоянии покоя, хронор будет нырять еще много раз, но во всех остальных эпохах он будет находиться такое краткое мгновение, что, по мнению ученых, доставить оттуда фотографии или какую-либо другую информацию он уже не сможет. Учтите: в конце опыта, перед тем как остановиться, шары будут всего лишь словно бы подрагивать на месте, так что, хотя они и будут при этом удаляться на века от настоящего момента, заметить это едва ли удастся.

Я вижу, у вас есть вопрос.

Справа от Калпеппера поднялась тоненькая женщина в сером твидовом костюме.

— Я... я знаю, мой вопрос сейчас неуместен, — начала она, — но мне не удалось задать его в подходящую минуту. Господин секретарь...

— Исполняющий обязанности секретаря, — добродушно поправил круглолицый коротышка в черном. — Я всего лишь исполняю обязанности секретаря. Продолжайте.

— Так вот, я хочу сказать... Господин секретарь, нельзя ли как-нибудь сократить время нашей проверки после опыта? Неужели нас продержат взаперти целых два года только из опасения, что вдруг кто-нибудь из нас увидел слишком много, да еще при этом он плохой патриот, а потому окажется угрозой для государства? Когда наши сообщения пройдут цензуру, через какое-то достаточное для проверки время, ну хоть месяца через три, нам, по-моему, могли бы разрешить вернуться домой. У меня двое маленьких детей, а у других...

— Говорите только за себя, миссис Брайант! — прорычал представитель Службы безопасности. — Вы ведь миссис Брайант, так? Миссис Брайант из Объединения женских журналов? Жена Алексиса Брайанта? — Он словно бы делал карандашные пометки у себя в мозгу.

Миссис Брайант опустилась в кресло справа от Калпеппера, судорожно прижимая к груди экземпляр Кодекса безопасности со всеми дополнениями, брошюру о Бруклинском проекте и тоненький листок, отпечатанный на мимографе. Калпеппер отодвинулся от нее как можно дальше, так что ручка кресла врезалась ему в левый бок. Почему все

неприятности случаются именно с ним? И теперь еще эта сумасшедшая баба, как назло, глядит на него чуть не плача, словно ждет сочувствия. Он закинул ногу на ногу и уставилсь в одну точку прямо перед собой.

— Вы останетесь здесь, так как только в этом случае Служба безопасности будет вполне уверена, что, пока аппарат не станет совсем иным, чем вы его видели, наружу не просочится никакая существенная информация. Вас ведь никто не заставлял приходить сюда, миссис Брайант, вы сами вызвались. Тут все вызвались сами. Когда ваши редакторы выбрали именно вас, по законам демократии вы были вправе откаться. Но никто из вас не отказался. Вы понимали, что отказ от этой беспримерной чести будет означать вашу неспособность проникнуться идеей государственной безопасности, покажет, что вы, в сущности, не согласны с Кодексом безопасности в той части, где речь идет о принятой у нас двухгодичной проверке. А теперь — не угодно ли! Чтобы человек, которого до сих пор считали таким дельным, достойным доверия журналистом, как вы, миссис Брайант, в последнюю минуту вдруг задал подобный вопрос... Да я... — голос коротышки упал до шепота, — я даже начинаю сомневаться, достаточно ли действенны наши методы проверки политической благонадежности.

Калпеппер кивнул в знак согласия и возмущенно поглядел на миссис Брайант, а она кусала губы и пыталась сделать вид, будто страшно заинтересована тем, что происходит в лаборатории.

— Неуместный вопрос. В высшей степени неуместный. Он занял время, которое я намеревался посвятить более подробному обсуждению широких возможностей хронора и его применению в промышленности. Но миссис Брайант, видите ли, должна была дать выход своим дамским чувствам. Какое ей дело до того, что наше государство изо дня в день окружает все большая враждебность, что ему грозит все большая опасность. Ее это нисколько не трогает. Ее заботят лишь те два года, которыми государство просит ее пожертвовать, чтобы обезопасить будущее ее же собственных детей.

Исполняющий обязанности секретаря одернул джемпер и заговорил спокойнее.

Всех словно бы немного отпустило.

— Аппарат придет в действие с минуты на минуту, так что я коротко коснусь наиболее интересных периодов, которые

исследует хронор и сведения о которых будут для нас особенно полезны. Прежде всего периоды первый и второй, ибо в это время Земля принимала свою теперешнюю форму. Затем третий, докембрийский период протерозойской эры, миллиард лет назад; здесь найдены первые достоверные следы живой жизни — главным образом ракообразные и морские водоросли. Шестой период — сто двадцать пять миллионов лет назад, это среднеюрский период мезозойской эры. Путешествие в так называемый век рептилий может дать нам фотографии динозавров — тем самым станет наконец известно, какого они были цвета, — а также, если повезет, фотографии первых млекопитающих и птиц. Наконец, восьмой и девятый периоды, олигоценовая и миоценовая эпохи третичного периода, отмечены появлением ранних предков человека. К сожалению, к тому времени колебания хронора будут столь часты, что ему вряд ли удастся собрать сколько-нибудь существенные данные...

Раздался удар гонга. Часовая стрелка коснулась красной черты. Пять техников включили рубильники, журналисты тотчас подались вперед, но шары уже исчезли из виду. Место их за плотным пластиковым экраном мгновенно опустело.

— Хронор отправился в прошлое, за четыре миллиарда лет! Леди и джентльмены, вы присутствуете при историческом событии, поистине историческом! Я воспользуюсь временем, пока шары не вернутся, и остановлюсь на бредовых идеях этих... этих хроников-вздыхателей.

Общий нервный смешок был ответом на шутку секретаря. Двенадцать репортеров уселись поудобнее и подготовились слушать, как он расправится со столь нелепыми идеями.

— Как вам известно, против путешествия в прошлое возражают прежде всего из страха, что любые, казалось бы, самые невинные действия там вызовут катастрофические перемены в настоящем.

Вероломный Шейсон и его беззаконное сообщество распространили эту гипотезу на разные заумные выдумки, на всякие пустяки вроде сдвига молекулы водорода, которую на самом деле никто у нас в прошлом никуда не двигал.

Во время первого эксперимента в Кони-Айлендском филиале, когда хронор вернулся обратно уже через девятую

долю секунды, самые различные лаборатории, оснащенные всевозможными аппаратами, тщательнейшим образом проверяли, не произошло ли каких-нибудь изменений. И никаких изменений не обнаружили! Государственная комиссия сделала из этого вывод, что поток времени строго ограничен на прошлое, настоящее и будущее и в нем ничего изменить нельзя. Но Шейсона и его приспешников это, видите ли, не убедило, они...

I. Четыре миллиарда лет назад. Хронор парит в облаках из двуокиси кремния над бурлящей Землей и с помощью автоматов неторопливо собирает сведения. Пар, который он потеснил, сконденсировался и падает огромными сверкающими каплями.

— ...настаивали, чтобы мы приостановили эксперименты, пока они еще раз все не просчитают. Дошли до того, что утверждали, будто, если изменения произошли, мы не могли их заметить и ни один прибор не мог их засечь. Они говорили, будто мы воспримем эти изменения как что-то существовавшее испокон веков. Видали? И это в ту пору, когда нашему государству — а ведь это и их государство тоже, уважаемые представители прессы, их тоже — грозила величайшая опасность. Можете себе представить...

Он просто не находил слов. Он шагал взад-вперед и качал головой. И репортеры, сидя в ряд на длинной деревянной скамье, тоже сочувственно покачивали головами.

Снова прозвучал гонг. Два тусклых шара мелькнули за экраном, ударились друг о друга и разлетелись в противоположных временных направлениях.

— Вот вам! — секретарь махнул рукой в сторону экрана. — Первое колебание закончилось. И разве что-нибудь изменилось? Разве все не осталось, как было? Но эти инакомыслящие будут твердить, что изменения произошли, только мы их не заметили. Спорить с такими антинаучными, основанными на слепой вере взглядами — пустая трата времени. Эта публика...

II. Два миллиарда лет назад. Огромный шар парит над огненной, сотрясаемой извержениями Землей и фотографирует ее. От него отвалилось несколько докрасна раскаленных кусков обшивки. У пяти-шести тысяч сложных молекул при столкновении с ними разрушилась структура. А какая-то сотня уцелела.

— ...будет корпеть тридцать часов в день из тридцати трех, чтобы доказать, что черное — это не белое или что у нас не две луны, а семь. Они особенно опасны...

Долгий приглушенный звук — это вновь столкнулись и разлетелись шары. И теплый оранжевый свет угловых светильников стал ярче.

— ...потому что они владеют знанием, потому что от них ждут, что они укажут наилучшие пути. — Теперь правительственный чиновник стремительно скользил вверх и вниз, жестикулируя всеми своими псевдоподиями. — В настоящее время мы столкнулись с чрезвычайно сложной проблемой...

III. Один миллиард лет назад. Примитивный тройной трилобит, которого машина раздавила, едва он успел сформироваться, растекся по земле лужицей слизи.

— ...чрезвычайно сложной. Перед нами стоит вопрос: будем мы струмпать или не будем? — Он говорил теперь вроде бы уже и не по-английски. А потом и вовсе замолчал. Мысли же свои, разумеется, выражал, как всегда, похлопывая псевдо-подией о псевдоподиою.

IV. Полмиллиарда лет назад. Чуть изменилась температура воды, и погибли многие виды бактерий.

— Итак, сейчас не время для полумер. Если мы сумеем успешно отращивать утраченные псевдоподии...

V. Двести пятьдесят миллионов лет назад.

VI. Сто двадцать пять миллионов лет назад.

— ...чтобы Пятеро Спиральных остались довольны, мы...

VII. Шестьдесят два миллиона лет. VIII. Тридцать один миллион.

IX. Пятнадцать миллионов. X. Семь с половиной миллионов.

— ...тем самым сохраним все свое могущество. И тогда...

XI. XII. XIII. XIV. XV. XVI. XVII. XVIII. XIX.

— ...мы, разумеется, готовы к преломлению. А это, можете мне поверить, достаточно хорошо и для тех, кто разбухает, и для тех, кто лопается. Но идеики разбухателей, как всегда, окажутся завильтальными, ибо кто лопается, тот течет вперед, а в этом и заключена истина. Из-за того, что разбухатели трясутся от страха, нам вовсе незачем что-либо менять. Ну вот, аппарат наконец остановился. Хотите разглядеть его получше?

Все выразили согласие, и их вздутые лиловатые тела разжились и полились к аппарату. Достигнув четырех кубов, которые больше уже не издавали пронзительного свиста, они поднялись, загустели и вновь обратились в слизистые пузыри.

— Вглядитесь! — воскликнуло существо, некогда бывшее исполняющим обязанности секретаря при администраторе по связям с прессой. — Посмотрите хорошенъко. Те, кто роптал, оказались не правы — мы нисколько не изменились. — И он торжественно вытянул пятнадцать лиловых псевдоподий. — Ничто не изменилось?

МОСТ БЕТЕЛЬГЕЙЗЕ

Давай, Альварес, давай, старина, расскажи-ка им все! У тебя оно выйдет лучше, да и не по мне это — такого рода связи с общественностью. Я лишь позабочусь, чтоб не истолковали превратно, чтобы скучали микстуру до конца, со всеми втекающими-вытекающими, да чтобы все до последней капли было как на самом деле...

Если кто-то сильно огорчится — что ж, дай всплакнуть и запихивай дальше. Давай, старина, расставь им слова по порядку, как один ты это умеешь. И точки над «и» тоже расставь! Все до единой. Вперед, дружище!

Начни, пожалуй, с того самого дня, когда летающее блюдо плюхнулось прямо-таки рядом с Балтийором. Ничего себе случайность! Меня вдребезги кидает при мысли о собственной тупости, а тебя разве нет, приятель? Разбег, толчок, прыжок — и ты на Капитолийском холме, а мы еще поздравляли себя с таким сказочным везением.

Растолкуй им хорошенъко, почему место посадки мы сочли столь удачным. Объясни, насколько упростило это засекречивание, расскажи, как моментально изолировали в апартаментах-люкс бедолагу-фермера, первым сообщившего об инопланетной тарелке. Как уже пару часов спустя элитные части морской пехоты превратили территорию свыше пяти квадратных миль в тщательно охраняемую резервацию, как экстренно созывали внеочередной Конгресс, какие меры принимались, чтобы избежать утечки информации.

Betelgeuse Bridge

Copyright © 1951 by Philip Klaas

Мост Бетельгейзе

© Издательство «Полярис», перевод, 1997

Поведай, как добрались до старенького Троусона, моего профессора социологии. Как помигал он своими подслеповатыми глазками на все их нашивки да лампасы — и выдал гениальное решение.

Он выложил им меня — сдал буквально со всеми потрошами.

Расскажи им, как громилы из ФБР грубо умыкнули меня вместе со всем персоналом прямо из нью-йоркского офиса, где мы загребали миллионы, горя себе не зная, и зашвырнули в Балтимор. Честно говоря, Альварес, я был жутко, невероятно зол! И даже после того как Троусон меня просветил, остыл далеко не сразу. Терпеть не могу этот правительственный выпендреж, этот гриф «секретно» на каждой сортирной бумажке! Хотя не мне говорить тебе, как благодарен впоследствии я был именно за это.

Зрелище инопланетного корабля тоже оказалось неслабым испытанием для моих расщатанных нервов. И не успел я даже разок облизнуть свои пересохшие губы, как из тарелки «выплюхнулся» первый пришелец. После всех тысяч и тысяч комиксов с их сигарообразными, обтекаемыми звездолетами этот пестро изукрашенный в стиле рококо детский волчок, вздыбившийся посреди ячменного поля в Мэриленде, показался мне менее межпланетным, нежели аляповатый узор на кухонной этажерке с дешевой распродажи. И абсолютно никаких тебе признаков ракетных двигателей.

— А вот и твоя новая работенка, — порадовал меня профессор. — Эти два несколько необычных гостя.

Те оба уже замерли на гладком металлическом пандусе в окружении высочайших правительственные чинов. Две девятифутовые груды зеленоватой слизи, облаченные в практически прозрачную, чуть тронутую розовым оболочку. Каждый пришелец постреливал парой глазастых щупалец, достаточно мускулистых, чтобы придушить и быка. Когда край подрагивающего желе отрывался от плиты, можно было углядеть и гигантскую влажную щель — видимо, пасть.

— Улитки, — объявил я Троусону. — Гигантские выползки!

— Возможно, что и слизняки, — не стал спорить профессор. — Во всяком случае, брюхоногие моллюски. — Многоизначительно постучав себя по плешивеющей голове, он добавил: — Но это вот, Дик, эти седые остатки былой роскоши еще меньше напоминают мне венец творения. Парочка, что

перед нами, — представители куда более древней и развитой расы.

— Развитой?

Троусон кивнул.

— Когда нашим техникам стало уж совсем невтерпеж, — сообщил он после краткой паузы, — их любезно пригласили осмотреть корабль. Вернулись они с отвисшими челюстями.

Я начал испытывать дискомфорт, стал что-то мялить и даже причинил некоторый ущерб своему безукоризненному маникюру.

— Ладно, проф, я понимаю, раз они так чужды нам, так отличаются...

— Дело не только в этом, Дик. Они недосягаемы. Усвой это, парень, заруби себе на носу, прежде чем приступишь к работе. Это крайне важно. Самые лучшие технические умы, которых могла только в крайней спешке собрать наша страна, походили на толпу дикарей-островитян, глазеющих на винтовку и компас. Туземцев, знакомых дотоле лишь с копьем да каноэ. Эти существа принадлежат к Галактическому союзу — сообществу рас, развитых по меньшей мере, как они сами; по сравнению с ними мы — безмозглые деревенщины, стадо охламонов из затуханного космического уголка. Который вот-вот начнут исследовать. А возможно, безжалостно эксплуатировать — это уж как повезет! Очень нужно сейчас произвести на них благоприятное впечатление, и действовать предстоит без промедления.

Отделившись от сияющей казенными улыбками и дружно кивающей головами толпы на пандусе, к нам направился напыщенный индюк с портфелем.

— Вон оно как! — прокомментировал я. — Стало быть, высадка Колумба, вторая серия! — И секунду-другую поразмыслив, поинтересовался: — Но с какой стати армии и флоту потребовался именно я? Я ведь не мастер читать синьки да кальки из... с...

— С Бетельгейзе. С девятой планеты в системе Бетельгейзе. Нет, Дик, для этого здесь уже имеются специалисты — доктор Уорбери, например. Пришельцы усвоили от него английский за пару часов, он же бьется над отдельными словами из их речи уже третий день кряду! Потом есть еще парни вроде Лопеса и Майнцера — у них тихо едет крыша от попыток разобраться с источником энергии этой тарелки. Здесь

собрались лучшие мозги штатов, Дик. Твоя же работенка заключается в ином. Нам нужен классный рекламный агент, человек для связей с общественностью. Твоё участие в программе — это создание благоприятного впечатления.

Величавый чиновник тронул меня за рукав. Я нетерпеливо повел плечом.

— Разве такое дельце не по зубам правительственный клаке? — спросил я старика Троусона.

— Увы. Вспомни — когда ты их только увидел, какое слово пришло в голову первым? Выползки! А как, по-твоему, страна воспримет известие о выползках — огромных, заметь, выползках! — глумящихся или снисходительно похмыкивающих над нашими небоскребами, атомным оружием и передовой математикой? Мы превратимся в стадо самодовольных, тупых, чавкающих бананами обезьян! И не забудь еще о страхе перед неведомым!

Правительственный чин снова мягко тронул меня за плечо.

— Я умоляю! — бросил я нетерпеливо, вглядываясь в лицо укутанного по самый нос Троусона и обнаруживая в усталых старческих глазах крохотные багровые прожилки. — «Непобедимые монстры из Дальнего Космоса»? Заголовки вроде этого, так, что ли, проф?

— «Слизняки с комплексом полноценности»... А может, просто «Мерзкие слизни». Какая удача, что они приземлились на нашей территории, да еще так близко к Капитолию! Но через денек-другой придется все же известить глав прочих государств. Тогда вся карусель и завернется. Информацию под спудом не удержать. Мы хотели бы избежать наплыва демонстрантов, помешанных на разного рода предрассудках, ксенофобии, идеях планетарной изоляции и прочих формах желтой истерии. Мы боимся, как бы пришельцы не вывезли от нас одни только воспоминания о безумных воплях фанатиков и надписях вроде: «Убирайтесь откуда взялись, извяники поганые!» Мы хотим произвести на них впечатление дружественной разумной расы, с которой можно сотрудничать и впредь. А также следует считаться.

Я кивнул:

— Понимаю. Чтобы они основали у нас торговые представительства вместо введения оккупационных гарнизонов. Но что конкретно мог бы сделать я во всей этой петрушке-заварушке?

Профессор ткнул пальцем мне в грудь:

— Ты, Дик, наладишь нам связь с общественностью. Ты продашь чужаков американскому народу, Дик, и по весьма приличной цене!

Подкисший чиновный тип, упорствуя в надежде хоть как-то привлечь мое внимание, уныло переминался с ноги на ногу. Я признал его наконец. Это был государственный секретарь собственной персоной.

— Надеюсь, вас не затруднит проследовать за мной? — проблеял он нерешительно. — Хотелось бы представить вас нашим выдающимся гостям.

Меня это отнюдь не затруднило, и вскоре, прошокав каблуками по гулкому пандусу, мы с ним предстали перед брюхоногой парочкой.

— Э-э... хм-м... гм! — деликатно кашлянул госсекретарь.

Ближний слизень тут же обратил к нам одно из своих глазастых щупалец. Тронув другим приятеля, он почтительно склонил перед нами студенистую макушку и оторвал влажный край от металлической основы. Трубный глас, донесшийся снизу, был донельзя напитан елеем:

— Можем ли мы верить подобному счастью, досточтимый сэр! Не обманывают ли нас глаза? Вы соблаговолили вновь опуститься до наших ничтожных персон!

Меня представили; существо незамедлительно поднесло оба глаза поближе, а местом, где у него вроде бы должен находиться подбородок, подкатилось к моим ногам, облепив на мгновение туфли. Затем зычно возвестило:

— Какая же великая и ничем незаслуженная честь выпала нам, недостойным! Вы согласились служить поводырем двум убогим космическим странникам, двум жалким слепцам — в мире чудес, сотворенных вашей высокородной расой. Ваша милость и ваша снисходительность, обожаемый сэр, поистине не ведают границ!

Опешив от подобной тирады, я сумел выдавить из себя лишь: «Весьма рад!» и «Как поживаете?» — и неуверенно протянул пятерню. В нее тут же плюхнулось одно из глазных яблок, другим слизень провел по тыльной стороне моей ладони. Он не сжал и не тряс руку — просто слегка ее коснулся и сразу же отвел щупальца. Я с трудом подавил вполне естественный импульс вытереть о штаны ладонь и не слишком уверенno пообещал:

— Сделаю все, что только в человеческих силах. Нельзя ли для начала узнать, являетесь ли вы как бы... полномочными послами своего народа? Или же обычные пионеры-исследователи?

— В безмерном ничтожестве своем мы не удостоены никаких звучных титулов, обожаемый сэр, — последовал витиеватый ответ. — В то же время мы вроде бы как и то и другое разом. Всякий, вступающий в сношения, в определенном смысле посол своего народа; всякий, взыскивающий истинного знания, в некотором роде исследователь.

В памяти всплыл бородатый анекдот, соль которого заключалась во фразе: «Задай дурацкий вопрос — получишь столь же дурацкий ответ» — и я с ходу переключился на тему питания — чем предстоит угощать наших драгоценных гостей?

Второй пришелец скользнул поближе и скорбно покачал хоботком перед моим лицом:

— Мы будем крайне призательны за самые мизерные дары от ваших несравненных щедрот, — смиренно пробасил он. — Мы в невероятном восхищении от чистоты ваших помыслов и благородства намерений, но никому не хотели бы причинять лишних хлопот. Предел наших убогих мечтаний — не вызвать бы только отвращения у вашей заслуживающей неуемных восторгов расы своими недостойными функциями.

— Что ж, держитесь такой линии, и у нас не будет никаких затруднений, — заметил я, подводя самый первый итог.

Работа с ними была одним сплошным удовольствием. Никаких тебе капризов, никаких мигреней, никакого высокомерия. В столбняк перед камерами пришельцы не впадали, юпитеры крутить туда-сюда не требовали. Нужда в сочинении трогательных биографических апокрифов о трудном детстве в монастырском приюте, как для большинства иных моих клиентов, тоже не возникала.

С другой же стороны, общаться с гостями было не столь уж и просто. Конечно, они ничему не противились, подчинялись с полуслова любым командам. Но попробуй только задай им вопрос, любой, хотя бы: «Сколько времени длилось ваше путешествие?»

Ответ следовал незамедлительно: «Категория времени на вашем проникновеннейшем из языков суть продолжительность, длительность процессов и явлений. Не мне бы, ничтожней-

шему из смертных, затевать дискуссию с высокообразованным землянином по столь сложной философской проблеме. Но космические скорости вынуждают нас прибегнуть к релятивистской терминологии. Наша недостойная внимания планета проделывает часть своего орбитального оборота, удаляясь от вашей наипрекраснейшей из звездных систем, а часть — приближаясь. К тому же следует принять во внимание еще и направление и скорость движения нашего ничтожного солнца вместе с затерянным в уголке безбрежной Вселенной участком континуума. Окажись наша родина в созвездии Девы или, скажем, Волопаса, ответить было бы проще простого — траектория путешествия в этом направлении отклонялась бы от плоскости эклиптики таким образом, что...»

И так далее в том же духе.

Вопрос же типа «Ваше общество устроено по демократическим принципам?» порождал ответ не менее туманный:

«В соответствии с вашей этимологически бездонной речью демократия — это власть народа. Мы просто не в состоянии адекватно передать подобное представление на нашем грубом варварском наречии — возникают непомерные длинноты и получается далеко не так живо и емко. Разумное существо, естественно, должно быть управляемым. И оно управляется. Степень же правительственного контроля варьируется в зависимости от конкретной личности и может меняться со временем — приношу свои глубочайшие извинения за столь очевидное положение. Всему виной собственное наше виновавшее невежество и совершенная путаница в мыслях. Подобные методы управления и контроля применимы у нас и в массовых случаях. Таким образом, когда проявляется некая общественная необходимость, разумные индивиды подключаются к социальной деятельности как бы из внутренней потребности. Когда нужда в согласованных действиях отпадает, уровень контроля несколько понижается. Подобным способом воздействия подвергается у нас любой, в том числе и мы сами. С другой же стороны...»

Брубаетесь, что я имел в виду? Не случайно же я нажил себе столько новых седых волос. И просто несказанно был счастлив, когда удалось наконец, окончательно разделавшись с гостями, впрячься в свое привычное рекламное ярмо.

Правительство отвалило мне на подготовку рекламной кампании от щедрот казенных всего лишь месяц. Сперва

Рассылая пресс-релизы с известием о ней по редакциям главных газет, мы «предложили» на выбор с десяток заголовков. И даже снобам из «Нью-Йорк Таймс» пришлось довольноствоваться набранным аршинными литерами «Настоящие Энди и Денди свалились с Бетельгейзе на Землю», подверстив к этой чудовищной для них шапке того же сорта снимок на всю первую полосу — кинозвезда Энн Джойс в компании со слизнями.

Любимицу американской публики Малютку Энн выписали из Голливуда, доставив в Вашингтон специальным авиарейсом единственно для этой фотографии. Красавица стояла между обоими пришельцами и, ослепительно улыбаясь в объектив, пожимала изящными пальчиками сразу два глазастых отростка.

План сработал лучше не бывает — наши два студенистых интеллектуала с далекой звезды произвели подлинный фурор, переплюнув по рейтингу даже моложавого телепроповедника, лезущего из кожи вон в борьбе за легализацию многоженства. Энди с Денди мигом стали нарасхват — телетайп хрюпал и захлебывался все новыми и новыми пачками приглашений. То участие в качестве почетных гостей в торжественной закладке новой библиотеки Чикагского университета, то позирование перед камерами на фоне апельсинов из Флориды, картофеля из Айдахо, пива из Милуоки — отзывчивые пришельцы оказались подлинной находкой для рекламодателей и никого не обижали отказом, во всяком случае напрямую.

Время от времени, улучив мгновение, я все же задавался вопросом, какое впечатление на них производим мы сами. По лицу, когда того в сущности нет, ни черта ведь не отгадаешь. Глазастые шланги пришельцев непрерывно постреливали по сторонам, когда наш представительский лимузин под вой полицейских сирен проносился по неугомонному Бродвею; их колышущиеся желеобразные туши, приотрываясь от пола, периодически издавали невнятное хлюпанье. Но когда по ходу съемок пляжного шоу в Малибу режиссер потребовал от гостей обернуться вокруг едва одетых моделей, Энди с Денди подчинились без разговоров — чего не скажешь о самих красотках.

А когда же лучший подающий, чемпион сезона, преподнес гостям бейсбольный мяч с автографом и они, дружно колыхнувшись мерцающими на солнце макушками, прочувствованно

выдохнули в батарею микрофонов: «Мы самые счастливые болельщики во всей Вселенной!» — страна буквально встала на уши.

— Все, больше нам их не удержать, — напророчил Троусон. — Ты читал передовицу о дебатах на вчерашней Генеральной Ассамблее ООН? Нас уже заподозрили в сговоре с инопланетным агрессором против всего человечества.

— Прекрасно, — пожал я плечами. — Пусть смотаются за океан. Сомневаюсь, чтобы кому-то удалось выкачать из гостей больше информации, чем нам. Пусть теперь и русские поломают себе голову.

Усевшись на краешек письменного стола, профессор сгорбил спину и втянул голову в немощные плечики. Затем с усилием приподнял пухлую кипу исписанных листков и скрипился, словно в глотку попал ком тополиного пуха.

— Четыре месяца сплошных разговоров, — пробормотал он. — Четыре месяца кропотливых расспросов по любому поводу и в каждый удобный момент. Сто двадцать дней исследований и просеивания стенограмм, с целью унюхать хоть что-либо, подобное информации. — Троусон брезгливо отшвырнул скоросшиватель на стол; несколько листочек упорхнуло на пол. — А мы по-прежнему знаем об общественном устройстве на Бетельгейзе-IX не более, чем о жителях мифической Атлантиды!

Разговор этот случился в Пентагоне, в том его крыле, которое отвели для нас военные, окрестившие всю операцию по только им понятным соображениям «Проект “Энциклопедия”». Совершив настоящий переход через просторный солнечный холл, я приблизился к стене с недавно организованной на ней сводной схемой работ и ткнул в небольшой прямоугольник с надписью «Подсектор источника энергии», ответвившийся от большого квадрата, озаглавленного «Сектор инопланетной физики». В малой рамке, напечатанные весьма привлекательным шрифтом, фигурировали фамилии некоего армейского майора, каправа женской вспомогательной службы и уже знакомых мне докторов Лопеса, Винси и Майнцера.

— А как у этих обстоят дела, может, получше? — поинтересовался я.

— Боюсь, ненамного. — Троусон со вздохом потупил взгляд. — Судить, правда, могу лишь по тому, как во время ленча Майнцер пускает пузыри в ложку с супом — собеседо-

вания между секторами категорически запрещены, как ты знаешь. Но я помню Майнцера еще по университетскому буфету, он точно так же пускал пузыри, когда намертво застрял в работе над солнечным двигателем.

— Полагаете, Энди и Денди не хотят давать детишкам шалить со спичками? Или же обезьяноподобным уродцам вроде нас не место на балу у рафинированных межгалактических эстетов?

— Я уже вообще ничего не соображаю, Дик! — Профессор снова шмякнулся на уголок стола и раздраженно листанул свои социологические заметки. — Если истина где-то рядом с этим, почему же тогда они позволяют нам свободно шнырять по их кораблю? Почему столь любезны и не оставляют ни единого вопроса без ответа? Если бы только ответы пришельцев на нашем языке не были столь туманны! Но ведь они так сложно организованы, столь изысканны и витиеваты в выражениях, буквально нашпигованы поэзией — трудно ожидать, что из их пространных комментариев удастся извлечь прямой вербальный или же технический смысл. Иногда мне кажется, что их исключительно утонченные манеры как-то связаны с видимым отсутствием интереса к устройству собственного общества, а вкупе с внешним видом их летающей тарелки, напоминающей мне одну из этих нефритовых поделок, требующих долгих лет кропотливого труда для завершения... — Троусон вдруг осекся и принял лихорадочно тасовать собственные записи, точно заправский миссисипский шулер в поисках запропастившегося джокера.

— Неужто мы еще даже не начали понимать их? — Вопрос мой был, пожалуй, риторическим.

— Именно, именно... даже и не начали, — задумчиво протянул профессор. — Порочный круг, постоянно упираемся в одно и то же. Уорбери ссылается на резкое изменение наших собственных словарей с наступлением технологической эры. Утверждает, что подобный процесс — а мы, как он считает, лишь в самом его начале — уже привел нас к концептуальным сдвигам; естественно, что у далеко опередившей нас цивилизации... Вот если бы удалось наткнуться хотя бы на одну их дисциплину, перекликающуюся с какой-либо из наших!

Я испытал прилив острого сочувствия к подслеповато мигающему мудрому старикашке.

— Не унывайте, проф! Может, к тому времени когда наши друзья-сосконожки вернутся из европейского турне, вы уже разгрызете орешек, и мы перейдем из разряда «О Бледно-лицый друг, перелетевший через океан на Великой много-крылой птице!», где застяли сейчас, ступенькой-другой по-выше.

Ты свидетель, Альварес, — среди всех окружавших меня высоколобых я единственный точно в воду глядел! И чуть было не раскусил уже тогда всю затею; что-то такое вертелось на самом кончике языка. Если бы не профессор, отвлечший меня тяжким вздохом: «Надеюсь на это, Дик, отчаянно надеюсь!» — то кто знает? Себе в утешение скажу, что зевнул разгадку в солидной компании, из одних только почтенных академиков.

Когда Энди с Денди оказались за границей, я получил вожделенную возможность чуток расслабиться. Работа моя далеко не была еще завершена, но в поездке гостей сопровождали весьма дошлые парни из сектора общественных связей, мне же оставался лишь общий надзор за ситуацией. В основном он сводился к ответам на бесчисленные звонки аналогичных служб из разных стран с просьбой проконсультировать, поделиться опытом навешивания лапши на уши собственному народу. Весь мир страдал от одних и тех же хвороб, ксенофобия — пакость куда заразнее гонконгского гриппа, но идти по проторенной дорожке моим коллегам оказалось все же полегче. К тому же начинал я совершенно на голом месте, без ясного представления об ожидающей меня реакции общества на гостей из космоса.

Заметь, Альварес, никто ведь и не подозревал тогда, чего ожидать от них, неизвестно было даже, не станут ли эти выползки гадить прилюдно!

Газеты доносили до меня последние известия и бесчисленные светские сплетни — снимки слизней на приеме у японского микадо сразу же вслед за пространными их восторгами по поводу мавзолея Тадж-Махал. Они, правда, не оказались столь же обходительны со сватским ахундом*, как со всеми прочими, не восхищались им так же, как достопри-

* Принц Свата, бывшей индийской провинции. (Здесь и далее примеч. пер.)

мечательностями его страны, но это вполне простительно, если припомнить, что сказал о них сам ахунд...

Прежде чем мне пришлось снова посадить сотрудников на железный график и, не считаясь со сверхурочными, впрячь их в выпуск бесчисленных пресс-релизов — официальное участие пришельцев в объединенном заседании палат Конгресса, сентиментальные их выступления в Музее Гражданской войны в Велли-Фордж и все такое прочее, — гости еще успели побывать в Берне, провозгласив Швейцарию чуть ли не колыбелью демократии и уж во всяком случае самым совершенным ее образцом. Ведь не случайно же она родина сверхточного анкерного механизма, тирольских рулад и в то же время надежнейший всемирный банк?

К моменту когда гости добрались до Парижа, я уже вновь взял в свои руки бразды правления прессой страны и в основном справлялся с этим успешно, исключая лишь отдельные истеричные вопли провинциальных бульварных газетенок, которые и в счет-то принимать не стоило — последнее слово все равно всегда оставалось за Энди с Денди. Даже я приходил порой в полное недоумение — неужто им, к примеру, на самом деле приглянулись выкрутасы и пачкотня этого абстракциониста и скандалиста Д'Роже?

Гости приобрели одно из его невероятно скрюченных изваяний, оплатив покупку по причине отсутствия наличных крохотным приборчиком, который без всяких видимых усилий кромсал мрамор и вообще материал любой твердости, идеально воплощая самые безумные фантазии скульптора. Счастливый Д'Роже вышвырнул на помойку все свои зубила да штихели, а с полдюжины светил французской науки едва не свихнулись после недели тщетных попыток разобраться в устройстве загадочного прибора.

Такая новость прошла под аршинными заголовками:

«Энди и Денди превзошли самих себя», «Бизнесмены с далекой Бетельгейзе демонстрируют миру хватку и умение совершать разумные инвестиции».

Предлагаемые читателю заметки — своего рода дифирамб покупательской этике наших выдающихся гостей из безбрежного космоса. Вполне разобравшись в неумолимых земных законах спроса и предложения, эти представители куда более развитой экономической системы все же удержались от соблазна провести на мякине доверчивых тузем-

цев. Если бы только такой подход мог впечатлить отдельных представителей собственной нашей расы...

Таким образом, когда пришельцы после церемонии представления британскому двору вернулись в Штаты, все газеты вновь запестрели сочными шапками на полный разворот, нью-йоркская гавань почтила их прибытие хором сирен и пароходных гудков, а на ступеньках Сити-Холла гостей встречала весьма и весьма представительная делегация.

И, что самое удивительное, — они все еще не примелькались, не приелись столь охочей до свежатинки публике, не сошли с первых полос. То они вручают простому полировщику мебели благодарственный адрес, в котором выражают свое восхищение и крайнюю призательность за блестательные результаты в очистке их оболочек; не считаясь с расходами, заливают в пластик десяток редчайших орхидей и присовокупляют их к адресу; то они... Впрочем, суть не в этом!

Телешоу, после которого, собственно, и заварилась вся каша, я, естественно, прозевал — как раз это время, редкий час досуга, провел в заштатном кинотеатришке, наслаждаясь одной из самых своих любимых лент Чаплина. Кроме того, я и так никогда не следил за показушной истерией «Салона для важных персон». Даже приблизительно не представляю, как этому говоруну-ведущему Билли Банкрофту все же удалось заполучить Энди и Денди и как долго пришлось ему дожидаться своего звездного часа.

Вот примерный пересказ более поздней реконструкции случившегося тогда в студии (по беспорядочным фрагментам из хроники и клочкам восторженных воспоминаний очевидцев).

Банкрофт озадачил гостей вопросом, не соскучились ли они по женам да детишкам. Обходительный Энди, должно быть, уже в тридцать четвертый, а то и в сто тридцать четвертый раз принялся терпеливо объяснять, что у них, как у гермафродитов, семьи в привычном для людей смысле этого слова быть не может... Ведущий перебил пришельца вопросом, что же за нити тогда привязывают его к родной планете. «В основном это привычка посещать ревитализатор», — вежливо откликнулся гость.

«Ревитализатор? А что это за зверь такой?» — «О, это такое устройство, весьма сложный агрегат, которому следует показываться примерно каждые десять дней, — внес свою

лепту в беседу Денди. — Он имеется в каждом крупном городе нашей родной планеты».

Банкрофт выдал какую-то дежурную шутку, дождался, когда смешливая аудитория приутихнет, и спросил: «А этот самый ревитализатор, для чего он все-таки нужен?» Энди пустился в пространные разъяснения, суть которых сводилась к тому, что ревитализатор взбалтывает цитоплазму всех клеток организма и в результате освежает пациента. «Это я понимаю, — сострил Билл. — Раз в десять дней посидеть молча — такое освежает. А что потом, после освежения, то бишь баньки, каков результат?» — «О! — Денди чуток призадумался. — На вашем чудеснейшем из языков можно выразиться так: в результате нам не приходится опасаться рака и прочих отвратительных заболеваний. А кроме того, регулярные обращения к ревитализатору увеличивают среднюю продолжительность жизни. Мы живем как минимум впятеро дольше, чем установлено природой. Вот так примерно можно описать результат действия ревитализатора», — подытожил он. Энди после недолгого раздумья согласился с приятелем: «Пожалуй, так будет вполне корректно».

Что тут началось, скажу я вам! Ад кромешный, без всякого преувеличения! Газеты всех стран мира, включая самые хладнокровные скандинавские, разродились пылкими экстремными выпусками. Окна штаб-квартиры ООН, окруженной многократно усиленной охраной, светились ночь напролет — шли срочные заседания взбудораженного мирового общества.

Когда же Генеральный секретарь Саджу обратился к гостям с вопросом, почему раньше они ни словом не обмолвились о ревитализаторах, брюхоногие изобразили нечто вроде смущенного пожимания плечами и разразились долгой речью, суть которой в двух словах: «А никто нас и не спрашивал!»

Секретарь закашлялся, отхлебнул воды, мановением тонких коричневых пальцев осадил всколыхнувшуюся было Ассамблею и провозгласил:

— Это неважно. Сейчас уже неважно. Мы должны заполучить эти самые ревитализаторы. Во что бы то ни стало.

Сперва пришельцы как будто не вполне поняли. Когда мы наконец сумели им втолковать, что как биологический вид страшно заинтересованы в пятикратном продлении жизни, те пришли в замешательство. Их раса, дескать, никогда не делала подобные машины на экспорт, загрустили они.

Только для обслуживания собственного населения. И теперь, видя, как нуждаются здесь в этих самых устройствах, они постыдятся снова показаться на глаза обожаемым землянам.

Садху даже не оглянулся в поисках совета или поддержки.

— В чем нуждается ваша цивилизация? — громогласно спросил он. — Что могла бы предложить вам Земля — в обмен на изготовление ревитализаторов? Мы в состоянии заплатить чуть ли не любую мыслимую цену — все, что по плечу целой планете.

Одобрительный разноязыкий гул облетел зал Ассамблеи.

Энди и Денди оказались в затруднении и ничего не смогли придумать с ходу. Садху уже почти умолял их, он лично сопроводил высоких гостей до корабля, припаркованного теперь на специально отведенной лужайке Центрального парка.

— Доброй ночи, джентльмены, — сказал на прощание Генеральный секретарь. — Постарайтесь, настоятельно прошу вас, уж придумайте какой-нибудь обмен.

За те шесть дней, что пришельцы не выходили из тарелки, мир после случившегося буквально слетел с катушек от беспокойства. Уму непостижимо, сколько ногтей изгрызли себе за эту неделю два миллиарда человек...

— Ты только вообрази, Дик! — восторженно воскликнул Троусон, меряя шагами мой кабинет, как будто собрался проделать пешком весь путь до Бетельгейзе. — Мы едва выбирались бы из пеленок по новой шкале жизни! Все мои достижения и все образование были бы только самым началом. Твои тем более. За столь долгую жизнь человек легко сможет освоить пять профессий — и лишь тогда задуматься о совершенстве в избранной!

Я машинально кивал, малость ошарашенный открывающими лично передо мной перспективами. Сколько можно успеть, сколько прочесть, сколько самому написать, если продолжительность жизни увеличится настолько; да все мои головокружительные успехи на рекламном поприще станут тогда лишь мимолетным эпизодом в самом начале безбрежного жизненного пути. Опять же, я еще ни разу не был женат, не обзавелся детишками — все как-то не до того было, все откладывал на потом. А теперь, когда уже стукнуло сорок, слишком погряз в холостяцких привычках. Но ведь за

столетие человек может и приспособиться, привыкнуть к новому укладу жизни...

На седьмой день пришельцы вышли наружу. И объявили свою цену.

Они выразили уверенность, что смогут уговорить свой народ изготовить необходимое для Земли оборудование, если... Это самое ЕСЛИ следовало бы набрать гигантскими литерами.

Их планета бедна радиоактивными элементами, объяснили они весьма извиняющимся, чуть ли не подобострастным тоном. Все свободные планеты, содержащие уран, радий и торий, уже открыты и застолблены иными расами, а вести территориальные войны народу Бетельгейзе-IX запрещает строгая мораль. Земля же просто напичкана месторождениями радиоактивных руд, которые используются в основном для военных целей и биологических исследований. Первое попросту нежелательно, а надобность во втором и вовсе отпадет с появлением у нас ревитализаторов.

Поэтому они хотят в обмен наши радиоактивные элементы. Все, сколько ни есть на планете, до последнего миллиграмма, подчеркнули они решительно и твердо.

Такие вот ковриjки. Сказать, что мы не были удивлены — не соответствовало бы истине. Не то слово — удивлены. Просто ошарашены. Но отдельные протесты даже не успели обрасти организованную форму. Всеобщий миллиардный вопль «Продано!» заглушил любые скептические возгласы. Несколько пентагоновых генералов, парочка-другая ястребов из Конгресса там-сям еще успели вздеть указующий перст жестом благородного негодования, прежде чем были сметены со своих антенародных позиций. Несколько отчаянных стонов о будущем термоядерных исследований успели издать видные физики, но кто их услышал? Глас народов планеты звучал куда громче и убедительнее:

— Исследования? Пошевелите своими прокуренными куриными мозгами, сколько всего вы сможете наисследовать за полных триста лет жизни!

Уже к ночи штаб-квартира Объединенных Наций превратилась в центральный офис межпланетной рудной концессии. На месте национальных границ планировалось возведение грандиозных временных хранилищ урановой руды, и мечи в спешном порядке перековывались на орала. Практи-

чески каждый способный поднять на плечо лопату завербовывался на месяц-другой в году в трудотряды, и на планете воцарились невиданные дотоле мир и согласие.

Энди и Денди любезно предложили внести свою посильную лепту во всеобщий трудовой порыв. Они предоставили землянам подробные карты рудных залежей, на которых было отмечено множество мест, совершенно неожиданных для земных геологов. Они снабдили нас обогатительным оборудованием с совершенно фантастической производительностью и экологически абсолютно надежным, научили им пользоваться и даже не поленились растолковать принцип действия — насколько, естественно, мы оказались в состоянии его понять.

Пришельцы не шутили — они действительно хотели забрать все до последней капли.

Затем, когда конвейер по добыче урана вроде бы наладился, гости отправились восвояси — выполнять свою часть сделки.

Эти два года ожидания стали самым замечательным временем в моей жизни, воистину живительной порой. И думаю, каждый землянин ощущал нечто подобное. Вся планета в едином могучем порыве трудилась ради самой жизни — а такое вдохновляет, не так ли, Альварес? Лично я целый год посвятил полукаторжным работам на Большом Невольничем озере и не представляю себе кого-либо моего возраста и телосложения, кто сумел бы внести в общее дело больший вклад.

Энди и Денди вернулись в сопровождении двух огромных звездолетов, экипажи которых были укомплектованы сплошь странного вида улиткоподобными роботами. И пока Энди с Денди исполняли свои светские обязанности, работы трудились не покладая рук. Между землей и кораблями, заслонявшими полнеба, непрерывно шныряли спиралевидные челноки, выгружая ревитализаторы и забирая наверх обогащенный уран. Никто даже не обратил внимания на методы, при помощи которых пришельцы могли забирать одновременно огромные, сверхкритические количества изотопов, — мы были заинтересованы лишь в одном, одно только слово стучало в наших сердцах: «ревитализаторы».

Они работали. И это действительно было НЕЧТО.

Безнадежные раковые больные тут же вставали на ноги. Приборы шутя справлялись с любыми сердечными и почечными недомоганиями. Подопытные насекомые жили в несколько раз дольше обычного. А люди — доктора, осматривавшие людей, прошедших через ревитализатор, лишь качали головой и цокали языком.

По всей планете, в каждом крупном городе, выстроились колоссальные очереди. Люди терпеливо, целыми сутками напролет, продвигались к ревитализаторам, которые тут же стали предметом всеобщего обожания и поклонения.

— Алтари! — брызгал слюной Майнцер. — Народ относится к ним как к святыне! Ученый, пытающийся разобраться в их устройстве, воспринимается служителями как сексуальный маньяк в детском саду. Разве в подобной обстановке можно что-то исследовать? Я уже не спрашиваю себя, где скрывается источник энергии ревитализаторов, — я задаюсь вопросом, есть ли он там вообще?

— Ревитализаторы пока слишком для них драгоценны, мой друг, — утешал его Троусон. — Но это лишь поначалу. Пройдет время, страсти поутихнут, и сможете копаться в них в свое удовольствие... А может, они работают от солнца?

— Нет, это исключено! — Майнцер отчаянно помотал головой. — Только не это! Признаки использования солнечной энергии я бы никак не прозевал. В одном лишь я уверен сейчас твердо — источники энергии на корабле и в этих ревитализаторах совершенно различны. Там я сдался. Но здесь я верю в успех. Мне бы только к ним подойти! Кретины! Трясутся, что я что-нибудь поломаю и придется им тащиться в соседний город за своим чудодейственным эликсиром!

Мы с Троусоном потрепали профессора по плечу, не испытывая, впрочем, особого сочувствия к его горю. Отлет инопланетных гостей состоялся как раз на этой неделе, после пространных изысканных речей, в которых Энди и Денди на свой цветистый манер пожелали нам всяческих успехов и преуспеяния. Огромные толпы собирались выразить им свою признательность; корабли, нагруженные минералами, спасла от фанатичных лобызаний только высота, на которой они висели над землей.

Спустя полгода после отбытия пришельцев восвояси ревитализаторы перестали действовать.

— Уверен ли я в этом? — презрительно хрюкнул Троусон прямо в мое вытянувшееся лицо. — Да ты взгляни только на

эти статистические диаграммы! Приглядись к показателям смертности — они вернулись к своей обычной, доревитализационной норме. Спроси у любого врача! И если он позабудет на миг о своей присяге перед ООН, то никуда не денется — подтвердит. Как только такие новости просочатся в печать, Дик, нас ждут по-настоящему трудные времена, грядут воистину жуткие неприятности.

— Но почему? Где мы напортачили? — лихорадочно соображал я. — Неужто обращались с этими приборами как-то не так, где-то действовали неправильно?

Профессор грубо затянул затяжку, смолк и даже невольно клацнул зубными протезами. Затем поднялся, подошел к окну и, поджав губы, уныло уставился в звездное до безумия небо.

— Ты прав, кое-что мы сделали неправильно, Дик, — подтвердил он мрачно. — Мы поверили. Мы совершили точно ту же ошибку, что и все туземцы, впервые сталкивающиеся с представителями более развитой цивилизации, мы попались все на ту же древнюю удочку. Майнцер с Лопесом уже успели разобрать на детали один из этих хваленых ревитализаторов. Им пришлось как следует попотеть, но на сей раз источник энергии они обнаружили. Дик, мой мальчик, в этих чудодейственных приборах попросту кончилось горючее, и — держись за что-нибудь, ухватись покрепче! — подзаправить их можно только чистыми радиоактивными изотопами.

Несколько долгих мгновений я ничего не мог сообразить. Затем, нашупав ватной рукой кресло, уселся — очень медленно и крайне осторожно. Я испустил несколько хриплых, невнятных звуков, похожих на предсмертные стоны, пока наконец снова не обрел дар речи:

— Вы хотите сказать, проф, что уран был нужен им для собственных ревитализаторов? Что все их действия и поступки на Земле были частью тщательно разработанного плана? Что все это бесконечное дружелюбие было маской, прикрывающей жульнические намерения? Но зачем, зачем им подобный спектакль?.. С их техническим превосходством завоевать нас, точно раз плонуты! Они и так могли бы заграбастать все, что хотели...

— Ничего они не могли! — сказал, как отрубил, Троусон. Поворотившись ко мне, он сцепил пальцы и резко ими хрустнул. — Это выморочная, деградирующая раса, они бы даже не попытались нас завоевывать. И вовсе не в силу своих

этических принципов — грандиозная свинья, какую они подложили нам, весьма красноречивое свидетельство их моральных устоев, — просто из-за недостатка энергии, сосредоточенности на чем-либо одном, бесконечной социальной апатии. Энди с Денди, пожалуй, одни из немногих еще у них оставшихся, способные хоть на какое-то действие — провести за нос отсталых туземцев, например, и разжиться топливом для поддержания бренных останков своей угасающей цивилизации.

Снова заработавшее вовсю воображение с готовностью подсунуло красочные картинки ожидающего меня безрадостного будущего — меня, парня, который, можно сказать, проделал весь этот колossalный труд, чтобы подсунуть человечеству крапленые карты в элегантной упаковке. Моя работа по связям с общественностью, мало сказать, выйдет мне боком — хорошо еще, если не обвинят в сговоре с мерзкими слизнями!

— А без атомной энергии мы что, проф, навечно привязаны теперь к Земле? И не сможем выйти в открытый космос?

Троусон обреченно махнул рукой:

— Нас напарили, Дик. Эти твари поимели все человечество. Я понимаю, что творится сейчас у тебя на душе, но подумай и обо мне! Я полный банкрот, вся ответственность лежит на мне. Предполагалось ведь, что я социолог! Как мог я так промахнуться? Как? Ведь все было у меня, слепца, перед глазами: отсутствие интереса к собственной культуре — раз, чрезвычайная, сверх всякой меры интеллектуализация эстетического восприятия — два, до крайности усложненные методы мышления и выражения собственных мыслей — три, гипертрофированный этикет — четыре, не говоря уже о самом первом впечатлении от их корабля. Такой тяжеловесный, вычурный дизайн совершенно не в духе молодых развивающихся цивилизаций.

Эти слизни просто не могут не быть вырождающейся расой — все, буквально каждый признак на то указывает. Где, где только были мои глаза раньше? Хотя бы тот элементарный факт, что они так зациклились на поисках натуральных радиоактивных веществ для питания своих ревитализаторов — да располагай мы их познаниями, уже давно бы изобрели тьму-тьмущую заменителей. Неудивительно, что они оказались не в состоянии что-либо растолковать нам —

сильно сомневаюсь, разбираются ли они сами в собственных премудростях! Негодные наследники некогда процветавшей расы, разбазарившие достояние мудрых предков и промышляющие теперь на космических дорожках чем Бог пошлет!

Я утопал в собственных безрадостных грезах.

— Лохи мы, самые что ни на есть тупые, темные лохи! — простонал я в ответ. — Мы купили Бруклинский мост*, и купили его у дешевых космических проныр!

Троусон печально кивнул:

— Вроде тех самых доверчивых туземцев, уступивших родной остров европейцам за пригоршню пестрого бисера...

Слава Богу, оба мы с профессором ошибались тогда, Альварес. Мы с ним явно недооценивали Майнцера с Лопесом, да и других тоже... Как сказал Майнцер, случись все это лет на пять—десять раньше, и нам бы не сдобровать. Но дверь в атомную эру человечество распахнуло задолго до сорок пятого, и люди вроде Майнцера непрестанно занимались ядерными исследованиями в те дни, когда радиоактивных элементов на Земле еще хватало с избытком. И у нас остались добывшие их самозабвенным трудом знания, у нас оставались еще такие могучие средства, как циклотроны и бетатроны. И — да простят мне слушатели не вполне деликатное замечание — мы все же были и остаемся молодой энергичной расой.

А все, что следовало предпринять тогда, Альварес, — это, скав зубы, бросить все силы и средства на исследования, энергичные исследования.

И это было незамедлительно сделано. Под руководством воистину эффективного, первого в земной истории Всемирного правительства, мобилизацией ресурсов всего человечества, уже вкусившего опыт совместных действий, единственным могучим напряжением сил — проблема, как ты, Альварес, знаешь, вскоре была разрешена.

Человечество создало искусственные изотопы и вновь запустило ревитализаторы. На основе тех же изотопов мы разработали топливо для ракет и вышли в космос. Мы действовали сравнительно быстро, Альварес, и нас интересовала отнюдь не увеселительная прогулка до Луны или же, скажем, пикник на Марсе — мы хотели добраться сразу до звезд.

* Имеется в виду расхожая притча о провинциале, купившем мост у нью-йоркских аферистов.

Уильям Текн

И жаждали этого так сильно, что сегодня, как видите, вполне это можем.

И вот мы здесь. Объясни им ситуацию, Альварес, лишь добавь к моим словам всяческих там реверансов, выкрутасов и коленец, каким ты, бразильский китаец, не сомневаюсь, обучен. Ты самый подходящий для этой миссии человек, дружище Альварес, мне же такая задачка явно не по зубам. Такой вычурный, куртуазный язык — единственный, который еще в состоянии понимать эти выморочные слизни, значит, говорить придется именно на нем. Передай же все в точности этим скользким тварям, Альварес, этим устрицам без ракушек, этим спесивым продувным бестиям, и не забудь упомянуть, что должков мы не забываем. Распиши все покрасочнее, в деталях.

Затем добей сообщением, что нам удалось создать искусственные изотопы и мы сами можем затеять с ними неплохой бартер. У них еще осталось что предложить в обмен. Наверняка осталось.

Скажи им, Альварес, врежь правду-матку — пришла пора платить за проезд по сбагренному нам Бруклинскому мосту.

Содержание

От издательства	5
Из всех возможных миров..., рассказы	
Разгневанные мертвецы, <i>пер. А. Нефедова</i>	9
Трижды «я», <i>пер. А. Нефедова</i>	36
Освобождение Земли, <i>пер. В. Ковалевского</i>	52
Ирвинга Боммера любят все, <i>пер. А. Нефедова</i>	72
Флирглефлип, <i>пер. А. Нефедова</i>	92
Обитатели, <i>пер. В. Серебрякова</i>	119
Хранитель, <i>пер. И. Зивьевой</i>	135
Человеческий аспект, рассказы	
Проект «Тсс», <i>пер. С. Анисимова</i>	159
Открытие Морниела Метауэя, <i>пер. С. Гансовского</i>	167
Ребенок Среды, <i>пер. С. Анисимова</i>	185
Проблема слуг, <i>пер. С. Анисимова</i>	207
Две половинки одного целого, <i>пер. Р. Рыбаковой</i>	238
Плоскоглазое чудовище, <i>пер. С. Анисимова</i>	261
Человеческий аспект, <i>пер. С. Анисимова</i>	294
Семейный человек, <i>пер. Г. Малиновой</i>	300
Деревянная звезда, рассказы	
Нулевой потенциал, <i>пер. А. Йорданского</i>	317
Курс на восток!, <i>пер. В. Ковалевского</i>	330
Бруклинский проект, <i>пер. Р. Облонской</i>	348
Мост Бетельгейзе, <i>пер. В. Ватика</i>	359

МИРЫ УИЛЬЯМА ТЕННА

Том первый

Ответственный за выпуск Е. Чутов

Редакторы В. Баканов, М. Проворова, А. Александрова

Технический редактор К. Козаченко

Корректоры Ж. Голубева, Н. Дундина

Оператор компьютерной верстки Н. Амосова

Оформление шмуктитулов: В. Ковалев

ЛР № 062455 от 23.03.93.

Подписано в печать 9.06.97. Формат 84×108¹/32.

Гарнитура Таймс. Печать высокая.

Усл. печ. л. 20,16. Тираж 10 000 экз.

Заказ № 794.

Издательство «Полярис»

Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22

Отпечатано с готовых диапозитивов

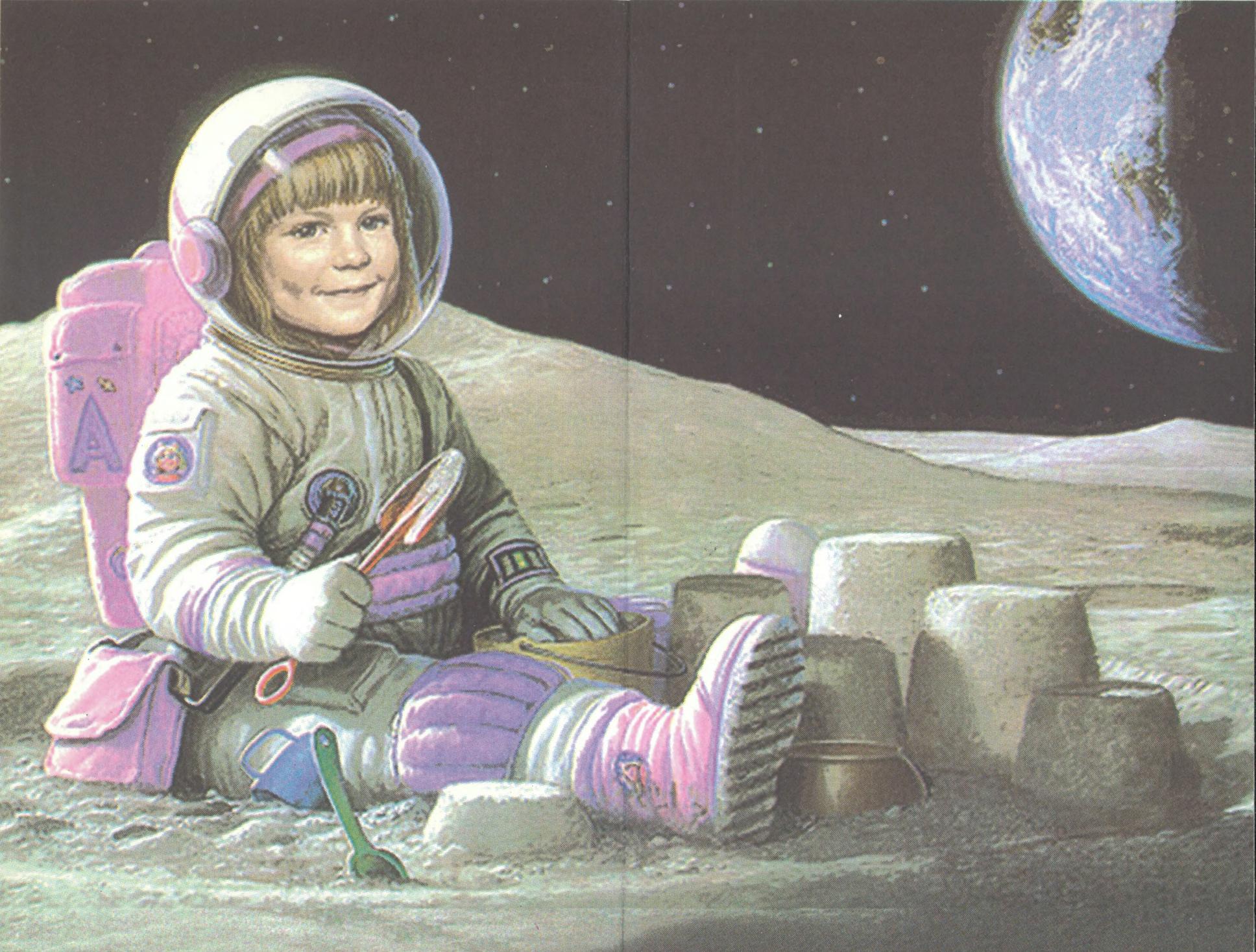
на Тверском ордена Трудового Красного Знамени

полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР

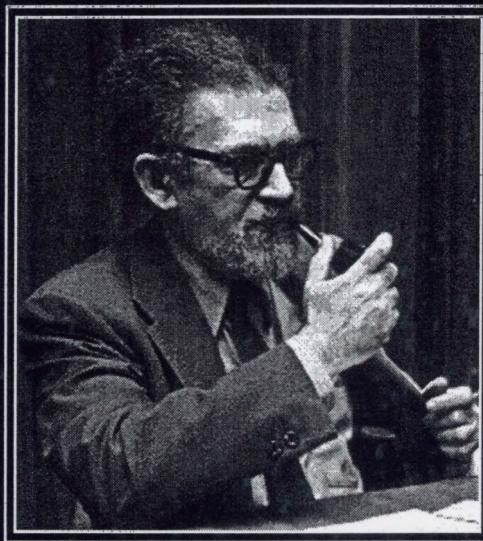
Государственного комитета Российской Федерации по печати

170040, Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

МИРЫ УИЛЬЯМА ТЕННА

ИЗ ВСЕХ ВОЗМОЖНЫХ МИРОВ

Из всех возможных миров самый невероятный — тот, в котором живем мы. Особенно когда странные клиенты хотят снять несуществующий этаж, а покойные герои подлежат вторичному использованию...

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Человеческий аспект важен во всем — и в сражениях с чудовищами, и в решении проблем власти, и особенно в охоте на вампиров.

ДЕРЕВЯННАЯ ЗВЕЗДА

Не всегда ученые могут решить стоящие перед людьми проблемы. Даже если среди них — проблема Первого Контакта. И тогда возникают удивительные ситуации...

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»

1997